СЕВЕРНАЯ РУСЬ

от древности к средневековью

Материалы Международной научной конференции
(29–31 октября 2024 г., Санкт-Петербург)

Российская академия наук
Институт истории материальной культуры

СЕВЕРНАЯ РУСЬ

от древности к средневековью

Материалы Международной научной конференции
(29–31 октября 2024 г., Санкт-Петербург)

Санкт-Петербург, 2025

ББК 63.48(2)
УДК 902

Печатается по решению Ученого совета ИИМК РАН от 26.11.2025 г.

Рецензенты: канд. ист. наук Е. В. Торопова, канд. ист. наук А. А. Пескова

Ответственный редактор канд. ист. наук М. В. Медведева
Редакционная коллегия: д-р ист. наук Н. В. Хвощинская, А. В. Плохов, П. А. Миляев, В. Ю. Соболев, канд. ист. наук В. Н. Кузнецова

Северная Русь от древности к средневековью : Материалы Международной научной конференции (29–31 октября 2024 г., Санкт-Петербург) / Отв. ред. М. В. Медведева. — СПб.: ИИМК РАН, 2025. — 224 с., ил.

В сборнике публикуются материалы Международной научной конференции «Северная Русь от древности к средневековью» (Санкт-Петербург, 29–31 октября 2024 г.), приуроченной к 75-летию со дня рождения крупнейшего специалиста в области изучения археологии и истории Древней Руси, члена-корреспондента РАН Е. Н. Носова (1949–2019). Издание включает мемориальную часть и статьи, посвященные новейшим достижениям и актуальным проблемам средневековой археологии лесной зоны Восточной Европы от периода накануне сложения древнерусского государства до эпохи нового времени. Сборник предназначен для историков, археологов и всех интересующихся средневековой археологией.

ISBN 978-5-6052468-4-8
DOI 10.31600/978-5-6052468-4-8

© Институт истории материальной культуры РАН, 2025

К 75-летию со дня рождения
Евгения Николаевича Носова (1949–2019)

***В. А. Лапшин*[1]**

Е. Н. Носов — археолог и историк[2]

Аннотация. *В статье рассматривается научное наследие Е. Н. Носова, выдающегося российского археолога и историка, в области проблематики возникновения и становления Северной Руси и древнерусского города.*

Ключевые слова: *Русь, древнерусский город, Ладога, Рюриково городище, Новгород.*

Евгений Николаевич Носов (1949–2019) — крупнейший специалист в области средневековой археологии Руси, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, директор Института истории материальной культуры (1998–2015) и его научный руководитель (2016–2019), заведующий кафедрой археологии Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (2002–2018).

Евгений Николаевич был коренным петербуржцем. Археологом-медиевистом он стал по призванию и одновременно по наследству. Отец, Николай Евгеньевич Носов, был известным историком России. Раннее знакомство с сочинениями классиков русской исторической науки — В. О. Ключевского, С. Ф. Платонова, А. Е. Преснякова, Б. А. Романова (последний был учителем отца) — во многом определило область интересов и широту взглядов Евгения Носова — археолога.

Формирование его как специалиста шло на кафедре археологии ЛГУ и в ЛОИА АН СССР, в ходе общения с корифеями отечественной археологии — М. И. Артамоновым, Г. Ф. Корзухиной, И. И. Ляпушкиным, П. Н. Третьяковым и др. Немалую роль в профессиональном становлении молодого исследователя сыграло участие в славяно-варяжском семинаре Л. С. Клейна, где он учился на практике отстаивать собственную позицию и собственное особое мнение — в кругу талантливых собеседников и очень ярких полемистов.

Если говорить о непосредственной «школьной» преемственности, то в наибольшей степени учителями Евгения Николаевича стали Г. Ф. Корзухина и М. И. Артамонов. К Гали Фёдоровне он всю жизнь сохранял совершенно особое чувство любви, смешанной с удивлением, и преклонения. Преемственность с М. И. Артамоновым Евгений Николаевич тоже ощущал постоянно. Многое в его деятельности он считал образцом для себя. Портрет учителя, висевший над столом в директорском кабинете ИИМК РАН, был не только данью официальной традиции. Е. Н. Носов вспоминал, как руководитель его первой курсовой работы И. И. Ляпушкин озадачил вчерашнего школьника предложением прочитать, прежде всего, статью М. И. Артамонова (*Артамонов,* 1935) тридцатилетней давности (*Носов,* 1998б. С. 43). Только со временем пришло понимание значения этой ранней и недооцененной работы: «Построениям М. И. Артамонова всегда была чужда как формализация археологии и абстрактное теоретизирование, так и сухое вещеведение. Основной чертой его работ является их историзм, а в источниковедческом плане — сочетание глубокого

[1] Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, РФ; e-mail: vladimirlapshin51@yandex.ru.

© Лапшин В. А., 2025

[2] Работа выполнена по теме государственного задания «Северная Русь в евразийском археологическом контексте: этнокультурное разнообразие и общие закономерности исторического развития в свете становления научных знаний» (FMZF-2025-0011).

знания как письменных источников, так и материальной культуры» (*Там же*. С. 45). Свою историографическую и идейную преемственность с М. И. Артамоновым Е. Н. Носов хорошо осознавал и не раз ее подчеркивал.

Е. Н. Носов принадлежит к яркому поколению ленинградских археологов-славистов, вошедших в науку в начале 1970-х гг., к которому относились Г. С. Лебедев, В. А. Булкин, И. В. Дубов, Е. А. Рябинин, В. А. Назаренко, В. П. Петренко. Они запомнились молодыми бунтарями, стремившимися пересмотреть устоявшиеся в советской науке концепции происхождения и расселения славян, возникновения городов, роли норманнов в ранней русской истории. Но перечитывая сейчас статьи М. И. Артамонова (*Артамонов,* 1967; 1988; 1990), задним числом начинаешь понимать, в какой степени их свежий взгляд и «бунтарство» логически вытекали из лекций, прочитанных им тогдашним заведующим кафедрой археологии ЛГУ М. И. Артамоновым. Он, не скрывая этого, следовал традиции классической русской дореволюционной историографии, прежде всего трудам В. О. Ключевского, развивая его построения на археологическом материале. Со спокойным достоинством М. И. Артамонов пронес свои убеждения через десятилетия господства в науке вульгарного марксизма, который, опираясь на теорию стадиального развития языка Н. Я. Марра, принял в советской исторической науке форму агрессивного к инакомыслящим автохтонизма.

Официальным руководителем Е. Н. Носова в ходе подготовки диплома и затем кандидатской диссертации был член-корреспондент АН СССР П. Н. Третьяков. Общение с ним и участие в масштабных работах его Славяно-русской экспедиции имели для всех студентов огромное значение. Именно оттуда Евгений Николаевич вынес широкий кругозор в области раннесредневековых древностей Русской равнины. Под руководством П. Н. Третьякова в 1971 г. им была написана дипломная работа «Древности I тыс. н. э. в бассейне Верхней Оки: к вопросу о мощинской культуре». Выбор темы стал в какой-то мере провидческим. Сейчас, полвека спустя, все более ощутимо выявляется вклад мощинских традиций в формирование культурной мозаики будущей Северной Руси, изучению которой Евгений Николаевич посвятил всю свою жизнь.

Не замыкаясь на чисто археологической проблематике, Е. Н. Носов всегда стремился через анализ конкретного материала выходить на широкие исторические обобщения. Комплексный подход к источникам в полной мере проявился уже в кандидатской диссертации «Поселения Приильменья и Поволховья в конце I тыс. н. э.», защищенной им в 1977 г.

Становление славяно-русской археологии в нашей стране прошло несколько этапов. Во второй половине XIX — начале XX в. доминировал интерес к погребальным древностям. Яркий вещевой материал, позволяющий ставить вопросы этнической истории, давали, в первую очередь, курганы. В 1930-х гг., по мере усиления значения социальной проблематики, началось археологическое изучение городов. Но только с 1970-х гг. в исследованиях Северной Руси стал формироваться новый подход, включавший в поле зрения ученых и сельские поселения, с бедным невыразительным культурным слоем, нарушенным постоянной распашкой. Оказалось, что без этих материалов яркие городские центры «повисают в воздухе», а понятие «город и его округа» остается чистой абстракцией. В изучении селищ рубежа I–II тыс. н. э. Е. Н. Носов стал одним из первопроходцев. Он сумел по достоинству оценить перспективы палеогеографического подхода, разработанного А. М. Микляевым, и применил его на практике к исследованию культур сопок и длинных курганов. Благодаря его многолетним работам, ранний Новгород обрел свою историческую среду в виде сельских земледельческих поселений, составлявших его ближайшую округу.

Многогранность Носова-исследователя в полной мере проявилась в защищенной им в 1992 г. докторской диссертации «Новгородская земля IX–XI вв.: историко-археологические очерки» и последующей серии публикаций по исторической тематике, включавшей раздел коллективной монографии «История крестьянства Северо-Запада России» (*Носов*, 1994). Данные археологии, древнерусской письменности и исторической географии органично дополняли у него друг друга, в ходе комплексного источниковедческого анализа.

Археологическая карта Поволховья, Ильменского бассейна и Верхнего Поволжья, в синтезе со сведениями историко-географического характера, сохранившимися в письменных источниках, служила основой для реконструкции границ первоначального ядра Новгородской земли с центром в Приильменье, этапов расширения этой области, формирования средневековой территориально-административной структуры. Продолжая работы в данном направлении, Евгений Николаевич в середине 1990-х гг. возобновил исследования сельских поселений Приильменья. Новые раскопки, проведенные его экспедицией, привели к открытию культурных слоев VIII в., ранее неизвестных на памятниках этого региона.

Но главным делом жизни Евгения Николаевича стало изучение Новгородского (Рюрикова) городища. Противопоставление Городища (бывшего города) и Новгорода (нового города) издавна встречалось в трудах историков. Такое решение казалось логичным, но не было подкреплено источниками. Эпизодические раскопки, производившиеся на Городище начиная с 1910-х гг., — «булавочные уколы», по определению самого Евгения Николаевича, — не могли дать значимых результатов. Еще в первой трети XX в. А. В. Арциховским был вынесен «приговор» этому памятнику: после небольших раскопок 1929 г. он сделал поспешный вывод, что слоев ранее XII в. на Городище нет, и целиком сосредоточился на поисках раннего города в пределах собственно Новгорода — на Славне. Последующие яркие находки Новгородской экспедиции надолго отвлекли внимание археологов от «малоперспективного» Городища.

В 1975 г. Е. Н. Носов приступил к исследованиям Городища, которые длились без малого 40 лет. Залогом успеха его работ стал опыт, приобретенный в экспедициях учителей — П. Н. Третьякова и И. И. Ляпушкина. Полученный огромный материал дал ключ к решению многих спорных вопросов археологии и истории Северной Руси, в том числе проблемы возникновения Новгорода и славяно-скандинавских взаимоотношений в раннем Средневековье.

Экспедицией Е. Н. Носова были исследованы культурные напластования второй половины IX — X в., а также мощные оборонительные сооружения, относившиеся к начальному этапу функционирования поселения, и остатки княжеского двора древнерусского времени. В ходе этих работ была собрана многотысячная коллекция артефактов, документирующая присутствие здесь людей высокого социального статуса, воинской страты общества, включавшей на раннем этапе и славян, и скандинавов. Среди этих находок — подвески с руническими надписями X в., берестяная грамота XII в., золотые предметы, высокохудожественные изделия из цветных металлов, кости и т. д. Результаты многолетних исследований опубликованы в трех монографиях (*Носов,* 1990; *Носов и др.,* 2005; 2017). Сейчас, когда результаты исследований Новгородской областной экспедиции в основном введены в научный оборот, уже мало кто сомневается, что Городище — это и есть летописный Новгород IX в.

Свою концепцию становления ранних городских центров Северной Руси Е. Н. Носов разрабатывал и корректировал всю жизнь. В ней нашли продолжение некоторые идеи В. О. Ключевского, однако основой научного построения послужил, в первую очередь, обширный археологический материал. Перу Е. Н. Носова принадлежит несколько теоретических статей, касающихся проблемы происхождения первых городов Северной Руси и их социальной типологии (*Носов,* 1993; 1998а; 2000а; 2000б). Будучи историком в большей степени, чем большинство коллег-археологов, он неоднократно возвращался к анализу исторических концепций своих идейных предшественников — В. О. Ключевского (*Носов и др.,* 2005. С. 8, 9), а также А. А. Спицына (*Носов,* 2008) и М. И. Артамонова (*Носов,* 1998б), видя в последних не только археологов, но прежде всего историков Древней Руси.

Размышления о происхождении и формировании древнерусских городов органически вытекали из опыта многолетних исследований Рюрикова городища. «На огромной территории Древней Руси, протянувшейся на тысячи километров от Поволховья на севере до Среднего Поднепровья на юге, есть только несколько географических пунктов и

районов, которые связаны с самыми первыми этапами формирования восточнославянского государства. К их числу относится Рюриково городище на истоке Волхова», — писал Е. Н. Носов в своей последней статье, опубликованной уже после его безвременного ухода (*Носов, Хвощинская,* 2019. С. 303).

Свои взгляды на происхождение древнерусских городов Е. Н. Носов четко обозначил в статье, посвященной критическому разбору концепций русских / советских историков XX в. (*Носов,* 1993). Начинается обзор с «торговой теории» происхождения русского города В. О. Ключевского. «Историк тесно увязал возникновение первых городов с процессом славянского расселения, рассматривая их генезис, как генезис экономических центров (торговых средоточий), а движущей силой в этом признавал внешнюю торговлю, прежде всего восточную… Отношение к построениям В. О. Ключевского определило в 1930-е гг. подход к дальнейшей разработке истории русского города» (*Там же*. С. 59–61). В 1930-е гг. как антитеза подхода В. О. Ключевского в советской науке возобладала точка зрения о городе как центре феодального производства и феодальных производственных отношений, порожденном потребностями сельского хозяйства и феодального землевладения. Торговые функции города признаются вторичными. Основные положения этой концепции были сформулированы С. В. Юшковым и развиты М. Н. Тихомировым. С. В. Юшков ввел понятие «племенной город». Б. Д. Греков рассматривал город как результат отделения ремесла от сельского хозяйства, отрицал возможность существования «племенных городов», но признавал фактор влияния международной торговли. «В. О. Ключевского упрекали в недооценке экономического развития Древней Руси, прежде всего земледелия и ремесла, и придании чрезмерной и всеопределяющей роли внешней торговли, что способствовало преувеличению роли норманнов в русской истории» (*Там же*. С. 62). Е. Н. Носов отмечает, что идеи, выдвинутые С. В. Юшковым, М. Н. Тихомировым и Б. Д. Грековым, продолжают определять основные направления изучения городской проблематики вплоть до 1970–1980-х гг. С. В. Юшкову и М. Н. Тихомирову в той или иной степени наследуют, по его мнению, А. В. Куза, П. П. Толочко, И. Я. Фроянов. Идеи Б. Г. Грекова наследуют те исследователи, которые допускают многообразие путей становления городов при эволюции из поселений различных типов, в том числе Н. Н. Воронин, Б. А. Рыбаков, В. В. Карлов, Д. А. Авдусин, В. В. Седов (*Там же*. С. 63–65).

В 1970-е гг. был выделен (впервые в статье Г. С. Лебедева и В. А. Булкина, 1974 г.) особый тип торгово-ремесленных поселений предгородского плана, которые возникли благодаря активному участию в международной торговле, контролю над важнейшими торговыми путями, развитому ремеслу, обслуживавшему новый социальный (военно-дружинный) слой. Признание этого пути становления города означало частичное возвращение на новом археологическом материале к «вооруженному торговому городу» В. О. Ключевского. Выделение торгово-ремесленных поселений в особый тип было поддержано большинством археологов и историков и породило оживленную дискуссию о «парных» центрах, соотношении и взаимосвязи в них торгово-ремесленного поселения и древнерусского города. Подчеркивалось, что подобная «парность» характерна не только для Восточной, но и для Северной Европы (*Там же*. С. 66–70). Е. Н. Носов полемизирует с П. П. Толочко, считающим, что торгово-ремесленные центры были инородными телами на территории Руси. «Торгово-ремесленные поселения возникали там, где имелась и соответствующая местная среда для успешного осуществления торгово-ремесленной деятельности, и необходимость в охране и контроле торговых путей. Подобные поселения активно способствовали формированию, если так можно выразиться, „значимости“ районов, созданию экономических структур и социальной среды, в которых возникали „новые“ города… Само существование „парных“ центров — убедительное подтверждение непрерывности и преемственности городского развития в той или иной местности Восточной Европы» (*Там же*. С. 72, 73).

Далее Е. Н. Носов останавливается на специфике градообразования в Южной и Северной Руси. В Южной Руси уже первые славянские «грады» вырастали в плотно освоенных

земледельческим населением районах. На Севере Руси время становления городов чрезвычайно близко к началу самого славянского расселения и даже в процессе освоения новых территорий. Для Северной Руси, как и для Северной Европы, торгово-ремесленные поселения с полиэтничным населением на международных торговых путях являются закономерным этапом экономического и политического развития. «На Руси рассмотренный путь становления городов не является всеобщим и единственным, но для нескольких центров, прежде всего, в северной части страны он очевиден» (*Там же*. С. 76).

Закономерно следующим шагом Е. Н. Носова стало обращение к вопросу о социальной типологии городов Поволховья: Ладоги, Рюрикова городища и Новгорода (*Носов,* 1998а; 2000б). Ранняя Ладога и Рюриково городище типологически и хронологически предшествуют Новгороду как торгово-ремесленные полиэтничные поселения. Но они имеют и существенные различия. Ладога была лишена земледельческой округи. Известные памятники образуют не сельскохозяйственную зону, примыкающую к Ладоге как к ее центру, а приречную агломерацию, приуроченную к крупной водной артерии и ее опаснейшим участкам. Ладога была лишена в ранний период своей истории каких-либо укреплений, что сближает ее с синхронными скандинавскими и западнославянскими центрами Балтийского региона. Рюриково городище, напротив, находилось в сгустке сельских славянских поселений ильменского Поозерья. Топографическая структура Городища сугубо восточноевропейская — двухчленная, состоящая из укрепленной части и примыкающего открытого поселения. Гораздо ярче, чем в Ладоге, выступает комплекс скандинавской культуры (*Носов,* 2000б. С. 166, 167).

Топографическое расположение и археологические материалы подчеркивают различную социально-экономическую ориентированность Ладоги и Рюрикова городища. Для Ладоги второй половины VIII в. первостепенными были торгово-ремесленная деятельность и непосредственное обслуживание плавания (ремонт судов, их оснащение, перегрузка товаров). Для Рюрикова городища середины IX в. на первый план вышли функции военно-административные, связанные с контролем над обширной территорией Приильменья, ядра будущей Новгородской земли. В конце X в. Городище уступило место собственно Новгороду как центру иного порядка — столицы Новгородской земли (*Там же*. С. 168, 169). В последние годы Евгений Николаевич вновь активно включается в работу по пересмотру и обобщению материалов старых раскопок Ладоги. Его перу принадлежит отдельная глава о стратиграфии Земляного городища в монографии, посвященной ладожской проблематике (*Носов*, 2018).

Хотя Е. Н. Носов и подчеркивал неоднократно, что путь становления городов Северной Руси «не является всеобщим и единственным», но в настоящее время этот вариант формирования и развития русского раннесредневекового города является единственным, столь убедительно разработанным и доказанным на конкретном историческом и археологическом материале.

Артамонов, 1935 — *Артамонов М. И.* Обзор археологических источников эпохи возникновения феодализма в Восточной Европе // Проблемы истории доисторических обществ. 1935. № 9–10. С. 267–286.

Артамонов, 1967 — *Артамонов М. И.* Вопросы расселения восточных славян и советская археология // Проблемы всеобщей истории. Л.: Изд-во ЛГУ, 1967. С. 29–69.

Артамонов, 1988 — *Артамонов М. И.* Славяне и норманны в Восточной Европе в период образования Русского государства // Вестник Ленингр. ун-та. 1988. Серия 2. Вып. 4. С. 3–6.

Артамонов, 1990 — *Артамонов М. И.* Первые страницы русской истории в археологическом освещении // СА. 1990. № 3. С. 271–290.

Носов, 1990 — *Носов Е. Н.* Новгородское (Рюриково) городище. Л.: Наука, Лен. отд., 1990. 215 с.

Носов, 1993 — *Носов Е. Н.* Проблема происхождения первых городов Северной Руси // Древности Северо-Запада России (славяно-финно-угорское взаимодействие, русские города Балтики). СПб.: Петербургское Ваостоковедение, 1993. С. 59–78.

Носов, 1994 — *Носов Е. Н.* Первобытнообщинный строй: Возникновение производящего хозяйства // История крестьянства Северо-Запада России. СПб.: Наука, 1994. С. 5–21.

Носов, 1998а — *Носов Е. Н.* К вопросу о социальной типологии древнерусских городов (Ладога — «Рюриково» городище — Новгород) // Скифы. Хазары. Славяне. Древняя Русь: Междунар. науч. конф., посв. 100-летию со дня рождения М. И. Артамонова. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1998. С. 162–165.

Носов, 1998б — *Носов Е. Н.* М. И. Артамонов как историк Древней Руси (некоторые мысли о формировании концепции) // Проблемы археологии. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1998. Вып. 4. С. 43–50.

Носов, 2000а — *Носов Е. Н.* Древнерусский город в отечественной исторической мысли // Культурное наследие Российского государства. СПб.: ИПК «Вести», 2000. Вып. 2. С. 104–110.

Носов, 2000б — *Носов Е. Н.* К вопросу о типологии городов Поволховья // Славяне, финно-угры, скандинавы, волжские булгары: Докл. Междунар. науч. симпозиума по вопросам археологии и истории (11–14 мая 1999 г., Пушкинские горы). СПб.: ИПК «Вести», 2000. С. 162–171.

Носов, 2008 — *Носов Е. Н.* Александр Андреевич Спицын (размышления о научном творчестве) // История и практика археологических исследований. К 150-летию А. А. Спицына. СПб.: СПбГУ, 2008. С. 134–139.

Носов, 2018 — *Носов Е. Н.* Стратиграфия Земляного городища Старой Ладоги: итоги и перспективы исследований // Новое в археологии Старой Ладоги: материалы и исследования / Отв. ред. Н. И. Платонова, В. А. Лапшин. СПб.: ИИМК РАН; Невская книжная типография, 2018 (Труды ИИМК РАН; Т. LIII). С. 45–65.

Носов и др., 2005 — *Носов Е. Н., Горюнова В. М., Плохов А. В.* Городище под Новгородом и поселения Северного Приильменья (Новые материалы и исследования). СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. 403 с.

Носов и др., 2017 — *Носов Е. Н., Плохов А. В., Хвощинская Н. В.* Рюриково городище. Новые этапы исследований. СПб.: Дмитрий Буланин, 2017. 288 с.

Носов, Хвощинская, 2019 — *Носов Е. Н., Хвощинская Н. В.* Рюриково городище — выдающийся археологический памятник Древней Руси // Прошлое человечества в трудах петербургских археологов на рубеже тысячелетий (к 100-летию создания российской академической археологии). СПб.: Петербургское Востоковедение, 2019. С. 303–323.

E. N. Nosov — archaeologist and historian

V. A. Lapshin

Keywords: Rus, ancient Russian city, Ladoga, Rurik's settlement, Novgorod

The article examines the scientific legacy of E. N. Nosov, an outstanding Russian archaeologist and historian, in the field of the problems of the emergence and development of Northern Rus' and the ancient Russian city.

К. А. Михайлов[1]

Вклад Е. Н. Носова в европейскую традицию изучения эпохи викингов[2]

Аннотация. *Статья посвящена памяти Евгения Николаевича Носова и его вкладу в организацию международного сотрудничества, а также в европейскую научную традицию изучения эпохи викингов.*

Ключевые слова: *Е. Н. Носов, история науки, международное сотрудничество, Новгородское (Рюриково) городище, эпоха викингов.*

Во второй половине 1990-х гг. мне в руки попался небольшой сборник трудов датско-германского симпозиума, опубликованный Университетом в Орхусе (Дания) в 1996 г. В этом небольшом издании выдающийся британский исследователь эпохи викингов и глава Британского музея Давид М. Вильсон поделился с коллегами некоторыми деталями своей научной биографии и обрисовал картину археологического изучения эпохи викингов в Европе на протяжении 50 лет (*Wilson*, 1996). Он перечислил наиболее важные, по его мнению, открытия в этой области археологии. Единственными памятниками Восточной Европы, которые упомянул директор Британского музея в своей ретроспекции, стали Старая Ладога в исследованиях В. И. Равдоникаса и Новгородское (Рюриково) городище со ссылкой на работу Е. Н. Носова (*Ibid.* P. 24). Тридцать лет назад меня, тогда еще начинающего исследователя, этот факт поразил. Из значительного перечня отечественных памятников и обширного списка трудов советских ученых Дэвид Вильсон отметил лишь два памятника и только двух исследователей.

До 1991 г. и падения идеологических, цензурных и пограничных барьеров советская археология во многом оставалась для европейских исследователей своеобразной *terra incognita*. Кроме языковых препятствий существовали определенные ограничения на издание идеологически вредных материалов, в том числе оставались под негласным запретом изучение и публикация скандинавских памятников и артефактов эпохи викингов в Восточной Европе. При огромном интересе, который западные ученые проявляли к загадочному миру науки за «железным» занавесом, идеологические установки, визовые и языковые преграды препятствовали прямому научному общению российских и зарубежных исследователей.

Е. Н. Носов стал одним из первых отечественных археологов-медиевистов, который не только преодолел этот барьер, но и активно способствовал организации международного сотрудничества еще в советское время, благодаря чему был замечен зарубежными коллегами[3]. Прежде всего внимание Дэвида М. Вильсона привлекла небольшая заметка,

[1] Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, РФ; e-mail: mikhailov_kirill@mail.ru.

© Михайлов К. А., 2025

[2] Работа подготовлена по теме государственного задания «Северная Русь в евразийском археологическом контексте: этнокультурное разнообразие и общие закономерности исторического развития в свете становления научных знаний» (FMZF-2025-0011).

[3] Следует упомянуть, что в 1980-е гг. Е. Н. Носов активно участвовал в деятельности советско-финляндских археологических симпозиумов, и его первые зарубежные публикации связаны

Рис. 1. И. Янссон, Н. В. Хвощинская, Е. Н. Носов в Санкт-Петербурге. 1994 г.

посвященная Рюрикову городищу в масштабном международном проекте “From Viking to Crusader” (*Nosov*, 1992a)[4]. В каталоге этой крупнейшей европейской выставки, посвященной эпохе викингов, Евгений Николаевич совместно с Ингмаром Янссоном опубликовал серию скандинавских находок, обнаруженных им во время многолетних раскопок Городища, и тем самым вывел его на один уровень с самыми известными памятниками викингов в Северной Европе (рис. 1) (*Nosov*, 1992a; *Nosov, Jansson*, 1992). Следует отметить, что Е. Н. Носов начал изучение Городища в 1975 г., а в 1991 г. выпустил первую обобщающую монографию на русском языке, в которой представил основные результаты многолетних раскопок и своё видение памятника. Евгений Николаевич стремился сразу вводить в научный оборот результаты полевых исследований, поэтому первые публикации материалов Городища и скандинавских находок на русском, английским или немецком языках часто происходили непосредственно после окончания раскопок или даже параллельно с работами на Рюриковом городище (*Nosov,* 1987; 1988; 1992b; 1993). Невероятная скорость презентации нового и яркого научного материала, быстрая реакция на высказывания коллег, готовность к совместной работе всегда являлись отличительной чертой научного стиля исследователя.

Немногим ранее, в 1986 г., по инициативе директора ЛОИА АН СССР В. М. Массона и профессора Саутгэмптонского университета П. Акко было заключено соглашение о сотрудничестве британских и советских археологов. В результате этого с 1993 г. на Рюриковом городище, в Поозерье и Новгороде при активной организационной поддержке и личном участии Е. Н. Носова начинается совместное изучение остеологических и палеоботанических

с советско-финским археологическим семинаром “Fenno-ugri et slavi”. Неудивительно, что первая англоязычная публикация, посвященная Рюрикову городищу, была издана в материалах ведущего финского археологического журнала (New data on the Ryurik gorodishche near Novgorod // Fennoscandia archaeologica. 1987. Vol. IV. P. 73–85).

[4] Д. М. Вильсон стал одним из главных организаторов и кураторов этого выдающего проекта.

Рис. 2. Первая ознакомительная поездка с М. А. Брисбейном по памятникам Северо-Запада (слева направо: водитель, М. А. Брисбейн, Е. Н. Носов, О. В. Овсянников)

коллекций, в которой с британской стороны принимали участие М. А. Брисбейн, М. Молтби, М. Монк, Ш. Гамильтон-Дайер, Д. Оксли и многие другие (рис. 2–4) (*Брисбейн и др.*, 1994. С. 245–247). М. А. Брисбейн впоследствии отмечал: «Без его одобрения, поддержки и дружеского отношения ни один из нас не смог бы установить тесные научные контакты с нашими новгородскими коллегами, которые Евгений с воодушевлением помогал поддерживать и развивать. После первых лет знакомства в последующее двадцатилетие развилось полноценное международное научное сотрудничество, охватывающее свыше 60 исследователей и многочисленных студентов из нескольких стран (Великобритании, Ирландии, Дании, Швеции, Германии и России). Все это время, а фактически до 2016 г., Евгений находился в центре нашей работы, постоянно помогая советами, делясь знаниями и заставляя нас задумываться над общими научными проблемами» (*Брисбейн и др.*, 2020. С. 203).

Еще одним результатом российско-британского сотрудничества стала первая англоязычная обобщающая публикация *The archaeology of Novgorod*, посвященная новгородской археологии, для которой Евгений Николаевич написал обширную главу, посвященную Рюрикову городищу и поселениям Поозерья (*Nosov*, 1992b. P. 5–66).

Летом 1993 г. под эгидой Новгородской областной археологической экспедиции ИИМК РАН (НОЭ) группа шведских и германских ботаников под руководством Л.-К. Кёнигссона производила сборы для споропыльцевых исследований и макроанализа древних растительных остатков из слоев средневековых поселений Новгородской округи. В работе и поездках этой группы ученых впервые участвовали преподаватель исторического факультета Стокгольмского университета, крупнейший специалист по археологии эпохи викингов Ингмар Янссон; профессор университета в Киле, известный исследователь в области славянской и скандинавской археологии Мишель Мюллер-Вилле; палеоботаник, научный сотрудник Института до- и праистории Кильского университета престории Альмут Альслебен (рис. 5; 6). Именно с поездки по памятникам Поозерья, организованной Е. Н. Носовым,

Рис. 3. М. Монк и Е. Н. Носов. 1995 г.

Рис. 4. Е. Н. Носов, В. Л. Янин и М. А. Брисбейн
на съезде европейских археологов в Великобритании. 1998 г.

Рис. 5. Палеоботанические исследования. И. Янссон, Е. Н. Носов, Л.-К. Кёнигсен и сотрудники экспедиции обсуждают полученные образцы. 1993 г.

Рис. 6. Палеоботанические исследования. Л.-К. Кёнигсен и студенты проводят бурение торфяника. 1993 г.

Рис. 7. Е. Н. Носов, Д. Грэм-Кемпбелл, Т. Нуунан на конференции во Франции. 1997 г.

начинается многолетнее сотрудничество НОЭ с университетами в Киле и Стокгольме (*Носов и др.*, 1994. С. 240, 241).

Помимо археологических и междисциплинарных исследований, в начале 1990-х гг. Евгений Николаевич активно занимался популяризацией открытий, сделанных на Рюриковом городище, на международных научных мероприятиях. Например, в апреле 1991 г. он участвовал в советско-британской конференции «Культурные взаимовлияния и трансформация в Восточной Европе в древности», которую организовал факультет искусств Университета г. Ньюкасла-на-Тайне (*Носов*, 1992а. С. 246); в ноябре 1991 г. — в российско-датском симпозиуме «Взаимодействие древних культур Балтийском регионе» (*Носов*, 1992б. С. 254). Помимо масштабного музейного проекта "From Viking to Crusader", находки из раскопок Городища экспонировались на выставках в Роскильде (Дания) "Vikingernes Rusland" в 1993 г., на выставке "Vikings in Russia" в Сигтуне (Швеция) в 1994 г.

В августе 1997 г. Е. Н. Носов в качестве единственного представителя от России принял участие в крупнейшем мероприятии исследователей эпохи викингов — XIII конгрессе викингов в Йорке и Ноттингеме. На международных симпозиумах в Великобритании и Скандинавии Евгений Николаевич познакомился и подружился с ведущими специалистами по изучаемой эпохе — Ингмаром Янссоном, Джеймсом Грэм-Кемпебеллом, Томасом Нунаном, Мишелем Мюллер-Вилле (рис. 7–9). Благодаря энергичной международной деятельности исследователя и сотрудничеству с зарубежными коллегами Рюриково городище в 1990-е гг. приобрело мировое значение и вошло в список важнейших и хорошо узнаваемых городских эмпориев, а также в мировой топ памятников эпохи викингов. С одной стороны, свою роль сыграли многочисленные публикации в иностранных журналах и участие Е. Н. Носова в масштабных международных проектах, с другой — не стоит забывать огромные усилия самого Евгения Николаевича, которые он прилагал в 1990–2000-е гг. для научной популяризации памятников Новгородского Поозерья и исследований на Северо-Западе России.

Своеобразным признанием его научных заслуг можно считать особое внимание, уделенное Рюриковому городищу в обобщающей научно-популярной монографии британских исследователей Саймона Франклина и Джонатана Шепарда *The Emergence of Rus*, посвященной проблемам образования древнерусского государства (*Franklin, Shepard*, 1996).

Рис. 8. Е. Н. Носов, И. Янссон, Т. Нуунан, А. Стальсберг во время чтения лекций в США. 2000 г.

Рис. 9. Коллектив редакторов и соавторов на презентации книги о Новгороде в Университете в Киле (Германия) (стоят: Е. Н. Носов — третий справа, М. Мюллер-Вилле — первый справа; сидят: Е. А. Рыбина — вторая справа, В. Л. Янин — третий справа). 2000 г.

Мне кажется, именно активное взаимодействие с зарубежными исследователями и знакомство с современным состоянием североевропейской археологии подтолкнули Евгения Николаевича к продолжению работ на Городище в новом формате, как с участием иностранных ученых, так и с использованием новейших методов естественных наук. Евгений Николаевич умел быстро расположить к себе иностранных коллег доброжелательностью, юмором, хорошим знанием английского, прекрасным владением материалом. Его демократичная и открытая манера общения выгодно выделяли его из общего ряда отечественных специалистов и помогали налаживанию контактов. С середины 1990-х гг. после серии успешных международных публикаций, выступлений с докладами в Великобритании и Дании, участия в организации зарубежных музейных экспозиций Е. Н. Носов начинает реализовывать многолетнюю программу широкого международного сотрудничества на базе Новгородской областной археологической экспедиции ИИМК РАН. Она предусматривала несколько составляющих: совместные проекты естественнонаучного изучения ландшафтов Поволховья и Новгородского региона (с германскими, британскими и шведскими учеными); ежегодные международный студенческий обмен и археологическую практику на Городище в 1990–2010-е гг. со Стокгольмским университетом (под руководством И. Янссона), Высшей школой на Готланде и Институтом до- и праистории Университета в Киле (при содействии М. Мюллер-Вилле); вовлечение российских и зарубежных студентов и аспирантов в научную работу; публикацию новых открытий на Новгородском (Рюриковом) городище в международных научных изданиях; популяризацию городищенских находок эпохи викингов в международных музейных проектах. Все перечисленные направления Евгений Николаевич развивал параллельно.

В качестве примера одного из важнейших начинаний можно привести уже вышеупомянутый совместный проект, в результате которого в 1993 г. состоялась первая международная палеоботаническая экспедиция в Центральной части Новгородской земли. В проекте участвовали сотрудники Новгородской областной археологической экспедиции ИИМК РАН под началом Е. Н. Носова, шведские и германские ботаники при участии М. Мюллер-Вилле и И. Янссона. Экспедиция проводила сборы образцов для споропыльцевых исследований и макроанализа растительных остатков из средневековых поселений Новгородской округи и слоев самого Новгорода. Целью работ стала реконструкция культурного и природного ландшафта региона между 400–1200 гг. н. э., а также реконструкция климатических и аграрных изменений Центрального Приильменья в раннем Средневековье. В дальнейшем успешная коллаборация с Кильским университетом способствовала продолжению палеоботанических исследований Альмут Альслебен по изучению ранних слоев Городища и памятников Поозерья (рис. 10; 11) в рамках масштабного совместного проекта с ИИМК РАН конце 1990-х — начале 2000-х гг.

Параллельно с научными программами Евгений Николаевич вместе с европейскими коллегами организовал студенческие обмены. Их участниками стали студенты и аспиранты Санкт-Петербургского государственного университета, Института истории материальной культуры РАН, Новгородскиго государственного университета, Стокгольмского университета, Высшей школы на Готланде (Швеция) и Университета в Киле (Германия). В Швеции студенческий обмен и археологическая практика российских участников состоялись благодаря огромной поддержке, которую оказал этому проекту Ингмар Янссон. Во время многочисленных поездок российские археологи знакомились с могильниками, поселениями и руническими камнями эпохи викингов в Средней Швеции (Бирка, Сигтуна, Гамла Упсала) и на острове Готланд, посещали музейные и архивные хранилища Швеции, а также принимали участие в работе полевой археологической школы на неолитическом поселении Айвиде на Готланде. Проект обмена германскими и российскими студентами-археологами курировал профессор Мишель Мюллер-Вилле (Университет в Киле, ФРГ). Несколько студентов — участников раскопок на Городище были привлечены к раскопкам торгового города эпохи викингов в местечке Гросс-Штромкендорф в земле Мекленбург —

Рис. 10. Е. Н. Носов и Альмут Альслебен на археологической базе новгородской экспедиции МГУ в Новгороде. 1995 г.

Рис. 11. Рюриково городище. Альмут Альслебен занимается сбором споропыльцевых остатков из культурного слоя Городища. 1993 г.

Рис. 12. Рюриково городище. И. Янссон и Е. Н. Носов читают лекцию студентам Стокгольмского университета в полевом лагере экспедиции. 1997 г.

Передняя Померания и средневековых славянских поселений в земле Шлезвиг-Гольштейн, ФРГ. Российская сторона в 2000-е гг. предоставляла иностранным студентам возможность прохождения археологической практики в экспедиции на Рюриковом городище. За 20 лет такого сотрудничества на раскопках под Новгородом побывали молодые специалисты из Швеции, Германии, Норвегии, Финляндии и Франции (рис. 12; 13). Благодаря усилиям Е. Н. Носова в экспедиции всегда царила доброжелательная дружеская атмосфера, которую ее участники из разных стран запомнили на всю жизнь. Такой многолетний обмен способствовал налаживанию научных и личных связей между археологами Балтийского региона и расширению научного кругозора нескольких поколений студентов-археологов. Став сложившимися учеными, они продолжают сохранять контакты и добрые воспоминания о полевой жизни на Рюриковом городище.

Одним из основных направлений международной научной деятельности Е. Н. Носова стали исследования, посвященные адаптации средневекового человека к природной среде и влиянию климатических и ландшафтных условий на исторические процессы раннего Средневековья. В этой области науки он смог совместить те наработки и идеи, которые существовали в ленинградской археологии благодаря А. М. Микляеву, и технологическую базу западных университетов. Многолетние совместные остеологические и палеоботанические исследования Рюрикова городища и средневековой Новгородской округи изменили наши представления о стандартах археологических работ, позволили отечественным исследователям познакомится с современными методами европейских ученых.

Благодаря трудам и публикациям Евгения Николаевича Новгородское (Рюриково) городище не только прочно вошло в историографию эпохи викингов и стало хорошо узнаваемым научным брендом, но и два десятилетия служило своеобразной научной базой и полевой школой нескольким поколениям студентов из Скандинавии, Германии и России. Хочется верить, что та любовь к отечественной и североевропейской археологии, которую Евгений Николаевич пытался привить молодежи на городищенских раскопках, еще прорастет новыми открытиями и яркими научными публикациями.

Рис. 13. Рюриково городище. И. Янссон со студентами Стокгольмского университета на экскурсии по Городищу. 1998 г.

Брисбейн и др., 1994 — *Брисбейн М. Б., Носов Е. Н., Хорошев А. С.* Российско-английское сотрудничество в археологическом изучении Новгорода // АВ. 1994. Вып. 3. С. 245–249.

Брисбейн и др., 2020 — *Брисбейн М. Б., Хамблтон Э., Хамильтон-Дайер Ш., Молтби М.* Использование природной среды: дикие животные в средневековом Новгороде и на Новгородской земле // АВ. 2020. Вып. 28. С. 203–221.

Носов, 1992а — *Носов Е. Н.* Археологическая конференция в г. Ньюкасле-на-Тайне // АВ. 1992. Вып. 1. С. 243–245.

Носов, 1992б — *Носов Е. Н.* Симпозиум археологов Дании и России // АВ. 1992. Вып. 1. С. 252–254.

Носов и др., 1994 — *Носов Е. Н., Кенингсен Л.-К., Кроль Х., Мюллер-Вилле М., Янссон И.* Международные палеоботанические исследования в Новгородской земле (400–1200 гг. н. э.) // АВ. 1994. Вып. 3. С. 240–245.

Nosov, 1987 — *Nosov E.* New data on the Ryurik gorodishche near Novgorod // Fennoscandia archaeologica IV. 1987. P. 73–85.

Nosov, 1988 — *Nosov E.* Neue Forschungen uber das Rjurikovo Gorodisce bei Novgorod // Das Altertum. 1988. Bd. 34, Hf. 3. S. 160–163.

Nosov, 1992a — *Nosov E.* Staraja Ladoga, Gorodisce and Novgorod // From Viking to Crusader. The Scandinavians and Europe 800-1200. The 22nd Council of Europe Exibition. Uddevalla, 1992. P. 82, 83.

Nosov, 1992b — *Nosov E. N.* Ruyrik Gorodishche and the Settlements to the North of Lake Ilmen // The Archaeology of Novgorod, Russia. Resent Results from the Town and its Hinterland / Ed. M. A. Brisbane. Lincoln, 1992 (The Society for Medieval Archaeology. Monograph Series; № 13). Chapter II. P. 5–66.

Nosov, 1993 — *Nosov E.* Novgorod // Vikingernes Rusland / Eds. M. Andersen, F. Birkebæk. Roskilde: Roskilde museums forl., 1993. P. 27–75.

Nosov, Jansson, 1992 — *Nosov E., Jansson I.* Catalogue: No. 280–289 // From Viking to Crusader. The Scandinavians and Europe 800–1200. The 22nd Council of Europe Exibition. Uddevalla, 1992. P. 301–303, No. 283, 284, 286, 287, 289.

Franklin, Shepard, 1996 — *Franklin S., Shepard J.* The Emergence of Rus: 750—1200. London; New York: Longman, 1996. 450 p.

Wilson, 1996 — *Wilson D. M.* Fifty years of Viking-Age archaeology. A personal view // Femtende tværfaglige Vikigesymposium / Red. E. Roesdahl. Aarhus Universitet, 1996. P. 7–25.

E. N. Nosov's contribution to the European tradition of Viking Age studies

K. A. Mikhailov

Keywords: E. N. Nosov, history of science, international cooperation, Novgorod (Rurik) settlement, Viking Age

The article is dedicated to the memory of Evgeny Nikolaevich Nosov and his contribution to the organization of international cooperation, as well as to the European scientific tradition of studying the Viking Age.

М. В. Медведева, О. В. Григорьева[1]

Документальное наследие Евгения Николаевича Носова в научном архиве ИИМК РАН[2]

Аннотация. *В собрании научного архива ИИМК РАН хранится документальное наследие Евгения Николаевича Носова. Материалы сконцентрированы в рукописном и фотографическом фондах ЛОИА АН СССР / ИИМК РАН. Документы достоверно отражают научный путь ученого и результаты его кабинетной и полевой деятельности. В статье приводится перечень документации.*

Ключевые слова: *Е. Н. Носов, архивные документы, научная деятельность, полевые отчеты и фотографии, Новгородская областная археологическая экспедиция, история археологии, научный архив ИИМК РАН, древнерусская археология.*

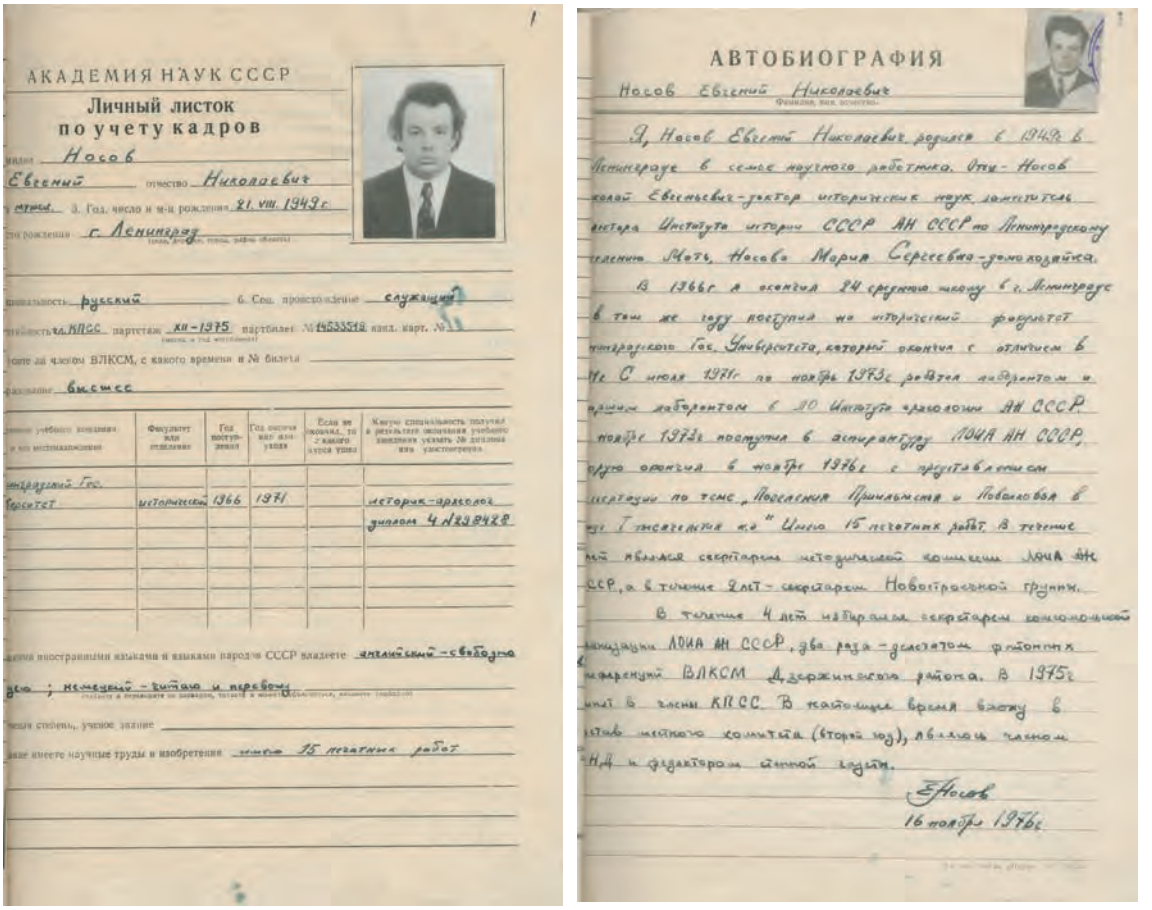
Вклад Евгения Николаевича Носова в отечественную академическую науку уже неоднократно получал высокую оценку специалистов (*Беляев и др.*, 2020; *Дорофеева,* 2020; *Кирпичников*, 2010; *Лапшин,* 2020; *Лапшин, Платонова,* 2019; *Лапшин и др.,* 2020; *Хвощинская,* 2020). Результаты его многолетней научной деятельности отражены в сотнях печатных трудов (*Всевиов,* 2010). Кроме публикаций ученый оставил значительное документальное наследие, имеющее важное значение для современных исследователей в области североевропейской археологии. Материалы Е. Н. Носова хранятся в научном архиве ИИМК РАН и представлены в нескольких фондах: личное дело (РО. Ф. 35. Оп. 5. Д. 576), полевые отчеты (см. перечень документов), научно-организационная документация, диссертационные работы (РО. Ф. 35. Оп. 2д. Д. 251а; Д. 519) и фотодокументы (см. перечень документов).

Материалы фонда 35 (ЛОИА АН СССР / ИИМК РАН) по личному составу достоверно показывают, как складывалась научная биография Е. Н. Носова от лаборанта до директора института на основном месте работы. Самым информативным источником в этом отношении является личное дело ученого, где собраны листки по учету кадров (рис. 1), документы об образовании и присвоении степеней и званий, автобиографии, характеристики, различные справки и приказы. Блестяще окончив кафедру археологии Ленинградского государственного университета в 1971 г., Е. Н. Носов получил диплом с отличием по специальности «Историк», с присвоением квалификации историк-археолог (РО. Ф. 35. Оп. 5. Д. 576. Л. 1–1об., 9). В том же году молодой специалист был принят в Ленинградское отделение Института археологии АН СССР на должность лаборанта. С тех пор вся его жизнь оказалась навсегда связана с этим академическим учреждением. В 1973–1976 гг. Е. Н. Носов обучался в аспирантуре и в мае 1977 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Поселения Приильменья и Поволховья в конце I тысячелетия н. э.», обе рукописи

[1] Медведева М. В., Григорьева О. В. — Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, РФ; e-mail: marriyam@mail.ru, sigrid@yandex.ru.

© Медведева М. В., Григорьева О. В., 2025

[2] Исследование выполнено по теме государственного задания «Северная Русь в евразийском археологическом контексте: этнокультурное разнообразие и общие закономерности исторического развития в свете становления научных знаний» (FMZF-2025-0003).

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Личный листок по учету кадров

Носов Евгений Николаевич

Автобиография

Носов Евгений Николаевич

Рис. 1. Личный листок по учету кадров и автобиография Е. Н. Носова, 16 ноября 1976 г. (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 1. Д. 576. Л. 1, 3)

хранятся ныне в научном архиве ИИМК РАН. С ноября 1976 г. он стал младшим научным сотрудником сектора славяно-финской археологии (*Там же*. Л. 10–12). На аттестационных комиссиях, регулярно проводившихся в те годы для подтверждения звания научного сотрудника, деятельность Е. Н. Носова в институте неизменно оценивалась самым положительным образом. В 1979 г. заведующий ЛОИА АН СССР В. М. Массон, секретарь партбюро А. Я. Щетенко и председатель месткома С. Н. Астахов в очередном обосновании соответствия занимаемой им должности сообщали:

> «Е. Н. Носов является квалифицированным специалистом, успешно занимающимся разработкой проблем славянской археологии, имеет 24 печатные работы. В мае 1977 г. им успешно защищена кандидатская диссертация на тему „Поселения Приильменья и Поволховья в конце I тысячелетия н. э.“. В настоящее время Е. Н. Носов работает над изучением проблемы славянского расселения в лесной зоне Восточной Европы и становления раннегородских центров Северной Руси. Е. Н. Носов неоднократно выступал с докладами на научных конференциях, в том числе международных (III Международный конгресс славянской археологии, Братислава, 1975 г., II советско-финляндский симпозиум по археологии, Хельсинки, 1978 г.) и Пленумах Института археологии. В 1972–1979 гг. он возглавлял археологические отряды и Новгородскую областную экспедицию ЛОИА, ведущие работы в Новгородской и Ленинградской областях.
>
> Е. Н. Носов ведет большую общественную работу в институте. В 1971–1975 гг. он являлся секретарем комсомольской организации ЛОИА, в течение двух лет входил в состав местного комитета, был редактором стенной газеты. В течение ряда лет он являлся секретарем

методической комиссии и новостроечной группы, входит в состав иностранной комиссии. В настоящее время Е. Н. Носов — заместитель секретаря партбюро ЛОИА, член ДНД и общества „Знание". К выполнению своих производственных и общественных поручений Е. Н. Носов относится добросовестно, пользуется авторитетом среди сотрудников Института» (*Там же*. Л. 23–23об.).

В 1970–1980-е гг. Е. Н. Носова постоянно награждали и премировали за хорошо выполненную работу. Личное дело содержит большое количество таких приказов. «Передовик соцсоревнования», отлично организовал и провел несколько международных советско-финляндских симпозиумов в Ленинграде и Хельсинки (1976, 1981, 1984, 1986 гг.), «перевыполнил план», «открыл новые памятники славянских древностей Северной Руси», «успешно внедрил научно-исследовательскую работу», «показал высокие научные результаты», «провел дни содружества с эстонскими археологами» — вот далеко не полный список достижений, указанных в приказах на премирование ученого в эти годы (*Там же*. Л. 8, 13–14, 19, 37, 51–52, 56 и др.). Международное направление с самого начала было одним из основных в работе Е. Н. Носова в ЛОИА АН СССР. Используя в дальнейшем накопленный опыт, в 1990-е и 2000-е гг., когда открылись новые возможности, он особенно активно способствовал расширению международного сотрудничества ИИМК РАН и реализации таких проектов на практике.

Согласно документам личного дела еще в 1982 г. Е. Н. Носов закончил четырехлетнюю плановую тему по Новгородскому (Рюриковому) городищу, подготовив текст (15 авт. л.) на основе результатов полевых работ возглавляемой им Новгородской областной археологической экспедиции, которая занималась не только раскопками Рюрикова городища, но и изучением поселений Приильменья и разведочными работами в Новгородской области. В 1983 г. Ученый совет ЛОИА утвердил монографию (20 печ. л.) к печати, но только в 1987 г. книга вошла в редакционный план института (*Там же*. Л. 35, 42, 53), а опубликована еще спустя три года (*Носов,* 1990).

В 1986 г. аттестационная комиссия института единогласным голосованием перевела Е. Н. Носова в старшие научные сотрудники (РО. Ф. 35. Оп. 5. Д. 576. Л. 50, 53–55). В 1992 г. он защитил диссертацию на соискание степени доктора исторических наук по теме «Новгородская земля в IX–XI вв. (историко-археологические очерки)» и сразу был утвержден на должность заместителя директора по науке (*Там же*. Л. 65–67). В представлении Е. Н. Носова на это место тогдашний директор Института В. М. Массон писал:

«Е. Н. Носов специалист по древнерусской археологии и проблемам культурных взаимодействий в эпоху викингов. Регулярно проводит полевые исследования в Новгородской области, проявив себя результативным организатором науки при взаимодействии с экспедицией МГУ и местными научными центрами. Является автором около 110 научных работ и 3-х монографий, в т. ч. монографии „Новгородское (Рюриково) городище". Л., 1990. Успешно разрабатывает проблемы урбанизации в эпоху средневековья, выступал на международном конгрессе по городам Европы с концепциональным докладом „Европейский урбанизм: взгляд с Востока". Успешно проявил себя в сфере организации международного сотрудничества со странами Балтийского региона и Великобританией. В российско-британском сотрудничестве по археологии обеспечил успешную разработку раздела программы, касающегося процессов урбанизации в средневековую эпоху, способствовал подготовке и изданию в Англии сборника итоговых работ по археологии Новгорода. Качества современного ученого широкого кругозора и организатора науки позволяют представить его к утверждению в должности зам. директора ИИМК РАН по науке» (*Там же*. Л. 68).

В личном деле содержится крайне мало документов с 1988 по 1998 г.

Последний блок материалов (1998–2015 гг.) очень формализован и посвящен периоду, когда Е. Н. Носов являлся директором ИИМК РАН (*Там же*. Л. 71), а затем — научным

руководителем Института (2015–2019 гг.). Одним из самых важных в этой части стал документ об избрании Е. Н. Носова членом-корреспондентом РАН по отделению истории в 2000 г. (*Там же*. Л. 75). К каждым перевыборам на должность директора института готовился новый комплект документов Е. Н. Носова, где можно найти дополнительные сведения о его научной деятельности. Так, в 2004 г. помимо общих данных о работе в ИИМК РАН сообщалось:

> «Е. Н. Носов является членом Президиума СПб научного центра РАН, членом Ученого совета Президиума СПб НЦ РАН по гуманитарным проблемам.
>
> В 2002 г. Е. Н. Носов избран заведующим кафедры археологии и профессором исторического факультета СПб государственного университета, является членом Ученого совета и Специализированного ученого совета исторического факультета СПбГУ.
>
> Е. Н. Носов – главный редактор ежегодного журнала «Археологические вести», член редколлегии журнала «Российская археология».
>
> Основными научными направлениями работы Е. Н. Носова являются: славянское расселение Восточной Европы, история Новгорода и Новгородской земли, русско-скандинавские связи.
>
> Е. Н. Носовым опубликовано около 300 научных работ, в т. ч. «Исследования сельских поселений в Новгородской области», 1976; «Загадки новгородской округи» (совм. с В. Я. Конецким), 1985; «Новгородское (Рюриково) городище», 1990; «Ruyrik Gorodishche and the Settlements to the North of Lake Ilmen» (Chapter II), 1992; «Ein Herrschaftsgebietentstehlt. Die Vorgeschichtee der nordlichen Rus' und Novgorods», 2001; «Происхождение первых городов Северной Руси (постановка проблемы: история и археология)», 2002» (*Там же*. Л. 101).

Одновременно с колоссальной организационной нагрузкой Е. Н. Носов более 40 лет вел интенсивные систематические раскопки на Рюриковом городище под Новгородом, где за эти годы под его руководством было сделано немало научных открытий, чрезвычайно важных для изучения начального этапа формирования Древнерусского государства и для отечественной истории в самом широком смысле.

Многочисленные материалы полевых исследований начиная с 1972 г. хранятся в рукописном и фотографическом отделах научного архива ИИМК РАН: отчеты, дневники, описи находок, чертежи, рисунки, большое количество фотоальбомов. Они охватывают работы Е. Н. Носова в составе Староладожской экспедиции в первой половине 1970-х гг. и многолетние археологические исследования в Новгородской области (1970–2010-е гг.). Особую ценность для специалистов представляют подробные полевые записи Е. Н. Носова и материалы фотосъемки, которые значительно дополняют официальные отчеты, сдаваемые в ОПИ ИА РАН в Москву[3] (рис. 2).

Перечень документов Евгения Николаевича Носова в научном архиве ИИМК РАН

Документы к биографии

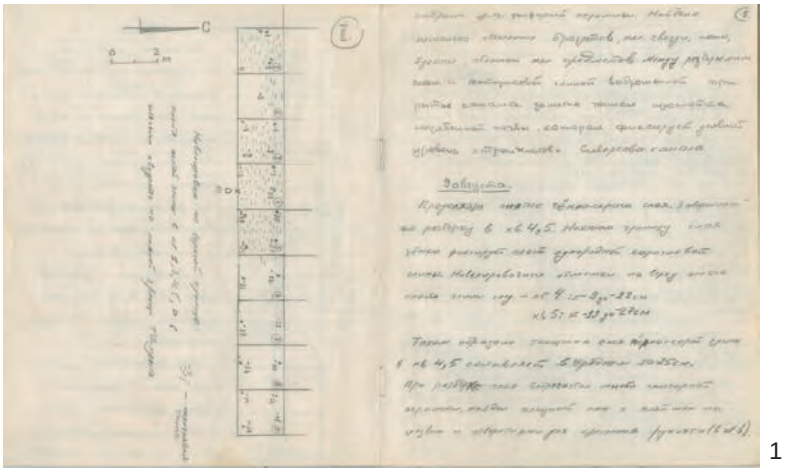
Личное дело Носова Е. Н. // РО. Ф. 35. Оп. 5. Д. 576. 192 л.

Рукописи

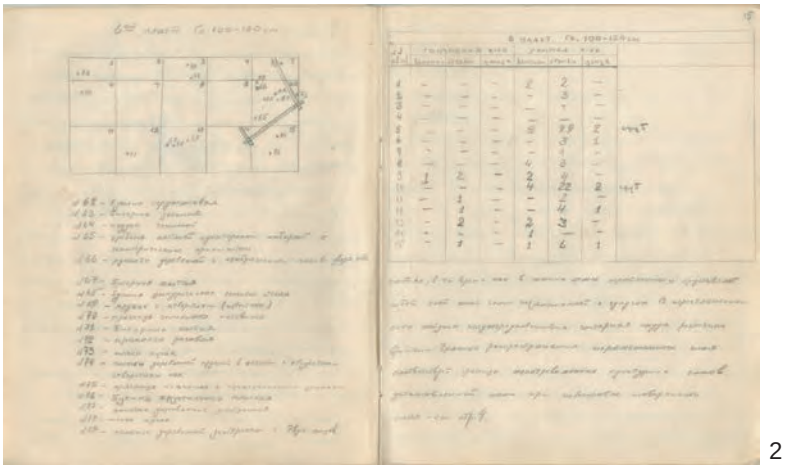
Носов Е. Н. Поселения Приильменья и Поволховья в конце I тыс. н. э. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Ленинград, 1976 г. // РО. Ф. 35. Оп. 2-Д. Д. 251а. 224 л.

Носов Е. Н. Новгородская земля IX–XI вв. (историко-археологические очерки). Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. С.-Петербург, 1992 г. // РО. Ф. 35. Оп. 2-Д. Д. 519. 607 л.

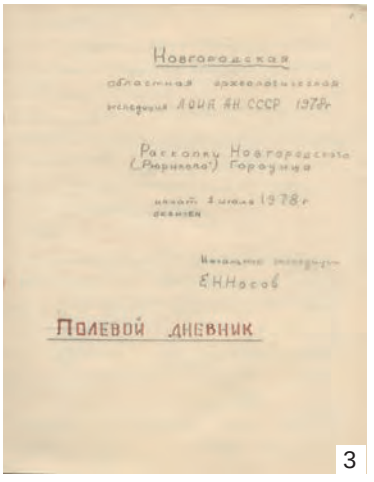
[3] Отчеты хранятся в научно-отраслевом архиве ИА РАН. В научном архиве ИИМК РАН отчетные документы за некоторые годы отсутствуют.

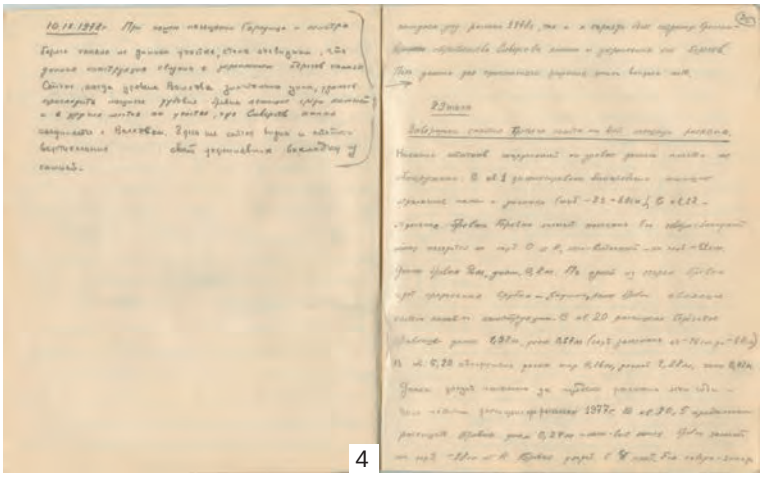
1

2

3

4

Рис. 2. Фрагменты полевых дневников Е. Н. Носова: *1* — 1975 г. (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 1. 1975. Д. 70. Л. 4об.–5); *2* — 1977 г. (Там же. 1977. Д. 55. Л. 14об.–15); *3, 4* — 1978 г. (*3* — первая страница) (Там же. 1978. Д. 70. Л. 1; 24об.–25)

Фотодокументы к научным работам

Иллюстрации к канд. дисс. «Поселения Приильменья и Поволховья в конце I тыс. н. э.». Снимки лаб. ЛОИА АН СССР, 1976 г. // ФО. О.3143/1–28. Колл. 2754/1–28. Нег. — 28, отп. — 28.

Иллюстрации к монографии «Новгородское (Рюриково) городище» (Л.: Наука, 1990. 216 с.). Снимки лаб. ЛОИА АН СССР, 1984 г. // ФО. О.3143/29–34. Колл. 2754/29–34. Нег. — 6, отп. — 6.

Иллюстрации к статьям: «О финно-угорском и славянском населении центральных районов Новгородской земли» (в соавторстве с Хвощинской Н. В., Конецким В. Я.) // Новое в археологии СССР и Финляндии / Отв. ред. Б. А. Рыбаков. Л.: Наука, 1984. С. 161–167; «Поселение Золотое колено на Средней Мсте» (в соавторстве с Плоховым А. В.) // Материалы по археологии Новгородской земли. 1990. М.: Наука, 1991. С. 117–149. Снимки лаб. ЛОИА АН СССР, 1984 г. // ФО. О.3143/35–40. Колл. 2754/35–40. Нег. — 6, отп. — 6.

Материалы полевых исследований

1972 г. Фотоматериалы раскопок поселения у д. Новые Дубовики и сопки в Старой Ладоге. Староладожский отряд. Фотографии полевой работы. Снимки Е. Н. Носова // ФО. О.2924, Колл. 2565. Нег. — 31, отп. — 31.

1973 г. Фотоматериалы раскопок сопки у д. Малое Чернавино. Староладожская экспедиция, 2-й отряд. Снимки Е. Н. Носова. Фотографии полевой работы // ФО. О.2976. Колл. 2609/95–110. Нег. — 16, отп. — 16; Фотографии чертежей и находок // ФО. О.3005/21–36. Колл. 2609. Нег. — 21, отп. — 21.

1974 г. Новгородский археологический отряд ЛОИА АН СССР (рук. Е. Н. Носов). Разведки и раскопки памятников конца I тыс. н. э. на территории Новгородской области, по среднему течению р. Мсты. Маловишерский район: обследованы сопки у дд. Сурики, Захарово, Коньково, Медведь, Золотое Колено; раскопки селища у д. Золотое Колено, раскоп (232 кв. м) разбит на дюне к востоку от деревни. Парфинский район: раскопки городища у д. Сельцо, раскоп (116 кв. м) разбит в юго-восточной части городища, сразу за оплывшей полой вала. Боровичский район: обследовано селище у д. Рыбный подол (Заозерье), селища и сопки в урочище «Борисиха» на оз. Пелено (2 сопки), у д. Волгино. Пестовский район: обследованы селище и сопки у д. Устье. Полевой отчет: текст // РО. Ф. 35. Оп. 1. 1974. Д. 48. 29 л.; Полевой дневник Е. Н. Носова // РО. Ф. 35. Оп. 1. Д. 49. 68 л.; Опись находок // РО. Ф. 35. Оп. 1. 1974. Д. 50. 20 л.; Фотоматериалы раскопок поселений в Новгородской области. Фотографии полевой работы, чертежей и находок. Снимки Е. Н. Носова, 1974 г. // ФО. О.3016/1-72. Колл. 2643/1-76. Нег. — 76, отп. — 76.

1975 г. Новгородский археологический отряд ЛОИА АН СССР (рук. Е. Н. Носов). Раскопки на Новгородском (Рюриковом) городище (Новгородский р-н). Исследования в мысовой части городища: на южном берегу Сиверсова канала заложен раскоп (60 кв. м) вдоль южного берега канала в 100 м к востоку от берега р. Волхов. Раскопки селища у д. Золотое Колено (Маловишерский р-н). Раскоп I (652 кв. м) прирезан с юго-востока, юго-запада и северо-запада к раскопу 1974 г.; раскоп II (116 кв. м) заложен у юго-восточной полы сопки № 4. Раскопки на оз. Съезжем (Хвойнинский р-н). Исследованы селище (76 кв. м) и курган № 5. Разведки в Маловишерском районе Новгородской области: обследование сопок у дд. Льзи, быв. Тельпуховка, Илемка, Кирова, Дубовицы, Большие Влички, Морозовичи; сопок и селищ у д. Никулище, между дд. Дубовицы и Низовка; жальника у д. Дора. Полевой отчет: текст // РО. Ф. 35. Оп. 1. 1975. Д. 69. 27 л.; Полевой дневник Е. Н. Носова // РО. Ф. 35. Оп. 1. 1975. Д. 70. 15 л. (рис. 3); Полевые чертежи // РО. Ф. 35. Оп. 1. 1975. Д. 71. 42 л.; Фотоматериалы раскопок селищ, городищ, курганных могильников, жальников в Новгородской области. Фотографии полевой работы // ФО. О.3016/73–114. Колл. 2692/1–42. Нег. — 42, отп. — 42; Фотоматериалы раскопок селища у д. Золотое колено, селища у оз. Съезжее, Новгородского (Рюрикова) городища. Фотографии чертежей и находок. Снимки ЛОИА, 1975 г. // ФО. О.3016/115–158. Колл. 2692/43–84. Нег. — 45, отп. — 45.

1976 г. Новгородский археологический отряд ЛОИА АН СССР (рук. Е. Н. Носов). Раскопки на оз. Съезжем (Хвойнинский р-н). На восточном берегу озера исследованы селище (96 кв. м), курганы (2 кургана) и грунтовый могильник (раскоп 1 (92 кв. м) — в 26 м к юго-западу от кургана 7; раскоп 2 (150 кв. м) — в 35 м к северо-западу от раскопа 1; траншея (52 кв. м), соединившая раскоп 1 и курган 7). Раскопки курганной группы у д. Чрезборицы (Любытинский р-н). Исследовано 5 курганов. Разведки в Новгородской области: Любытинский район: обследование курганов у дд. Селище, быв. Наволок. Маловишерский район: обследование курганов у д. Сорочино. Полевой отчет: текст // РО. Ф. 35. Оп. 1. 1976. Д. 84. 15 л.; Полевые чертежи // РО. Ф. 35. Оп. 1. 1976. Д. 85. 18 л.; Фотоматериалы раскопок селища и курганов на оз. Съезжем, курганов у д. Чрезборицы. Фотографии полевой работы, чертежей и находок. Снимки ЛОИА, 1977 г. // ФО. О.3133/1-46. Колл. 2756/1-46. Нег. — 46, отп. — 46.

1977 г. Новгородский археологический отряд ЛОИА АН СССР (рук. Е. Н. Носов). Раскопки на Новгородском (Рюриковом) городище (Новгородский р-н). Исследования в мысовой части городища: на северном берегу Сиверсова канала, на месте древней крепости, заложен раскоп (50 кв. м) в 50 м к западу от впадения в р. Волхов. Раскопки селища у д. Васильевское (Новгородский р-н). Раскоп (48 кв. м) заложен на вершине всхолмления левого берега р. Веряжи. Раскопки селища у д. Горошково (Новгородский р-н). Обследована сопка и заложен раскоп (20 кв. м) в 28 м к северу от сопки, на меже. Разведки в Новгородском районе Новгородской области: обследование сопки у д. Любоежа. Полевой отчет: текст // РО. Ф. 35. Оп. 1. 1977. Д. 54. 28 л.; Полевой дневник Е. Н. Носова // РО. Ф. 35. Оп. 1. 1977. Д. 55. 42 л. (рис. 4); Полевые чертежи // РО. Ф. 35. Оп. 1. 1977. Д. 56. 27 л.; Фотоматериалы раскопок Новгородского (Рюрикова) городища, разведки. Фотографии полевой работы, чертежей и находок. Снимки Е. Н. Носова и ЛОИА, 1978 г. // ФО. О.3133/47–116. Колл. 2806/1–72. Нег. — 72, отп. — 72.

1978 г. Новгородская областная археологическая экспедиция ЛОИА АН СССР (рук. Е. Н. Носов). Раскопки на Новгородском (Рюриковом) городище (Новгородский р-н). Исследования в мысовой части городища: на северном берегу Сиверсова канала раскоп I (50 кв. м) прирезан с севера к раскопу 1977 г.; раскоп II (20 кв. м) прирезан с востока к раскопу 1977 г.; траншея (2,6 кв. м) заложена у западной стенки раскопа 1977 г. Разведки в Новгородской области. Новгородский район: обследование сопки и селища у д. Береговые Морины, сопок у дд. Хутынь, Змейско, быв. д. Городище (на р. Вишере). Маловишерский район: курганной группы у дороги Сосница — Полищи, одиночного кургана у д. Прышкино, сопки у д. Выставка. Полевой отчет: текст // РО. Ф. 35. Оп. 1. 1978. Д. 69. 31 л.; Полевой дневник Е. Н. Носова // РО. Ф. 35. Оп. 1. 1978. Д. 70. 48 л. (рис. 5–6); Опись находок // РО. Ф. 35. Оп. 1. 1978. Д. 71. 8 л.; Полевые чертежи // РО. Ф. 35. Оп. 1. 1978. Д. 72. 36 л.; Фотоматериалы раскопок Новгородского (Рюрикова) городища и разведок. Фотографии полевой работы, чертежей и находок. Снимки Е. Н. Носова и ЛОИА, 1978–1979 гг. // ФО. О.3296/1–57. Колл. 2862/1–59. Нег. — 59, отп. — 59.

1979 г. Новгородская областная археологическая экспедиция ЛОИА АН СССР (рук. Е. Н. Носов). Раскопки на Новгородском (Рюриковом) городище (Новгородский р-н). Исследования в мысовой части городища: на северном берегу Сиверсова канала раскоп I (40 кв. м) прирезан с востока к раскопу I 1978 г. и продолжены работы в границах восточной половины раскопа I 1978 г.; на южном берегу Сиверсова канала раскоп II (20 кв. м) заложен вдоль разрушающегося берега, в 28 м к западу от раскопа 1975 г. Раскопки поселения и курганного могильника на оз. Съезжем (Хвойнинский р-н). Исследования на селище: раскоп (104 кв. м) прирезан с востока к раскопу 1976 г. Исследования могильника: раскоп (444 кв. м) прирезан к раскопу 2 1976 г. Раскопки на Юрьевском жальнике у д. Румянцева Горка (Боровичский р-н). Исследования кургана (12 погребений). Полевой отчет: текст, опись находок // РО. Ф. 35. Оп. 1. 1979. Д. 56. 41 л.; Полевой дневник Е. Н. Носова (Юрьевский жальник, оз. Съезжее) // РО. Ф. 35. Оп. 1. 1979. Д. 57. 25 л.; Полевой дневник

Е. Н. Носова (Рюриково городище) // РО. Ф. 35. Оп. 1. 1979. Д. 58. 17 л.; Полевые чертежи // РО. Ф. 35. Оп. 1. 1979. Д. 59. 31 л.; Фотоматериалы раскопок Новгородского (Рюрикова) городища, Юрьевского жальника, селища на оз. Съезжем. Фотографии полевой работы, чертежей. Снимки Е. Н. Носова и ЛОИА, 1979 и 1982 гг. // ФО. О.3296/58–97. Колл. 2896/1–40. Нег. — 40, отп. — 40.

1980 г. Новгородская областная археологическая экспедиция ЛОИА АН СССР (рук. Е. Н. Носов). Раскопки на Новгородском (Рюриковом) городище (Новгородский р-н). Исследования в центральной части городища: раскоп I (48 кв. м) заложен на расстоянии от 7 до 9 м к востоку от западного края городищенского холма; раскоп II (104 кв. м) — в 48 м к югу от церкви Благовещения; раскоп III (48 кв. м) — в 50 м к юго-востоку от юго-восточного угла церкви Благовещения; раскоп IV (32 кв. м) — в 44 м к востоку от церкви Благовещения, сразу за современным кладбищем. Исследования в мысовой части городища: на южном берегу Сиверсова канала заложен раскоп V (40 кв. м) вдоль разрушающегося берега, прирезан с востока к раскопу 1979 г. и отстоял на 8 м к западу от раскопа 1975 г. Раскопки на поселении Холопий городок (Новгородский р-н). Исследования в центральной части городища: раскоп (120 кв. м) заложен в западной части площадки. Полевой отчет: текст // РО. Ф. 35. Оп. 1. 1980. Д. 79. 20 л.; Полевой дневник. Вел Е. Н. Носов // РО. Ф. 35. Оп. 1. 1980. Д. 80. 23 л.; Полевые чертежи. Разведка // РО. Ф. 35. Оп. 1. 1980. Д. 81. 16 л.; Фотоматериалы раскопок Новгородского (Рюрикова) городища, поселения Холопий городок, кургана из могильника на оз. Съезжем. Фотографии полевой работы. Снимки экспедиции, 1980 г. // ФО. О.3401/1–27. Колл. 2050/1–28. Нег. — 28, отп. — 28.

1981 г. Новгородская областная археологическая экспедиция ЛОИА АН СССР (рук. Е. Н. Носов). Раскопки на Новгородском (Рюриковом) городище (Новгородский р-н). Исследования в центральной части городища: раскоп (192 кв. м) прирезан с востока к раскопу I 1980 г. Раскопки на поселении Холопий городок (Новгородский р-н). Исследования в центральной части городища: раскоп (136 кв. м) прирезан с востока к раскопу 1980 г. Полевой отчет: текст // РО. Ф. 35. Оп. 1. 1981. Д. 88. 21 л.; Опись находок // РО. Ф. 35. Оп. 1. 1981. Д. 90. 9 л.; Полевой дневник Е. Н. Носова // РО. Ф. 35. Оп. 1. 1981. Д. 89. 10 л.; Полевые чертежи из разведки // РО. Ф. 35. Оп. 1. 1981. Д. 91. 9 л.; Фотоматериалы раскопок Новгородского (Рюрикова) городища, поселения Холопий городок. Фотографии полевой работы, чертежей и находок. Снимки Е. Н. Носова и лаб. ЛОИА АН СССР, 1981–1982 гг. // ФО. О.3401/28–80. Колл. 3009/1–53. Нег. — 53, отп. — 53.

1982 г. Новгородская областная археологическая экспедиция ЛОИА АН СССР (рук. Е. Н. Носов). Раскопки на Новгородском (Рюриковом) городище (Новгородский р-н). Исследования в центральной части городища: раскоп (210 кв. м) прирезан с востока к раскопу 1981 г. и с севера к раскопу II 1980 г.; заложены шурфы к северо-востоку от церкви Благовещения: в 140 м — шурф 1 (12 кв. м); в 210 м — шурф 2 (8 кв. м). Разведки в Новгородском районе Новгородской области. Обследование в верховьях Волхова и в Ильменском Поозерье: селищ у дд. Еруново, Любоежа, Хутынь, в урочище Слутка у д. Волотово, на р. Прость у Перыни; культового камня «Медведица» у д. Гвоздец; курганных групп I и II у д. Рышево. Полевой отчет: текст // РО. Ф. 35. Оп. 1. 1982. Д. 99. 21 л.; Полевой дневник Е. Н. Носова // РО. Ф. 35. Оп. 1. 1982. Д. 100. 28 л.; Опись находок // РО. Ф. 35. Оп. 1. 1982. Д. 101. 12 л.; Полевые чертежи // РО. Ф. 35. Оп. 1. 1982. Д. 102. 20 л.; Фотоматериалы раскопок Новгородского (Рюрикова) городища и разведки. Фотографии полевой работы. Снимки экспедиции, 1982 г. // ФО. О.3402/1–19. Колл. 3054/1–19. Нег. — 19, отп. — 19.

1983 г. Новгородская областная археологическая экспедиция ЛОИА АН СССР (рук. Е. Н. Носов). Раскопки на Новгородском (Рюриковом) городище (Новгородский р-н). Исследования в центральной части городища: раскоп (96 кв. м) прирезан с востока к раскопу 1982 г. и с севера к раскопу II 1982 г. Разведки в Новгородском районе Новгородской области. Обследование в верховьях Волхова и в Ильменском Поозерье: местонахождение монетного клада в районе Хутынского монастыря, селищ у дд. Робейка, Родионово, Ракомо,

Еруново, Заболотье, селища II у д. Васильевское, селища и городища у д. Георгий, городища у д. Сергово; селища и курганной группы у д. Полосы в урочище Кобылья Голова. Полевой отчет: текст // РО. Ф. 35. Оп. 1. 1983. Д. 95. 19 л.; Опись находок // РО. Ф. 35. Оп. 1. 1983. Д. 97. 14 л.; Полевой дневник Е. Н. Носова // РО. Ф. 35. Оп. 1. 1983. Д. 96. 25 л.; Полевые чертежи из разведки // РО. Ф. 35. Оп. 1. 1983. Д. 98. 18 л.; Фотоматериалы раскопок Новгородского (Рюрикова) городища и разведок. Фотографии полевой работы, чертежей, находок. Снимки Е. Н. Носова и лаб. ЛОИА АН СССР, 1983–1984 гг. // ФО. О.3402/20–78. Колл. 3081/1–59. Нег. — 59, отп. — 59.

1984 г. Новгородская областная археологическая экспедиция ЛОИА АН СССР (рук. Е. Н. Носов). Раскопки на Новгородском (Рюриковом) городище (Новгородский р-н). Исследования в центральной части городища: раскоп (112 кв. м) прирезан с севера к раскопу 1983 г. и с востока частично к раскопу 1982 г. Разведки в Новгородском районе Новгородской области. Обследование в верховьях Волхова и в Ильменском Поозерье: селищ у дд. Ситно, Волотово, на месте Кирилловского монастыря, Ситка I–II, Сергово; городища в д. Слутка; сопок у дд. Вейско (Чертовщина), Замленье. Полевой отчет: текст // РО. Ф. 35. Оп. 1. 1984. Д. 100. 10 л.; Опись находок // РО. Ф. 35. Оп. 1. 1984. Д. 101. 7 л.; Полевые чертежи // РО. Ф. 35. Оп. 1. 1984. Д. 102. 10 л.; Фотоматериалы раскопок Новгородского (Рюрикова) городища и разведок. Фотографии полевой работы, чертежей, находок. Снимки Е. Н. Носова и лаб. ЛОИА АН СССР, 1984–1985 гг. // ФО. О.3403/1–46. Колл. 3122/1–46. Нег. — 46, отп. — 46.

1985 г. Новгородская областная археологическая экспедиция ЛОИА АН СССР (рук. Е. Н. Носов). Раскопки на Новгородском (Рюриковом) городище (Новгородский р-н). Исследования в центральной части городища: продолжены работы (112 кв. м) в границах раскопа 1984 г. и новая прирезка (140 кв. м) к востоку. Раскопки селища у д. Васильевское (Новгородский р-н). Раскоп (16 кв. м) прирезан с запада к раскопу 1977 г. Разведки в Новгородском районе Новгородской области. Обследование в верховьях Волхова и в Ильменском Поозерье: селищ у дд. Мыза Сперанского, Змейско, Слутка, Клопское Сельцо, Хутынь, городища в пос. Бронница, сопок у дд. Окатово, Базловка, Завал. Полевой отчет: текст, опись находок // РО. Ф. 35. Оп. 1. 1985. Д. 84. 23 л.; Полевые чертежи // РО. Ф. 35. Оп. 1. 1985. Д. 85. 13 л.; Фотоматериалы раскопок Новгородского (Рюрикова) городища, селища Васильевского и разведок. Фотографии полевой работы, чертежей, находок. Снимки Е. Н. Носова и лаб. ЛОИА АН СССР, 1985–1986 гг. // ФО. О.3599/1–38. I 100175–100195. Колл. 3183/1–38, 85–105. Нег. — 59, отп. — 38.

1986 г. Новгородская областная археологическая экспедиция ЛОИА АН СССР (рук. Е. Н. Носов). Раскопки на Новгородском (Рюриковом) городище (Новгородский р-н). Исследования в центральной части городища: продолжены работы (68 кв. м) в границах раскопа 1985 г. и новая прирезка (24 кв. м) к западу. Раскопки селища у д. Васильевское (Новгородский р-н). Раскоп (32 кв. м) прирезан с юга к раскопу 1985 г. и с запада к раскопу 1977 г. Разведки в Маловишерском районе Новгородской области: в бассейне среднего течения р. Мсты: окрестности у дд. Сосница и Хмелева, дд. Полищи и Дворищи (на р. Хубе). Полевой отчет: текст // РО. Ф. 35. Оп. 1. 1986. Д. 96. 14 л.; Опись находок // РО. Ф. 35. Оп. 1. 1986. Д. 97. 9 л.; Полевой дневник Е. Н. Носова // РО. Ф. 35. Оп. 1. 1986. Д. 98. 15 л.; Полевые чертежи // РО. Ф. 35. Оп. 1. 1986. Д. 99. 5 л.; Фотоматериалы раскопок Новгородского (Рюрикова) городища, селища Васильевского. Фотографии полевой работы, находок. Снимки Е. Н. Носова и лаб. ЛОИА АН СССР, 1986–1987 гг. // ФО. О.3649/1–26. Колл. 3231/1–26. Нег. — 26, отп. — 26.

1987 г. Новгородская областная археологическая экспедиция ЛОИА АН СССР (рук. Е. Н. Носов). Раскопки на Новгородском (Рюриковом) городище (Новгородский р-н). Исследования в центральной части городища: продолжены работы (140 кв. м) в границах раскопа 1986 г. и новая прирезка (40 кв. м) к югу. Раскопки селища у д. Васильевское(Новгородский р-н). Раскоп (122 кв. м) прирезан с юга и запада к раскопам 1977, 1985–1986 гг. Разведки

в Любытинском районе Новгородской области: по левому берегу р. Белой, курганные группы Квасильниково I–IV; сопка «в бору» у д. Черезборицы, городище у д. Малышево, селище Малышево I–II; селище на озере Княжесельском. Полевой отчет: текст, опись находок // РО. Ф. 35. Оп. 1. 1987. Д. 90. 33 л.; Полевой дневник Е. Н. Носова // РО. Ф. 35. Оп. 1. 1987. Д. 91. 21 л.; Полевые чертежи // РО. Ф. 35. Оп. 1. 1987. Д. 92. 19 л.; Фотоматериалы раскопок Новгородского (Рюрикова) городища, селища Васильевского и разведок. Фотографии полевой работы, чертежей, находок. Снимки Е. Н. Носова и лаб. ЛОИА АН СССР, 1987 г. // ФО. О.3614/1–61. Колл. 3287/1–61. Нег. — 61, отп. — 61.

1988 г. Новгородская областная археологическая экспедиция ЛОИА АН СССР (рук. Е. Н. Носов). Раскопки на Новгородском (Рюриковом) городище (Новгородский р-н). Исследования в центральной части городища: продолжены работы (60 кв. м) в границах южной части раскопа 1987 г. и новая прирезка (104 кв. м) к северо-востоку для исследования древнерусской кирпичеобжигательной печи. Раскопки селища у д. Васильевское (Новгородский р-н). Раскоп (82 кв. м) прирезан с севера и запада к раскопу 1987 г. Разведки в Андреапольском районе Калининской области (совр. Тверской): обследованы курганная группа у д. Подберезье близ оз. Бойно, селище и группа сопок в урочище Красный Ручей в верховьях Западной Двины (заложены два шурфа). Полевой отчет: текст, опись находок // РО. Ф. 35. Оп. 1. 1988. Д. 63. 38 л.; Полевой дневник Е. Н. Носова // РО. Ф. 35. Оп. 1. 1988. Д. 64. 20 л.; Полевые чертежи // РО. Ф. 35. Оп. 1. 1988. Д. 65. 17 л.; Фотоматериалы раскопок Новгородского (Рюрикова) городища, селища Васильевского и разведок. Фотографии полевой работы, чертежей, находок. Снимки Е. Н. Носова и лаб. ЛОИА АН СССР, 1988 г. // ФО. О.3614/101–150. Колл. 3299/1–50. Нег. — 50, отп. — 50.

1989 г. Новгородская областная археологическая экспедиция ЛОИА АН СССР (рук. Е. Н. Носов). Раскопки на Новгородском (Рюриковом) городище (Новгородский р-н). Исследования в центральной части городища: заложена траншея (28 кв. м) по линии запад–восток в границах раскопа 1987 г. и новая прирезка (52 кв. м) с востока. Раскопки селища у д. Васильевское (Новгородский р-н). Раскоп (148 кв. м) прирезан с севера и запада к раскопу 1988 г. Раскопки на городище у д. Георгий (Новгородский р-н). Исследования в центральной части: раскоп (40 кв. м) прирезан с юга к раскопу С. Н. Орлова 1979 г. Разведки в Новгородском районе Новгородской области: селище у д. Завал, селище I у д. Георгий, поселения Шиловка I и II. Полевой отчет: текст, опись находок // РО. Ф. 35. Оп. 1. 1989. Д. 61. 28 л.; Полевой дневник А. В. Плохова (селище у д. Васильевское) // РО. Ф. 35. Оп. 1. 1989. Д. 62. 20 л.; Полевой дневник // РО. Ф. 35. Оп. 1. 1989. Д. 63. 13 л.; Фотоматериалы раскопок Новгородского (Рюрикова) городища, селища Васильевского, городища Георгий. Фотографии полевой работы, чертежей, находок. Снимки Е. Н. Носова и лаб. ЛОИА АН СССР, 1989–1990 гг. // ФО. О.3654/1–45. Колл. 3343/1–45. Нег. — 45, отп. — 45.

1990 г. Новгородская областная археологическая экспедиция ЛОИА АН СССР (рук. Е. Н. Носов). Раскопки на городище у д. Георгий (Новгородский р-н). Исследования в центральной части: раскоп (144 кв. м) прирезан с востока и юга к раскопу 1989 г.; заложена траншея (48 кв. м.), прорезающая южный конец сохранившейся части вала, для изучения фортификации поселения. Раскопки селища у д. Васильевское (Новгородский р-н). Раскоп (53 кв. м) прирезан с севера к раскопам 1985–1989 гг. Разведки в Демянском районе Новгородской области: обследованы предполагаемые месторасположения курганов у сс. Красея, Черный Ручей, Беляевщина; сопки и жальник у д. Кривская, одиночный курган у д. Заозерье. Полевой отчет: текст, опись находок // РО. Ф. 35. Оп. 1. 1990. Д. 55. 25 л.; Полевой дневник Е. Н. Носова // РО. Ф. 35. Оп. 1. 1990. Д. 56. 20 л.; Полевые чертежи // РО. Ф. 35. Оп. 1. 1990. Д. 57. 9 л.

1991 г. Новгородская областная археологическая экспедиция ИИМК РАН (рук. Е. Н. Носов). Раскопки на городище у д. Георгий (Новгородский р-н). Исследования на центральной площадке городища: раскоп (76 кв. м) прирезан с запада и юга к раскопам 1989–1990 гг.; траншея (36 кв. м) заложена к югу от площадки городища, для определения границ памятника. Разведки в Новгородской области. Маловишерский район: сопки, селище и

жальник у бывшей усадьбы Коломна, селище и одиночный курган у д. Сорочино; Любытинский район: селище у д. Боровщина, курганы у пос. Любытино. Полевой отчет: текст, опись находок // РО. Ф. 35. Оп. 1. 1991. Д. 46. 16 л.; Полевые чертежи // РО. Ф. 35. Оп. 1. 1991. Д. 47. 6 л.; Фотоматериалы раскопок городища у д. Георгий. Фотографии полевой работы. Снимки Е. Н. Носова и лаб. ЛОИА АН СССР, 1991–1992 гг. // ФО. О.3654/46–62. Колл. 3380/1–17. Нег. — 17, отп. — 17.

1992 г. Новгородская областная археологическая экспедиция ИИМК РАН (рук. Е. Н. Носов). Раскопки на городище у д. Георгий (Новгородский р-н). Исследования на центральной площадке городища: раскоп (40 кв. м) прирезан с востока и юга к раскопу 1991 г. Полевой отчет: текст, опись находок // РО. Ф. 35. Оп. 1. 1992. Д. 32. 12 л.; Полевые чертежи // РО. Ф. 35. Оп. 1. 1992. Д. 33. 5 л.

1994 г. Новгородская областная археологическая экспедиция ИИМК РАН (рук. Е. Н. Носов). Раскопки на Новгородском (Рюриковом) городище (Новгородский р-н). Исследования в мысовой части городища: на южном берегу Сиверсова канала продолжены работы (32 кв. м) в границах раскопа 2 1993 г. с небольшими прирезками к востоку; на северном берегу Сиверсова канала, на месте древней крепости, раскоп 2 (36 кв. м) прирезан с востока к раскопам 1977–1979 гг. Исследования в центральной части городища: траншея (40 кв. м) заложена в высокой части городища, на поле, в 220 м к северо-востоку от северо-восточного угла церкви Благовещения, в районе холмика Николы. Полевой отчет: текст, опись находок // РО. Ф. 35. Оп. 1. 1994. Д. 13. 29 л.; Полевые чертежи // РО. Ф. 35. Оп. 1. 1994. Д. 14. 12 л.

1995 г. Новгородская областная археологическая экспедиция ИИМК РАН (рук. Е. Н. Носов). Раскопки на Новгородском (Рюриковом) городище (Новгородский р-н). Исследования в мысовой части городища: на южном берегу Сиверсова канала раскоп 1 (28 кв. м) прирезан с востока к раскопу 2 1993–1994 гг.; раскоп 2 (16 кв. м) заложен в 40 м к западу от раскопа 1994 г., в конце глиняно-земляного вала, насыпанного при строительстве канала; на северном берегу Сиверсова канала, на месте древней крепости; раскоп 3 (16 кв. м) прирезан к восточной стенке раскопов 1977–1979 гг. Полевой отчет: текст // РО. Ф. 35. Оп. 1. 1995. Д. 14. 9 л.

1996 г. Новгородская областная археологическая экспедиция ИИМК РАН (рук. Е. Н. Носов). Раскопки на Новгородском (Рюриковом) городище (Новгородский р-н). Полевые чертежи // РО. Ф. 35. Оп. 1. 1996. Д. 12. 9 л.

1998 г. Новгородская областная археологическая экспедиция ИИМК РАН (рук. Е. Н. Носов). Раскопки на Новгородском (Рюриковом) городище (Новгородский р-н). Исследования в мысовой части городища: на северном берегу Сиверсова канала, на месте древней крепости, продолжены работы (88 кв. м) в границах раскопа 1997 г. Полевой отчет. Часть 1: текст, опись, чертежи, фотографии // РО. Ф. 35. Оп. 1. 1998. Д. 14. 80 л.

2000 г. Новгородская областная археологическая экспедиция ИИМК РАН (рук. Е. Н. Носов). Раскопки на Новгородском (Рюриковом) городище (Новгородский р-н). Исследования в мысовой части городища: на северном берегу Сиверсова канала, на месте древней крепости, раскоп 1 (48 кв. м) прирезан к западной стенке раскопов 1997–1999 гг.; раскоп 2 прирезан к северной границе раскопов 1997–1999 гг. (72 кв. м). Полевой отчет: текст, опись, чертежи, фотографии // РО. Ф. 35. Оп. 1. 2000. Д. 14. 134 л.

2001 г. Новгородская областная археологическая экспедиция ИИМК РАН (рук. Е. Н. Носов). Раскопки на Новгородском (Рюриковом) городище (Новгородский р-н). Исследования в мысовой части городища: на северном берегу Сиверсова канала, на месте древней крепости, на раскопе 1 (80 кв. м) продолжены работы в границах раскопа 2000 г. и частично в границах раскопов 1997–1999 гг.; на раскопе 2 (72 кв. м) продолжены работы в границах раскопа 2000 г. Полевой отчет: текст, опись, чертежи, фотографии // РО. Ф. 35. Оп. 1. 2001. Д. 21. 142 л.

2002 г. Новгородская областная археологическая экспедиция ИИМК РАН (рук. Е. Н. Носов). Раскопки на Новгородском (Рюриковом) городище (Новгородский р-н).

Исследования в мысовой части городища: на северном берегу Сиверсова канала, на месте древней крепости, на раскопе I (Западный) (116 кв. м) продолжены работы в границах раскопов 2000–2001 гг. с небольшими прирезками к западу, северу и югу; на раскопе II (Северный) продолжены работы (28 кв. м) в границах раскопа 2002 г. с новой прирезкой (24 кв. м) к западу. Полевой отчет: текст, опись, чертежи, фотографии // РО. Ф. 35. Оп. 1. 2002. Д. 21. Ч. 1. Л. 1–117.

2003 г. Новгородская областная археологическая экспедиция ИИМК РАН (рук. Е. Н. Носов). Раскопки на Новгородском (Рюриковом) городище (Новгородский р-н). Исследования в мысовой части городища: на северном берегу Сиверсова канала, на месте древней крепости, заложен раскоп I (Западный) (76 кв. м); на раскопе II (Северный) продолжены работы (100 кв. м) в границах раскопа 2002 г.; две траншеи (общей площадью 20 кв. м) заложены к северу от Северного раскопа, для поперечного разреза мысовой части городищенского холма; шурф (1 кв. м) заложен к западу от раскопа I на песчаном пляже. Полевой отчет. Часть 1: текст, опись, чертежи, фотографии // РО. Ф. 35. Оп. 1. 2003. Д. 20. Ч. 1. Л. 1–162.

2006 г. Новгородская областная археологическая экспедиция ИИМК РАН (рук. Е. Н. Носов). Раскопки на Новгородском (Рюриковом) городище (Новгородский р-н). Исследования в центральной части городища: вдоль южного края современного кладбища, на месте падения восточного склона древнего рва, заложен раскоп (240 кв. м). Полевой отчет: текст, опись, чертежи, фотографии // РО. Ф. 35. Оп. 1. 2006. Д. 18. 162 л.

2007 г. Новгородская областная археологическая экспедиция ИИМК РАН (рук. Е. Н. Носов). Раскопки на Новгородском (Рюриковом) городище (Новгородский р-н). Исследования в центральной части городища: вдоль южного края современного кладбища, на месте падения восточного склона древнего рва, заложен раскоп (120 кв. м) в границах раскопа 2006 г. и новая прирезка (144 кв. м) к югу и северо-западу. Разведочные раскопки у д. Юрьево (Юрьева слобода), недалеко от Юрьева монастыря (Новгородский р-н): шурфовка общей площадью 200 кв. м. Полевой отчет о раскопках на Новгородском (Рюриковом) городище: текст, опись, чертежи, фотографии // РО. Ф. 35. Оп. 1. 2007. Д. 20. 139 л.; Полевой отчет о раскопках у д. Юрьево: текст, опись, чертежи, фотографии // РО. Ф. 35. Оп. 1. 2007. Д. 21. 176 л.

2008 г. Новгородская областная археологическая экспедиция ИИМК РАН (рук. Е. Н. Носов). Раскопки на Новгородском (Рюриковом) городище (Новгородский р-н). Исследования в центральной части городища: вдоль южного края современного кладбища, на месте падения восточного склона древнего рва, заложен раскоп (244 кв. м) в границах раскопов 2006–2007 гг. и новая прирезка (90 кв. м) к северу. Полевой отчет: текст, опись, чертежи, фотографии // РО. Ф. 35. Оп. 1. 2008. Д. 28. 150 л.

2009 г. Новгородская областная археологическая экспедиция ИИМК РАН (рук. Е. Н. Носов). Раскопки на Новгородском (Рюриковом) городище (Новгородский р-н). Исследования в центральной части городища: вдоль южного края современного кладбища, на месте падения восточного склона древнего рва, заложен раскоп (172 кв. м) в границах раскопов 2007–2008 гг. и новая прирезка (40 кв. м) к северу. Полевой отчет: текст, опись, чертежи, фотографии // РО. Ф. 35. Оп. 1. 2009. Д. 19. 112 л.

2010 г. Новгородская областная археологическая экспедиция ИИМК РАН (рук. Е. Н. Носов). Раскопки на Новгородском (Рюриковом) городище (Новгородский р-н). Исследования в центральной части городища: вдоль южного края современного кладбища, на месте падения восточного склона древнего рва, заложен раскоп (53 кв. м) в границах раскопов 2008–2009 гг. Полевой отчет: текст, опись, чертежи, фотографии // РО. Ф. 35. Оп. 1. 2010. Д. 11. 78 л.

2011 г. Новгородская областная археологическая экспедиция ИИМК РАН (рук. Е. Н. Носов). Раскопки на Новгородском (Рюриковом) городище (Новгородский р-н). Исследования в центральной части городища: на краю высокого берега Волхова в 40 м к юго-западу от церкви Благовещения, на месте возведения памятного знака «Княжий

камень», заложен раскоп (108 кв. м). Полевой отчет: текст, опись, чертежи, фотографии // РО. Ф. 35. Оп. 1. 2011. Д. 15. 139 л.

2012 г. Новгородская областная археологическая экспедиция ИИМК РАН (рук. Е. Н. Носов). Раскопки на Новгородском (Рюриковом) городище (Новгородский р-н). Исследования в центральной части городища: на краю высокого берега Волхова в 40 м к юго-западу от церкви Благовещения, на месте возведения памятного знака «Княжий камень», раскоп (72 кв. м) прирезан с юга к раскопу 2011 г. Полевой отчет: текст, опись, чертежи, фотографии // РО. Ф. 35. Оп. 1. 2012. Д. 14. 126 л.

Беляев и др., 2020 — *Беляев Л. А., Гайдуков П. Г., Мунчаев Р. М., Макаров Н. А., Лапшин В. А.* Евгений Николаевич Носов // РА. 2020. Вып. 3. С. 212–213.

Всевиов, 2010 — *Всевиов Л. М.* Список печатных работ Е. Н. Носова // Диалог культур и народов средневековой Европы. К 60-летию со дня рождения Евгения Николаевича Носова. СПб.: Дмитрий Буланин, 2010. С. 14–25.

Дорофеева, 2020 — *Дорофеева Т. С.* Городище навсегда // АВ. 2020. Вып. 28. С. 37–39.

Кирпичников, 2010 — *Кирпичников А. Н.* Творческий путь Евгения Николаевича Носова. К 60-летию со дня рождения // Диалог культур и народов средневековой Европы. К 60-летию со дня рождения Евгения Николаевича Носова. СПб.: Дмитрий Буланин, 2010. С. 9–14.

Лапшин, 2020 — *Лапшин В. А.* Концепция древнерусского города в трудах Е. Н. Носова // АВ. 2020. Вып. 28. С. 27–31.

Лапшин, Платонова, 2019 — *Лапшин В. А., Платонова Н. И.* Памяти Евгения Николаевича Носова (1949–2019) // АВ. 2019. Вып. 25. С. 328–331.

Лапшин и др., 2020 — *Лапшин В. А., Платонова Н. И., Алёкшин В. А.* Памяти Евгения Николаевича Носова (1949–2019), ученого, руководителя, друга // АВ. 2020. Вып. 28. С. 11–15.

Носов, 1990 — *Носов Е. Н. Новгородское (Рюриково) городище*. Л.: Наука, 1990. 216 с.

Хвощинская, 2020 — *Хвощинская Н. В.* «Где начиналась Русь» (к 45-летию исследований на Городище Новгородской областной экспедиции ИИМК РАН) // АВ. 2020. Вып. 28. С. 16–22.

The documentary heritage of Evgeny Nikolaevich Nosov in the Scientific archive of the Institute for the History of Material Culture of RAS

M. V. Medvedeva, O. V. Grigorieva

Keywords: E. N. Nosov, archival documents, scientific activity, field reports and photographs, Novgorod Regional Archaeological Expedition, history of archaeology, Scientific archive of IHMC RAS, Old Russian archaeology

The Scientific archive of the Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences (IHMC RAS) holds the documentary heritage of Evgeny Nikolaevich Nosov. The materials are concentrated in the manuscript and photographic collections of the LDIA AS USSR / IHMC RAS. The documents accurately reflect the scientist's academic career and the results of his office and field work. The article provides a list of the documentation.

Н. В. Хвощинская[1]

Мысовая часть Рюрикова городища в древнерусский период (к итогам исследований на северном берегу Сиверсова канала)[2]

Аннотация. *В статье впервые рассматриваются материалы древнерусского периода, полученные в результате 12 лет исследований Новгородской областной археологической экспедиции ИИМК РАН на северном берегу Сиверсова канала на месте расположения крепости в период викингов. Культурный слой этого времени на данном участке поселения начинает накапливаться на рубеже XI–XII вв., а первые постройки появляются здесь не ранее третьей четверти XII в. Несмотря на периферийность мысового участка Городища, в целом ассортимент находок в древнерусском слое с органикой довольно разнообразный, но преобладают различные изделия хозяйственного назначения.*

Ключевые слова: *мысовая часть Рюрикова городища, древнерусское время, материальная культура, постройки.*

Новгородской областной археологической экспедицией ИИМК РАН в мысовой части Рюрикова городища в результате многолетних исследований на северном берегу Сиверсова канала была вскрыта площадь около 741 кв. м. В то же время не все материалы этих раскопок введены в научной оборот, в частности, до сих пор не было уделено достаточного внимания анализу древнерусских слоев на данном участке памятника. Однако древнерусский горизонт перекрывает здесь заполнения рва эпохи викингов и невольно в историко-культурном контексте неразрывно связан с общей стратиграфической ситуацией, выявленной при изучении низменного мыса. Поэтому, прежде чем перейти к характеристике собственно древностей древнерусской поры, уместно коротко остановиться на предшествующем периоде жизни Городища.

В середине IX в. в мысовой части была построена дерево-земляная крепость, окруженная рвом, однако к концу столетия это грандиозное оборонительное сооружение прекратило свое существование. К тому времени ров достаточно заплыл, и на рубеже веков в нем устроили наружные хлебные печи. Конец IX в. — первая треть X в., по мнению А. В. Плохова, было временем интенсивного строительства (*Плохов*, 2022. С. 181–196), когда происходит расширение поселения за пределы фортификационных сооружений, осваивается и низменная мысовая часть Городища. В последующий период X в. обжитая ранее площадь продолжает использоваться, и на участке, рассматриваемом нами, после разрушения печей строится жилой дом, который Е. Н. Носов датировал последней четвертью X в. (*Носов*, 1990. С. 61). В периоды использования рва в хозяйственных нуждах в слой при разных обстоятельствах попадают многочисленные предметы материальной культуры: кости, керамика, деревянные изделия и их обломки, встречаются элементы одежды и украшений и даже атрибуты языческого культа. Однако приток вещей и накопление культурного слоя заканчиваются на рубеже X–XI вв.

[1] Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, РФ: e-mail: kottimoshka85@mail.ru

[2] Исследование выполнено по теме государственного задания «Северная Русь в евразийском археологическом контексте: этнокультурное разнообразие и общие закономерности исторического развития в свете становления научных знаний» (FMZF-2025-0011).

© Хвощинская Н. В., 2025

Исследователи неоднократно отмечали отсутствие материалов XI в., прежде всего керамики, на Городище, что свидетельствует о некотором «запустении» территории. Е. Н. Носов объяснял снижение интенсивности жизни на поселении переездом княжеского двора в быстро растущий новый центр — Новгород. Исследователь связывал перенос резиденции со временем княжения Ярослава Владимировича, то есть с началом XI в. (*Там же*. С. 150, 151, 196, 197). Однако существует и иная точка зрения. В частности, А. Е. Мусин полагает, что перенос княжеской резиденции с Городища в Новгород происходит не во времена Ярослава Владимировича, а раньше, еще при Владимире, что и приводит к затуханию жизни на Городище в последней четверти X в. (*Мусин*, 2020. С. 61, 62). Предположение А. Е. Мусина находит определенное подтверждение в археологическом материале. Изучение ошлакованных раннегончарных сосудов на разных участках памятника позволило А. В. Плохову сделать вывод, что «во второй половине X в. на Городище произошел сплошной крупный пожар, в огне которого сгорела большая часть жилых и хозяйственных построек поселения» (*Плохов*, 2021. С. 123). Исходя из имеющейся в настоящее время дендродаты, полученной по спилу бревна из раскопа на северном берегу Сиверсова канала, а также классификационно-хронологической схемы, разработанной В. М. Горюновой для круговой керамики поселений Верхнего Поволховья, он пришел к заключению, что «вооруженный конфликт и возникший в результате пожар произошли, по всей видимости, вскоре после 978 г.», и связал это событие с междоусобной борьбой Ярополка и Владимира (*Там же*. С. 127).

Активизация жизни на Городище археологически возобновляется только в последней четверти XI в. Кроме небольшого количества предметов, характерных для культуры Новгорода XI в., на Городище встречены западноевропейские денарии 70-х гг. XI в. и костяное навершие плети с княжеским знаком, который В. Л. Янин атрибутировал как знак новгородского князя Глеба Святославича, занимавшего новгородский стол в 1067–1078 гг. К этому же времени относится и древнейшая из найденных на Городище булл, принадлежавшая Владимиру Мономаху и датируемая серединой 70-х гг. XI в. (*Носов*, 1990. С. 83, 150, 151). И только с рубежа XI–XII вв. количество находок увеличивается, они становятся разнообразными и многочисленными, как и в период IX–X вв.

Возвращение князей на Городище происходит на рубеже XI–XII вв. и знаменуется проведением грандиозных земляных работ по выравниванию и расширению площади резиденции перед новой застройкой и возведением княжеского храма Благовещения. Нивелируются остатки оборонительных конструкций, засыпается ров. В мысовой части памятника в стратиграфических разрезах прослеживается слой серо-желтой супеси, практически без находок, который отделяет раннесредневековые горизонты от культурного слоя, накопившегося уже в древнерусское время (рис. 1). Непосредственно надо рвом благодаря влажности сохраняются органические материалы как в ранних напластованиях IX–X вв. (основном заполнении рва), так и в нижней части древнерусского слоя, имеющих схожую структуру и окраску. Поскольку стерильный слой выклинивается к краю мыса, то разновременные пласты (IX–X и XII–XIII вв.) сливаются в единый горизонт темно-коричневого цвета, различаясь только в характере представленных в них находок и керамики. Начало накопления культурного слоя определяется серией дат между 1081 и 1106 гг., полученных со спилов сосновых и еловых бревен, находящихся в древнерусском культурном слое с органическими остатками[3].

При засыпке рва на поверхности образовались различные неровности — впадины и углубления. Две из них были зафиксированы в северо-восточном углу раскопа: одна, небольшого размера, — непосредственно в углу (рис. 1), а южнее ее на площади шести квадратов располагалась вторая, более крупная, западина. Именно в них начал скапливаться культурный слой и, судя по характеру заполнения, в ров просто начали сбрасывать мусор.

[3] Дендрохронологический анализ проведен в Лаборатории дендрохронологии Новгородского государственного объединенного музея-заповедника О. А. Тарабардиной.

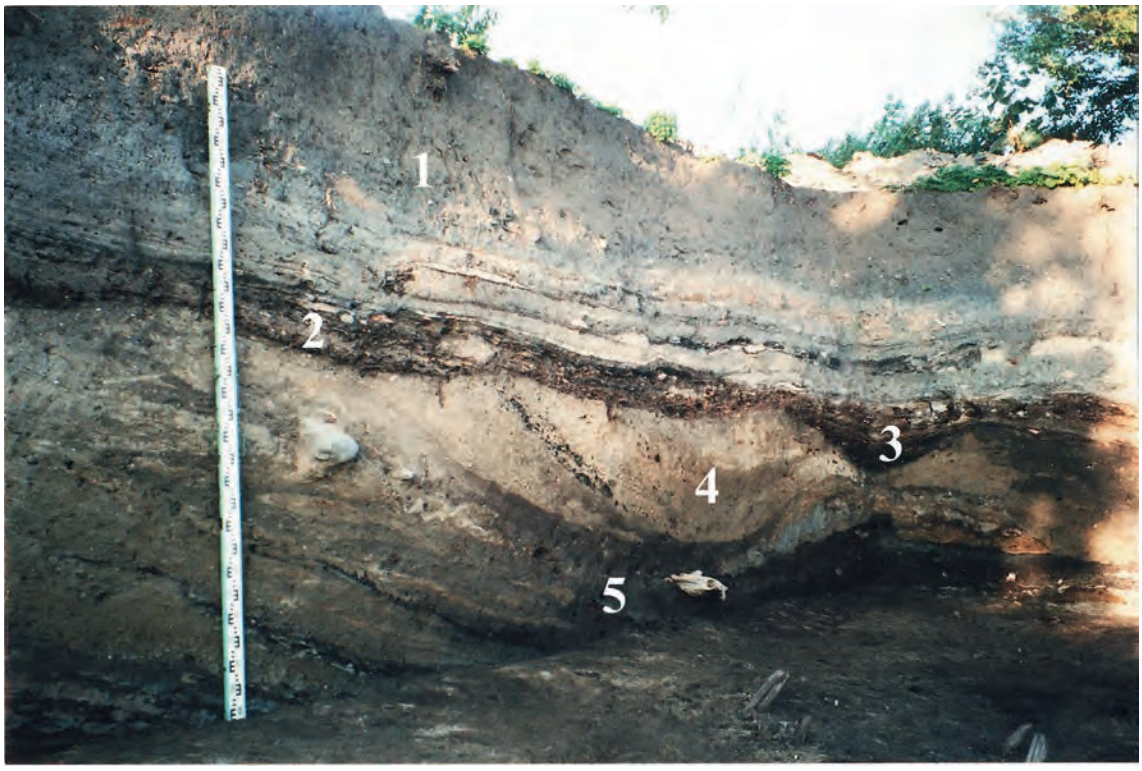

Рис. 1. Стратиграфия северной стенки раскопа 2004 г.:
1 — темно-серый слой;
2 — древнерусский темно-коричневый слой с органикой;
3 — углубление — место находки берестяной грамоты;
4 — слой серо-желтой засыпи рва;
5 — раннесредневековый темно-коричневый слой с органикой

Так, в бóльшей по размеру западине концентрируются отходы кожевенного производства — около 500 различных деталей обуви, фрагментов других кожаных изделий, обрезков кроя и краев шкур и т. д. По мнению А. В. Курбатова, все они относятся к образцам местного новгородского производства рубежа XI–XII вв. и изготовлены профессиональным сапожником (*Курбатов*, 2007. С. 99, 100). Кроме того, здесь наблюдается скопление черепков амфор (68 экз.), обломков тиглей (более 50 экз.) и фрагментов плинфы (89 экз.). Данное скопление плинфы попало в ров, видимо, в период строительства церкви Благовещения (1099–1103).

Среди всего этого мусора из небольшой ямки в углу раскопа происходит берестяная грамота (рис. 1). Она представляла собой фрагмент письма, написанного на обеих сторонах берестяного листа. Пока это единственная грамота, найденная на Городище, и в общий каталог новгородских берестяных грамот она вошла под номером 950 (рис. 2). Лингвистический разбор текста грамоты был проведен А. А. Зализняком и В. Л. Яниным (*Зализняк и др.,* 2004. С. 22, 23).

Вторая раритетная находка была представлена энколпионом, обнаруженным в соседнем западном квадрате на той же высотной отметке, что и грамота. По заключению А. А. Песковой реликвариум относится к группе малых рельефно-черневых энколпионов с изображениями на лицевой створке Распятия с предстоящими, а на оборотной — Богоматери с руками перед грудью (Ассунта) и трех святых (рис. 3, *2*). По стилю и технике исполнения он близок энколпиону с Неревского раскопа Новгорода из слоя конца XI — начала XII в. (*Седова*, 1981. С. 55–57, рис. 18, *3, 4*; *Корзухина, Пескова*, 2003. С. 102, каталог: табл. 55, *III. 1. 1/3*).

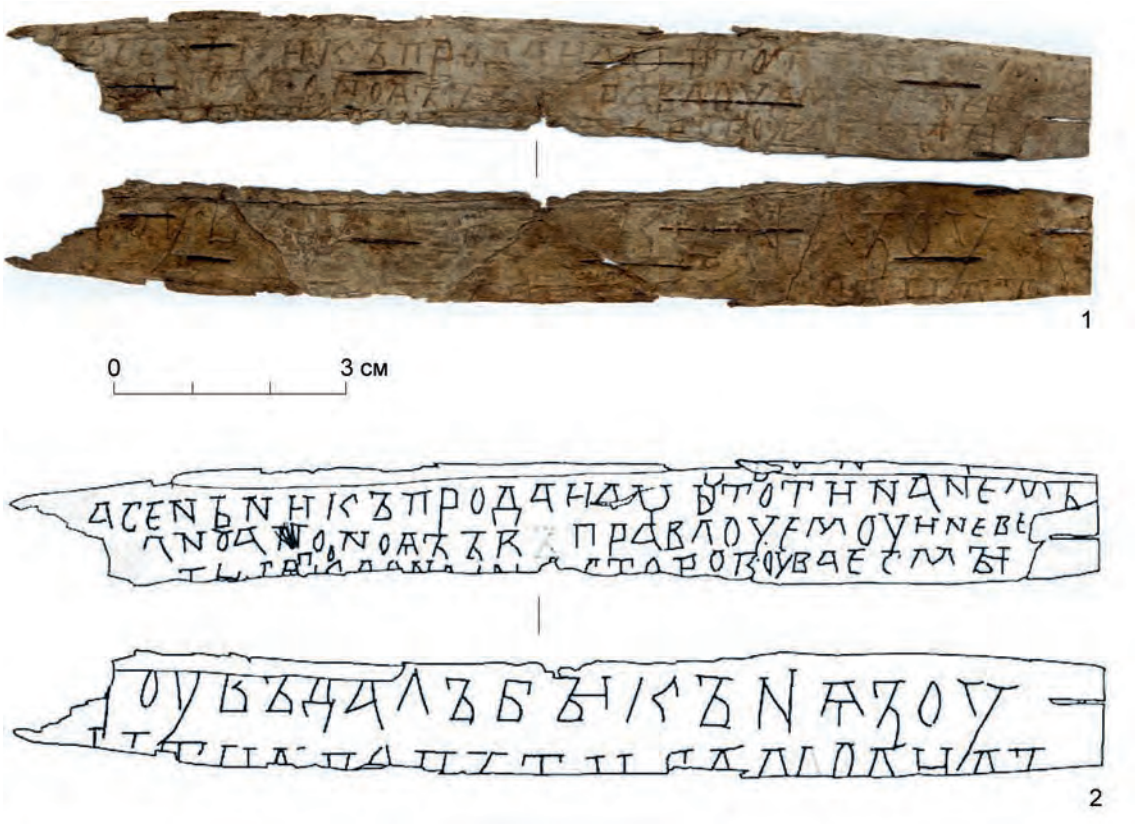

Рис. 2. Берестяная грамота

Несмотря на периферийность мысового участка Городища, в целом ассортимент находок в древнерусском слое с органикой довольно разнообразный, но преобладают различные изделия хозяйственного назначения: берестяные туеса и крышки от них (рис. 3, *4*), оглобля, фрагменты граблей (рис. 4, *2*), санный полоз, донце из луба с оплеткой, деревянные донца и крышки, обрывки лыковых и пеньковых веревок (рис. 4, *3, 4, 6*), бондарные обручи, оселки из сланца и песчаника, шиферные пряслица и прочие бытовые предметы.

Из деревянных изделий следует упомянуть два копыла, один из которых был украшен резным плетеным орнаментом (рис. 3, *3*), раскрашенным красной краской; небольшую ложечку также с раскрашенным резным узором (рис. 4, *7*); миску с вырезанными с внешней и внутренней сторон донца знаками (рис. 3, *5*); миску с поддоном (рис. 4, *1*); счетные бирки, в том числе на зооморфных навершиях (рис. 5); фрагменты черпака; предмет типа колка (рис. 4, *5*); детскую игрушку — стрелку (рис. 6, *7*); лопаточку и др.

Находки из стекла представлены немногочисленными бусами, тремя обломками перстней и осколками сосудов и оконного стекла. Среди предметов из железа (всего 24 экз.) встречены фрагменты гвоздей, накладок и колечек, пряжка, крюк, а наиболее интересна находка псалия с латунной инкрустацией (рис. 3, *6*).

Немногочисленны и находки из цветного металла (11 экз.). Наряду с малоинформативными обломками зафиксированы фрагмент серьги, ушко от котла, поясная бляшка, игла от фибулы, свинцовый грузик и подвеска-змеевик с изображением Распятия, к сожалению, очень плохой сохранности (рис. 3, *1*).

Костяные изделия представлены тремя рукоятями, одной пряжкой, двумя накладками, двусторонним гребнем и фрагментами костей животных со следами обработки или пропилов.

Рис. 3. Находки из древнерусского слоя с органикой: *1* — подвеска-змеевик; *2* — энколпион; *3* — копыл; *4* — крышка от берестяного туеса; *5* — миска; *6* — железный псалий с инкрустацией

Среди единичных предметов отметим обломок янтарного колечка, домонгольскую свинцовую печать, которую не удалось атрибутировать, и пломбу дрогичинского типа. Кроме того, в слое встречены семь обломков смальты и напольная плитка, а также лесные орехи, вишневые косточки и такие экзотические плоды, как грецкие орехи и миндаль.

Застройка мысовой части Городища начинается не раньше третьей четверти XII в. Всего на площади раскопов выявлено четыре срубные постройки на гидроизоляционных фундаментных площадках (рис. 7), датируемые в пределах третьей четверти XII — середины XIII в., а также имеются сведения о двух постройках с подвальными помещениями. Остатки домов древнерусского времени располагались на границе нижних горизонтов темно-серого и темно-коричневого с органикой слоев. Постройки на песчаных или глиняных площадках были выявлены в восточной части раскопа непосредственно над ранними заполнениями рва.

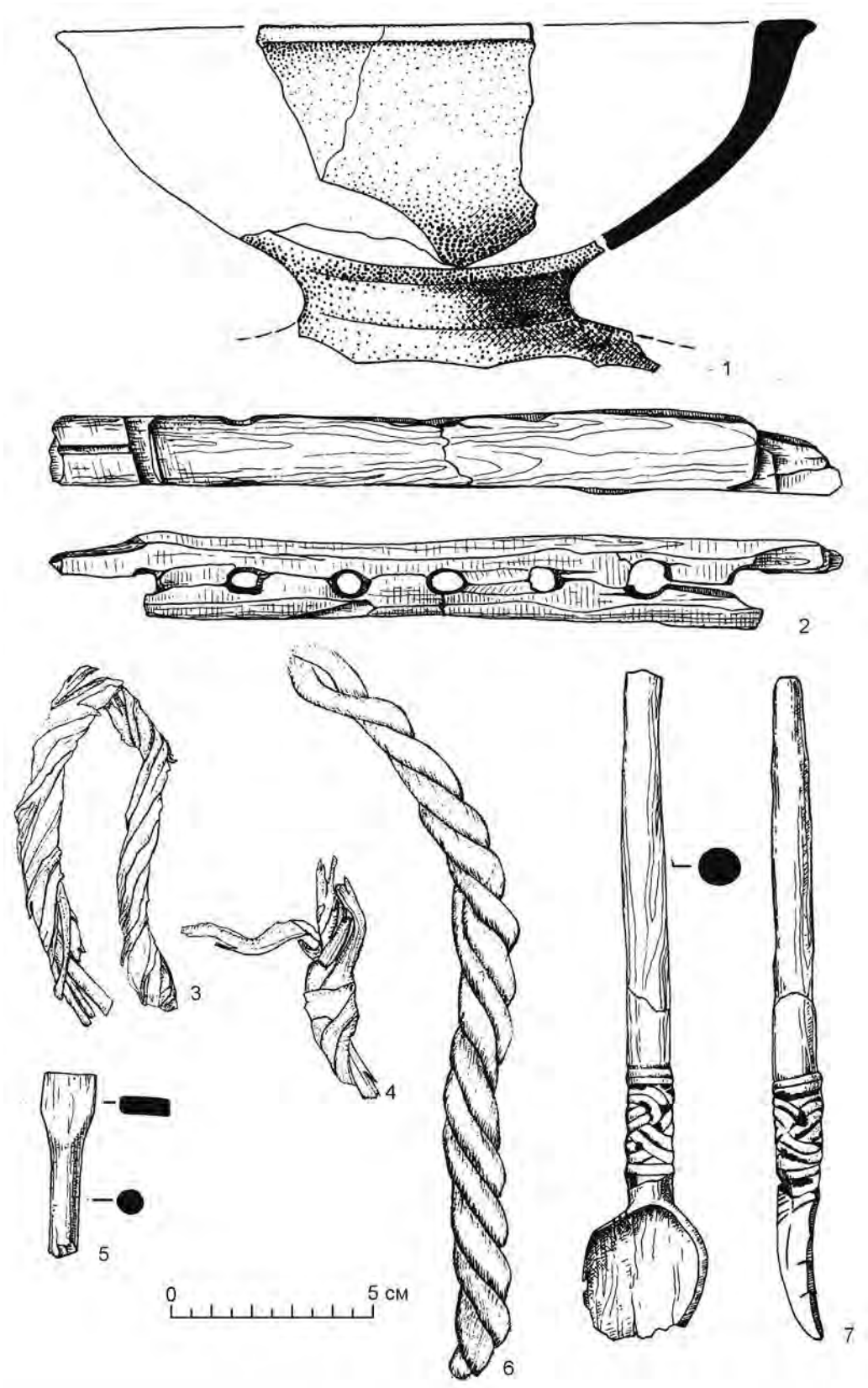

Рис. 4. Находки из древнерусского слоя с органикой: *1* — миска с поддоном; *2* — обломок граблей; *3, 4, 6* — обрывки веревок; *5* — колок; *7* — ложка

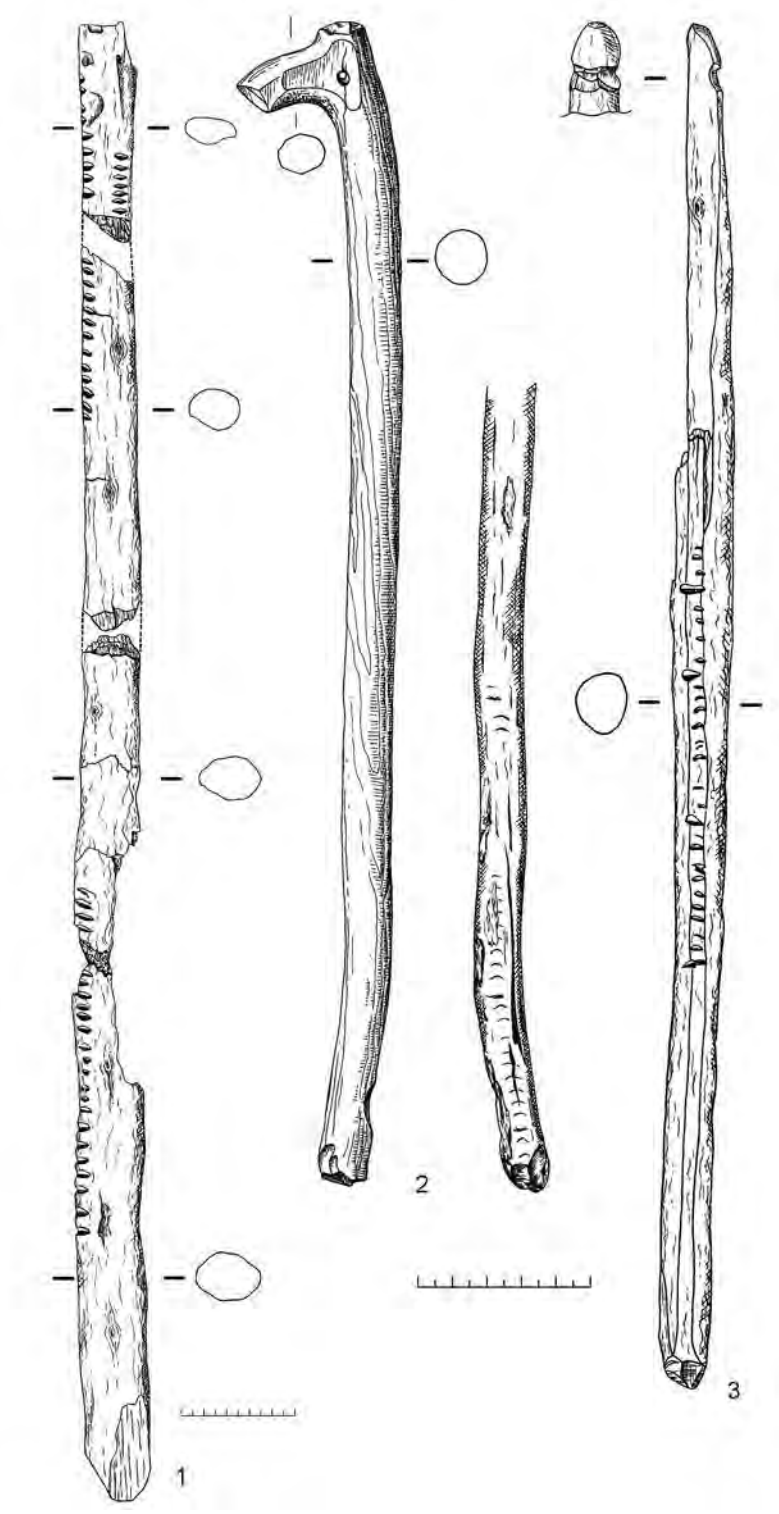

Рис. 5. Деревянные бирки

Рис. 6. Находки из слоев древнерусского времени: *1* — бронзовый витой перстень; *2* — каменная литейная формочка; *3* — костяная накладка; *4* — двусторонний гребень; *5* — костяная стрелка; *6* — каменный топорик; *7* — деревянная стрелка

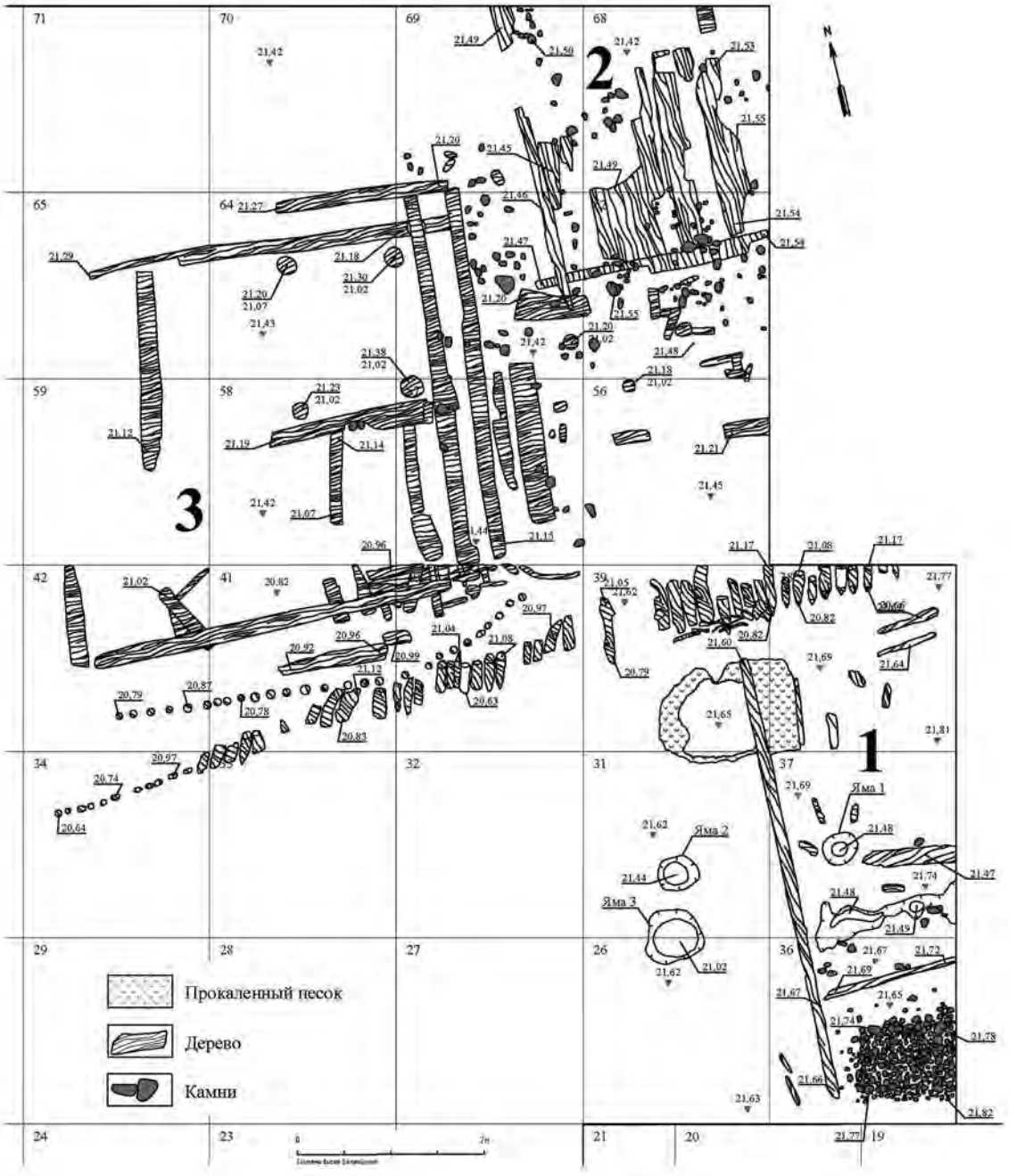

Рис. 7. План расположения построек 1–3 на фундаментных площадках

Рис. 8. Глиняная фундаментная площадка постройки 1. Вид с запада

Постройка 1 (раскопы 1997, 1998 гг.)

Постройка находилась в темно-сером слое, имела прямоугольную форму и была возведена на глинистой фундаментной площадке (рис. 7; 8). В площадь раскопа вошла ее западная половина (около 12 кв. м). Западная граница сооружения хорошо прослеживается по длинному бревну (длиной 4,80 м, шириной 0,12–0,14 м), вытянутому с юго–юго-востока на северо–северо-запад (на уровне 21,60/21,53 м по БС). О северной границе постройки можно судить по краю подсыпки и двум фрагментам дерева, расположенным перпендикулярно западному бревну. Местами внутри постройки на глиняной площадке встречались остатки плах в сильно истлевшем состоянии.

В юго-западном углу сооружения находилась печь-каменка. Плотный развал булыжников (диаметром около 10 см) и их обломков, сцементированных глиной, занимал площадь 0,8 × 1,0 м и частично уходил под восточную стенку раскопа. С севера развал камней на песчаной подсыпке был ограничен деревянной лагой (длиной 1,50 и шириной 0,08–0,10 м), представленной в виде тлена. Под подом печи обнаружено скопление плит из белого песчаника, которые концентрировались вдоль западной границы постройки, некоторые лежали на боку под уклоном 45°. Видимо, эти плиты находились в основании постройки под нижними венцами сруба. Подкладки из известняковых плит встречаются в конструкциях построек Старой Ладоги (*Равдоникас*, 1949. С. 16). У северного края сруба под кусками обожженной глины встречен череп и часть скелета собаки.

При разборке постройки только при расчистке пода печи были обнаружены лишь маловыразительные небольшие обломки гончарной посуды. Несмотря на то, что она находилась в культурном слое с перемешанным материалом, все же в определенной степени о ее общей датировке можно судить по находкам и обломкам керамики, обнаруженным в том же культурном горизонте[4]. По мнению В. М. Горюновой, в слое преобладали формы сосудов, характерные для первой половины XIII в. (рис. 9; 10). Не противоречат этим

[4] Вся гончарная керамика обработана, зарисована и скомпонована в таблицы В. М. Горюновой. Ею также была дана характеристика керамического материала по отдельным культурным горизонтам.

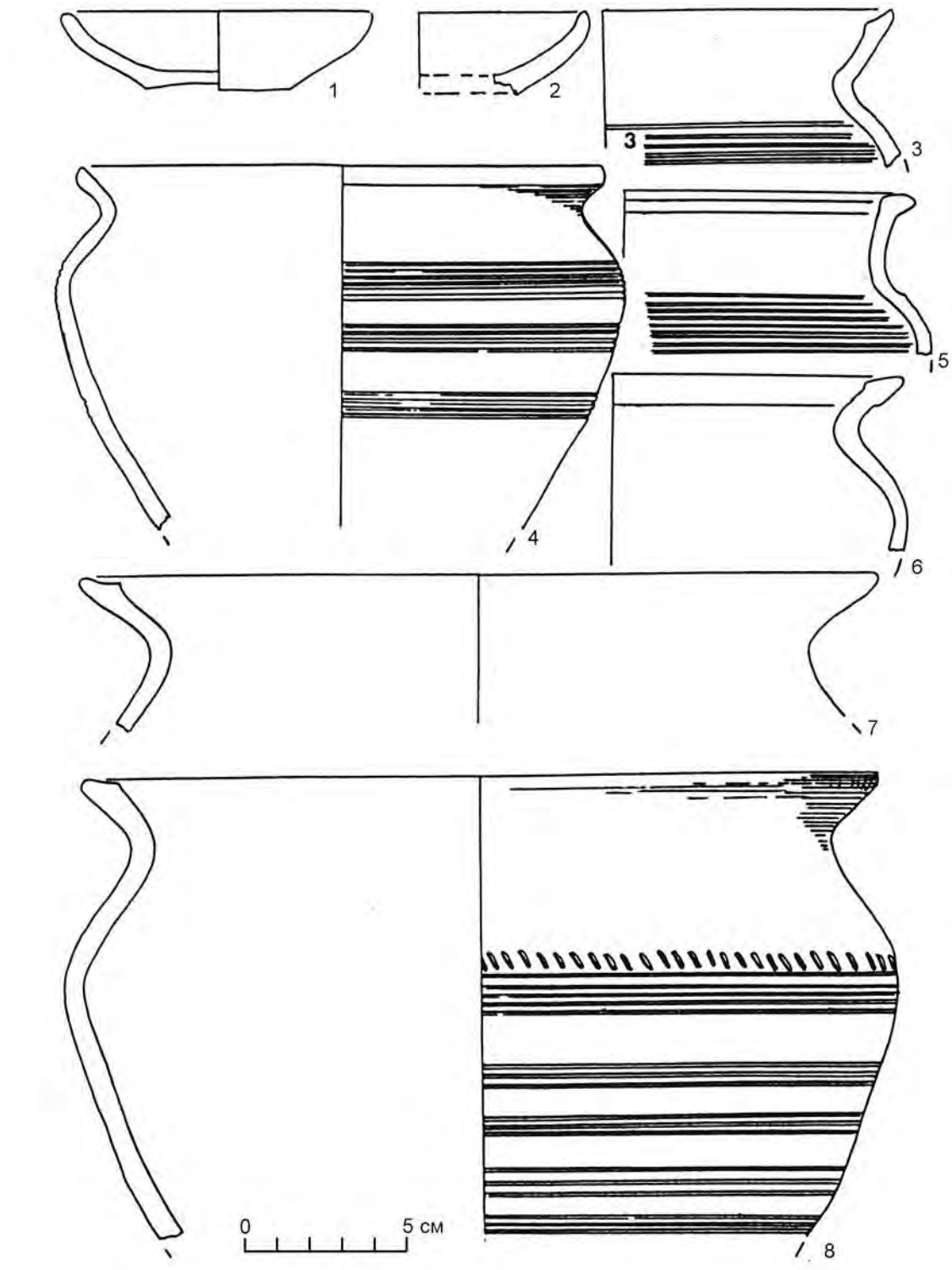

Рис. 9. Образцы гончарной керамики последней четверти XII — XIII в. из горизонта постройки 1 (по В. М. Горюновой)

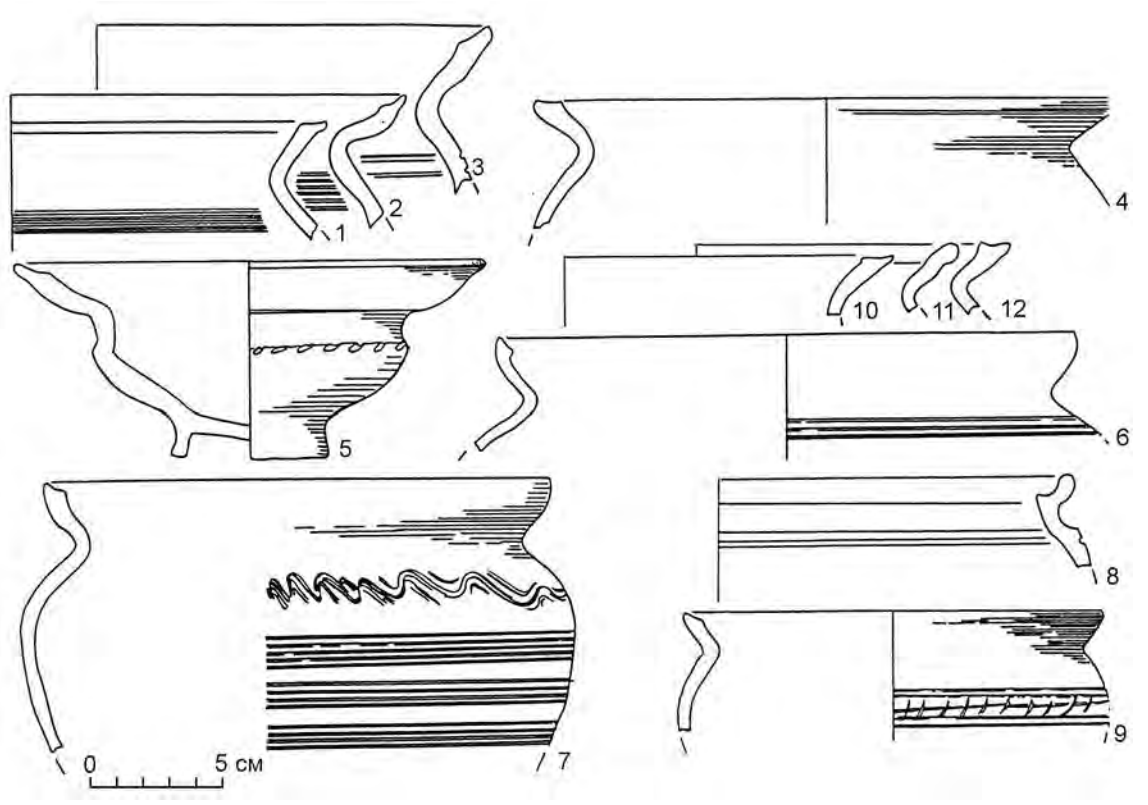

Рис. 10. Образцы гончарной керамики XIII–XIV вв. из горизонта постройки 1: *1–4, 6–9* — XIII в.; *5*, *10–12* — XIII–XIV вв. (*10–12* — из заполнения ямы 3) (по В. М. Горюновой)

хронологическим границам и встреченные здесь находки различных изделий (всего 185), значительную часть которых составляли многочисленные обломки древнерусских стеклянных браслетов и перстней, бусы, осколки стеклянных сосудов и фрагмент оконного стекла. Среди обычных бытовых предметов можно отметить ножи, ледоходные шипы, оселки, обломки бородки ключа и дужки цилиндрического замка, шиферное пряслице, свинцовый грузик. В коллекции также присутствуют предметы из кости: двусторонние гребни (целый и обломки) (рис. 6, *4*), втульчатая стрела для охоты на пушного зверя (рис. 6, *5*), заготовка обоймицы рукояти ножа. К индивидуальным предметам относятся миниатюрная крестовидная подвеска с циркульным орнаментом (размером 6 × 11 мм), обломок стеклянного крестика фиолетового цвета, витой бронзовый перстень с утолщенной серединой (рис. 6, *1*), две круглые пуговицы, спаянные из двух половинок, и каменный топорик с граффити (рис. 6, *6*). Безусловно, учитывая характер культурного слоя, некоторые предметы могли сюда попасть случайно, но общий контекст комплекса находок вполне позволяет датировать исследованную постройку в пределах XIII в.

В том же горизонте рядом с остатками постройки зафиксированы четыре ямы. Три из них являлись столбовыми и были заполнены рыхлым гумусом с включениями тлена от деревянных столбов.

Постройка № 2[5] (раскоп 2001 г.)

В темно-сером слое в 2001 г. были выявлены остатки еще одной срубной постройки древнерусского времени (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 1. 2001. Д. 21. Л. 14, 15). Она находилась севернее постройки 1, в северо-восточном углу раскопа, и уходила под северную

[5] В отчете 2001 г. постройка значится под № 1.

Рис. 11. Остатки постройки 2. Вид с севера

и восточную стенки (рис. 7; 11). Бревна и доски конструкции, частично обугленные, сохранились в виде древесного тлена различной мощности (бревна — 2–6 см, доски — 1–2 см), но общий ее облик достаточно ясен. Постройка ориентирована стенами приблизительно по сторонам света; судя по юго-западному углу, бревна были соединены рубкой в обло. Длина южной стены на площади раскопа — 2,6 м, западной стены — 3,4 м. Местами также сохранился тлен от досок пола, особенно в южной половине постройки. Дощатый настил был ориентирован параллельно западной стене приблизительно по линии север–юг (с отклонением по линии северо-запад–юго-восток). Иногда удавалось проследить, что ширина досок достигала около 20 см. После разборки тлена от досок пола и стен в этом же пласте был зафиксирован второй горизонт постройки, в котором были обнаружены фрагменты дерева и камни. Отдельные камни и их скопления встречались по всей площади постройки. Камни представляют собой мелкие валуны размером 4–20 см. Одно из таких скоплений обнаружено при расчистке южной части сооружения, на площади около 1,8 × 1,8 м. Очевидно, они относятся к развалу печи-каменки, но неясно, в какой части сруба она находилась. Остатков опечка не прослежено.

В пределах и рядом с постройкой при разборке культурного слоя встречено 17 индивидуальных находок. Среди них восемь стеклянных бус, одна круглая хрустальная и одна глиняная бусины, обломки перстня и браслета из стекла, осколок стенки бесцветного стеклянного сосуда, фрагмент писанки, обрывок золотой канители, пломба дрогичинского типа с княжеским знаком и три обломка сланцевых оселков.

Более определенно о хронологии сооружения можно судить по общей коллекции находок (всего 101), полученных при изучении всего культурного пласта, в котором располагался сруб. К наиболее значимым из них относятся три древнерусские вислые свинцовые печати. Среди них печать Ярополка Ярославича (1197) с изображениями архангела Гавриила и св. Прокопия (*Янин, Гайдуков*, 1998. Каталог № 195-а) и печать Всеволода Мстиславича (1117–1136) с отверстием для подвешивания (*Там же*. Каталог № 133-16). Упомянем также находки двусторонних костяных гребней и каменную литейную формочку для отливки пряжек (рис. 6, *2*).

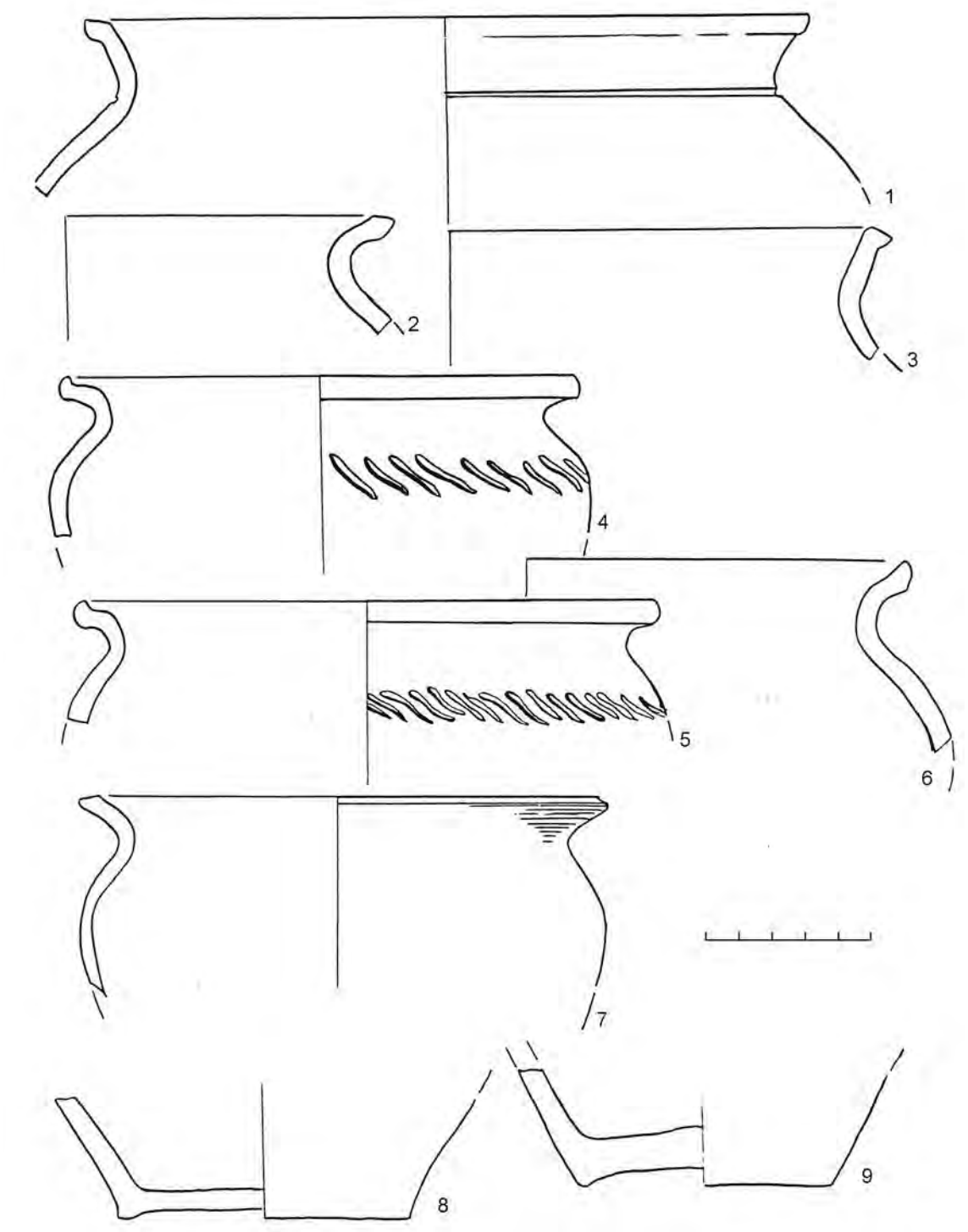

Рис. 12. Образцы гончарной керамики последней четверти XII — первой половины XIII в. из горизонта постройки 2 (по В. М. Горюновой)

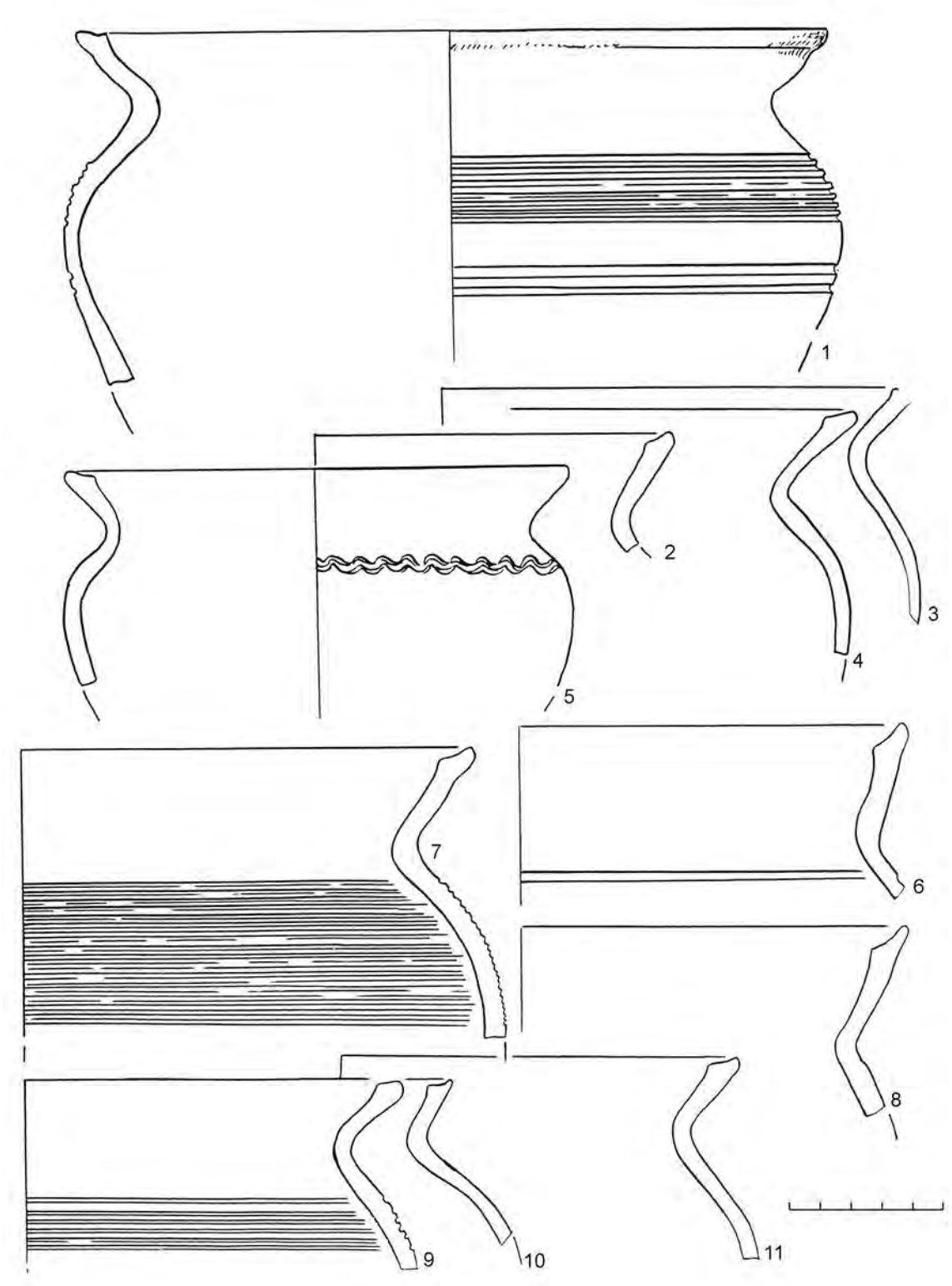

Рис. 13. Образцы гончарной керамики последней четверти XII — первой половины XIII в. из горизонта постройки 2 (по В. М. Горюновой)

Рис. 14. Скопление обломков керамики, плинфы и жернов ниже уровня постройки 2

По заключению В. М. Горюновой основу керамической коллекции этого пласта темно-серого слоя «составляют формы сосудов, характерные для последней четверти — конца XII в., но которые получили свое развитие и в первой половине XIII в.» (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 1. 2001. Д. 21. Л. 25. Приложение 1) (рис. 12; 13). Таким образом, общий контекст находок и стратиграфическое положение в культурном слое позволяет отнести постройку скорее всего к концу XII — началу XIII в.

В определенной степени хронологические рамки постройки регламентируются находками свинцовых вислых печатей как в слое над ней, где были встречены княжеские печати Святослава Ольговича (1136–1138, 1139–1141) (*Янин, Гайдуков*, 1998. Каталог № 1408 или 1409-2), Святополка Михайловича (1142–1148) (*Там же.* Каталог № 143, 144) и Мстислава Юрьевича (1155–1157) (*Там же.* Каталог № 157-12), так и сразу под развалами сруба, где была обнаружена печать новгородского посадника Дмитра Завидича (1117–1118). Отметим, что в слое, подстилающем остатки постройки 2 (21, 30 / 21, 20 м), в кв. 68 обнаружено скопление обломков керамики и плинфы, а в соседнем кв. 69 — жернов (рис. 14).

Постройка 3[6] (раскопы 1998, 2001, 2003 гг.)

Постройка была зафиксирована при переходе темно-серого слоя в темно-коричневый с органикой, соответственно ее нижние бревна сохранились значительно лучше, чем у рассмотренных выше сооружений (рис. 7; 15). Из-за общего проседания слоев над древним рвом остатки северных бревен сруба находились на 20–30 см выше южных.

[6] В отчетах 1998 и 2001 гг. постройка значится под № 2.

Рис. 15. Остатки постройки 3. Вид с севера

Рис. 16. Северо-восточный угол постройки 3. Вид с запада

Постройка ориентирована стенами по сторонам света. Судя по северо-восточному углу, бревна постройки были соединены рубкой в обло (рис. 16). Внутри сруба был расчищен опечек, расположенный в северо-восточном углу. Большая часть бревен постройки дошла до нас в виде частично обугленного тлена, тем не менее полностью удалось проследить контуры окладных бревен с северной, восточной и южной сторон. Они имели длину 3,95, 3,98 и 3,88 м и ширину 0,12–0,16 м. Приблизительный размер сруба 4,00 × 4,00 м. С трех сторон вокруг него была зафиксирована обноска из бревен, остатки которой хорошо прослеживаются с северо-восточной и восточной сторон. Бревна обноски (шириной 0,10–0,12 м) располагались параллельно стенам сруба в 0,25–0,30 м от него. Их концы были приложены друг к другу встык.

Внутренняя часть сруба, а также участки между бревнами сруба и обноской были заполнены светло-серым песком мощностью 0,04–0,12 м, занимавшим площадь до 3,3 × 3,8 м, который залегал не только на уровне низа бревен постройки, но и глубже, то есть постройка была поставлена на фундаментную песчаную площадку, которая предохраняла дом от гниения. В свое время В. И. Равдоникас, реконструируя ладожские постройки, интерпретировал бревна, окружавшие основной сруб, как остатки завалины (*Равдоникас*, 1949. С. 16–18; 1950. С. 14). Они не были врублены, а прилегали друг к другу по углам и закреплялись кольями или камнями. Иное объяснение дополнительным бревнам высказал Е. Н. Носов. По его мнению, они использовались для удержания фундаментной площадки из песка под дом, чтобы она не могла «расползтись». Подобные конструкции использовались не только в Ладоге, но и в Новгороде (*Носов*, 1977. С. 12, 13). Идея Е. Н. Носова была поддержана известным этнографом — специалистом в области славянского домостроительства А. А. Шенниковым, который привел ряд примеров соответствующего использования обвязок вокруг основного сруба на территориях Новгородской земли, Карелии, Эстонии и Скандинавии, а также отметил, что завалинки у домов появились не ранее конца XVIII — начала XIX в., причем они распространены на юге, в сухом климате, а не на севере, где влажно, а поэтому их наличие скорее будет вредить сохранности сруба, нежели приносить пользу (*Шенников*, 1993. С. 80–85).

В постройке обнаружены остатки четырех столбов диаметром 0,20–0,22 м, являвшихся, как полагают авторы отчета, основанием квадратного в плане опечка со сторонами 1,3–1,6 м. Следует отметить, что в самой постройке в пределах опечка камней от печи, углей и следов прокаленности обнаружено не было. Скопление, в основном расколотых булыжников, отмечено на значительной площади в восточных квадратах раскопа, захватывая частично участок, занятый срубом. Можно предполагать, что этот развал является выбросом печки-каменки из постройки при ее разборке, но однозначно ответить на данный вопрос невозможно.

С юга от постройки зафиксированы следы двух ограждений, скорее всего разновременных. В 0,48–0,80 м от южного бревна прослеживается линия из 26 ямок от колов. Видимо, это было временное ограждение в виде плетня, в дальнейшем замененное частоколом. Частокольная канавка протянулась с юго-запада на северо-восток более чем на 12 м и прошла параллельно южному бревну сруба в 1 м от него.

Для хронологии рассмотренной срубной постройки важна дендродата 1092 г., полученная со спила соснового бревна, расчищенного на следующем уровне сразу под постройкой (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 1. 1998. Д. 14. Л. 7). Следовательно, сама постройка может датироваться не ранее рубежа XI–XII вв.

По наблюдениям В. М. Горюновой, в культурных напластованиях, синхронных постройке, керамический комплекс отличался относительной чистотой (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 1. 2001. Д. 21. Л. 21, 22). Основная масса посуды была представлена средневековой гончарной керамикой, в которой преобладали формы второй половины XII в. (рис. 17). При разборке заполнения постройки 3 найден фрагмент венчика тёмно-серого сосуда XIII в. с желобчатой поверхностью. По мнению В. М. Горюновой, эта форма может

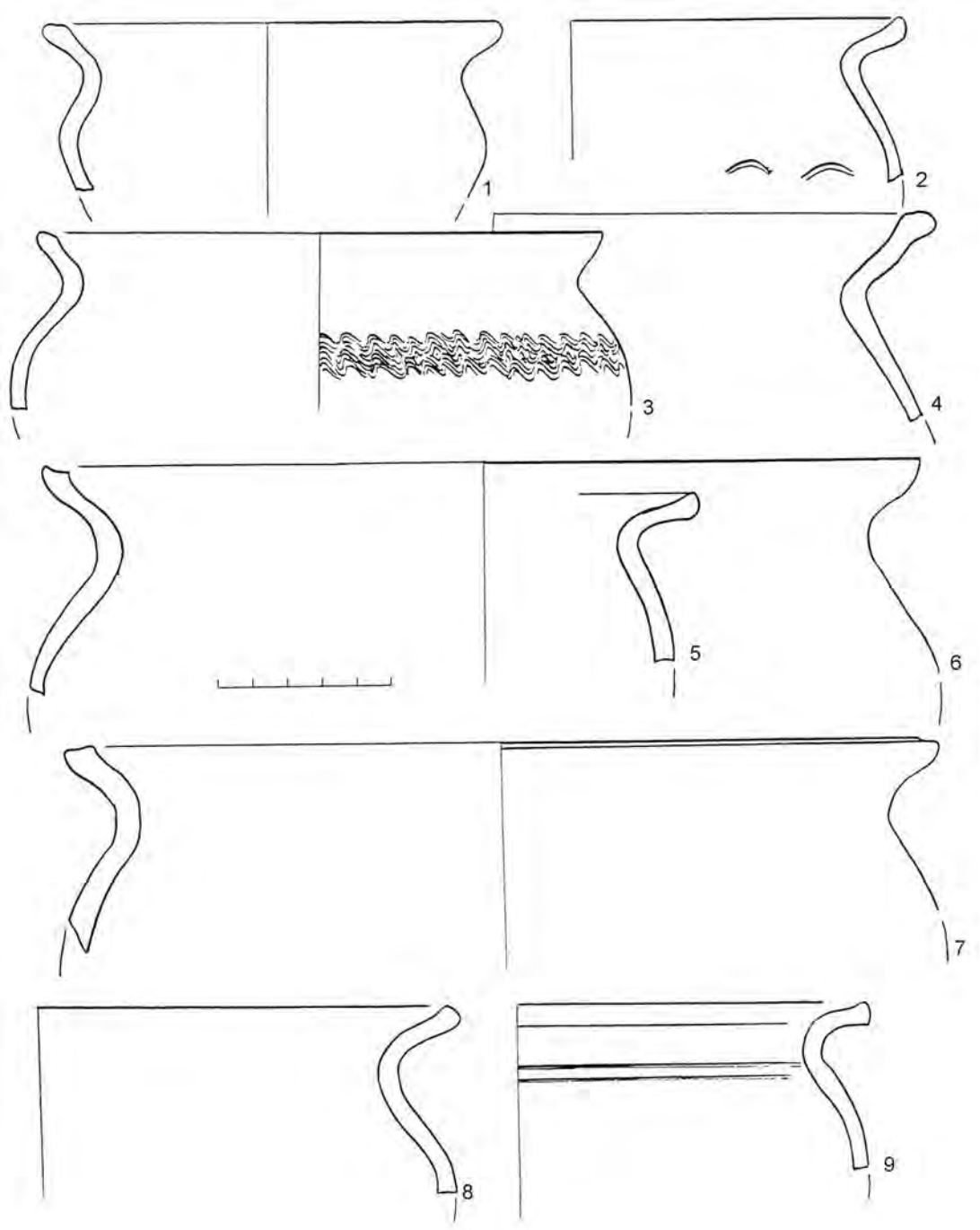

Рис. 17. Образцы гончарной керамики второй половины XII в. из горизонта постройки 3 (по В. М. Горюновой)

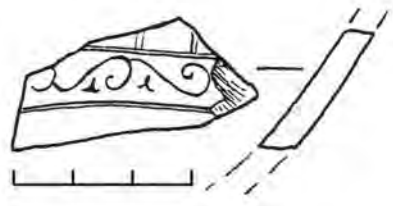

Рис. 18. Обломок импортного поливного блюда

восходить к западноевропейским прототипам — так называемой рейнской «твердой» керамике (Там же). Говоря об импортной керамике, упомянем об обломке поливного блюда (рис. 18), встреченном в рассматриваемом горизонте культурных напластований. Это был фрагмент центральной части открытого красноглиняного блюда на поддоне византийского происхождения (Там же). По классификации Т. И. Макаровой блюдо относилось ко второму виду византийской красноглиняной поливной посуды с орнаментом «граффито», датируемому в рамках XI–XII вв. (*Макарова*, 1967. С. 25–27).

Исходя из керамического материала, наиболее вероятная дата этой постройки — третья четверть XII — начало XIII в. В частности, она подтверждается находкой вислой свинцовой печати, обнаруженной при расчистке песчаной подсыпки, находящейся под полом постройки, разобранной уже в 2003 г. (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 1. 2003. Д. 20. Л. 21, 22). На печати имелись изображения архангела Гавриила в полный рост и княжеского знака Рюриковичей. Данная тамга входит в группу княжеских печатей XII — начала XIII в. (*Янин, Гайдуков*, 1998. С. 56).

Другие находки в зоне сооружения маловыразительны и представлены единичными экземплярами. К категории украшений относятся желтая бисерина, обломки янтарного колечка и стеклянного перстня. Среди изделий из стекла также отметим круглую пуговицу с бронзовой петелькой и фрагменты стеклянных сосудов — венчика прозрачного сосуда с накладной нитью по краю и стенки прозрачного желто-зеленого сосуда с декором в виде горизонтальной нити. Кроме того, здесь же были найдены заготовка свинцовой печати, шиферное пряслице, сланцевый оселок, кусочек желтой смальты треугольной формы и обломок напольной керамической плитки. Учитывая, что постройка находилась на границе темно-серого и коричневого с органикой слоев, часть вещей могла попасть сюда случайно.

С косторезным ремеслом связаны фрагменты рогов и костей животных со следами пропилов и обработки. К этой же группе предметов также, видимо, относится бракованный наконечник костяной стрелы. Обычно на Городище кости со следами обработки встречаются разрозненно, но на данном небольшом участке наблюдается некоторая их концентрация, поскольку к уже упомянутым можно добавить еще четыре аналогичных предмета как в границах постройки, так и за ее пределами.

Остатки литейного производственного комплекса

При рассмотрении индивидуальных находок, зафиксированных при расчистке площади сруба 3 и разборке культурного слоя на близлежащем участке в двух горизонтах (от 21,42 до 21,00 м по БС), обращает на себя внимание необычно большое количество обломков глиняных тиглей — отходов литейного производства. Здесь же были встречены два фрагмента шлака и кусочек сырьевого металла желтого цвета. Всего в северо-восточной части раскопа было зарегистрировано 385 обломков тиглей (общее количество находок 2001–2004 гг.). Центр скопления тиглей (122 фрагмента) находился севернее постройки 3. Лишь отдельные находки зафиксированы в кв. 59, 64, 65, заходящих с северо-запада на площадь сруба, причем уровень их залегания (21,20–21,00 м по БС) указывает, что они располагались на одной отметке с фундаментной площадкой. В самой постройке никаких следов литейного производства не обнаружено. Тигли представлены в основном довольно крупными экземплярами (не менее 300–350 мл и более 500 мл). Они имели стаканообразную круглодонную форму тулова и венчик со сливом (рис. 19, *1–5, 8, 9*). Кроме обломков тиглей в коллекции зафиксированы плоские овальные лепные ушки-ручки (рис. 19, *6, 7*), которые принадлежат также каким-то плавильным сосудикам, так как несут на себе либо следы вторичного обжига, либо сильной ошлакованности.

При сравнении уровня залегания обломков тиглей с распределением их по площади раскопа прослеживается их «сползание» от места наибольшей концентрации (уровень залегания 21,60–21,40 м по БС) в юго-восточном направлении (до уровня 20,80–20,60 м по БС),

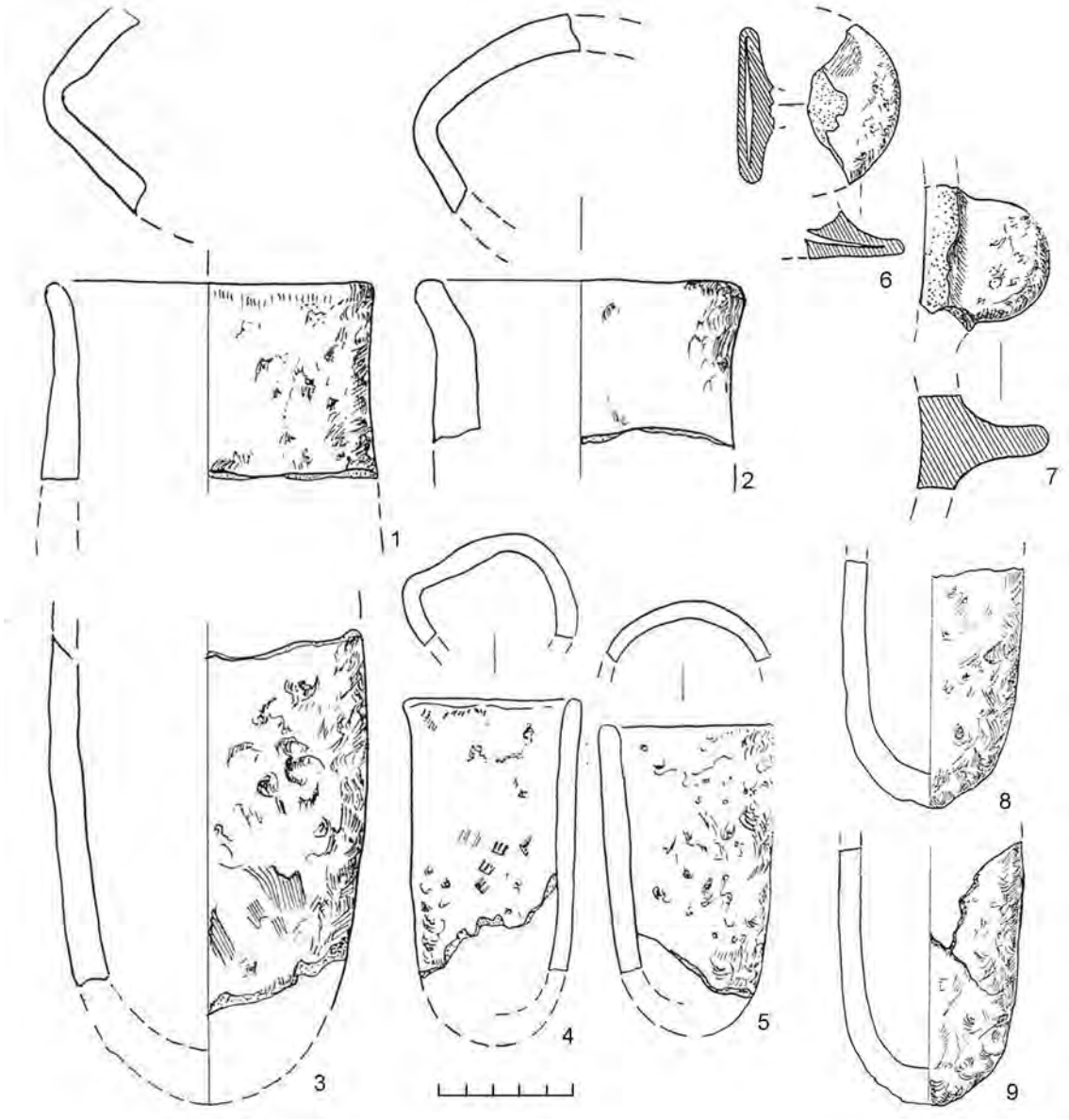

Рис. 19. Образцы стаканообразных тиглей (*1–5*), ушки-ручки плавильных сосудов (*6, 7*), тигли (*8, 9*) (по В. М. Горюновой)

так что в южные квадраты попали лишь единичные фрагменты. Такое сосредоточение отходов литейного производства на небольшом участке поселения несомненно свидетельствует о наличии рядом плавильной печи. В связи с этим обращает на себя внимание мощное угольное пятно с включениями горелых тленных плашек размером 2,4 × 5,0 м, толщиной до 0,1 м, расположенное восточнее сруба на глубине 21,2 м (что соответствует уровню постройки 3) (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 1. 2001. Д. 21. Л. 18, рис. 42), в северной части которого находился развал булыжников. Авторы раскопок интерпретировали его как остатки печи-каменки, выброшенной из сруба. На мой взгляд, столь мощное угольное пятно с пережженными камнями вполне могло образоваться и вследствие разрушения наружного горна при пожаре либо здесь скопились отходы от плавильной печи, расположенной севернее за пределами раскопа. О пожаре свидетельствуют обгорелые бревна и плахи постройки 3 (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 1. 1998. Д. 14. Л. 5).

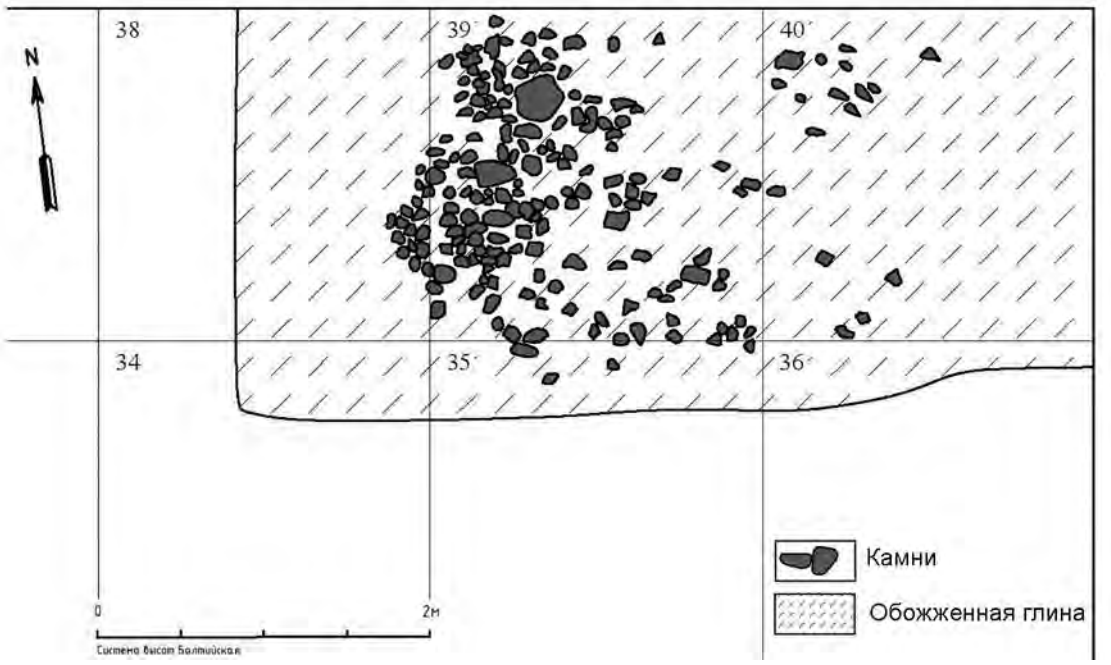

Рис. 20. План пятна сгоревшей постройки 4

Возможно, восточнее и северо-восточнее постройки 3 находились еще какие-то сооружения, сгоревшие одновременно с ней, по крайней мере материалы отчета 2001 г. свидетельствуют, что на площадке восточнее сруба были обнаружены остатки бревен и досок, часть которых обгорела (Там же. 2001. Д. 21. Л. 20, 21).

Постройка 4 (раскоп 1979 г.)

В северной части раскопа 1977–1979 гг. на уровне 20,91–20,68 м по БС в темно-коричневом слое с органикой обнаружено черное углистое пятно толщиной около 0,15–0,20 м, которое является остатками полностью сгоревшей постройки (рис. 20)прямоугольной формы, вытянутой приблизительно на 5,00 м в направлении восток-запад и приблизительно на 2,50 м в направлении север-юг (Там же. 1979. Д. 56. Л. 3, 4). Комплекс расчищен не полностью, так как уходил в северную и восточную стенки раскопа[7]. В углистом гумусе были зафиксированы включения древесного тлена, а также выявлен вытянутый по линии восток–запад массив красноватой обожженной глины размерами 0,7–0,8 × 2,2 м при толщине 0,10–0,15 м. В западной половине углистого пятна открыто плотное скопление побывавших в огне камней. Скопление занимало площадь 2,0 × 1,2–1,4 м и было вытянуто в направлении север–юг. Камни в основном представлены довольно мелкими валунами и их обломками диаметром до 0,1 м, хотя некоторые достигают и бóльших размеров. Слой углистого гумуса несколько утончается к краям. Открытый комплекс, судя по размерам, можно интерпретировать как остатки сгоревшего деревянного сруба с печью-каменкой в углу. В заполнении постройки найдены обломки гончарной посуды. Также в горизонте сооружения были обнаружены фрагменты двух костяных двусторонних орнаментированных гребней, костяное навершие, шиферное пряслице, сердоликовая круглая бусина и обломок стеклянного браслета.

[7] К сожалению, в раскопе 1998 г. в квадратах, примыкающих на соответствующем уровне к стенке раскопа 1979 г., не удалось проследить северные границы постройки, так как край раскопа 1970-х гг. за 19 лет из-за постоянных паводков обрушился и остатки сооружения были уничтожены.

Рис. 21. Котлован подвального помещения древнерусской постройки в разрезе северной стенки раскопа 2002 г. Вид с юга

По уровню залегания с учетом проседания слоев сгоревшая постройка хронологически соотносится с горизонтом, в котором находилась постройка 3. Возможно, она также была огорожена частоколом, угол которого был зафиксирован северо-восточнее ее.

Сведения о постройках с подвальными помещениями (раскопки 2002, 2003 гг.)

Судя по всему, городищенский мыс в древнерусский период активно осваивался на протяжении нескольких столетий. Помимо упомянутых построек, представленных зримыми материальными остатками, в отчетах имеются сведения о подпольных помещениях, которые были выявлены главным образом при зачистках стенок раскопа. Их верхние части находились в темно-сером перемешанном слое, в котором сложно проследить пятно сооружения, а находящиеся здесь же более поздние перекопы усугубили ситуацию и смазали картину.

Так, в отчете за 2002 г. отмечается, что в северной стенке раскопа на уровне 21,80 м были выявлены «контуры большой западины с плоским дном длиной около 5 м. Заполнение ее состояло из красной супеси с темно-серыми прослойками» (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 1. 2002. Д. 21. Л. 17, 18, рис. 41, 49) (рис. 21). Судя по развалу сосуда, данное подвальное помещение относилось к древнерусскому времени. Общие параметры постройки в плане определить сложно из-за серьезных нарушений перекопами военного времени. Малая гумусированность заполнения свидетельствует, что подполье было засыпано вскоре после того, как оно было вырыто. В ненарушенных слоях заполнения были обнаружены обломок бронзового предмета и фрагмент костяной накладки (рис. 6, *3*). Мало сведений имеется и об остатках еще одной постройки: в отчете за 2003 г. при описании горизонта 22,2–22,0 м есть упоминание, что в кв. 91 было прослежено «дно средневековой углубленной постройки, покрытое слоем красноватой супеси с темно-серыми прослойками» (Там же. 2003. Д. 20. Л. 12). Здесь также отмечено наличие двух столбовых ям (в кв. 91 и 101), возможно, также относящихся к древнерусскому времени.

Несмотря на малоинформативность содержащихся в отчетах данных, не позволяющих более-менее определенно судить о размерах этих построек и времени их сооружения, само

их наличие представляет определенный интерес, поскольку они имели подвальные помещения в отличие от уже рассмотренных четырех построек, расположенных вдоль восточного склона рва, возведенных на гидроизоляционных площадках.

Данный факт свидетельствует о том, что участок над древним рвом, несмотря на супесчаную засыпь, видимо, сохранял влагу, так что срубы возводились на песчаных или глиняных фундаментных площадках, как это практиковалось в раннесредневековый период в низменной части Городища. В свою очередь на площадке над развалами дерево-земляных укреплений, где было сухо, срубы снабжались углубленными подвальными котлованами. Шесть построек с подпольями подобного типа были изучены в центральной части городищенского холма южнее и юго-восточнее церкви Благовещения в раскопах 1980-х и начала 2000-х гг.: четыре относятся ко второй половине или концу XII — первой половине XIII в., две — к концуXIII — XV в. (*Носов и др.,*2005. С. 33–47; *Носов и др.,* 2017. С. 104–120). Подполье еще одной средневековой постройки было выявлено в раскопе 2022 г. при исследовании участка у подошвы возвышенности, в 100 м севернее церкви. Предварительно по составу найденной в заполнении керамики ее можно датировать XIII–XIV вв.

Заключение

Суммируя материалы по древнерусскому периоду в мысовой части Городища, можно отметить, что культурный слой начинает накапливаться над горизонтом серо-желтой супеси, как свидетельствуют дендродаты, на рубеже XI–XII вв., то есть сразу после засыпки рва. Видимо, эта окраинная территория использовалась сначала просто для сброса мусора, по крайней мере, так можно объяснить концентрированное скопление многочисленных обрезков кожи и деталей кожаной обуви. Хозяйственное освоение этого участка начинается не ранее третьей четверти XII в., когда здесь появляются первые срубные постройки. Их остатки располагались вдоль восточной границы рва, где склон был сложен из плотной красной материковой глины и имел меньшую высоту и крутизну. В целом все зафиксированные здесь постройки датируются в пределах третьей четверти XII — середины XIII в. Однако, судя по стратиграфии залегания их окладных венцов, можно констатировать, что наиболее ранней является постройка 3, которая находилась на границе темно-серого и коричневого слоев. С наибольшей долей вероятности ее можно датировать последней четвертью XII — началом XIII в. Видимо, одновременно с ней существовала и постройка 4, остатки которой в силу более низкого рельефа местности уже полностью залегают в темно-коричневом слое с органикой. Оба сруба были обнесены частоколом. Поскольку постройка 4 выгорела дотла, а у постройки 3 бревна были обуглены, скорее всего, оба сруба погибли в пожаре. В это же время рядом с ними функционировал производственный литейный комплекс, о наличии которого свидетельствуют многочисленные обломки тиглей, видимо, также уничтоженный пожаром. После пожара через некоторое время, в первой половине XIII в., у восточного края рва возводится постройка 2, а южнее ее — постройка 1. Их остатки находятся уже в нижних напластованиях темно-серого слоя, выше уровня построек 3 и 4, а также горизонта с отложениями обломков тиглей. Кроме группы сооруженных на гидроизоляционных площадках построек, выявленных непосредственно над засыпанным рвом, имеются малоинформативные сведения о наличии двух построек с подпольными котлованами. Они располагались западнее, фиксировались в стенках раскопа и были впущены в оплывшую засыпь от истлевших дерево-земляных конструкций крепости IX в.

Зализняк и др., 2004 — *Зализняк А. А., Носов Е. Н., Янин В. Л.* Берестяные грамоты из новгородских раскопок 2003 г. // Вопросы языкознания. 2004. № 3. С. 15–23.

Корзухина, Пескова, 2003 — *Корзухина Г. Ф., Пескова А. А.* Древнерусские энколпионы. Нагрудные кресты-реликварии X–XIII вв. СПб.: Петербургское востоковедение, 2003 (Труды ИИМК РАН; Т. VII). 428 с.

Курбатов, 2007 — *Курбатов А. В.* Новгородская «революция XII в.» и прогресс в кожевенном ремесле // У истоков русской государственности. К 30-летию археологического изучения Новгородского Рюрикова городища и Новгородской областной археологической экспедиции. СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. С. 89–133.

Макарова, 1967 — *Макарова Т. И.* Поливная посуда. Из истории керамического импорта и производства Древней Руси. М.: Наука, 1967 (САИ; Вып. Е 1-38). 128 с.

Мусин, 2020 — *Мусин А. Е.* Рюриково городище, Ярославово дворище и Великий Новгород // АВ. 2020. Вып. 28. С. 45–75.

Носов, 1977 — *Носов Е. Н. Н*екоторые вопросы домостроительства Старой Ладоги // КСИА. 1977. Вып. 150: Средневековые древности. С. 10–17.

Носов, 1990 — *Носов Е. Н. Н*овгородское (Рюриково) городище. Л.: Наука, 1990. 214 с.

Носов и др., 2005 — *Носов Е. Н., Горюнова В. М., Плохов А. В.* Городище под Новгородом и поселения Северного Приильменья. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. 403 с.

Носов и др., 2017 — *Носов Е. Н., Плохов А. В., Хвощинская Н. В.* Рюриково городище. Новые этапы исследований. СПб.: Дмитрий Буланин, 2017. 287 с.

Плохов, 2021 — *Плохов А. В.* Пожар последней четверти X в. на Рюриковом городище // ННЗИА. Великий Новгород: НМЗ, 2021. Вып. 34. С. 119–128.

Плохов, 2022 — *Плохов А. В.* Планиграфия и хронология раннесредневекового Рюрикова городища по материалам раскопок 1980-х гг. // ННЗИА. Великий Новгород: НМЗ, 2022. Вып. 35. С. 181–196.

Равдоникас, 1949 — *Равдоникас В. И.* Старая Ладога (из итогов археологических исследований 1938–1947 гг.). Ч. I // СА. 1949. Т. XI. С. 5–54.

Равдоникас, 1950 — *Равдоникас В. И.* Старая Ладога (из итогов археологических исследований 1938–1947 гг.) Ч. II // СА. 1950. Т. XII. С. 7–40.

Седова, 1981 — *Седова М. В.* Ювелирные изделия древнего Новгорода. М.: Наука, 1981. 193 с.

Шенников, 1993 — *Шенников А. А.* Двор крестьян Неудачки Петрова и Шестачки Андреева. Как были устроены усадьбы русских крестьян в XVI веке. СПб.: РГО, 1993. 99 с.

Янин, Гайдуков, 1998 — *Янин В. Л., Гайдуков П. Г.* Актовые печати Древней Руси X–XV вв. Т. III. М.: Интрада, 1998. 498 с.

НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 1. 1979. Д. 56: Отчет о работе Новгородской областной археологической экспедиции Ленинградского Отделения института археологии АН СССР в 1979 г. 41 л.; 1998. Д. 14: Отчет о полевых археологических работах Новгородской областной экспедиции в 1998 г. 80 л.; 2001. Д. 21: Отчет о полевых археологических работах Новгородской областной экспедиции в 2001 г. 142 л.; 2002. Д. 21: Отчет о полевых археологических работах Новгородской областной экспедиции в 2002 г. 169 л.; 2003. Д. 20: Отчет о полевых археологических работах Новгородской областной экспедиции в 2003 г. 162 л.

Promontory of the Ryurik Gorodishche in the Old Russian period (a result of research the northern bank of the Siversov Canal)

N. V. Khvoshchinskaya

Keywords: Promontory of the Ryurik Gorodishche, Old Russian period, material culture, buildings

This article examines for the first time materials from the Old Russian period, obtained as a result of twelve years of research by the Novgorod Regional Archaeological Expedition of the Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences on the northern bank of the Siversov Canal at the site of a fortress during the Viking period. The cultural layer of this period in this section of the settlement began to accumulate at the turn of the 11th–12th centuries, and the first buildings appeared here no earlier than the third quarter of the 12th century. Despite the peripheral location of the cape site of Gorodishche, the assortment of finds in the Old Russian layer with organic matter is quite diverse, but various household items predominated.

С. С. Зозуля, В. Н. Кузнецова[1]

Находки предметов вооружения раннесредневекового времени на Рюриковом городище в 2023–2024 гг.[2]

Аннотация. *В статье обобщаются находки раннесредневековых предметов вооружения, обнаруженных в ходе исследований на Рюриковом городище в 2023 и 2024 гг. Коллекция состоит всего из полутора десятков вещей, однако среди этой небольшой выборки оказались редкие и даже уникальные находки, характеризующие начальный этап формирования древнерусского комплекса вооружения.*

Ключевые слова: *Рюриково городище, предметы вооружения эпохи викингов, материальная культура Древнерусского государства.*

По числу находок скандинавской, а если сказать шире, общебалтийской культуры … Рюриково городище под Новгородом на всей обширной территории лесной зоны Восточной Европы может быть сравнимо лишь с комплексом поселений в районе Гнёздово в верховьях Днепра.
(Михайлов, Носов, 2002. С. 136)

В 2023 г. Новгородская областная археологическая экспедиция ИИМК РАН продолжила работы на Рюриковом городище. Исследования проводились на трех участках. Раскоп 1 общей площадью 40 кв. м располагался в центральной части Городищенского холма, в 50 м к востоку-северо-востоку от церкви Благовещения и примыкал к участку, изученному в 2005 г. Раскоп 2 общей площадью 74,8 кв. м находился на юго-западной окраине холма, в 65 м юго-западнее церкви Благовещения. Шурф размерами 2 × 2 м исследовался на южном берегу Сиверсова канала, но среди полученных материалов предметов вооружения не оказалось (рис. 1) (*Хвощинская и др.*, в печати).

Стратиграфия, выявленная на раскопе 1, оказалась достаточно типичной для этой части Рюрикова городища. Культурный слой представлял собой темно-серую перемешанную супесь мощностью до 1 м, включавшую массовый материал и индивидуальные находки от эпохи раннего металла до современности. В материке выявлены девять ям, также относившихся к разному времени, часть напластований ям стратифицирована. Все предметы вооружения происходили именно из перемешанного темно-серого слоя.

Предметы вооружения представлены наконечниками стрел различных типов. Первой найдена незаконченная поковка (рис. 2, *1*), вероятнее всего, заготовка наконечника стрелы редкого типа, отсутствующего в типологии А. Ф. Медведева. Массивность (длина 108 мм при ширине до 18 мм) и незавершенность изделия позволяют по-разному его

[1] Зозуля С. С., Кузнецова В. Н. — Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, РФ; e-mail: valentkuznets@mail.ru, zozulia.sergey@gmail.com.

© Зозуля С. С., Кузнецова В. Н., 2025

[2] Исследование выполнено по теме государственного задания «Северная Русь в евразийском археологическом контексте: этнокультурное разнообразие и общие закономерности исторического развития в свете становления научных знаний» (FMZF-2025-0011).

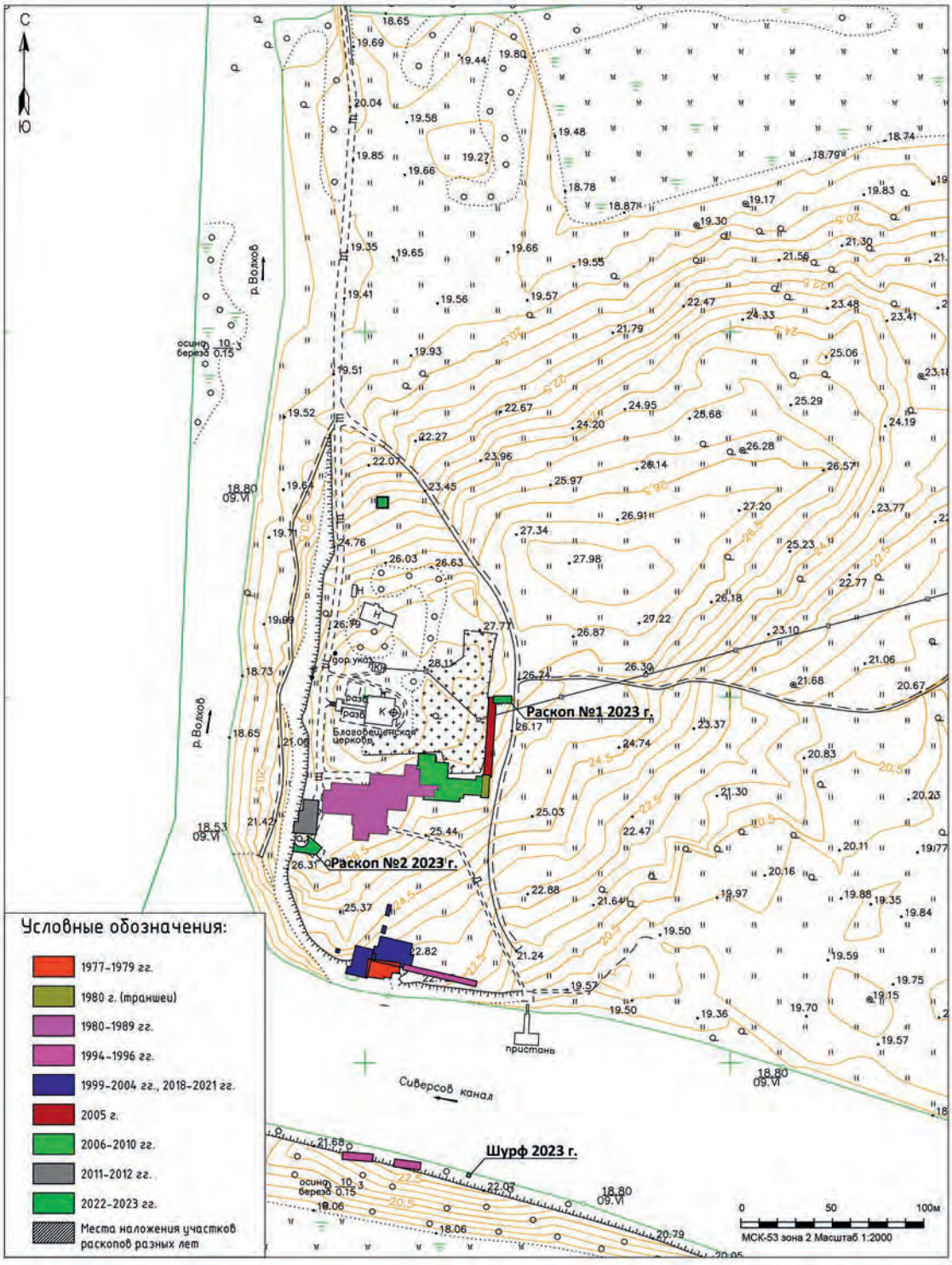

Рис. 1. План раскопов на Городище в 1977–2023 гг.

Рис. 2. Предметы вооружения. *З*аготовка (*1*) и наконечники стрел (*2–7, 10–13*);
8, 9 — кольчужные колечки (?). Раскоп 1 — *1–4* (2023 г.), *5–9* (2024 г.); раскоп 2 — *10–13* (2023 г.).
1–13 — железо

интерпретировать. К рассмотрению этого артефакта целесообразно обратиться при анализе материалов из раскопа 2.

Три других наконечника — серийные и относятся к распространенным на памятниках X в. типам. Один из них — ромбовидный «гнёздовского» типа — принадлежит к варианту 1 типа 41, по А. Ф. Медведеву (рис. 2, *2*), которых уже на момент публикации свода было учтено 566 экз. (*Медведев,* 1966. С. 65, 66). Ранее найденные на территории Городища подобные наконечники были частично опубликованы (*Носов,* 1990. С. 103, рис. 38, *4*; *Носов и др.,* 2017. С. 57). По последним подсчетам на территории Гнёздовского археологического комплекса известно не менее 39 экземпляров этого типа (*Каинов,* 2019. С. 170), не менее 13 аналогичных находок обнаружено и в «курганах Ярославского Поволжья» (*Зозуля*, 2008. Табл. 2).

Довольно частая находка на территории Древнерусского государства — стрелы «новгородского типа» (типа 46, по А. Ф. Медведеву, в работу вошли данные о 187 экз.) (рис. 2, *3*) (*Медведев,* 1966. С. 67, 68). Подобные наконечники были встречены при исследовании в разных частях Городища. Уже к 1990 г. было учтено девять экземпляров из раскопок в центральной части (*Носов,* 1990. С. 117), к 2003 г. коллекция увеличилась не менее чем на пять экземпляров (*Носов и др*., 2005. С. 53, 54; 2017. С. 56, 57, рис. 10, *21, 27, 28*). Из раскопов 2011–2012 гг. Е. Н. Носов и Н. В. Хвощинская к «новгородским» отнесли еще четыре наконечника, отмечая гипотетичность такого определения ввиду плохой их сохранности (*Носов, Хвощинская,* 2014. С. 52, рис. 2, *10, 11, 15, 16*). Таким образом на сегодня на Городище известно не менее 20 экземпляров наконечников «новгородского» типа. Для сравнения — в Гнёздово эти наконечники представлены 15 экземплярами (*Каинов,* 2019. С. 170), а в могильниках Большого Тимерёва и Михайловского — всего тремя (*Зозуля,* 2008. С. 339, 340, табл. 2).

Экземпляр из раскопа 1 2023 г. интересен тем, что его кончик весьма аккуратно загнут в кольцо, сопоставимое по размерам с ушками древнерусских украшений. Несомненно, что столкновение с чем-то твердым не могло вызвать подобную деформацию[3]. Вариантов объяснения переделки наконечника может быть несколько, допустимо предложить «романтическую» и утилитарную версии. Первая предполагает, что он был превращен в подвеску и сохранен на память и/или в качестве оберега. Примеры аналогичных случаев обращения солдат и офицеров с ранившими их пулями многократно зафиксированы во время Первой и Второй мировых войн и более поздних военных конфликтов. Прагматичная версия — вторичное использование стрелы, ее превращение в язычок застежки или пряжки.

Еще одним предметом вооружения из раскопа 1 2023 г. стал почти целый двурогий срезень с упором, относящийся к варианту 2 — «с выпуклыми боковыми и режущими сторонами» — типа 60, по А. Ф. Медведеву (рис. 2, *4*) (*Медведев,* 1966. С. 72, 73). Подобные наконечники и ранее были известны на Городище, всего с памятника происходит не менее 10 экземпляров стрел типа 60 (*Носов,* 1990. С. 119, рис. 42, *10*; *Носов и др.,* 2005. С. 54, 194, табл. 22, *9, 10*; 2017. С. 56, 57, рис. 9, *4*). В Гнёздове находки варианта 2 типа 60 представлены всего тремя экземплярами (*Каинов,* 2019. С. 171, 172).

В сезоне 2024 г. раскоп 1 2023 г. был продолжен в северном направлении, площадь прирезки составила 10 кв. м (рис. 1). В культурном слое (как и в 2023 г. представлявшем собой слой темно-серой перемешанной супеси) обнаружены три наконечника стрел и два небольших колечка, возможно, относящиеся к «кольчужным» (рис. 2, *5–9*).

Срезень варианта 2 типа 60, по А. Ф. Медведеву, близкий пропорциями находке 2023 г. и отличающийся лишь несколько лучшей сохранностью, увеличил выборку наконечников стрел этого типа (рис. 2, *5*).

Две другие стрелы принадлежат к вариантам 1 и 2 типа 62 (рис. 2, *6, 7*) — ланцетовидные с плоским черешком без упора для древка (рис. 2, *7*) и с упором и шейкой (рис. 2, *6*) (*Медведев*, 1966. С. 73, 74), у одного из них черешок, обычно довольно короткий, утрачен.

[3] Благодарим Ф.В. Спасова за консультации, связанные с наконечниками стрел и их деформацией.

К 1990 г. с Городища происходило не менее трех ланцетовидных наконечников 62 типа, два из которых относились к варианту 2 (*Носов,* 1990. С. 116, 117, рис. 40, *6, 11*). В ходе исследований 2005–2010 гг. в центральной части Городища обнаружено еще не менее пяти стрел этого же варианта (*Носов и др.,* 2017. С. 57, 58, рис. 9, *7*–*9,* 10, *9, 10*)[4]. Из раскопа 2011–2012 гг., заложенного на месте установки «Княжого камня», площадью в 180 кв. м происходит сразу 11 наконечников стрел типа 62 варианта 2, кроме того на этом участке исследования обнаружены два наконечника аналогичной формы, но длиной 18,5 и 19,5 см, что позволяет видеть в них сулицы. Авторы раскопок указывали на бытование ланцетовидных наконечников в рамках общего североевропейского контекста материальной культуры Городища IX–X вв. (*Носов, Хвощинская*, 2014. С. 49–51, рис. 2, *13, 14*, 3, *1–11*; *Носов и др.*, 2017. С. 140–142, рис. 60, *15, 16,* рис. 61, *1–11*). Наконечники типа 62, происходящие с Рюрикова городища, прекрасно вписываются в европейские типологии и находят аналогии по форме и пропорциям среди широкого круга европейских и в особенности скандинавских находок наконечников стрел (*Wegraeus*, 1986; *Kempke*, 1988; *Lindbom*, 1994).

Изучив 152 ланцетовидных наконечника, происходящих из Гнёздова, С. Ю. Каинов также пришел к выводам о безусловном их скандинавском происхождении и существовании их древнерусского производства в Старой Ладоге, Гнёздове и Юго-Восточном Приладожье. Он отметил, что значительная часть стрел найдена на памятниках, расположенных вдоль трансъевропейских военно-торговых коммуникаций, и обратил внимание на интересные количественные показатели: из общего числа ланцетовидных вариант 1 типа 62 представлен 4 экз., в то время как вариант 2 — 103 экз.; оставшиеся относятся к типам 75, 77–79. В Гнёздове ланцетовидные наконечники составляют более 40 % всех типологически определимых, а около 40 % всех ланцетовидных наконечников стрел, известных на территории Древней Руси, обнаружены именно в Гнёздове (*Каинов*, 1999).

Предметы защитного вооружения весьма редки в древнерусской материальной культуре. К фрагментам кольчужного плетения предварительно можно отнести два железных колечка, происходящих из слоя темно-серой перемешанной супеси (рис. 2, *7, 8*)[5]. Нет сомнения, что спектр вариантов использования небольших железных колечек весьма широк, и лишь их концентрированное обнаружение в пределах одной структуры (двора, постройки и т. п.) и/или совместное залегание с инструментами и другими деталями защитной экипировки дает возможность уверенно интерпретировать находки (*Каинов, Петров,* 2019). Из культурных напластований центрального гнездовского поселения происходит 84 экземпляра небольших железных колечек, особенности которых (характерные размеры, сечение и технология производства) позволяют отнести их именно к кольчужным (*Каинов*, 2018. С. 213; *Каинов, Щедрина,* 2021. С. 160–164). В то же время материалы «дружинных» могильников показывают, что небольшие фрагменты кольчужного плетения чаще всего находятся в женских захоронениях и могут представлять собой защитные амулеты. В Гнёздове они были встречены в девяти захоронениях числом от 3 до 30 колец, а в Тимерёвском некрополе из четырех захоронений содержавших колечки — три, видимо, были женскими. И здесь кольчужное полотно также, вероятно, имело функции амулета (*Зозуля,* 2008. С. 340). Лишь в захоронении 140 был найден довольно крупный фрагмент кольчужного полотна хорошей сохранности (размерами 4 × 8 см, состоящий не менее чем из 11 рядов плетения), что делает его слишком массивным для ношения, например, в составе ожерелья.

Верхнюю часть напластований раскопа 2 2023 г. составлял тот же перемешанный темно-серый слой, содержавший разновременные материалы; из него происходят два предмета

[4] Некоторые наконечники стрел, отнесенные авторами раскопок к «новгородскому» типу (тип 46), скорее соответствуют варианту 1 типа 62 (например: *Носов и др.,* 2017. С. 58, рис. 10, *28*). Однако это тема для отдельного исследования, в данной заметке вопросы переатрибуции находок прошлых лет не поднимаются.

[5] К сожалению, до окончания реставрации точно определить их предназначении затруднительно, однако нельзя и категорически отрицать их отношение к комплексу древнерусского вооружения.

вооружения. Еще одна находка обнаружена в слое серой супеси с включением угля, подстилающей верхний перемешанный слой; три артефакта найдены в заполнении ям.

Двушипная стрела с шейкой и упором из темно-серого перемешанного слоя относится к типу 30 (рис. 2, 1*2*). В выборке А. Ф. Медведева всего девять наконечников подобной формы и пропорций. Вновь найденный экземпляр входит в категорию редких для северных территорий, в основном аналогичные варианты были в ходу на Западе Древней Руси (*Медведев,* 1966. С. 62).

Также из темно-серой перемешанной супеси происходит массивный наконечник сложной формы с обломанным черешком (рис. 2, *10*). Его длина составляет 23,2 см при максимальной ширине 4,0 см. Особенность рассматриваемой находки заключается в лавролистной форме ее пера и наличии шейки переменного сечения, снабженной дополнительным поражающим элементом. Перо и небольшое лезвие на шейке развернуты перпендикулярно друг другу. Дополнительное лезвие наносило более тяжелые повреждения, увеличивало площадь раны и придавало ей форму, усиливавшую потерю крови и замедлявшую заживление. В типологии А. Ф. Медведева аналогичных стрел нет. Единственной известной нам аналогией на территории Древней Руси является наконечник из кургана 100 Большого Тимерёва. Качество его изготовления выше: перо проработано более тщательно и снабжено долом, а дополнительные лезвия на шейке представляют собой два отдельных «шипа». Расширение на шейке конструкционно сближает тимерёвский дротик с наконечниками типа 60, по А. Ф. Медведеву, широко известными на территории Древней Руси, но не характерными для скандинавских стран (*Зозуля,* 2018. С. 44, 45, 47, рис. 1, *1*). «Простая» же форма дополнительного поражающего элемента, аналогичная городищенской находке, напротив, находит аналогии в материалах Северной Европы. Высокая концентрация таких стрел отмечена в Восточной Норвегии, максимум же приходится на шведскую провинцию Dalarna, где было встречено более 130 наконечников подобного типа. Примечательно, что на остальной территории материковой Швеции и на Готланде найдено всего по несколько экземпляров, при этом следует особо подчеркнуть отсутствие аналогичных наконечников в материалах Бирки (*Lindbom*, 2006. P. 249, 250, karta 19). Кроме этого, три стрелы обнаружены в Хедебю и четыре — в Дублине (*Paulsen,* 1999. P. 112, 113, abb. 14, *6, 7*). За счет своей уникальной формы наконечники были выделены Э. Верге в отдельный вид (тип С) (*Wegraeus,* 1986, P. 22, 23, abb. 4, *2–4*). Вероятнее всего, именно заготовкой наконечника подобного типа являлось незаконченное изделие из раскопа 1 2023 г. (рис. 2, *1*). Об этом говорит форма поковки, дополнительное лезвие на которой обозначено утолщением в середине заготовки. Обнаружение целого наконечника типа С, по Э. Вергре, и незаконченного экземпляра демонстрирует не только присутствие редких вариантов североевропейских типов вооружения на Рюриковом городище, но и допускает вероятность их местного изготовления.

Из верхней части темно-серого заполнения ямы 11 происходит небольшой наконечник с обломанным черешком, относящийся к типу 90 — шиловидным квадратного сечения с простым упором (рис. 2, *11*) (*Медведев,* 1966. С. 83). Однотипные ему наличествуют в коллекции находок Рюрикова городища. К 1990 г. насчитывалось шесть аналогичных экземпляров (*Носов,* 1990. С. 118, 119, рис. 41, *3–5*), в сезонах 2005–2010 гг. обнаружены две стрелы, а в ходе работ 2011–2012 гг. — еще одна (*Носов и др.*, 2005. С. 57, рис. 9, *3*; С. 140, 142, рис. 60, *8*; *Носов, Хвощинская,* 2014. С. 50, 52, рис. 2, *8*). Следует отметить, что наконечники стрел типа 90 редки в Северной Руси. Так, например, в Гнёздове известны только две находки, а в курганах «Ярославского Поволжья» — всего один экземпляр (*Каинов*, 2019. С. 175; *Зозуля*, 2008. С. 339, 340, табл. 2).

Из горизонта серой супеси, подстилающего перемешаннный темно-серый слой, происходит находка лавролистного наконечника стрелы типа 63 (*Медведев,* 1966. С. 74, 75). Артефакт отличается хорошим качеством выделки, обращает на себя внимание короткий черешок изделия (рис. 2, *13*). К стрелам типа 63 можно отнести только две городищенские находки (*Носов,* 1990. С. 116, 117, рис. 40, *7, 9*), в Гнёздове обнаружено три стрелы этого типа.

С. Ю. Каинов отмечает, что по своим морфологическим характеристикам они схожи с ланцетовидными наконечниками типа 62, по А. Ф. Медведеву, и вариантом А1, по Э. Вегре, и, вероятно, также имеют североевропейское происхождении (*Каинов*, 2019. С. 172, 173).

Прекрасным дополнением коллекции предметов вооружения стала миниатюрная подвеска — небольшой железный амулет в форме меча без отверстия для подвешивания длиной 3,6 см (рис. 3, *2*). Он обнаружен в темно-сером перемешанном слое в заполнении ямы 11, массовый археологический материал из которой представлен преимущественно керамикой XI–XIV вв. В 2007 г. при разборе заполнения рва, в черном слое X в., была найдена связка железных амулетов, включавшая щит, меч и копье. Примечательно, что меч и копье не имеют отверстий — они были вставлены в скобу, прикрепленную к обратной стороне щита и имитирующую его ручку. Сам щит также не имеет отверстия или ушка для крепления (*Дорофеева,* 2014. С. 252, 255, рис. 2, *11*).

Находки амулетов в форме мечей изредка обнаруживаются на памятниках «дружинного круга». Так, в Гнёздове мечи-привески, изготовленные из медных сплавов, были найдены в культурных напластованиях поселения (*Мурашева, Авдусина,* 2007. С. 19, 20, рис. 20, *5*) и в погребальных памятниках. В кургане Ц-170/Авд-1976 обнаружена связка бронзовых амулетов из 10 стерженьков-жезлов, трех моделей мечей и копий, двух кресаловидных и двух щитообразных привесок. В кургане Л-47/Авд-1950 обнаружена модель меча с отверстием и продетым в него кольцом. При описании этой находки в 1991 г. Г. Л. Новикова предположила, что предмет происходит из несохранившегося набора амулетов (*Новикова,* 1991. С. 194, 195, рис. 5, *4, 11*). Гипотеза подтвердилась раскопками 2024 г., когда при доследовании отвалов и ровиков этого кургана была обнаружена миниатюрная подвеска в форме человеческой руки (*Каинов, Щедрина,* 2024, рис. 7, *1*). Связь миниатюрных амулетов с североевропейским кругом древностей не вызывает сомнения в современной историографии благодаря широкому кругу аналогий.

Украшением коллекции материалов из раскопок на Рюриковом городище 2023 г. определенно стал наконечник ножен меча с прорезным стилизованным изображением хищной птицы (рис. 3, *1*). Находка[6] происходит из заполнения ямы 5, где помимо него обнаружены два фрагмента дирхемов, осколки стеклянных сосудов, а также значительное количество стеклянного бисера и бус (39 и 10 шт. соответственно). Керамический материал представлен преимущественно лепной и раннегончарной керамикой.

Наконечники с «мотивом птицы» широко распространены на территории Древней Руси и Северной Европы и неоднократно привлекали внимание исследователей. Рассматриваемая находка может быть отнесена к выделенному С. Ю. Каиновым типу Гн.I.1 варианту 3 (*Каинов*, 2009[7]).

Наконечники ножен мечей достаточно редки для Рюрикова городища. До исследований 2023 г. их насчитывалось всего три, два из которых относятся к другим типам наконечников с «мотивом птицы» (*Михайлов, Носов,* 2002). Находки наконечников ножен мечей из культурного слоя Великого Новгорода анализировались в статьях Т. С. Варфоломеевой, С. Ю. Каинова, А. А. Авдеенко (*Варфоломеева*, 1994; *Каинов, Авдеенко,* 2012). На территории Гнёздовского археологического комплекса найдено два наконечника варианта 3 типа Гн.I.1, еще один, возможно аналогичный, артефакт происходит из слоя разрушенного могильника в Угличе (*Томсинский,* 2004. С. 201, рис. 301, *3*), хотя ряд деталей не позволяет его однозначно отнести именно к этой группе. Вне пределов древнерусского государства данный тип наконечников неизвестен, что может свидетельствовать о его древнерусском

[6] При высоте 59 мм и ширине 39 мм толщина 8 мм не представляется объективной величиной ввиду частичной деформации находки. Возможно, с наружной стороны он был покрыт полудой, данное предположение будет подтверждено или опровергнуто в результате реставрации артефакта, которая на момент написания статьи еще не завершена.

[7] Здесь же обзор историографии и таблицы соответствия типов общепринятых европейских типологий.

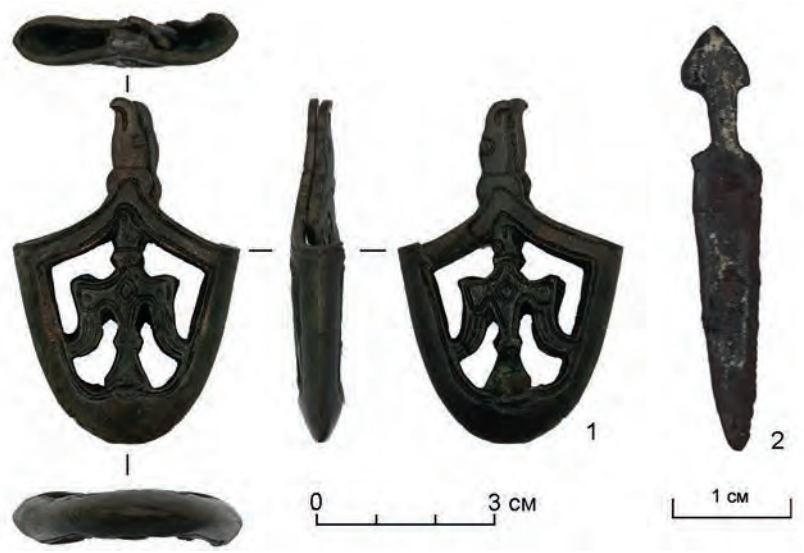

Рис. 3. Наконечник ножен меча (*1*) и амулет в форме меча (*2*) из раскопа 2 в исследованиях 2023 г.: *1* — сплав на основе меди; *2* — железо

происхождении и в целом о местном развитии североевропейской традиции украшения ножен мечей (*Каинов,* 2009. С. 87, 88; рис. 4, *3а-б, 4*; фото 1, *3, 4*).

Исследования 2023–2024 гг. пополнили коллекцию раннесредневековых предметов вооружения Рюрикова городища 15 находками. Происхождение большинства из них из перемешанного слоя не позволяет судить о пространственном распространении и хронологии бытования отдельных типов, давая возможность лишь констатировать присутствие на Городище воинского контингента, хорошо знакомого с североевропейской воинской традицией. Особенностью выборки стал рост числа свидетельств местного производства некоторых типов наконечников стрел, в том числе редких. Наконечник ножен меча, весьма редкая находка для древнерусских поселений в целом, и миниатюрная копия меча — амулет скандинавского происхождения — подтверждают сделанные Е. Н. Носовым выводы о значительной «североевропейской вуали» Городища.

Варфоломеева, 1994 — *Варфоломеева Т. С.* Металлические детали кожаных футляров XI–XV вв. из раскопок // ННЗИА. Вып. 8. Новгород, 1994. С. 166–181.

Дорофеева, 2014 — *Дорофеева Т. С.* Отдельные находки металлических привесок-амулетов на Новгородском (Рюриковом) Городище // АИППЗ. Вып. 29 / Отв. ред. Н. В. Лопатин. М.: ИА РАН; СПб.: Нестор-История, 2014. С. 245–258.

Зозуля, 2008 — *Зозуля С. С.* Комплекс вооружения могильников Ярославского Поволжья X–XI вв. // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда. Т. II. М.: ИА РАН, 2008. С. 338–340.

Зозуля, 2018 — *Зозуля С. С.* Наконечники стрел редких типов из кургана 100 Тимерёвского некрополя // Военная археология. Вып. 4 / Отв. ред. О. В. Двуреченский. М.: ИА РАН, 2018. С. 43–50.

Каинов, 1999 — *Каинов С. Ю.* Ланцетовидные наконечники стрел из раскопок Гнёздова // Раннесредневековые древности Северной Руси и ее соседей / Отв. ред. Е. Н. Носов. СПб.: ИИМК РАН, 1999. С. 49–62.

Каинов, 2009 — *Каинов С. Ю.* Наконечники ножен мечей из Гнёздова // Acta Militaria Mediaevalia. T. V / Red. P. N. Kotowicz. Kraków — Sanok: Polish Academy of Art and Sciences in Kraków, Historical Museum in Sanok, 2009. P. 79–110.

Каинов, 2018 — *Каинов С. Ю.* Погребения с предметами вооружения Гнёздовского некрополя // Гнёздовский археологический комплекс: Материалы и исследования. Вып. 1 / Отв. ред. С. Ю. Каинов. М.: ГИМ, 2018 (Труды ГИМ; Вып. 210). С. 211–240.

Каинов, 2019 — *Каинов С. Ю.* Сложение комплекса вооружения Древней Руси X — начала XI в. (по материалам Гнёздовского некрополя): Дисс. … канд. ист. наук. М., 2019. Т. 1. 342 с.

Каинов, Авдеенко, 2012 — *Каинов С. Ю., Авдеенко Е. Е.* Литые наконечники ножен мечей (по материалам Троицкого раскопа Новгорода Великого) // АВ. 2012. Вып. 18. С. 145–151.

Каинов, Петров, 2019 — *Каинов С. Ю., Петров М. И.* Доспешная мастерская XII века на территории Славенского конца средневекового Новгорода (по материалам раскопа Посольский-2006) // ННЗИА. Вып. 32 / Отв. ред. Е. Н. Носов. В. Новгород: Новгородский музей-заповедник, 2019. С. 243–254.

Каинов, Щедрина, 2021 — *Каинов С. Ю., Щедрина А. Ю.* Кольчужный доспех и кольчужные кольца из раскопок Гнёздова // Гнёздовский археологический комплекс: Материалы и исследования. Вып. 2 / Отв. ред. С. Ю. Каинов. М.: ГИМ, 2021 (Труды ГИМ; Вып. 215). С. 157–187.

Каинов, Щедрина, 2024 — *Каинов С. Ю., Щедрина А. Ю.* Возвращение к кургану Л-47 // Край Смоленский. 2024. № 11. С. 5–11.

Медведев, 1966 — *Медведев А. Ф.* Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел) VIII–XIV вв. // Археология СССР / Под общ. ред. Б. А. Рыбакова. М.: «Наука», 1966 (САИ; Вып. Е1–36). 181 с., илл.

Михайлов, Носов, 2002 — *Михайлов К. А., Носов Е. А.* Новые находки наконечников ножен мечей на Рюриковом городище // АВ. 2002. Вып. 9. С. 136–140.

Мурашева, Авдусина, 2007 — *Мурашева В. В., Авдусина С. А.* Исследование притеррасного участка пойменной части гнёздовского поселения // Гнёздово. Результаты комплексных исследований памятника / Отв. ред. В. В. Мурашева. СПб.: Альфарет, 2007. С. 8–30.

Новикова, 1991 — *Новикова Г. Л.* Скандинавские амулеты из Гнёздова // Смоленск и Гнёздово (к истории древнерусского города) / Под ред. Д. А. Авдусина. М.: МГУ, 1991. С. 175–199.

Носов, 1990 — *Носов Е. Н.* Новгородское (Рюриково) городище. Л.: Наука, 1990. 212 с.

Носов и др., 2005 — *Носов Е. Н., Горюнова В. М., Плохов А. В.* Городище под Новгородом и поселения Северного Приильменья (новые материалы и исследования). СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. 403 с., ил.

Носов и др., 2017 — *Носов Е. Н., Плохов А. В., Хвощинская Н. В.* Рюриково городище. Новые этапы исследований. СПб.: Дмитрий Буланин, 2017 (Труды ИИМК РАН; Т. XLIX). 288 с., ил.

Носов, Хвощинская, 2014 — *Носов Е. Н., Хвощинская Н. В.* Предметы вооружения с Рюрикова городища (по материалам раскопок 2011–2012 гг.) // Stratum plus. 2014. № 6. С. 47–54.

Томсинский, 2004 — *Томсинский С. В.* Углеве поле в IX–XIII веках / Науч. ред. М. Б. Щукин. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2004. 319 с.

Хвощинская и др., в печати — *Хвощинская Н. В., Зозуля С. С., Кузнецов В. Н., Плохов А. В., Полигаев В. Л.* Результаты исследований Рюрикова городища в 2023 году // ННЗИА. В печати.

Kempke, 1988 — *Kempke T.* Zur überregionalen Verbreitung der Pfeispitzen des 8.–12. Jahrhunderts aus Strigrad/Oldenburg // Berichte der Romische-Germanischen Kommission. Bd. 69. Oldenburg; Wolin; Staraja Ladoga; Novgorod; Kiev, 1988. P. 292–306.

Lindbom, 1994 — *Lindbom P.* Pilspetsarna fran Valsgärde 13 // Tor 27. Üppsala, 1994. P. 431–448.

Lindbom, 2006 — *Lindbom P.* Vapen under Wreccornas tid, 150–500 e.Kr.: om de romerska auxiliarpilspetsarna och den västliga traditionens framväxt. Uppsala: Upssala Universitet, 2006. 290 p.

Paulsen, 1999 — *Paulsen H.* Pfeil und Bogen in Haithabu // Berichte über die Ausgrabungen in Haithabu. Bd. 33. Neumünster: Warchholtz, 1999. P. 93–143.

Wegraeus, 1986 — *Wegraeus E.* Die Pfeilspitzen von Birka // Birka II: 2 / Ed. G. Arwidsson. Stockholm: Almqvist & Wiksell, 1986. P. 21–34.

Finds of Early medieval weapons on Rurikovo Gorodishche in 2023–2024

S. S. Zozulya, V. N. Kuznetsova

Keywords: Rurik's settlement, Viking Age weapons, material culture of the Old Russian state

The article summarizes the finds of early medieval weapons discovered during research at the Rurik settlement in 2023 and 2024. The collection consists of only a dozen and a half items, but this small group of finds includes rare and even unique items that characterize the early stages of the formation of the Old Russian weaponry complex.

***М. А. Раззак*[1]**

Древности эпохи бронзы и раннего железного века в материалах Новгородской областной археологической экспедиции Е. Н. Носова[2]

Аннотация. *В статье рассмотрены древности эпохи бронзы и раннего железного века, которые были получены за годы работы Новгородской областной археологической экспедиции под руководством Е. Н. Носова. Наиболее значительные материалы относятся к эпохе бронзы и происходят из раскопок поселений Рюриково городище, Прость, Шкурина Горка в Поволховье и Северном Приильменье. Они представлены в основном керамикой и каменными орудиями. При раскопках ряда поселений были также получены коллекции керамики раннего железного века.*

Ключевые слова: *эпоха раннего металла, эпоха бронзы, ранний железный век, поселение, керамика, Приильменье, Поволховье.*

Вместо введения. В начале этой краткой статьи хочу выразить благодарность своему научному руководителю Евгению Николаевичу Носову. Впервые я попала в экспедицию на Рюриковом городище еще школьницей в 1997 г. и участвовала в раскопках на протяжении 10 лет. За эти годы Евгений Николаевич стал моим научным руководителем по теме исследования древностей эпохи бронзы и раннего железного века Северо-Запада России — от студенческих курсовых до кандидатской диссертации. Он обучал меня основам полевой работы и ведения отчетной документации; предоставил возможность изучения массива древностей эпохи раннего металла[3], накопленного за долгие годы собственных полевых исследований; помог организовать мои первые раскопки поселения эпохи бронзы Шкурина Горка в 2002–2003 гг. в рамках работы Новгородской областной археологической экспедиции (далее — НОЭ); привлек к исследованию древней керамики в составе своего гранта РГНФ, в ходе которого, в частности, проводились раскопки городища Холопий городок в 2006 г. С благодарностью вспоминаю Евгения Николаевича, его многолетнее внимательное научное руководство, доверие, терпимость и неизменную поддержку.

Одной из главных проблем изучения эпохи бронзы и раннего железного века на Северо-Западе России является малочисленность опорных комплексов. Это связано с недостаточной обследованностью памятников данных эпох, а также со степенью сохранности самих культурных слоев. Поселения многократно заселялись от эпохи бронзы до Средневековья, и культурные отложения различных хронологических периодов на них оказались

[1] Раззак М. А. — Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, РФ; e-mail: marija ju@mail.ru.

© Раззак М. А., 2025

[2] Исследование проведено по теме государственного задания «Северная Русь в евразийском археологическом контексте: этнокультурное разнообразие и общие закономерности исторического развития в свете становления научных знаний» (FMZF-2025-0011).

[3] В данной статье термин «эпоха раннего металла» используется для обобщенного обозначения древностей эпохи бронзы и раннего железного века.

значительно перемешаны. Погребальные памятники рассматриваемого периода на Северо-Западе России практически неизвестны[4].

На протяжении последних десятилетий в регионе Приильменья и Поволховья произошло существенное увеличение материалов эпохи бронзы и раннего железного века, в большой степени благодаря работам НОЭ под руководством Е. Н. Носова. Основными объектами исследования экспедиции были памятники средневекового периода, однако в ходе их раскопок происходило выявление и изучение сопутствующих древностей более ранних эпох (табл., рис. 1). Целью данной статьи является обзор накопленных в результате работы экспедиции данных об эпохе бронзы и раннем железном веке.

Начиная с 1975 г. НОЭ проводит систематические раскопки на Рюриковом городище, за эти годы на различных участках поселения изучено более 3000 кв. м, результаты работ отражены во многих публикациях, в том числе в нескольких монографиях (*Носов*, 1990; *Носов и др*., 2005; 2017). Рюриково городище на протяжении 50 лет является ключевым памятником экспедиции, однако в 1970–1990-х гг. НОЭ проводила также многочисленные разведочные работы и раскопки поселений в Приильменье и на востоке Новгородской области.

Древности эпохи раннего металла, полученные в результате раскопок поселений Рюриково городище, Холопий городок, Георгий, Васильевское и других, представлены в основном керамикой и орудиями из камня. Они проанализированы сотрудником НОЭ А. В. Плоховым в отдельных работах и совместных публикациях. В своих статьях он рассмотрел материалы эпохи раннего металла Рюрикова городища (*Плохов,* 1987), единичные находки каменных сверленых топоров и дал характеристику керамического комплекса эпохи бронзы Приильменья (*Плохов,* 1988). Классифицируя раннюю керамику городища Холопий городок, Е. Н. Носов и А. В. Плохов выделили два хронологических комплекса: второй половины II — первой половины I тыс. до н. э. и второй половины I тыс. до н. э. — первой половины I тыс. н. э. (*Носов, Плохов*, 1989. С. 34–36). В публикации 2005 г. эти группы определены как принадлежащие к эпохе бронзы и раннему железному веку соответственно (*Носов и др.*, 2005. С. 123). В рамках раннего железного века по материалам селища Васильевское была выявлена керамическая традиция, характерная именно для первой половины I тыс. н. э., также одна из групп керамики была впервые отнесена к культуре раннего железного века лууконсаари (*Там же*. С. 125, 137).

М. А. Раззак (Юшкова) начала изучение древностей эпохи раннего металла под руководством Е. Н. Носова в начале 2000-х гг. Первыми целенаправленными полевыми работами по этой теме стали раскопки поселения Шкурина Горка на нижнем Волхове в 2002–2003 гг. Исследования проводились отдельным отрядом НОЭ на бюджетные средства, выделенные при поддержке Е. Н. Носова, являвшегося держателем Открытого листа (*Носов и др.,* 2003б. С. 54; 2004а. С. 61; *Юшкова,* 2003). Опираясь на материалы раскопок поселения Шкурина Горка, М. А. Раззак (Юшкова) выделила среди древностей эпохи бронзы Нижнего Поволховья памятники волховского типа и обозначила их отличия от более ранних памятников культуры сетчатой керамики (*Юшкова,* 2004). Более подробный анализ памятников волховского типа проведен в диссертационном исследовании (*Юшкова,* 2011). Данная группа древностей представлена поселениями, которые распространены в Поволховье, Приильменье и на сопредельных территориях в конце эпохи бронзы и датируются концом II — серединой I тыс. до н. э. Позднее, в 2006 г., М. А. Раззак (Юшкова) продолжила раскопки НОЭ на городище Холопий городок, в ходе которых была дополнена коллекция материалов эпохи раннего металла из работ Е. Н. Носова. На основе изучения керамики этого памятника охарактеризована группа поселений раннего железного века Приильменья, относящихся к V–II вв. до н. э. (*Юшкова,* 2011. С. 81–92; *Раззак, Егоров,* 2025).

[4] Исключение составляет погребальная традиция сооружения каменных курганов эпохи бронзы, представленная памятниками северного берега Финского залива, и традиция сооружения могильников с каменными оградками (тарандов) раннего железного века, известных на Ижорской возвышенности.

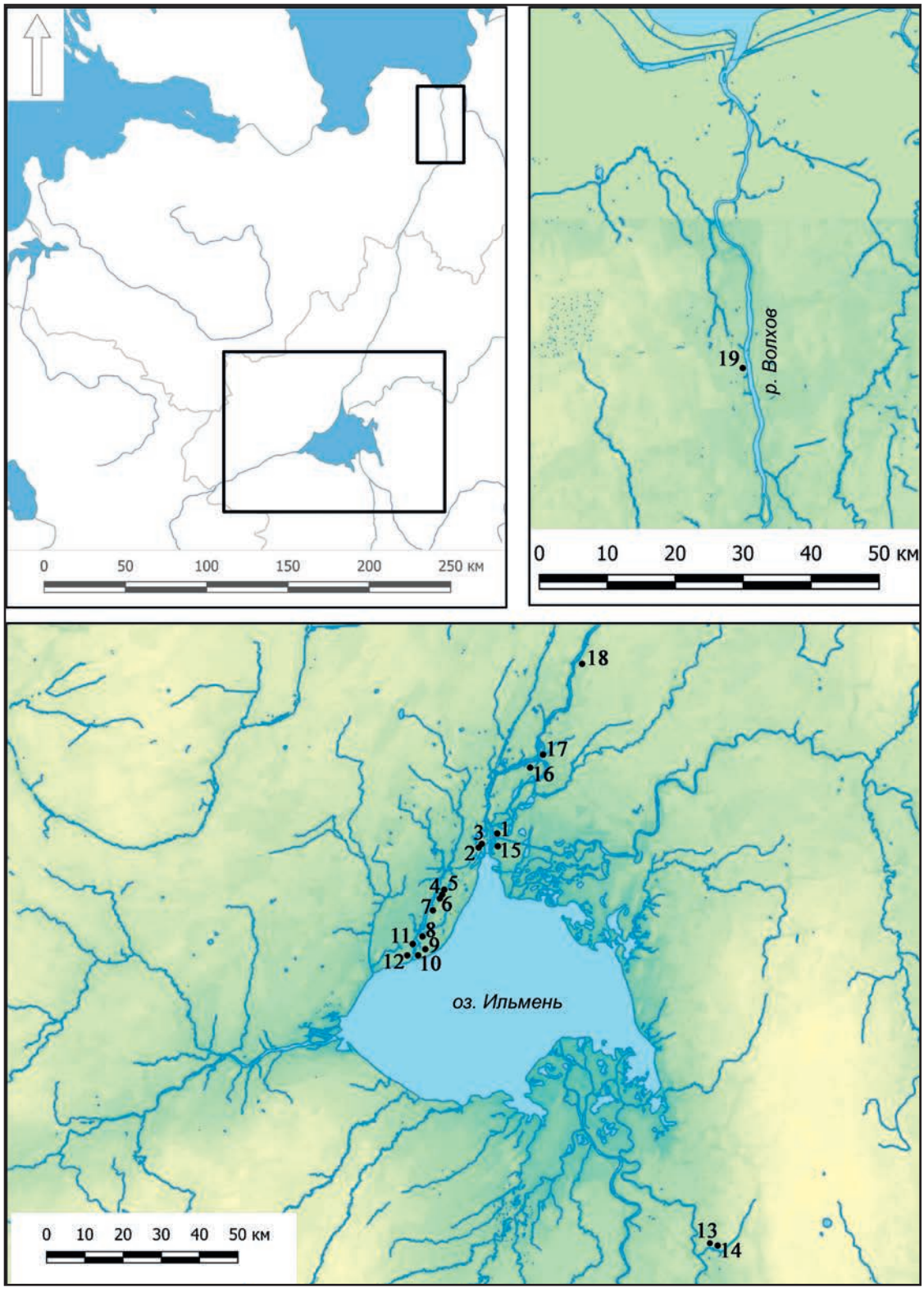

Рис. 1. Карта памятников эпохи бронзы и раннего железного века, изучавшихся Новгородской областной археологической экспедицией (номера соответствуют номерам в табл.): *1* — Рюриково городище; *2* — Прость; *3* — Перынь; *4, 5* — Георгий; *6* — Васильевское; *7* — Васильевское 2; *8* — Горошково; *9* — Заболотье; *10* — Еруново; *11, 12* — Сергово; *13* — Сельцо 1; *14* — Сельцо 2; *15* — Шиловка 2; *16* — Хутынь; *17* — Холопий городок; *18* — Ситно; *19* — Шкурина Горка

Новые данные о древностях эпохи бронзы происходят из раскопок И. И. Еремеева, который участвовал в работе НОЭ на Рюриковом городище с 2001 г. и проводил работы на Благовещенском раскопе в северной части городища в 2013–2016 гг. (*Еремеев*, 2023. С. 17). В 2003–2016 гг. в рамках работ НОЭ под его руководством осуществлялись масштабные исследования в Приильменье, в результате которых на городищах Городок на Маяте и Бронница и селище Ситно получены новые материалы эпохи бронзы и раннего железного века (*Еремеев*, 2023).

В итоге полевых исследований НОЭ под руководством Е. Н. Носова изучено не менее 19 памятников, на которых обнаружены древности эпохи бронзы и/или раннего железного века (табл.). Наиболее представительные коллекции в регионе Приильменья получены при раскопках Рюрикова городища, селища Прость, городища Холопий городок, селища Васильевское, городища Сельцо 1. Единичные находки собраны при раскопках городища Георгий, в ходе разведочных работ на поселениях Георгий (селище), Васильевское 2, Горошково, Заболотье, Еруново, городище и селище Сергово, Шиловка 2, Хутынь, Ситно. Подъемный материал был собран на городище Сельцо 2, селище Перынь. В регионе Нижнего Поволховья проведено целенаправленное исследование поселения эпохи бронзы Шкурина Горка.

Рюриково городище. Впервые керамику эпохи неолита — эпохи бронзы на Рюриковом городище обнаружил Г. П. Гроздилов во время раскопок 1935 г. на южном берегу Сиверсова канала (*Гроздилов*, 1940). На площадке городища керамика эпохи раннего металла впервые собрана С. Н. Орловым (*Орлов*, 1984. С. 70).

Многолетние раскопки НОЭ в центральной части городища позволили открыть следы поселения эпохи бронзы. В слоях средневекового времени и предматериковом слое обнаружено значительное количество фрагментов керамики и предметов из камня, в том числе сланцевое тесло (*Носов и др.,* 2005. С. 64, рис. 11). Фрагменты керамики этого периода найдены в нескольких заглубленных в материк ямах — это комплексы № 54 (нижняя часть), 55, 58, 60 из раскопок 1980-х гг. (*Носов,* 1991. С. 106, прим. 42; *Носов и др.*, 2005. С. 47, 48, 65). Евгений Николаевич суммировал сведения об объектах с керамикой эпохи бронзы, представленных четырьмя комплексами на площадке городища, и пришел к выводу, что они образуют «единый застроенный участок» (*Носов и др.*, 2017. С. 12). В ходе раскопок 2006 г. в кв. 47, 60 были обнаружены развалы двух сосудов эпохи бронзы, один из которых удалось полностью восстановить; в раскопах 2005–2007 гг. найдено около 400 фрагментов керамики волховского типа не менее чем от 13 сосудов, а также многочисленные орудия (наконечники стрел, скребки и др.) и отщепы из кремня (*Носов и др.*, 2017. С. 36, 37, 68; *Юшкова*, 2011. С. 57, 183, 184, рис. 64, 65, 83).

С рассматриваемым периодом жизни на городище связана радиоуглеродная дата, полученная в 1980-х гг. из предматерикового слоя[5] по образцу угля: 2870±40 BP (Ле-3332), 1199–922 calBC[6] (*Носов и др.*, 2005. С. 65: прим. 45). Сходные датировки получены по двум образцам угля от столба, сохранившегося в материковой яме на Благовещенском раскопе, раскапывавшемся И. И. Еремеевым в 2013–2016 гг. в северной части городища (*Еремеев,* 2023. С. 225). Здесь получены следующие даты: 2900±60 BP и 2650±25 BP (Ле-11423), указывающие на диапазон 1262–922 calBC и 895–788 calBC соответственно. Согласно представленным радиоуглеродным датировкам, период бытования керамики эпохи бронзы на Рюриковом городище определяется последними веками II — первыми веками I тыс. до н. э.

Прость. Поселение известно с 1950-х гг., раскопки здесь проводил С. Н. Орлов. В конце 1990-х гг. поселение исследовала Новгородская областная археологическая экспедиция:

[5] Образец был отобран в кв. 201, который расположен рядом с относимым к эпохе бронзы комплексом № 60.

[6] Калиброванные даты получены с помощью программы OxCal 4.4 и представлены с доверительным интервалом 2δ (95,4 %). Диапазон указан по крайним значениям дат.

в 1997–1998 гг. раскопки проходили под руководством А. В. Плохова, в 1999 г. — Н. В. Хвощинской; изученная площадь за эти три года составила более 1000 кв. м (*Носов и др.,* 1999; 2000; 2005. С. 140–146).

На значительной площади поселения под слоями средневекового периода зафиксирован слой серого гумусированного песка мощностью до 0,3 м, в котором найдены фрагменты раннесредневековой керамики и большое количество керамики эпохи бронзы. Этот слой является культурными отложениями эпохи бронзы, нарушенными в раннесредневековое время. Выделенные слои не разделены стерильными прослойками, керамика эпохи бронзы встречается не только в слое гумусированного песка, но и в вышележащих слоях, а в самом гумусированном песке попадаются находки из лежащих выше культурных напластований. Единственным комплексом, относящимся к эпохе бронзы, является яма диаметром около 1,5 м, заглубленная в материк на 0,3 м в раскопе № 1 С. Н. Орлова 1961 г., в ее заполнении собраны фрагменты сосуда, который удалось полностью реконструировать (*Орлов,* 1967. С. 234–235, рис. 1).

Коллекция керамики эпохи бронзы селища Прость включает около 800 фрагментов не менее чем от 36 сосудов волховского типа. В материалах поселения также представлена группа керамики лууконсаари, единичные фрагменты керамики раннего железного века (*Юшкова*, 2011. С. 56, 57, 68, 184, 185, рис. 66–68, 96). При раскопках и разведочных работах разных лет найдены каменные орудия, в том числе топоры и тесла, кремневые наконечники стрел, скребки и отщепы.

Холопий городок. Городище Холопий городок раскапывалось Новгородской областной археологической экспедицией под руководством Е. Н. Носова в 1980–1981 гг., площадь раскопов составила 256 кв. м (*Носов, Плохов*, 1989; 1997), в 2006 г. раскопки были продолжены отрядом НОЭ под руководством автора данной статьи, площадь раскопа составила 76 кв. м (*Юшкова,* 2009). В материалах раскопок типологически выделены керамические комплексы эпохи бронзы и раннего железного века и каменные изделия, происходящие из культурного слоя раннесредневекового периода (*Носов, Плохов*, 1989; 1997). Керамика эпохи бронзы волховского типа насчитывает около 200 фрагментов не менее чем от 15 сосудов. Керамика раннего железного века представлена 90 фрагментами не менее чем от 22 сосудов, она проанализирована недавно в отдельной публикации (*Раззак, Егоров*, 2025). Данный керамический комплекс раннего железного века датирован в пределах V–II вв. до н. э.

Васильевское. Селище Васильевское, открытое С. Н. Орловым в 1958 г., раскапывалось Новгородской областной археологической экспедицией в 1977, 1985–1990 гг., общая площадь раскопов составила около 500 кв. м. Керамика эпохи бронзы и раннего железного века встречена в переотложенном состоянии в культурном слое средневекового периода. На селище представлена керамика волховского типа (*Носов и др.,* 2005. С. 123, рис. 15, *1–3, 5*; табл. 149, *1–4*), лууконсаари (*Там же*. С. 123–125, рис. 15, *4*; табл. 149, *11*), раннего железного века (*Там же*. С. 123, рис. 15, *6–18*; 18; табл. 149, *6–9, 23*; 152, *2, 3*), всего не менее 50 фрагментов. По углю одного из кострищ поселения получена радиоуглеродная дата, указывающая на первые века нашей эры (*Там же*. С. 135), этим периодом датирован керамический комплекс раннего железного века, представленный на поселении.

Сельцо 1. Городище Сельцо 1 было открыто и раскапывалось С. Н. Орловым в 1968 и 1984 гг., общая площадь его раскопов составила около 430 кв. м. Новгородская областная археологическая экспедиция проводила раскопки на городище в 1974 г., было изучено 116 кв. м. С. Н. Орлов относил к раннему периоду жизни на городище след сгоревшей оборонительной стены, в нижней части которой находились жилые помещения с печками-каменками. Эти наблюдения пересмотрел И. И. Еремеев, датировавший древнейшие укрепления городища раннесредневековым периодом (*Еремеев*, 2023. С. 287–291). Е. Н. Носов по материалам своих раскопок связывал с ранним периодом жизни на городище отдельные ямы на материке.

Из раскопок разных лет с ранним периодом связано около 60 фрагментов керамики не менее чем от семи сосудов. Данный керамический комплекс отнесен к памятникам волховского типа, однако он имеет ряд особенностей (*Юшкова,* 2011. С. 57, 60, 62, 195, рис. 80). Рассматриваемая керамика городища Сельцо 1 находит аналогии в материалах раннего этапа днепро-двинской культуры, а также на памятниках дьяковской культуры, где схожие сосуды относятся к выделенному Н. А. Кренке «начальному железному веку», датированному около IX–VI вв. до н. э. (*Кренке,* 2019. С. 38–40). Возможно, керамический комплекс этого памятника следует определять как переходный от эпохи бронзы к раннему железному веку.

Шкурина Горка. Поселение Шкурина Горка было открыто С. Л. Кузьминым в 1997 г. (8 кв. м), раскапывалось В. И. Тимофеевым в 1998 г. (36 кв. м), затем в 2002–2003 гг. раскопки продолжил отряд НОЭ под руководством М. А. Раззак (Юшковой)(36 кв. м) (*Носов и др.,* 2003а. С. 22, 23; 2003б. С. 54; 2004а. С. 61; 2004б. С. 22, 23; *Юшкова*, 2003). Уникальной особенностью поселения является хорошая сохранность культурного слоя эпохи бронзы — он имеет мощность до 0,5 м и сохранился в непотревоженном состоянии на ограниченном участке склона берега р. Волхов. При раскопках собрано более 4000 фрагментов керамики не менее чем от 40 сосудов, богатая коллекция предметов из камня (более 100 орудий), кости (более 20 орудий), отдельные предметы из бронзы, фаунистические остатки. Анализ фаунистических остатков показал наличие костей домашних животных. По образцам угля и костей получена серия радиоуглеродных дат, однако многие из них имеют слишком большой доверительный интервал, что не позволяет узко датировать данный комплекс. Уникальный по полноте материал из раскопок этого поселения стал основой для выделения памятников волховского типа (*Юшкова*, 2004; 2011).

Подводя итоги рассмотрения наиболее представительных комплексов эпохи бронзы — раннего железного века из раскопок НОЭ можно заключить, что среди них присутствуют опорные коллекции для изучения древностей конца эпохи бронзы в регионе Северного Приильменья. Это материалы поселений Рюриково городище и Прость. В Северном Поволховье исследован опорный памятник Шкурина Горка. Все перечисленные поселения относятся к памятникам волховского типа, как и другие памятники эпохи бронзы Приильменья, где велись работы НОЭ (табл.).

Носители керамики волховского типа были первыми жителями возвышенностей, превратившихся в более поздние периоды в укрепленные городища — Рюриково городище, Холопий Городок, Сельцо 1. В конце эпохи бронзы Поволховье было плотно заселено, по берегам Волхова и в Северном Приильменье расположено не менее 20 поселений волховского типа. В последние годы в регионе юго-восточного берега Финского залива были открыты и раскапывались новые поселения волховского типа, датированные по нагару на керамике IX в. до н. э. (*Городилов, Раззак*, 2025. С. 225, 226).

Поселения последующего периода — раннего железного века — изучены значительно хуже, в основном они представлены небольшими керамическими коллекциями. Однако и они позволили выделить в регионе два отдельных периода в рамках раннего железного века, а также выявить различные направления культурных связей оставившего их населения (*Носов и др.*, 2005. С. 123–125; *Раззак, Егоров,* 2025. С. 103, 104).

Материалы эпохи бронзы и раннего железного века, полученные в ходе работ Новгородской областной археологической экспедиции под руководством Е. Н. Носова, существенно расширили базу для исследования культурно-хронологических комплексов этих периодов в Приильменье и Поволховье.

Таблица. Памятники эпохи бронзы и раннего железного века, исследованные НОЭ

№	Название и тип памятника	История исследования	Сохранность культурного слоя, наличие комплексов	Состав и сохранность коллекции	Публикация
1	Рюриково городище, городище	С 1975 по 2018 г. — раскопки под руководством Е. Н. Носова, с 2019 г. по наст. время — Н. В. Хвощинской (общая площадь около 3000 кв. м). Керамика более ранних периодов была обнаружена Г. П. Гроздиловым в 1935 г. на южном берегу Сиверсова канала, на площадке городища впервые собрана С. Н. Орловым	Фрагменты керамики эпохи бронзы и предметы из камня найдены в переотложенном состоянии по всей площади городища, особенно в раскопах на площадке городища. Там же найдены немногочисленные непотревоженные комплексы	В 2005–2007 гг. в раскопах на площадке городища найдено около 400 фрагментов керамики эпохи бронзы, в том числе археологически целый сосуд	*Гроздилов,* 1940; *Орлов,* 1967. С. 233–236; 1984. С. 70; *Плохов,* 1987; *Носов,* 1990. С. 108, 143; *Попов, Зайцева,* 1994. С. 179; *Носов и др.,* 2005. С. 47, 48; 2007. С. 12, 36, 68; 2017. С. 12, 36; *Еремеев*, 2023. С. 224, 225
2	Прость, селище	М. М. Аксенов, разведки (1958 г.), С. Н. Орлов, раскопки (1961 г., 525 кв. м, 1976–1979 гг.), А. В. Плохов, Н. В. Хвощинская, раскопки (1997–1999 гг., около 1000 кв. м)	Фрагменты керамики эпохи бронзы и раннего железного века (далее: РЖВ) выделены типологически	Более 800 фрагментов керамики эпохи бронзы, один археологически целый сосуд (представлен в экспозиции НГОМЗ), керамика РЖВ, предметы из камня	*Орлов,* 1967. С. 233–235; 1984. С. 70; *Носов и др*., 1999. С. 18; 2000; 2005. С. 142; *Юшкова,* 2011. С. 184, 185, рис. 66–68
3	Перынь, селище	А. Ф. Медведев, раскопки (1948 г.), В. В. Седов, раскопки (1951–1953 гг., около 3000 кв. м), Е. Н. Носов, разведки, В. Ю. Сюборов, раскопки (2022 г., 34 кв. м)	Фрагменты керамики эпохи бронзы выделены типологически	Единичные фрагменты керамики	*Юшкова,* 2011. С. 186, рис. 50; 76, *26*; *Сюборов и др.,* 2024. С. 82–85
4	Георгий, городище	М. М. Аксенов, разведки, С. Н. Орлов, раскопки (1958, 1979 гг., 166 кв. м), Е. Н. Носов и А. В. Плохов, раскопки (1989–1993 гг., 444 кв. м)	Фрагменты керамики РЖВ выделены типологически, бронзовая фибула РЖВ	Единичные фрагменты керамики	*Орлов,* 1984. С. 72; *Носов,* 2002; *Носов и др*., 2005. С. 137; *Юшкова,* 2011. С. 184, 185, рис. 66–68; *Еремеев,* 2023. С. 221
5	Георгий, селище	С. Н. Орлов, разведки, Е. Н. Носов, разведки	Фрагменты керамики РЖВ выделены типологически	Единичные фрагменты керамики	*Носов,* 1991. С. 17
6	Васильевское, селище	С. Н. Орлов, разведки (1958 г.), Е. Н. Носов, раскопки (1977, 1985–1990 гг., 500 кв. м)	Фрагменты керамики эпохи бронзы и РЖВ выделены типологически	Фрагменты керамики эпохи бронзы (не менее 5 экз.) и РЖВ (не менее 45 экз.)	*Носов и др*., 2005. С. 123, рис. 15, *6–17*; табл. 149, *6–10, 12*; *Носов, Плохов,* 2005
7	Васильевское 2, селище	Е. Н. Носов, разведки (1983 г.)	Фрагменты керамики эпохи бронзы	Единичные фрагменты керамики	*Носов,* 1991. С. 19

Таблица, продолжение

№	Название и тип памятника	История исследования	Сохранность культурного слоя, наличие комплексов	Состав и сохранность коллекции	Публикация
8	Горошково, селище	С. Н. Орлов, разведки, Е. Н. Носов, разведки (1977 г., 20 кв. м)	Фрагменты керамики РЖВ выделены типологически	Единичные фрагменты керамики	*Носов,* 1991. С. 19, 20; *Носов и др.,* 2005. С. 146; табл. 163, *2*; *Юшкова,* 2011. С. 187, рис. 113, *46, 47*
9	Заболотье, селище	Е. Н. Носов, разведки (1983 г.)	Фрагменты керамики эпохи бронзы	Единичные фрагменты керамики, предметы из камня	*Носов,* 1991. С. 20
10	Еруново, селище	Е. Н. Носов, разведки (1982 г.)	Фрагменты керамики эпохи бронзы	Единичные фрагменты керамики	*Носов,* 1991. С. 20; *Юшкова,* 2011. С. 188, рис. 76, *31–33*
11	Сергово, городище	Е. Н. Носов, разведки (1983 г.)	Фрагменты керамики РЖВ	Единичные фрагменты керамики	*Носов*, 1991. С. 21
12	Сергово, селище	Е. Н. Носов, разведки (1984 г.)	Фрагменты керамики РЖВ	Единичные фрагменты керамики	*Носов*, 1991. С. 21
13	Сельцо 1, городище	С. Н. Орлов, раскопки (1968, 1984 гг., 430 кв. м), Е. Н. Носов, раскопки (1974 г., 116 кв. м)	Фрагменты керамики эпохи бронзы/РЖВ	Фрагменты керамики, около 60 экз.	*Носов,* 1974. Л. 18–26; *Орлов,* 1984. С. 79; *Юшкова,* 2011. С. 195, рис. 80; *Еремеев,* 2023. С. 228
14	Сельцо 2, городище	В. В. Мильков, разведки (1981 г.), А. В. Плохов, сборы подъемного материала	Фрагменты керамики РЖВ	Единичные фрагменты керамики	Учетные документы (паспорт)
15	Шиловка 2, селище	Е. Н. Носов, А. В. Плохов, разведки (1989 г.)	Фрагменты керамики эпохи бронзы/РЖВ	Единичные фрагменты керамики	*Носов,* 1991. С. 23
16	Хутынь, селище	Е. Н. Носов, разведки (1978 г.)	Фрагменты керамики эпохи бронзы	Единичные фрагменты керамики	*Носов,* 1991. С. 13
17	Холопий городок, городище	С. Н. Орлов, разведки, Е. Н. Носов, раскопки (1980–1981 гг., 256 кв. м), М. А. Юшкова, раскопки (2006 г., 76 кв. м)	Фрагменты керамики эпохи бронзы и раннего железного века выделены типологически, предметы из камня	Фрагменты керамики — около 200 фрагментов эпохи бронзы и 90 фрагментов РЖВ	*Орлов,* 1967. С. 236; *Носов, Плохов,* 1989; 1997; *Носов и др.,* 2005. С. 148–154; *Кулькова, Юшкова,* 2008; *Юшкова,* 2009; *Раззак, Егоров,* 2025
18	Ситно, селище	Е. Н. Носов, разведки (1984 г.), И. И. Еремеев, раскопки (2016 г., 5280 кв. м)	Фрагменты керамики РЖВ выделены типологически	Фрагменты керамики — всего около 60 экз.	*Носов,* 1991; *Юшкова,* 2011. Рис. 110, *38*; *Еремеев*, 2023. С. 548–598, рис. 37, *377–382*

Таблица, окончание

№	Название и тип памятника	История исследования	Сохранность культурного слоя, наличие комплексов	Состав и сохранность коллекции	Публикация
19	Шкурина Горка, поселение	С. Л. Кузьмин, разведки (1997 г., 8 кв. м), В. И. Тимофеев, раскопки (1998 г., 36 кв. м), Е. Н. Носов, М. А. Юшкова, раскопки (2002–2003 гг., 36 кв. м)	Непотревоженный культурный слой эпохи бронзы мощностью до 0,5 м. Изучен участок жилой зоны	Фрагменты керамики (не менее 4000 экз.), предметы из камня (не менее 100 орудий и 750 отщепов), кости (не менее 20 экз.) и бронзы (3 экз.)	*Тимофеев*, 2000; *Носов и др.,* 2003а. С. 22, 23; 2003б. С. 54; 2004а. С. 61; 2004б. С. 22, 23; *Юшкова,* 2003; 2011. Рис. 50–63

Городилов, Раззак, 2025 — *Городилов А. Ю., Раззак М. А.* Хронология памятников неолита — эпохи бронзы юго-восточного берега Финского залива по данным радиоуглеродного датирования // Stratum plus. 2025. № 2: В поисках культурных корней. С. 213–232.

Гроздилов, 1940 — *Гроздилов Г. П.* Неолитическая стоянка у с. Городище на р. Волхове // Бюллетень комиссии по изучению четвертичного периода. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. № 6–7. С. 36–38.

Еремеев, 2023 — *Еремеев И. И.* Славяне и норманны к северу от Днепра до начала X века. СПб.: ИИМК РАН, 2023. Т. 1. 806 с.

Кренке, 2019 — *Кренке Н.А.* Древности бассейна Москвы-реки от неолита до средневековья: этапы культурного развития, формирование производящей экономики и антропогенного ландшафта. М.; Смоленск: ИА РАН; «Свиток». 2019. 392 с.

Кулькова, Юшкова, 2008 — *Кулькова М. А., Юшкова М. А.* Анализ состава и технологии изготовления керамики эпохи бронзы — раннего железного века из юго-восточного Приладожья, Поволховья и Приильменья // Хронология, периодизация и кросс-культурные связи в каменном веке. Замятнинский сборник. СПб.: Наука, 2008. Вып. 1. С. 201–219.

Носов, 1974 — *Носов Е. Н.* Отчет о раскопках 1974 г. // НА ИИМК РАН, РО. Ф. 35. Оп. 1. 1974. Д. 48. 29 л.

Носов, 1990 — *Носов Е. Н.* Новгородское (Рюриково) городище. Л.: Наука, 1990. 215 с.

Носов, 1991 — *Носов Е. Н.* Археологические памятники верховьев Волхова и Ильменьского Поозерья конца I тыс. н. э. (каталог памятников) // Материалы по археологии Новгородской земли 1990 г. М.: Черметинформация, 1991. С. 5–37.

Носов, 2002 — *Носов Е. Н.* О находке позднеримской фибулы в Ильменьском поозерье // Старая Ладога и проблемы археологии Северной Руси. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2002. С. 74–76.

Носов, Плохов, 1989 — *Носов Е. Н., Плохов А. В.* Поселение Холопий Городок под Новгородом // КСИА. 1989. Вып. 195: Славяно-русская археология. С. 34–42.

Носов, Плохов, 1997 — *Носов Е. Н., Плохов А. В.* Холопий Городок // Древности Поволховья. СПб.: ИИМК РАН, 1997. С. 129–152.

Носов, Плохов, 2005 — *Носов Е. Н., Плохов А. В.* Селище Васильевское на р. Веряже // Stratum plus. 2003–2004. 2005. № 5: Мастера Средневековья. С. 244–270.

Носов и др., 1999 — *Носов Е. Н., Ершевский Б. Д., Плохов А. В.* Исследования на поселении Прость в 1998 г. // ННЗИА. Новгород: НМЗ, 1999. Вып. 13. С. 14–19.

Носов и др., 2000 — *Носов Е. Н., Ершевский Б. Д., Хвощинская Н. В.* О продолжении исследований на поселении Прость под Новгородом // ННЗИА. Великий Новгород: НМЗ, 2000. Вып. 14. С. 41–44.

Носов и др., 2003а — *Носов Е. Н., Дорофеева Т. С., Еремеев И. И., Медведева М. В., Хвощинская Н. В., Юшкова М. А.* Исследования Рюрикова городища и поселения Шкурина Горка в 2002 г. // ННЗИА. Великий Новгород: НМЗ, 2003. Вып.17. С. 9–23.

Носов и др., 2003б — *Носов Е. Н., Еремеев И. И., Юшкова М. А.* Исследования поселений Поволховья // Археологические открытия 2002 года. М.: Наука, 2003. С. 52–54.

Носов и др., 2004а — *Носов Е. Н., Еремеев И. И., Юшкова М. А.* Раскопки Рюрикова городища и Шкуриной Горки // Археологические открытия 2003 года. М.: Наука, 2004. С. 59–61.

Носов и др., 2004б — *Носов Е. Н., Еремеев И. И., Дорофеева Т. С., Медведева М. В., Хвощинская Н. В., Юшкова М. А.* Новые раскопки Рюрикова городища и Шкуриной Горки // ННЗИА. Великий Новгород: НМЗ, 2004. Вып. 18. С. 18–22.

Носов и др., 2005 — *Носов Е. Н., Горюнова В. М., Плохов А. В.* Городище под Новгородом и поселения Северного Приильменья. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. 404 с.

Носов и др., 2007 — *Носов Е. Н., Дорофеева Т. С., Смирнов А. М., Хвощинская Н. В., Юшкова М. А.* Раскопки на городищенском холме // ННЗИА. Великий Новгород: НМЗ, 2007. Вып. 21. С. 13–23.

Носов и др., 2017 — *Носов Е. Н., Плохов А. В., Хвощинская Н. В.* Рюриково городище. Новые этапы исследований. СПб.: Дмитрий Буланин, 2017. 288 с.

Орлов, 1967 — *Орлов С. Н.* Памятники эпохи раннего металла в окрестностях Новгорода // СА. 1967. № 2. С. 233–236.

Орлов, 1984 — *Орлов С. Н.* Памятники раннего железного века на территории Новгородской области // Археологическое исследование Новгородской земли. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. С. 70–84.

Плохов, 1987 — *Плохов А. В.* Поселение эпохи раннего металла на Рюриковом Городище под Новгородом // История и археология Новгородской земли. Новгород: Новгородская правда, 1987. С. 8–10.

Плохов, 1988 — *Плохов А. В.* Памятники II — первой половины I тыс. до н. э. в центральных районах Приильменья // ННЗИА. Новгород: НМЗ, 1988. Вып. 1. С. 9–11.

Попов, Зайцева, 1994 — *Попов С. Г., Зайцева Г. И.* Ранние этапы заселения Новгородской округи и нижние ярусы Новгорода по данным радиоуглеродного анализа // Новые источники по археологии Северо-Запада. СПб.: ИИМК РАН, 1994. С. 164–183.

Раззак, Егоров, 2025 — *Раззак М. А., Егоров Е. Д.* Керамика раннего железного века на городище Холопий Городок // АВ. 2025. № 47. С. 92–105.

Сюборов и др., 2024 — *Сюборов В. Ю., Борисевич Е. А., Комагорова М. А.* Древнейший этап освоения урочища «Перынь» под Великим Новгородом // Тверской археологический сборник. Тверь: Триада, 2024. № 13. С. 76–86.

Тимофеев, 2000 — *Тимофеев В. И.* Поселение эпохи раннего металла Шкурина Горка (Волховский район Ленинградской области) // Славяне, финно-угры, скандинавы, волжские булгары. СПб.: Вести, 2000. С. 208–216.

Юшкова, 2003 — *Юшкова М. А.* Раскопки поселения эпохи раннего металла Шкурина Горка в 2002 г. // Ладога первая столица Руси. 1250 лет непрерывной жизни. Седьмые чтения памяти Анны Мачинской. СПб.: Нестор-История, 2003. С. 12–26.

Юшкова, 2004 — *Юшкова М. А.* Памятники эпохи раннего металла в Нижнем Поволховье // ННЗИА. Великий Новгород: НМЗ, 2004. Вып. 18. С. 233–242.

Юшкова, 2009 — *Юшкова М. А.* Раскопки городища Холопий Городок // Археологические открытия 2006 года. М.: Наука, 2009. С. 105, 106.

Юшкова, 2011 — *Юшкова М. А.* Эпоха бронзы и ранний железный век на Северо-Западе России: Дис. … канд. ист. наук — 07.00.06. / Археология. СПб., 2011 // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 2-д. Д. 713. 386 л.

Findes of the Bronze Age and Early Iron Age in the materials of the Novgorod Regional Archaeological Expedition by E. N. Nosov

M. A. Razzak

Keywords: Early Metal Age, Bronze Age, Early Iron Age, settlement, ceramics, Ilmen Region, Povolzhye Region

The article devoted to sites of the Bronze Age and the Early Iron Age that were investigated during the years of work of the Novgorod Regional Archaeological Expedition. The most significant materials relate to the Bronze Age and come from excavations of the settlements of Rurikovo Gorodishche, Prost, Shkurina Gorka in the Volkhov region and Northern Ilmen area. They are represented mainly by ceramics and stone tools. During excavations of a number of settlements, collections of ceramics of the Early Iron Age were also obtained.

А. Е. Носов, В. Ю. Соболев[1]

Инвентаризация археологических памятников в Боровичском районе Новгородской области

Аннотация. *Статья посвящена результатам инвентаризации объектов культурного наследия — археологических памятников Боровичского района Новгородской области. Изменения, произошедшие в обществе, законодательстве об охране объектов культурного наследия за почти 25 лет со времени предыдущей инвентаризации в совокупности с появившимися новыми технологиями и методами делают проведение данных работ особенно актуальным. Список обследуемых объектов включал 156 памятников, для них выполнено описание современного состояния, определение местоположения, границ, состава и пр.*

Ключевые слова: *Новгородская область, Боровичский район, охрана памятников, археологические памятники, инвентаризация.*

Сохранение объектов культурного (археологического) наследия требует не только знания количества памятников, имеющихся в пределах того или иного административного или территориального образования, но и регулярного отслеживания их реального физического состояния. Главной целью работ по инвентаризации археологических объектов является актуализация сведений о них, уточнение информации об их местонахождении, границах территории и предмете охраны и т. п.

Последняя инвентаризация археологических памятников Боровичского района Новгородской области проводилась еще в начале 1990-х гг. Изменения в обществе и законодательстве об охране объектов культурного наследия за прошедшие годы, а также появление новых технологий сделали выполнение данных работ особенно актуальным.

Исходный список объектов, переданный Инспекцией государственной охраны культурного наследия Новгородской области, включал 156 позиций (рис. 1). Первичными данными для проведения работ послужили документы постановки объектов на учет (постановления Совета министров РСФСР от 30.08.1960 г. № 1327 и от 4.12.1974 г. № 624, решения Новгородского облисполкома от 28.06.1971 г. № 364 и от 17.07.1984 № 302, Постановление Администрации Новгородской области от 16.01.1997 г. № 12); паспорта памятников, составленные в разные годы; материалы инвентаризации памятников 1992 г. и протоколы осмотров, проводившихся сотрудниками Инспекции в 2020-х гг. Кроме переданного комплекта документов при подготовке полевого этапа работы были использованы архивные материалы разведочных обследований разных лет и исторический картографический материал.

Необходимо кратко охарактеризовать информационный потенциал каждого из перечисленных источников. Наиболее скудными оказались Приложения к постановлениям Совмина РСФСР и Постановления Администрации Новгородской области, представляющие собой порайонные списки памятников, в которых кроме названия ОК(А)Н указаны только его примерная датировка и очень краткая — направление и расстояние — географическая привязка («близ деревни», «в 2,5 км юго-восточнее деревни» и т. п.).

[1] Носов А. Е. — ООО «Проектно-изыскательские решения в строительстве», Санкт-Петербург, РФ; e-mail: nosovandre@bk.ru. Соболев В. Ю. — Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, РФ; e-mail: v.sobolev@spbu.ru.

© Носов А. Е., Соболев В. Ю., 2025

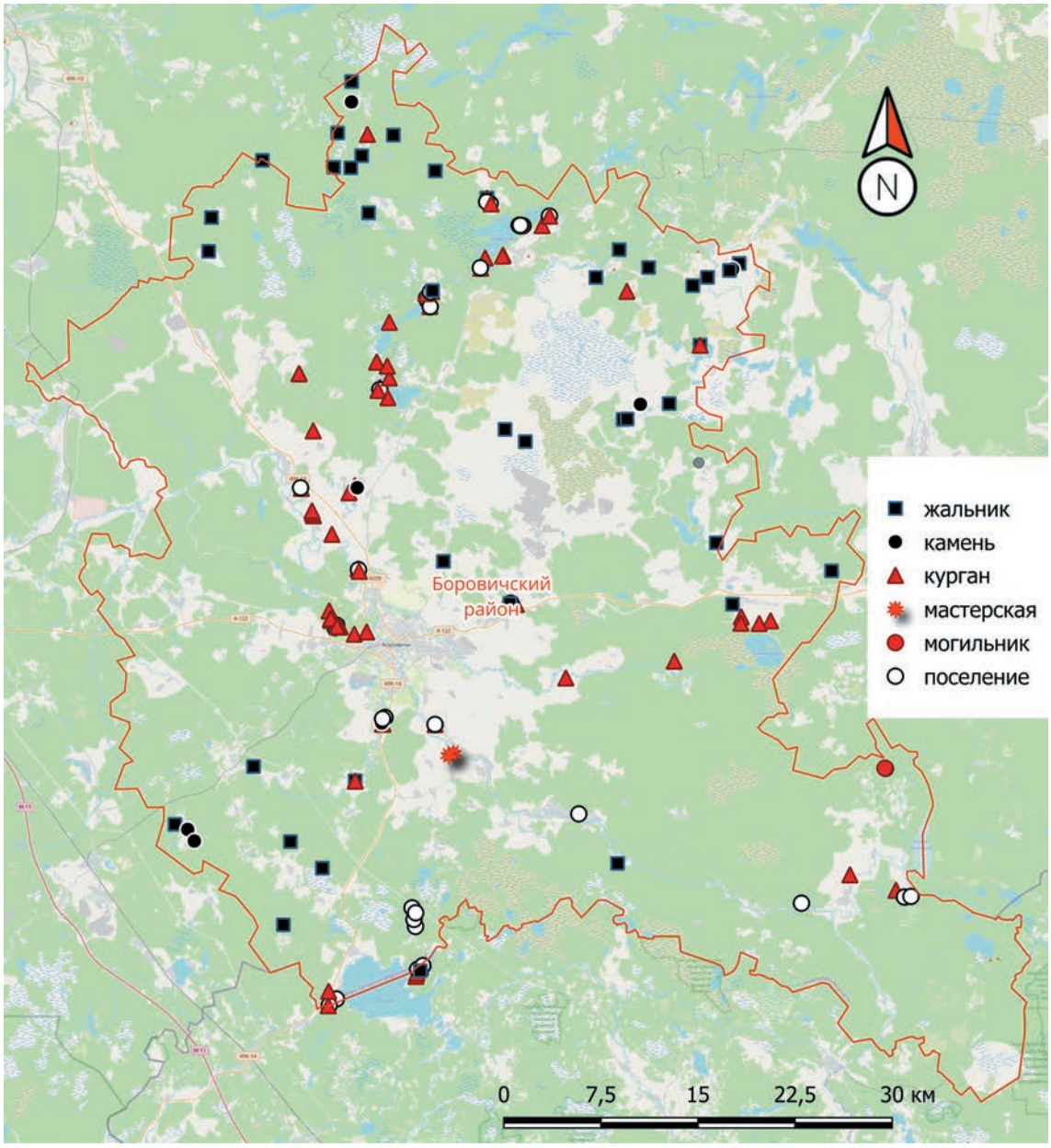

Рис. 1. Карта Боровичского района Новгородской области (топооснова OSM) с указанием обследованных археологических памятников

Более развернутые сведения содержатся в Приложении к Решению Новгородского облисполкома, где кроме перечисленного приводятся краткое описание памятника, размерные характеристики составляющих его объектов, повреждения, микрорельеф, местные топонимы и другая информация, полученная из научной и/или отчетной документации.

Паспорта памятников очень отличаются друг от друга по объему и качеству собранной информации, видимо, из-за отсутствия единых требований к их заполнению и существенной разницы в квалификации составлявших их лиц. Наиболее ранние паспорта датируются концом 1940-х — началом 1950-х гг. и оформлены директором Музея А. В. Суворова в Кончанском-Суворовском Л. А. Коноваловой. В них, как и в Приложениях к постановлениям Совмина РСФСР, приводятся лишь небольшие описания объектов с очень общими географическими привязками и не содержится никакой графической информации.

Указанные в этих паспортах топографические привязки весьма условны и в настоящее время не соответствуют ситуации на местности. В качестве характерного примера можно привести сложности, с которыми пришлось столкнуться во время поиска курганной группы у дер. Рыбный Подол. У Л. А. Коноваловой значится: «Курганы. Боровичский район, Белавинский с/с, 3 км северо-западнее дер. Рыбный Подол, на берегу оз. Белавинского, по дороге из дер. Рыбный Подол на дер. Белавино, налево от дороги». На рубеже 1950–1960-х гг. дер. Рыбный Подол сменила название на Приозерье, а прямая сухопутная дорога между ней и дер. Белавино даже теоретически никогда не могла существовать, так как указанные деревни расположены на противоположных берегах довольно крупного озера Пелено (рис. 2). Впоследствии курганная группа ни разу не осматривалась специалистами, поэтому информация Л. А. Коноваловой служит единственным источником сведений о ней, что вызвало значительные трудности в определении ее местонахождения в процессе инвентаризации 2024 г.

Паспорта, составленные в 1960–1970-е гг. боровичским краеведом Г. И. Ивановским (о нем: *Карпова, Сюборов*, 2018), как правило, снабжены весьма схематичным, не имеющим масштаба планом местности, что позволяет зачастую лишь наметить примерное направление поиска памятника, но не дает возможности хотя бы для приблизительной предварительной локализации его местонахождения (рис. 3)[2]. Розыску объектов, учтенных Г. И. Ивановским, помогают редкие фотографии, сопровождающие описания.

Намного более тщательно сделаны паспорта, выполненные в 1970-е гг. профессиональными археологами С. Н. Орловым и Г. Н. Прониным. Они всегда содержат не только описательную информацию, но также глазомерные планы и фотографии объектов.

И, наконец, наиболее «полноценным» источником информации являются паспорта памятников 1980-х гг. и отчеты по инвентаризации 1992 г., составленные по материалам работ В. В. Милькова. Документация включает не только планы, но и общие схемы расположения памятников, нанесенные на планы землепользования масштаба 1 : 50 000, а также различную дополнительную информацию.

В целом наполнение паспортов наглядно демонстрирует эволюцию подходов к постановке объектов культурного наследия на государственный учет и охрану в течение второй половины XX в. (например, рост размеров охранной зоны от 2 м от каждого кургана (Коновалова, 1950-е гг.) сначала до 5 м (Ивановский, 1960–1970-е гг.) и вплоть до современных требований (акты осмотров)).

Важным этапом подготовки полевого обследования стал поиск и подбор исторических карт района. Изменения системы расселения (особенно на протяжении последних 30 лет) привели к исчезновению ряда деревень, запустению целых микрорегионов и значительной деградации системы местных дорог, что существенно затруднило поиск памятников по имеющимся привязкам. Основные использовавшиеся карты: имперская военно-топографическая карта последних лет выпуска (начало XX в., масштаб 3 версты в дюйме); предвоенные топографические карты Генерального штаба РККА 1940–1941 гг., на которых отмечены некоторые археологические объекты (например, сопка у дер. Белавино и две сопки северо-западнее Подола) (рис. 2), и послевоенные атласы автомобильных дорог разных лет, где зачастую указывались названия урочищ на местах переставших существовать деревень и отсутствующие на современных картах лесные и проселочные дороги, наследующие дорогам предшествующего времени.

Совмещение и привязка карт выполнялись в программах QGIS и GlobalMapper.

В качестве иллюстрации изменения системы расселения можно привести ситуацию в микрорегионе, включающем ближайшие окрестности озер Люто и Пелено (рис. 2).

[2] Приведенный пример наглядно показывает соотношение схемы, нарисованной Г. И. Ивановским в паспорте памятника (рис. 3, *А*), с реальным расположением объектов на местности, зафиксированным на топографической карте (рис. 3, *Б*).

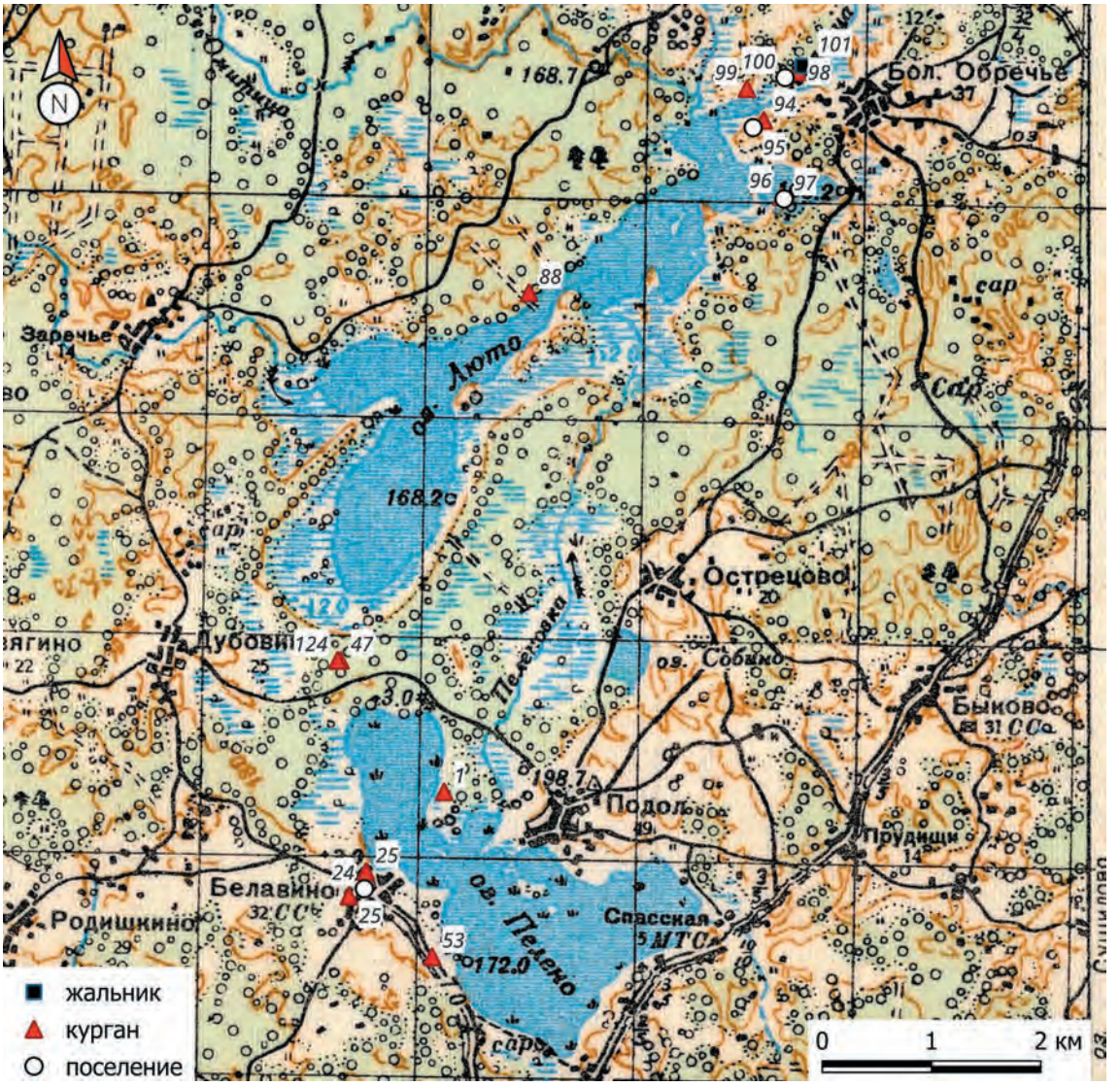

Рис. 2. Фрагмент топографической карты северной части Боровичского района (топооснова — карта Генерального штаба Рабоче-Крестьянской Красной Армии (ГШ РККА) 1941 г. (масштаб 1 : 100 000)) с указанием археологических памятников в районе озер Пелено и Люто. Цифрами на карте обозначены: *1* — «Тридцать шесть курганов» (курганная группау дер. Рыбный Подол); *24* — «Поселение» (Белавино II, Поселение); *25* — «Группа сопок и курганов из 6 насыпей» (Белавино I, Сопки); *47, 124* — «Группа из 16 сопок и курганов» (Приозерная — Дубовики, Курганы); *53* — «Сопка» (Жаворонково, Сопка); *88* — «Группа из пяти насыпей» (Великанова Могила); *94* — «Сопка» (Б. Обречье, Сопка I); *95* — «Селище» (Б. Обречье, Селище I); *96* — «Сопка» (Б. Обречье, Сопка II); *97* — «Селище» (Б. Обречье, Селище II); *98* — «Сопка» (М. Обречье, Одиночная сопка I); *99* — «Сопка» (М. Обречье, Сопка II); *100* — «Стоянка» (М. Обречье, Стоянка); *101* — «Жальник» (М. Обречье, Жальник)

Довоенная топографическая карта демонстрирует довольно развитую дорожную сеть, связывающую деревни по восточному и западному берегам озер. Такое положение сохраняется до конца 1980-х гг. В 1990–2010-х гг. микрорегион очень сильно запустел, и в настоящее время из исторических трасс полноценно функционирует только автодорога Боровичи — Хвойная, от которой существуют отвороты на Жаворонково, Приозерье, Большое и Малое Обречье; кроме нее несколько лет назад была проложена новая дорога от Родишкино

Рис. 3. Жальник у дер. Тимошкино:
А — схема расположения памятника из паспорта, составленного Г. И. Ивановским;
Б — фрагмент топографической карты ГШ РККА 1941 г. (масштаб 1 : 100 000) в районе деревень Сестренки и Тимошкино

до Белавино. Таким образом, население сохраняется преимущественно в восточной части микрорегиона, в то время как его западная и северная части почти полностью опустели (не существуют деревни Старухино, Дубовики, Звягино, Лутьяново, Заречье), дороги заросли, местами практически уничтожены лесовозами. В результате, например, для осмотра и фиксации современного состояния курганной группы в урочище «Великанова Могила», исследовавшемся еще Н. К. Рёрихом (*Рерих*, 1903), пришлось использовать лодку, так как попытки добраться до группы по суше не увенчались успехом.

Необходимо отметить, что исходная учетная документация ряда памятников была достаточно спутанной (например, несколько отдельных курганных групп, расположенных на берегах оз. Крюково, были учтены как один объект; проведенные там археологические раскопки, изменившие число насыпей в группах, не всегда отражены в паспортах), встречались также и удвоения памятников, что создавало определенные сложности. Например, группа 4 сопки и курган в урочище Гремятицы в 1 км северо-северо-восточнее дер. Выглядово, паспорт на которую был составлен, судя по почерку, Г. И. Ивановским в 1960-е гг., в 1978 г. была учтена повторно Г. Н. Прониным как группа сопок в урочище Гремятицы, в 1,8 км от дер. Мишино. Таким образом, в Инспекции данный ОК(А)Н оказался учтен дважды под разными названиями.

Распределение памятников по типам представлено на диаграмме (рис. 4)[3].

Говоря о сохранности обследованных объектов, можно отметить, что немногочисленные памятники каменного века (стоянки, мастерская, могильники) оказываются наименее поврежденными и определенно не имеют «умышленных» нарушений. Наиболее же выделяющиеся в современном рельефе объекты — сопки и курганы — ожидаемо оказываются самыми уязвимыми. Их разрушение или «приспособление» под хозяйственные нужды началось еще в советское время (от устройства геодезических сигналов в вершинах до многочисленных картофельных ям в полах), в последние два десятилетия многие

[3] При построении диаграммы использовалась официальная «классификация» памятников, фигурирующая в учетной документации. Таким образом погребальные памятники оказались разделены на три сектора, в одном из которых — «ср. век. погр.» — сгруппированы одиночные сопки, группы сопок и курганы вне зависимости от культурно-исторической принадлежности, а жальники и погребальные памятники Нового времени составили отдельные сектора. Сектор «поселения» включает поселенческие памятники всех эпох; культовые камни выделяются в отдельный сектор. Также следует отметить, что 11 памятников, внесенных в списки инвентаризации, находятся за пределами Боровичского района (один в Любытинском районе, четыре в Валдайском районе Новгородской области и шесть в Бологовском районе Тверской области).

получили дополнительные повреждения от кладоискательских раскопок. Распашка и деятельность разного рода грабителей[4] — основные причины повреждений погребальных насыпей и поселений. Примером нарушения проектной документации при строительстве в последние годы может служить проведение газопровода прямо по основанию городища Опечецкий посад вопреки требованиям раздела ОСОКН.

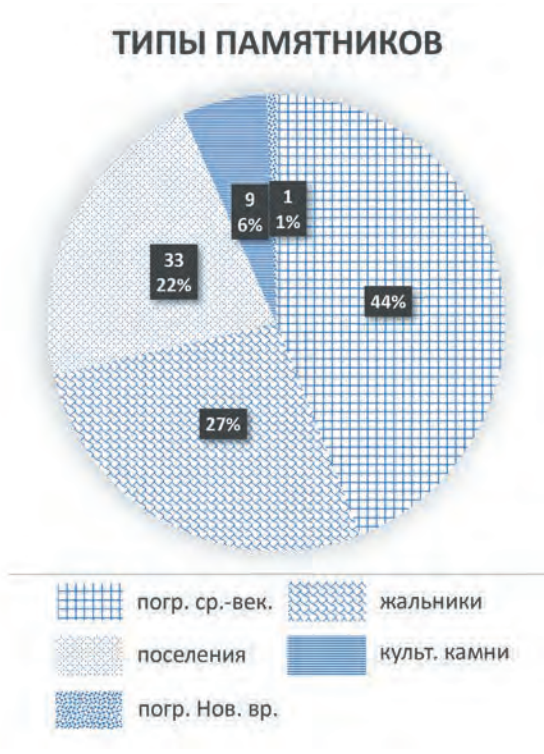

Рис. 4. Диаграмма распределения обследованных памятников по типам

Наиболее сложными для поиска категориями памятников оказались жальники и культовые камни. Выявление большинства из них относится в 1960–1970-м гг. и связано с работами Г. И. Ивановского. Большинство паспортизованных им жальников не имели (либо практически не имели) наземных конструкций (камней), и, вероятнее всего, они были показаны Г. И. Ивановскому местным населением. Запустение деревень, сокращение населения и его смена (во многих местах района, как и по всему Северо-Западу в целом, в последние два десятилетия произошло заметное сокращение постоянного деревенского населения при росте числа временных жителей — «дачников»), особенно в приграничных частях района, привели к тому, что поиск этих памятников, привязывавшихся в момент находки к утраченным ныне местным топонимам, крайне затруднен.

Еще более непростую в поиске категорию памятников представляют собой выделенные краеведом Г. И. Ивановским культовые камни. Сомнения в «человеческой» природе происхождения следов и знаков на камнях высказывал еще В. В. Мильков, отмечавший полное отсутствие в памяти местных жителей каких-либо легенд и преданий, связанных, например, с камнем, находившемся в урочище «Гари» у дер. Амбросимовка[5]. Со ссылкой на устную консультацию М. В. Шорина он привел в отчетной документации инвентаризации 1992 г. мнение последнего, что «многие камни, найденные Г. И. Ивановским, культовыми назвать нельзя… Поэтому есть все основания снять их с учета и охраны», что, впрочем, исполнено не было. Сказанное и теперь относится к большинству культовых камней района.

Подводя итоги, можно констатировать, что цели, поставленные инвентаризацией (определение местоположения, состава, границ[6], сохранности памятников и пр.), были достигнуты. Наиболее важным результатом представляется, на наш взгляд, определение точных географических координат для каждого из осмотренных объектов, фиксация их

[4] Скрывающихся под названием кладоискателей, активных краеведов, «любителей металлопоиска» и др.

[5] Нужно отметить, что схожую точку зрения высказывал и А. А. Селин, указывавший, что камни, лишенные знаков или имеющие нечеткие/непонятные знаки, могут быть отнесены к культовым только в случае фиксации устной народной традиции, связанной именно с данным камнем.

[6] Следует указать, что обследование поселенческих памятников по условиям поставленной задачи проводилось по сокращенной программе — только осмотр без разведочной шурфовки и уточнения границ. В отчетной документации границы объектов даны на основании исследований прежних лет.

современного состояния и внесение информации о границах памятников на кадастровые карты, что минимизирует риски бесконтрольного выделения и хозяйственного освоения земельных участков, занятых объектами культурного наследия. Это кажется особенно необходимым в условиях продолжающегося процесса сокращения постоянного местного населения и связанного с этим естественного уничтожения традиционно использовавшихся для привязки памятников местных ориентиров. Угасание памяти о названиях урочищ и других локальных топонимов, зарастание полей, зарастание и уничтожение дорог, ведущих к не существующим ныне деревням или забываемым местам традиционных промыслов (сенокоса, сбора ягод, охоты, ловли рыбы и т. п.), приводит к необратимому слому алгоритма поиска найденных когда-то памятников.

Основными причинами разрушения в советские и ранние постсоветские годы была сельскохозяйственная деятельность (распашка), в настоящее время — работы по лесозаготовкам и рекультивации отработанных лесных участков и кладоискательство вооруженных металлодетекторами грабителей. Регулярная инвентаризация памятников — реальный способ преодолеть «бумажную охрану» археологического наследия, исправить ситуацию, при которой «с момента внесения памятника в список (реестр) его охрана не начинается, а фактически заканчивается. Охраняется, собственно, не памятник археологии, а учетная единица, элемент списка» (*Габдрахманова*, 2008. С. 53).

Габдрахманова, 2008 — *Габдрахманова З. М.* Организация охраны археологического наследия на современном этапе // Вестник Томского гос. ун-та. 2008. № 306. С. 53–56.

Карпова, Сюборов, 2018 — *Карпова Т. В., Сюборов В. Ю.* Георгий Иванович Ивановский и его вклад в изучение археологических памятников Новгородской области // АИППЗ. Вып. 33: Материалы 63-го заседания (2017 г.) / Отв. ред. Н. В. Лопатин. М.; Псков: ИА РАН, 2018. С. 227–234.

Рерих, 1903 — *Рерих Н. К.* Некоторые древности пятин Деревской и Бежецкой // Записки Русского археологического общества. СПб., 1903. Т. V. С. 24–27.

Inventory of archaeological sites in the Borovichi district of the Novgorod region

A. E. Nosov, V. Yu. Sobolev

Keywords: Novgorod region, Borovichi district, monument protection, archaeological sites, inventory

This article presents the results of an inventory of cultural heritage objects, specifically archaeological monuments, in the Borovichi district of the Novgorod region. The changes that have taken place in society and legislation on the protection of cultural heritage sites in the almost 25 years since the previous inventory, combined with the new technologies and methods that have emerged, make these works particularly relevant. The list of surveyed objects included 156 monuments for which the current state was described and the location, boundaries, and composition were determined.

А. А. Кудрявцев, Е. М. Ушанков[1]

Селище Ситка I под Новгородом: характеристика комплексов X в.

Аннотация. *В ходе археологических исследований селища Ситка I была изучена периферийная часть жилой зоны, относящейся к раннему этапу бытования поселения. Ряд находок, сочетание лепной и раннекруговой керамики позволяют датировать ее закрытые комплексы (развалы печей, хозяйственные ямы) второй половиной X в.*

Ключевые слова: *Великий Новгород, новгородская сельская округа, селище Ситка I, Ситецкий монастырь, дирхам, Е. Н. Носов.*

Погребальные памятники и укрепленные поселения эпохи Средневековья в окрестностях Новгорода стали привлекать внимание археологов и краеведов еще в XIX в. — тогда появились первые публикации с их описаниями, осуществлялись редкие раскопки сопок. В начале XX в. были предприняты первые археологические исследования Рюрикова городища. Но на этом этапе и в дальнейшем средневековые сельские поселения какого-либо пристального научного интереса не вызывали. В этот период не было зафиксировано ни одного селища.

Впоследствии можно отметить лишь шурфовку А. А. Строкова в селе Ракома (*Строков*, 1939). В послевоенный период при раскопках в Перыни под руководством А. Ф. Медведева (1948 г.) и В. В. Седова (1951–1953 гг.) было открыто средневековое поселение — зафиксирован комплекс построек XII–XV вв. Материалы этих раскопок в полной мере не опубликованы. В 1955 г. В. В. Седов осуществил разведочные исследования селища в нижнем течении р. Питьбы к северу от Новгорода (*Седов*, 1955; 1956).

Систематические поиски средневековых поселений в Верхнем Поволховье с 1950-х гг. вел М. М. Аксенов (с 1958 г. — совместно с С. Н. Орловым). Тогда был выявлен ряд селищ, а позже предприняты раскопки некоторых из них: Васильевского I, Прости, селища у Холопьева городка (*Орлов, Аксенов*, 1961).

Но только с 1975 г. силами Новгородской областной археологической экспедиции ЛОИА АН СССР под руководством Е. Н. Носова были начаты планомерные обследования данного микрорегиона. В конце 1970-х гг. подобные разведочные исследования также проводил В. Я. Конецкий, возглавлявший экспедицию Новгородского музея-заповедника. Всего было учтено 50 поселенческих и погребальных памятников, из них 26 — селища. Наибольшее их количество сосредоточено в Поозерье. Итоги этих работ были обобщены Е. Н. Носовым. Впоследствии он составил карту и каталог археологических памятников Ильменского Поозерья и истока Волхова конца I тыс. н. э. Помимо разведок под его руководством были проведены раскопки селищ Васильевское I (500 кв. м), Прость (1242 кв. м), заложен небольшой раскоп на селище Горошково (20 кв. м) (*Конецкий, Носов*, 1985. С. 66–84; *Носов,* 1991; *Носов и др.*, 2005. С. 122–154).

[1] Кудрявцев А. А. — Институт археологии РАН, Москва, РФ; e-mail: a-kudravtsev@yandex.ru. Ушанков Е. М. — Государственный Исторический музей, Москва, РФ; e-mail: ushankov.evgeny@yandex.ru.

© Кудрявцев А. А., Ушанков Е. М., 2025

В последние десятилетия при большом масштабе раскопок в Новгороде и на Рюриковом городище активность изучения синхронных сельских поселений заметно снизилась. Исследования в основном ограничены локальными спасательными работами. Но в то же время в окрестностях Новгорода был открыт ряд новых средневековых селищ — главным образом силами Старорусской археологической экспедиции Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого под руководством Е. В. Тороповой. При архитектурно-археологических исследованиях С. Н. Орлова, Вл. В. Седова, И. В. Антипова на территории ряда пригородных новгородских монастырей (Аркажского, Юрьева, Шилова, Петропавловского на Сильнище, Антониева и др.) были зафиксированы следы предшествующих их появлению древнерусских сельских поселений (*Кудрявцев*, 2022а).

Отметим и фундаментальные монографии И. И. Еремеева, где в широком историческом контексте представлены очерки культурно-исторических процессов в Приильменье во второй половине I тыс. н. э. С привлечением всевозможных естественно-научных методов реконструированы природная среда и ландшафт, составлены каталоги и археологические карты погребальных и поселенческих памятников, куда включены и селища. Верхнее Поволховье рассматривается им как отдельный археологический микрорегион. Ученый также провел масштабные спасательные раскопки селища Ситно (5280 кв. м), расположенного к северу от Новгорода (*Еремеев, Дзюба*, 2010. С. 373. 374; *Еремеев*, 2023. Т. 1. С. 426–598).

Тем не менее стоит снова констатировать, что степень изученности сельской округи Новгорода по-прежнему недостаточна, это Е. Н. Носов отмечал и в начале 2000-х гг. (*Носов и др.,* 2005. С. 122). Если некоторые поселенческие памятники конца I тыс. н. э. подробно охарактеризованы, то за рамками исследований остались в основном последующие этапы их развития в XII–XV вв. Наряду с минимальным количеством известных могильников это создает значительные лакуны в археологическом изучении данного микрорегиона. По этому критерию Новгород заметно выделяется среди подавляющего большинства других древнерусских городских центров, где ведутся планомерные раскопки пригородных поселенческих структур. Получается, что наряду с целыми усадебными комплексами, открытыми в ходе работ на Неревском и Троицком раскопах, представление о сельском окружении Новгорода остается лишь фрагментарным. На данном этапе в полной мере опубликованы материалы раскопок лишь двух селищ: Васильевского I и Ситно. Отметим, что на Васильевском I была изучена только периферийная хозяйственная зона, а «раннесредневековое поселение Ситно отличается исключительной невыразительностью» (*Носов, Плохов*, 2005; *Еремеев*, 2023. Т. 1. С. 132–162, 548–598).

Небольшие по объему, но систематические исследования новгородской сельской округи ведутся с 2017 г. в рамках деятельности Новгородского архитектурно-археологического отряда Института археологии РАН. За этот период проведены спасательные раскопки селищ Слутка II (156 кв. м), Юрьево I (372 кв. м), шурфовка селища на месте бывшего Кириллова монастыря, охарактеризованы свидетельства существования поселения X–XI вв. на территории Юрьева монастыря (*Кудрявцев*, 2022б; 2024).

Центральным памятником в данной научной программе является селище Ситка I на месте бывшего Ситецкого монастыря, расположенное к юго-востоку от Новгорода, на террасе правого берега р. Малый Волховец. В 1,5 км к юго-западу от него находится Нередицкий археологический комплекс, где были проведены исследования разрушенного древнерусского могильника и сопки (*Конецкий*, 2000), а позже зафиксировано средневековое поселение.

Селище Ситка I было обнаружено при разведках Новгородской областной археологической экспедиции ЛОИА АН СССР под руководством Е. Н. Носова в 1984 г. Поселение вытянуто вдоль берега, его площадь, определенная по сборам подъемного материала и распространению темного культурного слоя толщиной 0,2–0,3 м, составила 80 × 260 м. Ученый снял его инструментальный план (рис. 1). Среди найденной керамики им отмечены

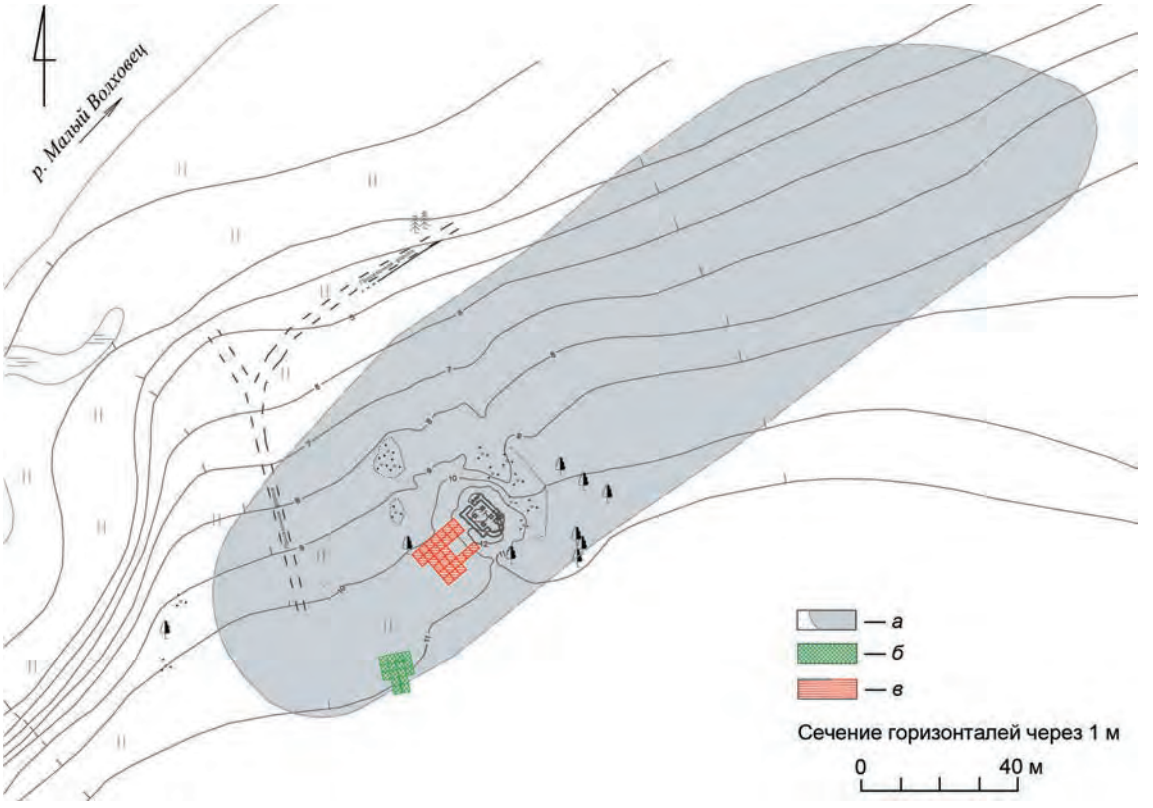

Рис. 1. Селище Ситка I. Инструментальный план Е. Н. Носова 1984 г. и раскопы 1–2 (2017–2024 гг.) (*а* — граница селища (Носов, 1984); *б* — раскоп 1 (2017–2019 гг.); *в* — раскоп 2 (2020–2024 гг.))

обломки лепных сосудов конца I тыс. н. э., древнерусской гончарной посуды X–XIII вв., фрагменты позднесредневековых горшков (*Носов*, 1984. С. 7). Данная территория в эти годы принадлежала совхозу «Волховский» и использовалась под пашню. В 1986 г. Е. Н. Носов составил паспорт памятника. Сейчас селище Ситка I имеет статус объекта культурного наследия федерального значения.

Отметим, что в одном из неопубликованных полевых дневников С. Н. Орлова за 1965–1968 гг. содержатся сведения о его обследовании этой местности: «на северной оконечности возвышенности против Кириллова монастыря стоят руины церкви Андрея Юродивого. На южной оконечности возвышения на пашне всюду видны обломки керамики и перегоревшие камни. Культурный слой слабо выражен, перепахан. Виден гумусированный желтый песок. Среди гончарной [керамики] есть ранние формы X–XI вв. Нашел один черепок от лепного грубого горшка с шероховатой поверхностью и кусок глиняной обмазки с отпечатками слоев дерева» (ОХИПИ НМЗ[2]. Ф. 10. Оп. 1. Ед. хр. 38. Л. 232–233).

В 1984 г. Е. Н. Носов открыл здесь еще два поселения: селище Ситка II и селище на месте Кириллова монастыря. Селище Ситка II расположено в 700 м к юго-востоку от Ситки I и имеет аналогичную датировку, установленную по сборам подъемного материала. В дальнейшем какие-либо его археологические исследования не проводились. Поселение на месте Кириллова монастыря, находящееся к северу от Ситки I на острове Нелезен, Е. Н. Носов датировал XI–XIII вв. (*Носов*, 1984. С. 7, 8). В 2019–2020 гг. при его шурфовке был зафиксирован мощный слой монастырского времени, насыщенный керамикой и находками XVI–XVII вв. В ходе разбора перемешанных напластований была выявлена также домонгольская керамика и несколько фрагментов лепных сосудов (*Кудрявцев*, 2022а. С. 221). Видимо,

[2] Отдел хранения и изучения письменных источников Новгородского музея-заповедника.

Рис. 2. Селище Ситка I. Слой разрушения церкви Андрея Юродивого. Дирхам серебряный

эти три поселения образовались единовременно в X в. и в дальнейшем развивались параллельно. Отметим два клада дирхамов 1899 и 1920 гг. из окрестностей Кириллова монастыря, то есть найденные в непосредственной близости к этим трем селищам. Комплекс, обшаруженный в 1920 г., относится к третьей четверти IX в. (*Пахомов*, 2020. С. 20, 22, № 6, 10).

В юго-восточной части селища Ситка I расположены руины каменной церкви Андрея Юродивого, возведенной в 1371 г. Храм был разрушен в годы Великой Отечественной войны. В 2013–2020 гг. велись его архитектурно-археологические исследования под руководством М. В. Вдовиченко. В 2017 г. в слое разрушения церкви был выявлен дирхам (рис. 2), по определению А. А. Гомзина, относящийся к эпохе Саманидов, правлению Мансура б. Нуха, выпуску в Бухаре, 354 г. х. (965 г.). Безусловно, дирхам относился к раннему этапу бытования селища Ситка I.

Находки дирхамов на селищах новгородской округи весьма редки. Безусловно, это связано с малой степенью их изученности, но также является свидетельством их вовлечения в систему торговых связей микрорегиона (*Носов*, 1976). Одиночные находки дирхамов зафиксированы в Прости и на селище на месте Юрьева монастыря (*Носов* и др., 2005. С. 144; *Кудрявцев*, 2022б. С. 165). Случайные находки дирхамов из Поозерья, которые периодически вводятся в научный оборот (*Гомзин, Гайдуков*, 2021), очевидно, происходят из размытых или еще не выявленных селищ.

В настоящий момент территория селища Ситка I покрыта луговыми травами и мелким кустарником. Культурный слой вплоть до материка перемешан, представляет собой темно-коричневую супесь с включениями угля и печины. Основной урон памятнику был нанесен в годы Великой Отечественной войны. В раскопах зафиксированы многочисленные взрывные воронки, достигающие материка. Культурные напластования насыщены гильзами и осколками от снарядов.

Всего на данный момент исследовано 180 кв. м. Датировка Е. Н. Носова в целом подтвердилась. Селище появилось в X в., активно развивалось в XI–XIII вв. В XIV в. здесь был основан монастырь с каменным храмом Андрея Юродивого, вокруг которого впоследствии сформировался обширный некрополь, датируемый в рамках XV–XVIII вв. В связи с этим в истории поселения можно выделить несколько этапов: начальный — X в., относящийся к раннему ядру поселения, его следы проявляются в керамическом наборе и закрытых комплексах; древнерусский — XI–XIII вв.; ранний монастырский (время новгородской независимости) — XIV–XV вв.; поздний монастырский (московский период) — XVI–XVIII вв.; слой деревни XIX — начала XX в. В данной статье будет охарактеризован только начальный период существования поселения.

Планомерные раскопки селища Ситка I начались в 2017 г., когда на его юго-восточной окраине был заложен раскоп 1 площадью в 64 кв. м (2017–2019 гг.). Мощность культурных отложений на этом участке составила 70–80 см. В ходе полевых работ была исследована подпечная яма постройки и хозяйственные ямы XII в. Комплексов X в., относящихся к раннему этапу бытования селища, выявлено не было. Лишь в верхнем пахотном горизонте были найдены немногочисленные фрагменты лепных слабопрофилированных сосудов.

В 2020 г. раскопки были перенесены к наиболее возвышенному месту поселения — вдоль южной стены разрушенного храма Андрея Юродивого был заложен раскоп 2 (116 кв. м). Мощность культурного слоя на этом участке — 0,5–2,0 м. По всей площади раскопа был затронут некрополь Ситецкого монастыря. Погребения залегали в несколько ярусов, многие

из них были углублены в материк. Всего их исследовано 118. При разборе слоя кладбища и засыпки могильных ям периодически встречались древнерусская керамика XI–XIII вв. и находки этого времени, а также обломки лепных сосудов, в том числе венчики горшков «ладожского типа».

В 2021–2024 гг. удалось зафиксировать ряд закрытых комплексов X в., которые сохранились между погребениями и взрывными воронками (рис. 3). Среди них наиболее значимы три скопления обожженных камней, которые были интерпретированы как развалы печей-каменок 1–3. Их предварительная характеристика частично уже была приведена (*Кудрявцев, Ушанков*, 2024. С. 114–117, рис. 7–9).

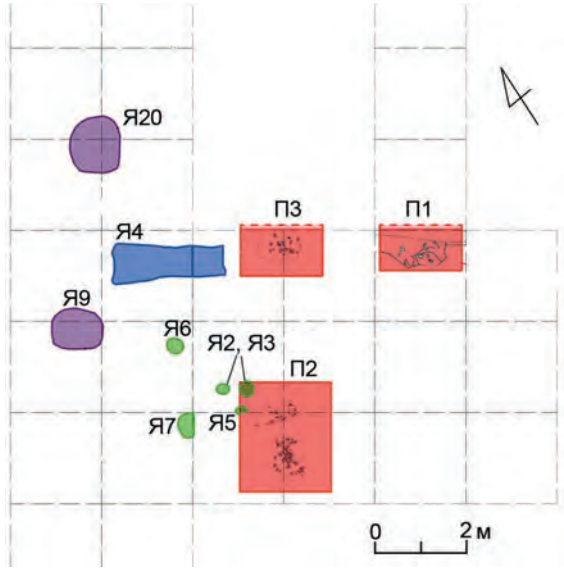

Рис. 3. Селище Ситка I. Раскоп 2. План с закрытыми комплексами X в. (Я. — яма, П1–П3 — развалы печей 1–3)

Объект 1 представлял собой подпрямоугольное пятно светло-серой супеси размерами 145 × 95 см с большим количеством включений угля. Со всех сторон оно было перекрыто могильными ямами. Толщина слоя светло-серой супеси составила 10 см, ее подстилал слой угля мощностью от 8 до 15 см. При его разборе было расчищено скопление небольших обожженных камней.

Практически целиком зафиксирован развал печи 2. Прямо в его центральную часть было впущено погребение XVIII в. (рис. 4, *1, 3*), но удалось установить первоначальный контур объекта, маркированный пятном светло-серой супеси с большим количеством включений угля, печины и глины. Контур пятна проявился уже на глубине 30–40 см от дневной поверхности. При дальнейшем его разборе было расчищено овальное скопление камней среднего размера, проведен стратиграфический разрез (рис. 4, *2*). Данный объект ориентирован по оси юго-запад–северо-восток, его размер составил 194 × 91 см. Он покоился на материке, будучи незначительно заглублен в него — на 5–15 см. После окончательной фиксации комплекса, снятия горизонта камней и выборки слоя в северном секторе была зафиксирована столбовая яма. Ее заполнение представлено аналогичной светло-серой супесью. Размер ямы составлял 18 × 14 см.

К северо-западу от развала печи 2 зафиксировано пять столбовых ям — 2, 3, 5–7, углубленных в материк и заполненных светло-серой супесью с включениями угля. Одна из них (яма 2) была полностью забутована небольшими камнями. При ее разборе выявлена только лепная керамика. Видимо, открытые столбовые ямы относились к наземному сооружению, от которого сохранился развал печи 2.

Объект 3 был также раскрыт не полностью — его исследованная площадь, не потревоженная погребениями, составила 93 × 54 см. Он представлял собой пятно светло-серой супеси с включениями угля, внутри которого было расчищено скопление камней среднего размера. При разборе его заполнения выявлены немногочисленные кости животных, а также найден черенок ножа.

Керамический комплекс всех трех объектов однороден: фрагменты лепных сосудов при преобладании обломков раннекруговых горшков. Такое сочетание массового керамического материала позволяет датировать их второй половиной X в.

При раскопках селища Васильевское I наряду с производственным комплексом и очагами были также расчищены развалы глинобитных печей. Основная часть комплексов этого поселения относится к X в., «скорее даже ко второй его половине» (*Носов и др.*, 2005. С. 135).

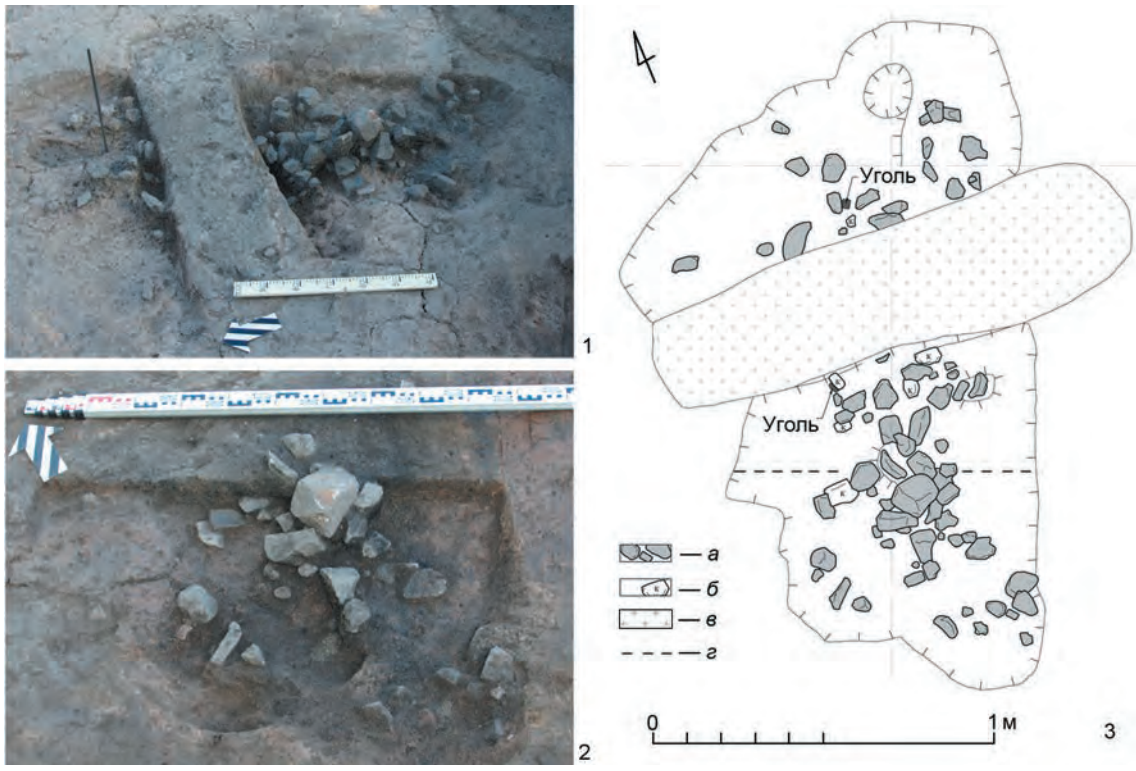

Рис. 4. Селище Ситка I. Раскоп 2. Развал печи 2: *1* — общий вид с северо-запада; *2* — стратиграфический разрез, вид с юго-запада; *3* — план, вид с юго-запада (*а* — камень, *б* — керамика, *в* — могильная яма, *г* — разрез)

Углубленные в материк основания построек были открыты при раскопках поселений Прость и Горошково (*Носов и др.*, 2005. С. 126, 127, 142, 146). На селище Ситно были открыты лишь отдельные очаги (*Еремеев*, 2023. Т. 1. С. 134).

В непосредственной близости от развалов печей 2 и 3 была практически полностью исследована хозяйственная яма 4, лишь в юго-восточной части она была перекрыта могильной ямой. Комплекс был заглублен в материк на 45–80 см, имел прямоугольную форму, ориентирован по оси юго-восток–северо-запад. Размер сохранившейся части составил 245 × 44–55 см. Борта ямы пологие, в ее центральном секторе зафиксирована углубленная часть конусообразной формы.

Верхний слой засыпки ямы был представлен светло-серой супесью с включениями угля и большим количеством камней среднего размера — вероятно, остатками разобранных очагов. При его разборе выявлено более 220 фрагментов древнерусских круговых горшков и несколько обломков лепных сосудов. Горизонт колотых камней подстилал слой однородной светло-серой супеси с большим количеством включений угля и отдельными пятнами золы и угля. Он был прослежен вплоть до дна ямы.

Вещевой комплекс ямы 4 представлен пятью находками (рис. 5): сильно сточенным ножом (рис. 5, *1*), железным миниатюрным гвоздиком, бронзовым ушком, двумя стеклянными бусинами.

Гвоздик (рис. 5, *2*), видимо, предназначался для деревянного ларца или сундука. Отметим многочисленные находки железных декоративных гвоздей в кургане Вибю (Средняя Швеция), датированном концом VIII — началом IX в. (*Еремеев*, 2023. Т. 2. С. 81, 338–341, ил. 126–129).

Ушко представляет собой загнутую пластину со следами потертости, соединенную в нижней части заклепкой (рис. 5, *3*). Очевидно, что при помощи подобных изделий

подвешивались монеты или монетовидные украшения, превращенные таким образом в привески. В новгородских кладах X–XI вв. подобные приспособления часто встречаются у дирхамов и византийских монет.

Одна из бусин — лимоновидная, двухчастная, синего стекла — происходит из слоя верхней засыпки ямы (рис. 5, *4*). Подобные бусины известны в материалах археологических исследований горизонта Д Земляного городища Старой Ладоги. Их верхняя дата по материалам Неревского раскопа в Новгороде — первая четверть XI в. (*Щапова*, 1956. С. 174; *Львова*, 1968. С. 88, 89).

При промывке заполнения углубленной части ямы была найдена черная цилиндрическая бусина, обернутая черно-белой лентой (рис. 5, *5*). Аналогичные бусины происходят из раскопок горизонта Д Земляного городища Старой Ладоги (*Львова*, 1968. С. 77, рис. 3, *25*), погребения 642 Бирки (*Arbman*, 1940. Taf. 122, 2.*к)*, Искоростеня (*Жирухіна, Звіздецький*, 2006. С. 67, 72, рис. 2, *7*), кремации кургана 1 могильника Нюбиничи на р. Ояти (*Кочкуркина, Линевский*, 1985. С. 131, 132). Я. В. Френкель такие бусины относит к последней трети X — первой половине XI в.[3]

Рис. 5. Селище Ситка I. Раскоп 2. Яма 4. Вещевой комплекс: *1* — нож; *2* — гвоздик; *3* —ушко; *4, 5* — бусины. *1, 2* — железо; *3* — бронза; *4, 5* — стекло

Коллекция костей животных из ямы насчитывает 58 экземпляра. Ее археозоологическое исследование проведено О. С. Лебедевой и Н. Н. Спасской[4]. Ими выделены две категории материала: кухонные остатки и кости, не несущие следов искусственного воздействия. Первая категория представлена костями крупного рогатого скота (17 шт.) и одним фрагментом — мелкого. Кухонные остатки в основном состоят из костей нижнего отдела задних конечностей, не являющихся мясной частью туши. Вторая категория представлена костями лошади (18 шт.). Вероятно, они принадлежали некрупной особи «степного» типа среднего возраста (5–10 лет). Почти половину общего количества экземпляров коллекции составили кости рыб (23 шт.). Их видовое определение не проводилось. Были обнаружены и скопления рыбьей чешуи.

Массовый керамический материал из слоя светло-серой супеси с углем представлен 104 фрагментами лепных горшков. Отметим довольно крупные фрагменты венчиков и придонных частей. Видимо, в яме были развалы целых горшков. Раннекруговая керамика представлена 170 обломками. Данная коллекция позволяет хронологически соотнести этот комплекс с развалами печей 1–3 и также датировать его второй половиной X в. Находки стеклянных бусин и бронзового ушка не противоречат этой дате. Скорее всего, яма имела хозяйственный характер или являлась местом сбора различных бытовых отходов.

В западном секторе раскопа прослежены две овальные ямы 9 и 20, углубленные в материк на 120–140 см. Какого-либо массового материала в процессе разбора их заполнения не выявлено. Можно предположить, что они являлись некими хранилищами.

Как уже отмечалось, закрытые комплексы второй половины X в. селища Ситка I характеризуются сочетанием лепной и раннекруговой керамики при преобладании последней.

[3] Авторы выражают благодарность за консультации Я. В. Френкелю (Гос. Эрмитаж).

[4] Авторы выражают благодарность за консультации О. С. Лебедевой и Н. Н. Спасской (МГУ им. М. В. Ломоносова).

Рис. 6. Селище Ситка I. Раскоп 2. Керамика: раннекруговая (*1–3*), лепная (*4–10*); венчики сосудов (*4–6* — «ладожского типа»; *7, 8* — баночных форм; *9, 10* — слабопрофилированных)

Керамический комплекс в целом аналогичен данным синхронных напластований Новгорода и Рюрикова городища.

Коллекция типологически определимых верхних частей круговых сосудов немногочисленна, но в ней выделены слабопрофилированные венчики (рис. 6, *2*), близкие к варианту I-Г второй группы по типологии керамики Рюрикова городища (*Носов и др.*, 2005. С. 85, табл. 61), а также венчики S-видных сосудов с линейным орнаментом, плавно отогнутые наружу и имеющие прямой срез ножом (рис. 6, *3*). Они широко представлены в материалах Новгорода и Рюрикова городища (*Там же*. С. 98, табл. 111, *2, 3, 8*). Отметим также венчики сосудов с вертикальной горловиной и округлым туловом, имеющие характерный валик (рис. 6, *1*). По классификации керамики Троицкого XI раскопа они относятся к типу I (*Малыгин и др.,* 2001. С. 88, рис. 2; 3; *Носов и др.*, 2005. С. 100, табл. 117).

Примерно половина определимых лепных венчиков относится к сосудам «ладожского типа» (рис. 6, *4–6*), что характерно для поселений Верхнего Поволховья и Поозерья. Остальную часть коллекции составляют верхние части горшков баночных форм с прямой стенкой (рис. 6, *7, 8*), близкие к типу 4А по типологии лепной керамики Старой Ладоги (*Сениченкова*, 2022. С. 405, рис. III.16), а также фрагменты слабопрофилированных горшков с чуть отогнутой шейкой (рис. 6, *9, 10*). Отметим небольшое количество сосудов подобных форм в керамическом наборе Рюрикова городища (*Носов и др.*, 2005. С. 79, табл. 55; 56).

Несмотря на малую площадь раскопа 2, наличие участков с разрушенным взрывными воронками культурным слоем и обширного кладбища, здесь удалось зафиксировать жилую зону, относящуюся к раннему ядру селища Ситка I. Она состоит из трех развалов печей, вероятно, относящихся к наземным постройкам, комплекса хозяйственных и столбовых ям, датированных второй половиной X в. Незначительное количество находок и керамики свидетельствует о ее периферийном характере. Вероятно, основная часть этого поселка может находиться под руинами церкви Андрея Юродивого, которые занимают наиболее

возвышенную часть террасы. Очевидно, что многие объекты X в. уничтожены при устройстве могильных ям, но дальнейший их поиск и планомерные исследования позволят получить новые сведения об этом поселении, расположенном на слабо обследованной территории правого берега Волхова между Новгородом и Рюриковым городищем. Планируемые дальнейшие разведки и раскопки средневековых селищ Верхнего Поволховья во многом являются продолжением научной программы, заложенной Е. Н. Носовым.

Гомзин, Гайдуков, 2021 — *Гомзин А. А., Гайдуков П. Г.* Материалы к топографии находок куфических монет в Западном Приильменье // Мир средневековья. Познавая прошлое. К 70-летию отдела средневековой археологии: Сб. ст. / Отв. ред. В. Ю. Коваль. М.: ИА РАН, 2021. С. 13–20.

Еремеев, 2023 — *Еремеев И. И.* Славяне и норманны к северу от Днепра до начала X века. Начальные этапы славяно-скандинавских этнокультурных взаимодействий. СПб.: ИИМК, 2023. Т. I: Раннесредневековая славянская колонизация в Восточно-Балтийском регионе. Методология изучения, географический контекст, археологические памятники. — 808 с. Т. 2: Норманны и погребальный обряд Ильмень-Волховского региона. — 432 с.

Еремеев, Дзюба, 2010 — *Еремеев И. И., Дзюба О. Ф.* Очерки исторической географии лесной части Пути из варяг в греки. Археологические и палеографические исследования между Западной Двиной и озером Ильмень. СПб.: Нестор-История, 2010. 670 с.

Жирухіна, Звіздецький, 2006 — *Жирухіна О., Звіздецький Б.* Про походження і датування намистин із розкопок стародавнього Іскоростеня 2003–2005 рр. // Русь на перехресті світів (міжнародні впливи на формування давньоруської держави) IX–XI ст. Чернігів: Сіверянська думка, 2006. С. 65–72.

Конецкий, 2000 — *Конецкий В. Я.* Археологические памятники Нередицкого холма: итоги и перспективы изучения // Новгородский исторический сборник. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. Вып. 8 (18). С. 20–29.

Конецкий, Носов, 1985 — *Конецкий В. Я., Носов Е. Н.* Загадки Новгородской округи. Л.: Лениздат, 1985. 120 с.

Кочкуркина, Линевский, 1985 — *Кочкуркина С. И., Линевский А. М.* Курганы летописной веси X — начала XIII века. Петрозаводск: Карелия, 1985. 222 с.

Кудрявцев, 2022а — *Кудрявцев А. А.* Селища на месте монастырей в округе средневекового Новгорода // КСИА. М.: ИА РАН, 2022. Вып. 268. С. 215–230.

Кудрявцев, 2022б — *Кудрявцев А. А.* О средневековом поселении на территории Юрьева монастыря // Архитектурная археология. 2022. № 4. С. 162–172.

Кудрявцев, 2024 — *Кудрявцев А. А.* Археологические исследования селища Слутка II под Новгородом в 2022 г. // ННЗИА. Великий Новгород: НМЗ, 2024. Вып. 37. С. 97–106.

Кудрявцев, Ушанков, 2024 — *Кудрявцев А. А., Ушанков Е. М.* Археологические исследования на территории бывшего Ситецкого монастыря под Новгородом в 2022 г. // ННЗИА. Великий Новгород: НМЗ, 2024. Вып. 37. С. 107–118.

Львова, 1968 — *Львова З. А.* Стеклянные бусы Старой Ладоги. Ч. 1 // АСГЭ. № 10. Л.: Советский художник, 1968. С. 64–94.

Малыгин и др., 2001 — *Малыгин П. Д., Гайдуков П. Г., Степанов А. М.* Типология и хронология новгородской керамики X–XV вв. (по материалам Троицкого XI раскопа) // ННЗИА. Новгород: НМЗ, 2001. Вып. 15. С. 82–97.

Носов, 1976 — *Носов Е. Н.* Нумизматические данные о северной части Балтийско-Волжского пути конца VIII–X в. // Вспомогательные исторические дисциплины. Л.: Наука, 1976. Вып. 8. С. 95–110.

Носов, 1984 — *Носов Е. Н.* Отчет о работе Новгородской областной экспедиции Ленинградского отделения Института археологии АН СССР в 1984 г. // НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 10638. 18 с.

Носов, 1991 — *Носов Е. Н.* Археологические памятники верховьев Волхова и Ильменского Поозерья конца I тысячелетия (каталог памятников) // Материалы по археологии Новгородской земли. М.: НМЗ, 1991. С. 5–37.

Носов, Плохов, 2005 — *Носов Е. Н., Плохов А. В.* Селище Васильевское на р. Веряже // Stratum plus. 2003–2004 (2005). № 5: Мастера Средневековья. С. 244–270.

Носов и др., 2005 — *Носов Е. Н., Горюнова В. М., Плохов А. В.* Городище под Новгородом и поселения Северного Приильменья. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005 (Труды ИИМК РАН; Т. XVIII). 402 с.

Орлов, Аксенов, 1961 — *Орлов С. Н., Аксенов М. М.* Раннеславянские поселения в окрестностях Новгорода // Новгородский исторический сборник. Новгород: Новгородская правда, 1961. Вып. 10. С. 161–168.

Пахомов, 2020 — *Пахомов Н. П.* Монетные клады Новгородской области / Под ред. П. Г. Гайдукова. М.: ИА РАН, 2020. 124 с.

Седов, 1955 — *Седов В. В.* Археологические разведки в нижнем течении р. Питьбы // *Арциховский А. В., Колчин Б. А.* Отчет Новгородской археологической экспедиции ИИМК АН СССР за 1955 г. // НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 1157. 187 с.

Седов, 1956 — *Седов В. В.* Поселение XII в. — начала XV в. в Перыни // КСИИМК. Вып. 62. М.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 108–117.

Сениченкова, 2022 — *Сениченкова Т. Б.* Керамика Старой Ладоги VIII–X вв. в контексте раннесредневековых древностей (к реконструкции историко-культурных процессов на Северо-Западе Руси) // Новое в археологии Старой Ладоги: материалы и исследования. Т. II / Отв. ред. Н. И. Платонова. СПб.: ИИМК РАН, 2022 (Труды ИИМК РАН; Т. LX). С. 331–624.

Строков, 1939 — *Строков А. А.* Археологические разведки в с. Ракоме // НИС. Новгород: АН СССР, 1939. Вып. 5. С. 53–54.

Щапова, 1956 — *Щапова Ю. Л.* Стеклянные бусы древнего Новгорода // Труды Новгородской археологической экспедиции / Под ред. А. В. Арциховского, Б. А. Колчина. М.: Изд-во АН СССР, 1956 (МИА; № 55). Т. I. С. 164–179.

Arbman, 1940 — *Arbman H.* Birka I. Die Gräber. Tafeln. Stockholm: Kungliga Vitterhets Historie och Antikvitets Akademien, 1940. 529 s.

The settlement of Sitka I near Novgorod: characteristics of the 10th century complexes

A. A. Kudryavtsev, E. M. Ushankov

Keywords: Veliky Novgorod, Novgorod rural district, Sitka I settlement, Sitsky Monastery, dirham, E. N. Nosov

The Sitka I settlement, on the site of the former Sitetsky Monastery near Novgorod, was discovered in 1984 during explorations led by E. N. Nosov. During the collection of excavated material, fragments of molded vessels from the end of the first millennium CE and Old Russian pottery from the 10th–13th centuries were discovered. Systematic excavations of the settlement have been conducted since 2017. During the 2021–2024 excavations at excavation site 2, located along the southern wall of the destroyed Church of St. Andrew the Fool, closed complexes dating back to the early stage of the settlement's existence were investigated: three kiln ruins, utility pits, and post pits. A few finds (glass beads, a bronze eye for hanging coins or coin-shaped jewelry), as well as a combination of molded and early-wheel ceramics, allow us to date them to the second half of the 10th century. Apparently, the outlying part of the settlement's residential area was discovered here.

Е. А. Тянина, В. К. Сингх[1]

Деревянные фигуры в виде руки с предметами из раскопок в Великом Новгороде

Аннотация. *В статье впервые публикуется комплекс деревянных фигур с руками, держащими предметы, из раскопок Новгорода и Старой Руссы. Авторами уточнены принципы классификации находок, выделена группа предметов без рукоятей, проведен топографический анализ. В хронологии находок выделяется ранний (XI в.) и поздний (XIII в.) периоды, между которыми прослежена лакуна. Высказана гипотеза о магическом значении предметов с руками, сочетающих в себе отгонно-поражающую и благопожелательную семантику.*

Ключевые слова: *средневековый Новгород, Старая Русса, деревянная скульптура, топография, хронология, семантика.*

Деревянные фигуры с изображением рук, держащих предметы, — одна из загадочных категорий новгородских древностей. Впервые выделивший эту группу находок Б. А. Колчин относил их к предметам неясного назначения и рассматривал исключительно как «объекты художественной обработки дерева» (*Колчин*, 1971. С. 40). В разное время попытки интерпретации этой категории деревянных изделий были предприняты В. Я. Конецким и Л. В. Покровской (*Конецкий*, 1988; *Покровская*, 2004). Со времени публикаций этих работ новгородская коллекция пополнилась новыми находками деревянных рук, держащих предметы, позволяющими уточнить их общегородскую топографию, хронологию бытования и возможности классификации. В данном исследовании вводятся в научный оборот несколько находок с Неревского раскопа, рисунки которых обнаружены в архиве Новгородской археологической экспедиции (НАЭ), и предметы из коллекции Государственного Исторического музея (ГИМ) (раскопки на Ярославовом дворище).

К настоящему времени из раскопок Великого Новгорода известно 36 находок деревянных рук с предметами, еще две происходят из Старой Руссы (табл.). Новгородская коллекция в основном представлена находками с двух самых крупных раскопов — Неревского и Троицкого. С Неревского конца происходят 17 находок, в том числе 16 — с Неревского раскопа, еще одна — с Козмодемьянского II раскопа 2005 г. В Людином конце найдено 14 предметов, все они происходят с Троицкого раскопа. На Торговой стороне обнаружено пять находок, две из которых происходят из раскопок 1947–1948 гг. на Ярославовом дворище, по одной — с Ильинского, Торгового и раскопа на ул. Знаменская, 31.

Изображения рук, держащих предметы, обычно относят к одной из категорий деревянных наверший — стержней с завершением в виде головы человека, животного, птицы или геометрической фигуры. Они в качестве одного из типов присутствуют в обеих существующих классификациях деревянных наверший. В классификации Г. Е. Дубровина навершия в виде руки объединены в группу «антропоморфные» вместе с навершиями в виде головы человека (*Дубровин*, 2000. С. 148). Основанием для такого объединения послужило

[1] Тянина Е. А., Сингх В. К. — МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, РФ; e-mail: vyla@yandex.ru, arxeolog@gmail.com.

© Тянина Е. А., Сингх В. К., 2025

Таблица. Деревянные фигуры в виде руки с предметами из раскопок Новгорода и Старой Руссы

№	Название	Рука	Паспортные данные	Усадьба	Дата	Рис.
1	Предмет со «свитком»	Левая	Н-1947, Ярославово дворище, пл. 13, кв. LIV	–	–	4, *4*
2	Навершие с палкой (изогнутой)	Правая	Н-1947, Ярославово дворище, пл. 12, кв. LXIV	–	–	–
3	Предмет с палкой (с шаровидным завершением на одном конце)	Правая	Н-1951, Неревский I, яр. 7, пл. 15, кв. 134	А	Вторая половина XIV в.	8, *4*
4	Навершие с палкой (с утолщением в центре)	Правая	Н-1952, Неревский III, яр. 11, пл. 15, кв. 275	Б	Вторая половина XIII в.	–
5	Навершие с палкой	Правая	Н-1952, Неревский III, яр. 11, пл. 16, кв. 277	Б	Вторая половина XIII в.	–
6	Навершие с шаром	Правая	Н-1953, Неревский VIII, яр. 10, пл. 11, кв. 582	Д1	Конец XIII — начало XIV в.	1, *1*
7	Предмет с палкой	Неопред.	Н-1954, Неревский VII, пл. 26, кв. 477	Б	Вторая половина X — начало XI в.	2, *4*
8	Предмет с палкой	Левая	Н-1954, Неревский VIII, яр. 13, пл. 14, кв. 468	В	Первая половина XIII в.	–
9	Навершие с палкой	Левая	Н-1955, Неревский XVIII, пл. 16, кв. 1199	К1	Конец XIII — начало XIV в.	4, *1*
10	Предмет с палкой	Левая	Н-1956, Неревский XVII, яр. 12, пл. 18, кв. 1219, № 57	К	Середина XIII в.	–
11	Навершие с палкой	Неопред.	Н-1956, Неревский XVIII, яр. 13, пл. 18, кв. 1275	К	Первая половина XIII в.	3, *4*
12	Предмет с палкой (с зооморфным завершением)	Левая	Н-1957, Неревский XX, яр. 13, пл. 21, кв. 1448	Е1	Первая половина XIII в.	1, *4*
13	Предмет с палкой	Неопред.	Н-1957, Неревский XXV, пл. 5, кв. 1618	И	Первая половина XV в.	4, *6*
14	Навершие с палкой	Неопред.	Н-1958, Неревский XXIV, яр. 11–12, пл. 15, кв. 1601, № 51	И	Вторая половина XIII в.	–
15	Предмет с палкой (с сужением в центре?)	Неопред.	Н-1958, Неревский XXIV, пл. 16, кв. 1628	И	Первая половина XIII в.	8, *3*
16	Предмет с палкой	Правая	Неревский	–	–	–
17	Навершие с палкой	Неопред.	Неревский	–	–	–
18	Навершие с палкой	Неопред.	Неревский	–	–	–
19	Навершие с цилиндром	Левая	Н-1963, Ильинский II, пл. 24, кв. 99, № 14	Б	Середина XII в.	2, *3*
20	Навершие с палкой (с сужением в центре)	Правая	Н-1971, Торговый, пл. 26, кв. 6, № 26	–	Вторая половина XIV в.	3, *3*

Таблица, окончание

№	Название	Рука	Паспортные данные	Усадьба	Дата	Рис.
21	Навершие с палкой	Неопред.	Н-1985, Троицкий VII, пл. 16, кв. 503, № 12	З	Вторая половина XI в.	3, *2*
22	Предмет с конусом	Правая	Н-1986, Троицкий VIII, пл. 13, кв. 754, № 78	Г	Вторая половина XI в.	1, *3*
23	Навершие с палкой	Левая	Н-1990, Троицкий X, пл. 4, кв. 1078, № 25	И	Первая половина XIII в.	4, *2*
24	Навершие с цилиндром	Левая	Н-1990, Троицкий X, пл. 3, кв. 1043, № 12	И	Первая половина XIII в.	2, *1*
25	Предмет с шаром (с плетеным орнаментом по запястью)	Правая	Н-1993, Троицкий IX, пл. 13, кв. 878, № 69	О	Первая половина XI в.	1, *2*
26	Навершие с цилиндром	Неопред.	Н-1993, Троицкий IX, яр. 13–14 (Черницына улица), кв. 988, № 41	Черницына улица	Первая половина XIII в.	2, *2*
27	Предмет с палкой	Правая	Н-1996, Троицкий XII, яр. 5, пл. 3, кв. 1331, № 7	Е	Вторая половина XIII в.	8, *2*
28	Навершие с палкой	Левая	Н-1998, Троицкий XII, яр. 12–14, пл. 10, кв. 1555, № 65	С	Середина XII в.	3, *1*
29	Навершие с шаром (стилизованным)	Неопред.	Н-1999, Троицкий XII, пл. 16, кв. 1405, № 53	Е	Вторая половина XI в.	2, *5*
30	Навершие с палкой (с зооморфным завершением)	Неопред.	Н-2000, Троицкий XII, пл. 18, кв. 1414, № 24	Е	Первая половина XI в.	1, *5*
31	Предмет с палкой	Неопред.	Н-2006, Троицкий XIII, яр. 16, пл. 12, кв. 1624, № 162	Ж	Конец XI — начало XII в.	8, *1*
32	Навершие с палкой	Неопред.	Н-2007, Троицкий XII, пл. 15, кв. 1673, № 39	У	Первая половина XI в.	–
33	Навершие с палкой	Левая	Н-2024, Троицкий XVII, пл. 17/1, кв. 2170, № 4	С	Первая половина XI в.	–
34	Навершие с цилиндром	Левая	Н-2025, Троицкий XVII, пл. 17/2, кв. 2258, № 18	Ш	Вторая половина XI в.	–
35	Предмет с палкой	Левая	Н-2005, Козмодемьянский II, пл. 12, кв. 3, № 23	–	Первая половина XIII в.	–
36	Навершие с палкой	Левая	Н-2021, раскоп на ул. Знаменская, 31, гл. -260 см, кв. Г-5, № 261	–	Конец XIII в.	–
37	Навершие с палкой	Правая	Старая Русса — 2006, Пятницкий I, яр. V, пл. 14, кв. 27, № 263	А	Середина XIV в.	–
38	Предмет с палкой (с сужением в центре)	Левая	Старая Русса — 2024, Пятницкий II, пл. 24, кв. 142, № 255	Б	Первая половина XII в.	–

изображение в обоих случаях части человеческого тела. По классификации, разработанной Л. В. Покровской, навершия в виде руки выделяются в отдельную группу (*Покровская*, 2004. С. 70–73). Разделение внутри категории наверший с рукой, держащей предметы, авторами публикаций не проводилось, кроме упоминания о вариативности предметов, зажатых в руках.

Безусловно, следует согласиться с мнением Л. В. Покровской, выделяющей фигуры с рукой, держащей предметы, в отдельную категорию. Объединение их с антропоморфными навершиями не имеет оснований. Эти группы предметов далеки не только морфологически, но и семантически. Антропоморфные навершия относятся к одному из типов деревянной антропоморфной скульптуры малых форм, изображающих языческих богов или домашних духов (*Панова*, 1989. С. 88; *Тянина*, 2021. С. 128, 129). Фигуры с рукой, держащей предметы, имеют явно другое предназначение, и наличие в изображении части человеческого тела не является в данной ситуации определяющим признаком. Еще одним важным моментом в классификации является то, что отнесение этой категории находок к навершиям не согласуется с отсутствием у многих из них стержня-рукояти. Этот обязательный атрибут, по которому вся категория предметов получила название «навершие» (то есть то, что завершает стержень), присутствует у всех остальных типов и является основным признаком при отнесении к ней. В коллекции же фигур с руками, держащими предметы, наряду с классическими навершиями (21 экз.) более трети коллекции (17 экз.) составляют абсолютно целые находки без каких-либо приспособлений для держания или крепления. Кроме того, у ряда предметов имеются утраты близко к основанию кисти руки, и непонятно, являлась ли несохранившаяся часть рукоятью навершия или анатомическим продолжением кисти. На вероятность последнего предположения указывают две целые находки с изображением руки до запястья, оформленные снизу на одном экземпляре в виде валика, на другом — резного орнамента в стиле плетенки (рис. 1, *2*). У единственной находки с Ильинского раскопа (рис. 2, *3*) довольно длинная «рукоять» обрезана на конце и имеет в верхней части орнамент из нескольких прямых линий, возможно, имитирующих окантовку рукава или браслет (то есть является как бы продолжением руки, а не собственно рукоятью). В то же время у двух наверший с сохранившимися целыми стержнями они небольшой длины и заострены внизу (рис. 1, *5*). Эта особенность является формой крепления и встречается у других видов наверший, таких как зооморфные и антропоморфные. Следовательно, фигуры с руками, держащими предметы, являются не категорией наверший, а группой находок, часть из которых относится к навершиям, а часть является целыми предметами без рукоятей.

По художественному исполнению фигуры сильно отличаются уровнем мастерства резчика — от реалистичных изображений руки с анатомическими деталями (рис. 1, *2*; 2, *1, 3*; 3, *1* и др.) до абсолютно схематичных, где рука показана в виде пяти прорезанных на поверхности черт или утолщения с насечками (рис. 2, *4,* 5; 4, *1, 5–6*). Количество пальцев обычно соблюдено, однако встречаются экземпляры с отсутствующим большим пальцем, а на одном из стилизованных изображений их показано шесть.

Другим важным признаком классификации является наличие среди фигур как правых, так и левых рук. На эту особенность впервые указал Б. А. Колчин (*Колчин,* 1971. С. 40). В. Я. Конецкий отметил, что правые и левые руки вырезались примерно в равной пропорции (*Конецкий*, 1988. С. 22). Включение в научный оборот новых материалов полностью подтвердило это наблюдение. Всего такому определению поддаются 25 находок, на 11 из которых вырезаны правые руки, на 14 — левые. Не поддаются определению 13 экз., среди которых стилизованные фигуры, а также находки с отсутствующим или утраченным большим пальцем. Подобное соотношение не позволяет считать леворукие экземпляры просто ошибкой или небрежностью резчика, их изготовление было намеренным и непосредственно связанным с предназначением предмета.

И, наконец, все фигуры с изображением руки можно подразделить по форме зажатого в ней предмета. В большинстве случаев это предмет продолговатой формы, напоминающий

Рис. 1. Деревянные фигуры в виде руки: *1, 2* — с шаром; *3* — с конусом; *4, 5* — с зооморфными завершениями

обрезанную с двух сторон палку, в основном ровную, но иногда имеющую сужение с одной из сторон или к центру (29 экз.). Б. А. Колчин называл эти предметы «палками» (*Колчин*, 1971. С. 40), В. Я. Конецкий определял их как «стержни» (*Конецкий*, 1988. С. 22, 23), Л. В. Покровская — как «свитки» (*Покровская*, 2004. С. 72). Рука, как правило, перехватывает предмет примерно посередине. У одного из экземпляров с Ярославова дворища палка с одной из сторон изогнута. На двух экземплярах один из концов палки выполнен в виде зооморфного навершия (рис. 1, *4, 5*). Причем в одном случае это реалистичное изображение кошачьего хищника, в другом — стилизованное оформление сучков на конце. Форма концов удерживаемого предмета имеется еще на двух находках: у навершия с Неревского раскопа конец ограничен шаровидным завершением (второй конец не сохранился), у целого предмета с Ярославова дворища концы сделаны в виде двух колец-валиков,

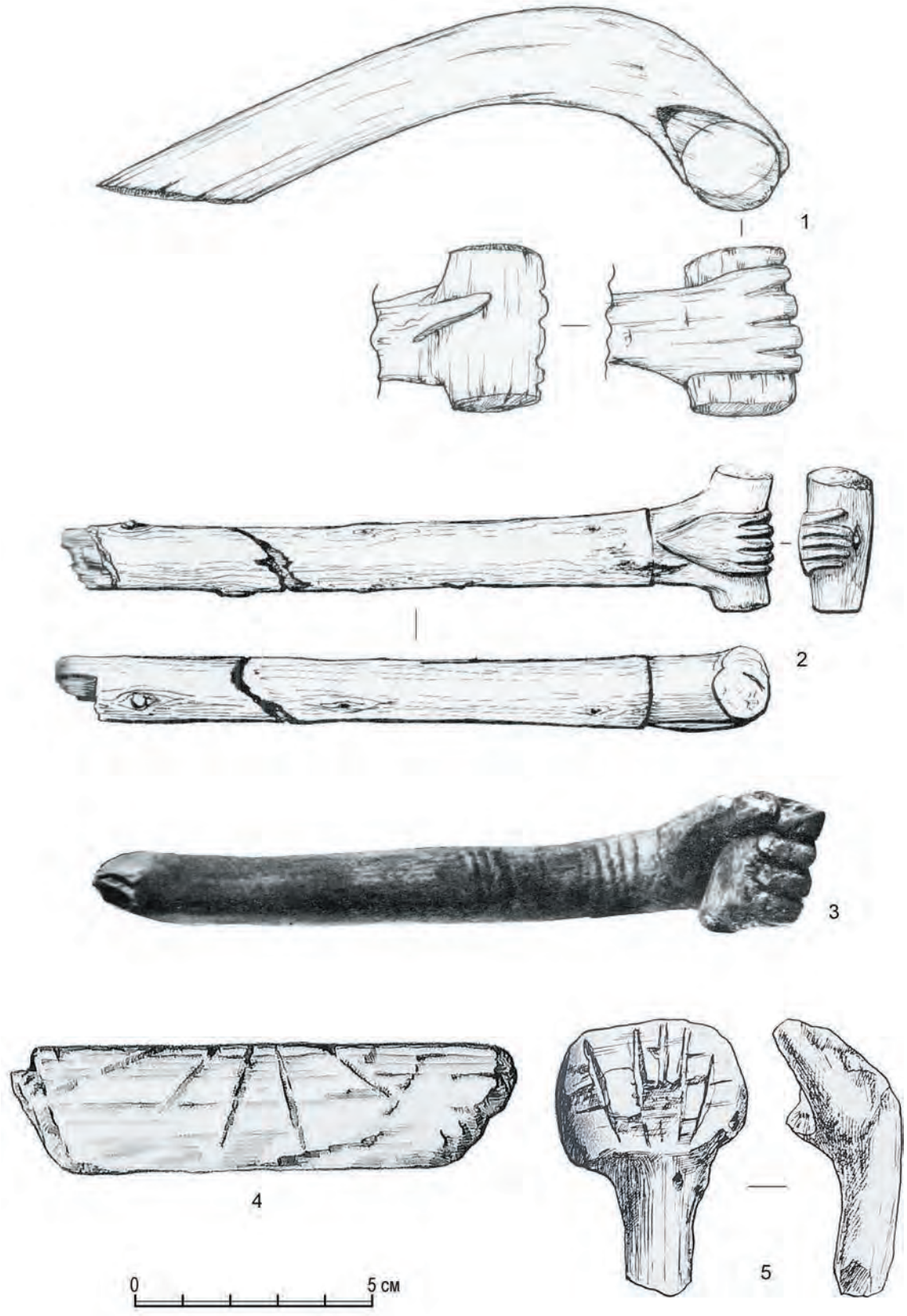

Рис. 2. Деревянные навершия в виде руки с цилиндром (*1–3*) и стилизованные фигуры (*4, 5*)

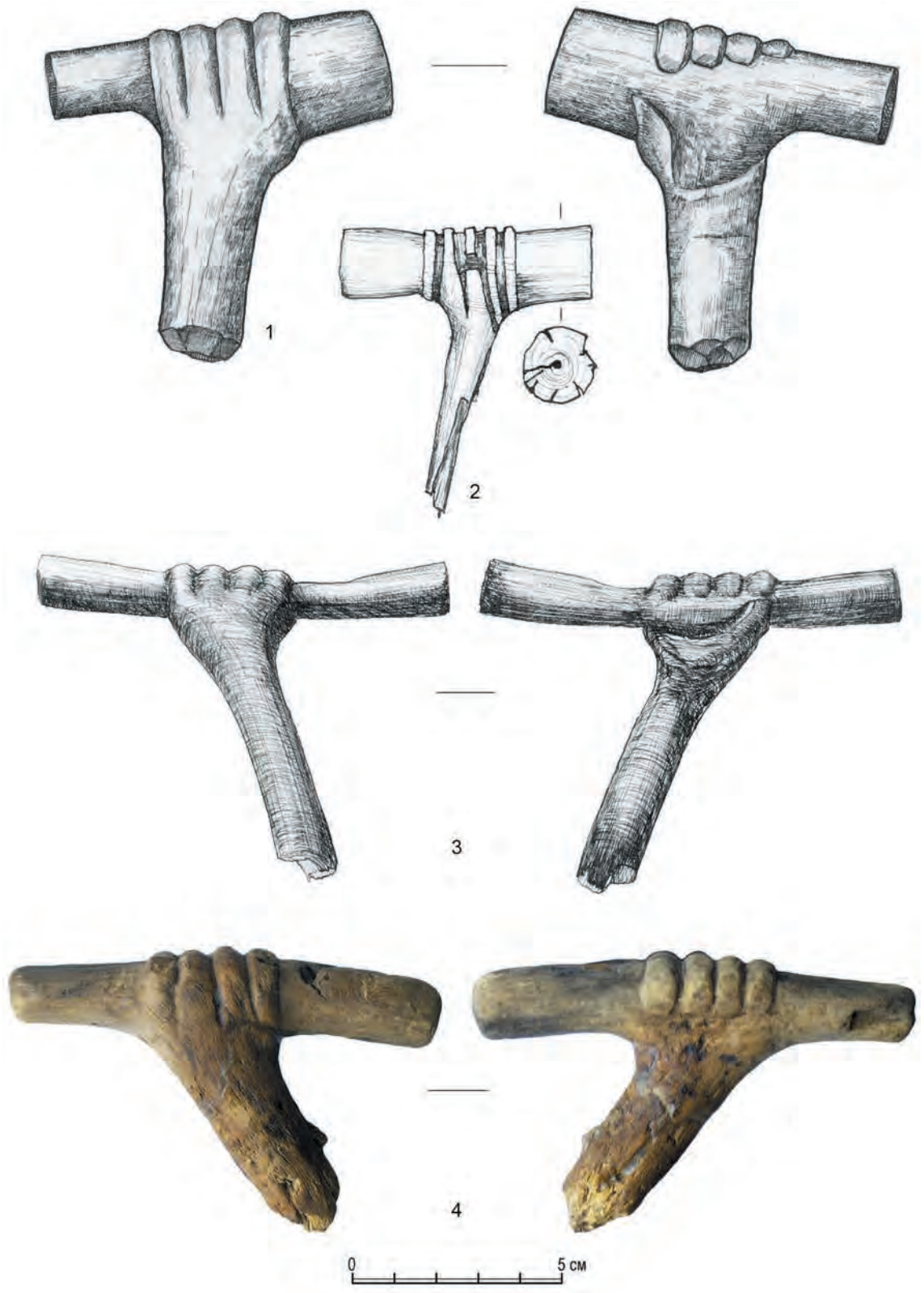

Рис. 3. Деревянные навершия в виде руки с палкой

Рис. 4. Деревянные навершия (*1, 2*) и предметы (*3–6*) в виде руки с палкой:
1, 5, 6 — стилизованные; *2, 3* — реалистичные; *4* — со «свитком»

как бы перехватывающих предмет по краям (рис. 4, *4*). У остальных экземпляров в руке находятся предметы, напоминающие геометрические фигуры — шар (3 экз.) (рис. 1, *1, 2*), конус (1 экз.) (рис. 1, *3*), цилиндр (4 экз.) (рис. 2, *1, 2*).

В определении параметров находок учитывались прежде всего длина и диаметр удерживаемого предмета, так как размер руки всегда соотносится с ними, а рукояти у большинства наверший обломаны. Размеры деревянных фигур с руками, держащими предметы, различны: от совсем небольших предметов с максимальным параметром 4–5 см до размеров 12–15 см. Две находки — навершие с Неревского раскопа с шаровидным завершением на конце и навершие из Старой Руссы — имеют параметры 17–19 см (*Торопова и др.*, 2007. С. 64, рис. 1а), а самым крупным (максимальный размер 23 см) является навершие с палкой с раскопа на ул. Знаменская, 31 (*Олейников и др.*, 2023. С. 57, рис. 9, *2*). То есть основная масса находок относится к малоразмерным экземплярам с параметрами, не превышающими 10–12 см. В то же время встречающееся разнообразие указывает на то, что в назначении этой группы предметов размер не играл особой роли, хотя для выполнения своей функции небольшие изделия считались более подходящими.

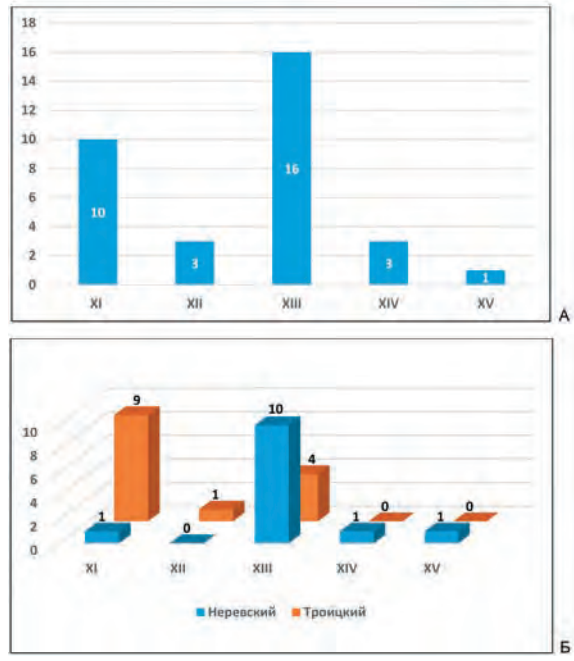

Рис. 5. Хронологическое распределение находок:
А — общий график;
Б — хронологическое соотношение находок на Неревском и Троицком раскопах

Из всей коллекции находок датировать можно 33 экз., для датировки 5 экз. нет достаточных опорных данных. В хронологическом распределении выделяются две группы (рис. 5). Ранняя группа датируется в рамках XI — начала XII в. К ней относятся 10 экз., причем девять из них происходят с Троицкого раскопа, один — с Неревского. В XII в. наблюдается резкое снижение количества находок. Этим столетием датированы три находки: с Ильинского и Троицкого раскопов Новгорода и с Пятницкого II раскопа Старой Руссы.

Вторая группа предметов датируется XIII — началом XIV в. Их 16 экз., 10 из которых были найдены на Неревском раскопе, 4 экз. — на Троицком, по одному экземпляру происходит с Козмодемьянского II и раскопа на ул. Знаменская, 31. В рамках того же позднего периода XIV в. датируются 3 экз. с Неревского и Торгового раскопов Новгорода и Пятницкого I раскопа Старой Руссы. Один экземпляр с Неревского раскопа относится к первой половине XV в. В хронологическом распределении деревянных рук, держащих предметы, прежде всего интересна локализация их в раннее время в Людином, в позднее — в Неревском конце (рис. 5). При этом обе хронологические группы не совпадают с периодами наивысшего расцвета этих городских концов, который в Людином конце приходится на лакуну XII в., в Неревском — на общую тенденцию угасания интереса к этим деревянным изделиям. Причина такого распределения находок неясна и не может быть объяснена исходя из существующих гипотез об их предназначении.

Топография находок деревянных фигур с руками, держащими предметы, была сделана с целью выявления закономерностей в распределении этих находок на территории средневекового Новгорода, которые могут иметь свои особенности в зависимости от хронологического периода и могут быть связаны с характеристикой археологических комплексов.

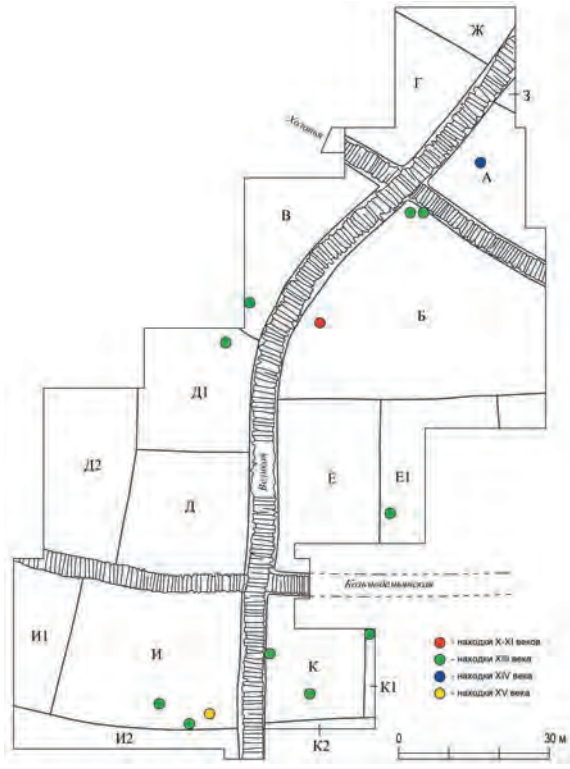

Рис. 6. Топография находок на усадьбах Неревского раскопа

Находки деревянных фигур с руками обнаружены на семи раскопах Новгорода. Целесообразным проведение топографического анализа представляется только для двух самых крупных новгородских раскопов, с которых происходит большинство находок, — Неревского и Троицкого. На других раскопах находки представлены лишь единичными экземплярами.

Неревский раскоп (1951–1962 гг.), площадь которого составляет 8840 кв. м, располагался на территории Неревского конца средневекового Новгорода. Здесь выявлено 16 экз., из которых для топографического распределения могут быть использованы только 13 (три находки депаспортизированы) (рис. 6). Самая ранняя находка, датирующаяся второй половиной X — началом XI в., найдена на усадьбе «Б», недалеко от мостовой Великой улицы, и не связана с какими-либо постройками. Слои, относящиеся к XII в., полностью лишены подобных находок.

Самая большая концентрация изучаемых предметов связана с напластованиями XIII — начала XIV в. — 10 экз. Выделяются три комплекса по два предмета на трех усадьбах. На усадьбе «Б» в северной части двора две находки второй половины XIII в. связаны с сооружением Б11Е, которое представляло собой четырехстенный сруб, примыкающий к мостовой Холопьей улицы. Второй комплекс зафиксирован на усадьбе «И», у южной границы двора. Одна находка находилась в районе срубов И12Д / И12Г, а вторая — на небольшом удалении к югу от них. Оба этих сруба имели небольшие размеры и отопительное устройство в северо-западном углу. Еще две руки с предметами выявлены на соседней усадьбе «К». Одна из них располагалась в срубе К12Б, который, судя по всему, являлся хозяйственной пристройкой к жилому срубу К12А. Второй предмет найден во дворе усадьбы. Единичные находки деревянных фигур в виде руки, относящиеся к этому хронологическому периоду, также зафиксированы на усадьбах «В», «Д1», «Е1» и «К1». В целом, несмотря на довольно равномерное распределение находок в этот период, наблюдается их тяготение к южным усадебным комплексам Неревского раскопа.

Ко второй половине XIV в. относится одна фигура на усадьбе «А», найденная вне сооружений, но расположенная к северу от сруба А8а. Единственная находка, датированная первой половиной XV в., происходит с усадьбы «И» и обнаружена в сооружении И5Г.

Троицкий раскоп (1973 г. — наст. время) расположен в Людином конце средневекового Новгорода. Общая площадь исследований составляет уже более 9000 кв. м. В отличие от Неревского раскопа, наибольшее количество предметов в виде руки здесь относится к периоду XI — начала XII в. (9 экз.) (рис. 7). Причем для этого времени не выделяется каких-либо комплексов и концентраций. В слоях первой половины XI в. по одному предмету найдено на усадьбах «Е», «О», «С» и «У», в слоях второй половины — на усадьбах «Г», «Е», «З» и «Ш». Одна находка рубежа XI–XII вв. происходит с усадьбы «Ж». В подавляющем большинстве фигуры открыты вне сооружений, на дворовой территории усадеб, в двух случаях — в срубах, в двух — у межусадебных границ. Всего один предмет

Рис. 7. Топография находок на усадьбах Троицкого раскопа

приходится на середину XII в. Он обнаружен на усадьбе «С» у западной стены большого пятистенного сруба XII-84. Четыре находки залегали в слое XIII в. Комплекс из двух наверший выявлен на усадьбе «И» в центральной части двора. Один предмет прослежен в срубе Х-76, а второй — в постройке без номера. Еще одна рука с предметом зафиксирована на мостовой Черницыной улицы, на границе с усадьбой «К». Единичная находка второй половины XIII в. обнаружена на усадьбе «Е», у юго-восточного угла сруба XII-25. В слоях XIV и XV вв. рассматриваемых в статье предметов не выявлено совсем.

Несмотря на равномерное распределение находок и практически полное отсутствие комплексов, все-таки выявляется тяготение деревянных фигур в виде рук с предметами к усадьбам, расположенным к западу от Пробойной улицы. Подавляющее их большинство обнаружено на усадьбах к северу и югу от Черницыной улицы, а на усадьбах к востоку от Пробойной улицы они совершенно отсутствуют. Также стоит отметить практически полное отсутствие находок в XII в., когда на этой территории располагались богатые усадьбы боярского рода Несдиничей-Мирошкиничей.

Вопрос о предназначении деревянных фигур с руками, держащими предметы, чрезвычайно сложен, так как сведения о них отсутствуют как в письменных источниках, так и в восточнославянских этнографических материалах, а территориальное распространение ограничено двумя крупными центрами Новгородской земли. В историографии высказывались разные предположения о назначении этой группы предметов. Б. А. Колчин не касался данного вопроса, относя их к изделиям, «назначение которых нам пока не удалось установить». В то же время он отмечает «определенную и устойчивую форму» этих предметов, которая «видоизменяется лишь в деталях и размерах» (*Колчин*, 1971. С. 40). Л. В. Покровская высказала гипотезу, что деревянные руки с предметами могли быть символами власти. Основой для такого предположения стало определение зажатых в руке продолговатых предметов как «свитки», а также то, что развитие формы «наверший в виде руки» от стилизованных к более реалистичным отличает их от других категорий наверший, где изменения происходят от реалистичных к стилизованным (*Покровская*, 2004. С. 72). Еще одну версию предложил В. Я. Конецкий. Отмечая, что разнообразие форм и размеров находок исключает их какое-либо утилитарное использование, он относит их к предметам языческого культа. Зажатые в руке продолговатые предметы он именует «стержнями» и связывает их назначение с описанным в этнографии ритуалом, стимулирующим плодородие, в котором использовались специальные сосуды и деревянные фаллические символы

Рис. 8. Деревянные предметы в виде руки с палкой

(*Конецкий*, 1988. С. 22). При этом в своих построениях авторы не учитывают всего разнообразия вариантов находок. В концепции В. Я. Конецкого нет фигур с другими удерживаемыми предметами (шары, конусы, цилиндры), а у Л. В. Покровской упомянуты только шары, при этом художественно исполненная фигура руки с шаром и плетенкой по запястью с Троицкого раскопа вынесена за пределы категории и описана отдельно (*Покровская*, 2004. С. 74). В обеих гипотезах также отсутствуют замечания о предназначении предметов без рукоятей и предметов малых размеров.

Предположение, что деревянные руки с предметами были символами власти, имеет ряд слабых сторон. Символы власти всегда рассчитаны на публичную демонстрацию. Такие вещи должны были находиться в руках представителя власти, на нем или рядом с ним, но так, чтобы они были видны подданным. Непонятно, как могли выполнять эту функцию целые предметы размерами 4–5 см или грубо отесанные куски дерева с прочерченными пятью линиями, имитирующими пальцы. Также следует отметить, что большинство продолговатых предметов, зажатых в руках, не могут быть интерпретированы как свитки. Морфологически к такому определению близка одна из находок с Ярославова дворища (рис. 4, *4*) и, возможно, предметы с сужением в месте перехвата (рис. 3, *3*; 8, *3*), если интерпретировать этот прием резчика как имитацию мягкости, а не как выемки, связанные с техникой

вырезания руки. То есть если в концепцию символов власти могли вписаться свитки и, возможно, шары, то что означают такие предметы как конусы, цилиндры и палки? Кроме того, даже свиток в руке мог символизировать не только власть, но и любое письменное подтверждение чего-либо (например, права на имущество или совершенной сделки).

Наблюдение развития типа от стилизованных экземпляров к реалистичным подтверждается лишь отчасти. В ранний период помимо экземпляров с пальцами в виде прочерченных линий попадает и произведение прикладного искусства — рука с шаром, украшенная плетеным орнаментом (рис. 1, *2*). В то же время единственный экземпляр из слоев XV в. относится к стилизованным (рис. 4, *б*). Но самым необъяснимым с точки зрения символики власти является наличие большого количества леворуких предметов. С властью, силой права и связанным с ними сакральным началом соотносилась только правая рука (десница). Это особенно касается христианской традиции, где правая рука была благословляющей, чистой рукой, которой совершалось крестное знамение. Левая же считалась нечистой, «некрещеной», связанной с дьяволом. «Лева рука крста нема», — гласит сербская поговорка, а в украинской традиции человек, перекрестившийся левой рукой, призывает к себе «дідька», то есть черта. Только правую руку подают при рукопожатии, только ею можно подносить напитки и еду во время застолья, использование же левой руки воспринималось личным оскорблением (Славянские древности, 2012. С. 255). Исходя из этого, наличие в новгородской коллекции праворуких и леворуких экземпляров практически в равном количестве, и даже некоторое преобладание последних, не позволяет связать эти предметы не только с символикой власти, но и в целом объяснить их семантику через христианскую традицию.

Говоря о возможном назначении деревянных фигур с руками, в первую очередь следует согласиться с приведенными выше гипотезами в том, что это не утилитарные, а символические предметы. На это указывает не только разнообразие размеров, но и наличие целых предметов без рукояти. Если навершия теоретически могли быть декоративным завершением какого-либо бытового предмета и иметь двойную функцию, то для целых фигур с руками такая вероятность исключена. В то же время устойчивая форма предполагает осознанное изготовление их для каких-то конкретных целей. А разнообразие предметов, зажатых в руке, позволяет допустить, что основное значение имела сама рука, а вид предмета, который она держит, играл второстепенную роль и мог варьироваться в зависимости от назначения той или иной фигуры. В связи с этим следует вернуться к версии В. Я. Конецкого о культовом, а скорее магическом назначении деревянных фигур с руками. Эта гипотеза отвечает как устойчивой форме, несущей основную семантическую нагрузку, так и вариативности морфологии. Использование магических предметов могло быть разнообразным: хранение в домах, ношение с собой как талисманов и применение в обрядах. В таком качестве могли быть задействованы предметы разных размеров, как целые, так с рукоятями, разного художественного исполнения, в том числе и стилизованные. Но гипотеза о соотнесении всей группы предметов с ритуалом, стимулирующим плодородие, представляется несколько узкой трактовкой. Палка (стержень), как и целый ряд других предметов удлиненной формы, в некоторых случаях действительно связана с фаллической символикой. Таково ее значение, например, в ритуалах свадебной обрядности (*Там же*. С. 618–619). Но эта гипотеза, как и гипотеза о символах власти, не учитывает вариативности предметов, зажатых в руках, и наличия малоразмерных экземпляров. Кроме того, в своей концепции В. Я. Конецкий отводит большое значение стержню-рукояти (*Конецкий*, 1988. С. 22, 23), не упоминая при этом о фигурах без стержней. Нужно отметить, что в новгородской археологической коллекции есть находки фаллической деревянной скульптуры, относящейся преимущественно к X — началу XI в., и, скорее всего, именно она изначально имела отношение к описанному ритуалу. Насколько вероятен переход в более позднее время семантики этих предметов на предметы с рукой, держащей палку, определенно сказать нельзя.

Некоторая связь фигур с руками, держащими предметы, и приводимых В. Я. Конецким ритуалов, относящихся к мужской силе и плодородию, обнаруживается в описании похожего предмета в Хронике Титмара Мерзебургского: «Я слышал о некоем посохе, на конце которого была *рука, держащая железный обруч*; пастырь того села, где он находился, носил его с собой от дома к дому. При входе [в дом] носитель (посоха) приветствовал его такими словами: «Не спи, Генниль, не спи!», — ведь так его звали на языке крестьян» (*Титмар Мерзебургский*, 2005. С. 161.7: 69). Упомянутого здесь Геннилия исследователи считают западнославянским аналогом балтского бога лесов и пастбищ Гониглиса (лит. Ganiklis) (*Moszyński*, 1995. С. 264–277). Согласно хронике М. Стрыйковского, это божество, схожее с римским Фавном или Сатиром, охраняло скот от хищников и было связано с ритуалами плодородия, так как пастухи приносили ему в жертву тестикулы домашних животных, сжигая их на жертвенном камне (*Beresnevičius*, 2001. P. 88, 89). В восточнославянской традиции покровитель лесов и пастбищ соотносится с образом св. Юрия, заместившего в народном православии божество весеннего солнца и плодородия Ярилу или Авсеня (*Фаминицын*, 1884. С. 222–226, 304–331; Славянские древности, 2012. С. 390). Это выводит на возможную связь фигур с руками, схожих по описанию с атрибутом Геннниля-Гониглиса, с магией плодородия, хотя и несколько с иной стороны, чем предполагал В. Я. Конецкий. Однако не следует забывать, что описанная выше аналогия слишком далека географически, к тому же в описании присутствует железный предмет (кольцо или обруч), в то время как наши находки целиком сделаны из дерева.

Какую же семантическую нагрузку в восточнославянской традиции несли отдельные элементы рассматриваемых изображений и их сочетание? Семантическое значение руки в традиционной культуре гораздо шире, чем символика власти. Это, прежде всего, символ деятельности, созидания материальных благ и обладания ими. Как главное орудие труда руки считались основой благополучия. Выражение «спора в руках» означает пожелание удачи в работе, и одновременно так говорят о человеке, у которого получается любое дело, за которое бы он ни брался. Страшным несчастьем было увечье руки или сухорукость (атрофия мышц). Последнее считалось наказанием человека, поднявшего руку на отца, показывающего пальцем на небесные светила (языч.) или крест (христ.) или отнявшего последний кусок у нищего (Славянские древности, 2012. С. 254, 255). В Русской Правде размер виры за увечье или лишение человека руки был равен размеру виры за убийство (40 гривен), так как человек с такой травмой фактически переставал быть полноценным членом общества (ПСРЛ, 2000. С. 176). С этой точки зрения семантику руки, сжимающей некий предмет, можно связывать с символом «споры» в трудовой деятельности или удачи в материальном приобретении, выгодной сделке и пр. Образ руки широко используется и в разных формах магии. Одним из приемов знахарей в лечебной магии было лечение «наложением рук», «снимание руками» болезней («как рукой сняло»). Известное представление о «легкой и тяжелой руке» характеризует не только удачливость человека в выполнении какой-либо работы, но и имеет магический оттенок. Так, у человека с «тяжелой рукой» старались не брать зерно для посева, не покупать скот и т. д., так как зерно не будет всходить, а скот не будет водиться (Славянские древности, 2012. С. 255).

Не менее интересно семантическое значение предмета, наиболее часто изображенного зажатым в руке, — палки. Описанная выше фаллическая символика не являлась основным ее семантическим значением. Палка — это, прежде всего, отгонно-поражающий атрибут, используемый в магической практике и календарной обрядности для защиты от демонов, нечистой силы или болезней (Славянские древности, 2004. С. 618–620). Особыми магическими свойствами наделялась палка, которой разогнали змей (или отогнали змею от добычи), обладание таким талисманом сулило не только защиту от болезней и стихий, но и удачу в судебных тяжбах и сделках купли-продажи (*Там же*. С. 621, 622). При этом палка в руке могла символизировать и материальное в жизни человека, как, например, в русской пословице: «Счастье — не *палка*, в *руку* не возьмешь», где она противопоставляется духовному понятию «счастье».

Интересное поверье зафиксировано на Русском Севере, то есть в землях, прежде входивших в состав Новгородского государства. По нему леший может подарить человеку каменную ладонь, которая обеспечивает удачу на охоте, в рыбной ловле и даже в судебных делах (Славянские древности, 2012. С. 257, 258). Здесь важна не только связь образа руки с удачей («спорой»), но и разнообразие видов деятельности, успех в которых должен принести такой оберег. Именно такое разнообразие могло отражаться в различных предметах, зажатых в руке.

Таким образом, сочетание в указанной категории руки и палки предполагало довольно широкое магическое значение такого предмета в качестве оберега — как отгонно-поражающее, так и привлекающее удачу. Кроме того, для фигур с палками не исключена и символика плодородия. Предметы крупных размеров могли храниться в домах для охраны и «на благополучие», мелкие — браться с собой в качестве защиты от злых сил и благопожелательного магического талисмана на удачу в каком-либо деле.

И, наконец, следует коснуться соотношения левых и правых рук. Несомненно, в деревянных фигурах с левыми и правыми руками отражена одна из самых древних бинарных оппозиций «правый / левый». Однако устойчивая традиция леворуких изображений должна соотноситься с представлением, где левое не выступало как однозначно негативное, «нечистое», связанное со злым началом. В дохристианской традиции «левое» выступает не как «нечистое», а скорее как несущее несчастье (неудачу, недолю) либо связанное с загробным миром. Еще одним значением оппозиции «правое / левое» было «мужское / женское». Примечательно, что соотнесение «левого» и женского отмечено в магических действах, связанных с женскими работами (жатва, прядение), которые могло символизировать изображение руки, сжимающей предмет (*Иванов, Топоров*, 1965. С. 91–98). Исходя из этого, леворукие и праворукие фигуры могли использоваться как мужские и женские талисманы. В пользу этой гипотезы говорит примерно равное соотношение находок. Другое осмысление левой руки, не несущее негативной окраски, относится к области отгонно-поражающей и лечебной магии. В его основе лежит принцип магической инверсии, когда нечистую силу побивают при помощи ее же орудия либо призывают на нее несчастье, недолю и смерть при помощи предмета, символизирующего их (Славянские древности, 2009. С. 235, 236). В сочетании с отгонно-поражающим значением палки левая рука в таком обереге усиливала магический эффект.

Таким образом, комплексное изучение деревянных фигур с руками, держащими предметы, показало, что при общности формы они различались по размеру, наличию / отсутствию рукоятей и уровню мастерства резчика. Кроме того, эту группу находок характеризует бинарная оппозиция «правый / левый» и вариативность предметов, удерживаемых в руке. В ходе исследования удалось выделить две хронологические группы, связанные с двумя древнейшими концами средневекового Новгорода. Вопрос о семантике этих находок вряд ли может быть выяснен окончательно, но наиболее вероятной версией представляется использование их в магических практиках.

Дубровин, 2000 — *Дубровин Г. Е.* Водный и сухопутный транспорт средневекового Новгорода X–XV вв. М., 2000. Т. I–II. 445 с.: ил.

Иванов, Топоров, 1965 — *Иванов В. В., Топоров В. Н.* Славянские языковые моделирующие семиотические системы. М.: Наука, 1965. 245 с.

Колчин, 1971 — *Колчин Б. А.* Новгородские древности. Резное дерево. М.: Наука, 1971 (САИ; Е1-55). 62 с.

Конецкий, 1988 — *Конецкий В. Я. К* характеристике средневековых народных верований (по данным одной из категорий новгородских находок) // АИППЗ. Тез. докл. науч. конф. «Древнерусское язычество и его традиции». Псков: б. и., 1988. С. 22–24.

Олейников и др., 2023 — *Олейников О. М., Гайдуков П. Г., Исаев А. А., Миляев П. А.* Археологические работы в Славенском конце Великого Новгорода в 2021 г. (раскоп на ул. Знаменская, 31) // ННЗИА. Великий Новгород: НМЗ, 2023. С. 51–57.

Панова, 1989 — *Панова Т. Д.* О назначении мелкой деревянной скульптуры X — XIV вв. // СА. 1989. № 2. С. 88–95.

Покровская, 2004 — *Покровская Л. В.* Культовые предметы средневекового Новгорода // Новоторжский сборник. История, археология, историческая география / Отв. ред. В. В. Кузнецов. Торжок: Изд-во Всерос. историко-этнографического музея, 2004. Вып. 1. С. 65–85.

ПСРЛ, 2000 — Полное собрание русских летописей. М.: Языки русской культуры, 2000. Т. III: Новгородская первая летопись старшего и младшего извода. 692 с.

Славянские древности, 2004 — Славянские древности. Этнолингвистический словарь. В 5 т. / Отв. ред. Н. И. Толстой. М.: Международные отношения, 2004. Т. III. 689 с.

Славянские древности, 2009 — Славянские древности. Этнолингвистический словарь. В 5 т. / Отв. ред. Н. И. Толстой. М.: Международные отношения, 2009. Т. IV. 656 с.

Славянские древности, 2012 — Славянские древности. Этнолингвистический словарь. В 5 т. / Отв. ред. Н. И. Толстой. М.: Международные отношения, 2012. Т.V. 736 с.

Титмар Мерзебургский, 2005 — *Титмар Мерзебургский*. Хроника / Пер. с лат. И. В. Дьяконова. М.: SPSL-Русская панорама, 2005. 256 с.

Торопова и др., 2007 — *Торопова Е. В., Торопов С. Е., Самойлов К. Г., Доброва О. П., Колосницын П. П., Фролова Е. Е.* Археологические исследования 2006 года на Пятницком раскопе в Старой Руссе // ННЗИА. Великий Новгород: НМЗ, 2007. С. 62–67.

Тянина, 2021 — *Тянина Е. А.* Антропоморфные деревянные навершия средневекового Новгорода (хронология и топография) // АВ. 2021. Вып. 31. С. 128–139.

Фаминицын, 1884 — *Фаминицын А. С.* Божества древних славян. СПб.: Тип. Э. Арнгольда, 1884. 331 с.

Beresnevičius, 2001 — *Beresnevičius G.* Trumpas lietuvių ir prūsų religijos žodinas. Vilnius: Aidai, 2001. 214 p.

Moszyński, 1995 — *Moszyński L.* Thietmars slavische Etymologien, Analecta indoevropaea cracoviensia Ioannis Safarewicz memoriae dicata, edenda curavit W. Smoczyński. Cracovia, 1995. 583 c.

Wooden figures in the form of a hand with objects from excavations in Veliky Novgorod

E. A. Tyanina, V. K. Singh

Keywords: medieval Novgorod, Staraya Russa, wooden sculpture, topography, chronology, semantics

This article presents the first publication of a complex of wooden figurines with hands holding objects from excavations in Novgorod and Staraya Russa. The authors refine the principles of classification of the finds, identify a group of objects without handles, and conduct a topographic analysis. The chronology of the finds is divided into early (11th cen.) and late (13th cen.) periods, with a gap between them. A hypothesis is put forward regarding the magical significance of the objects with hands, combining both destructive and auspicious semantics.

Е. А. Рыбина[1]

Город Луки в новгородских берестяных грамотах

Аннотация. *В статье рассматриваются два взаимосвязанных сюжета. В первой части анализируются новгородские берестяные грамоты с упоминанием г. Луки. По содержанию грамоты № 1005 (первая половина XII в.) установлено, что Луки в домонгольский период были перевалочным пунктом, где новгородские купцы ожидали южные товары из Византии и Киева и отправляли их в Новгород. Во второй части на основе археологических материалов обсуждается вопрос о том, где находился летописный город Луки в XII в.*

Ключевые слова: *берестяные грамоты, г. Луки, торговые связи, археологические исследования.*

В новгородских берестяных грамотах XII в. неоднократно встречаются названия древнерусских городов преимущественно в связи с торговыми поездками или связанными с ними денежными расчетами (*Рыбина*, 2014. С. 89–96). Наряду с такими крупными административными и торговыми центрами, как Киев, Чернигов, Смоленск, Псков, Суздаль, Ростов, с которыми в XII в. Новгород вел оживленную торговлю, в грамотах дважды фигурируют Луки (ныне Великие Луки)[2], казалось бы, не самый значительный в то время город в административном и торговом отношении.

Впервые Луки как пункт торговой деятельности новгородцев упоминаются в грамоте № 675 (40–60-е гг. XII в.), которая относится к числу наиболее длинных документов (длина — 46,6 см). К сожалению, в ней сохранились не полностью только две строки, содержащие, тем не менее, ценную информацию (рис. 1). Перевод: [От ... к Миляте]. Брат Милята! В Киеве Бог был свидетель между нами: из твоих фофудий[3] девять выговорил я себе. Таким образом, в Луках гривен шесть... Пришел в Суздаль, раздав в долг …» (*Зализняк*, 2004. С. 297). Письмо, судя по контексту, представляет собой своеобразный отчет автора о проделанных торговых и финансовых операциях в Киеве, Суздале и Луках, удаленных друг от друга на сотни километров. В Киеве он выговорил себе у адресата Миляты драгоценные ткани, напоминая, что только «…*бог мьжи нама послоухо былъ*…». Вслед за этим он пишет, что, таким образом, в Луках шесть гривен. К сожалению, далее береста оборвана, и неясно, что с ними следует сделать. Не исключено, что именно в Луках Милята должен был получить плату за девять фофудий. В Суздале автор письма или, возможно, его адресат раздал в долг то ли товар, то ли деньги. Луки в данном контексте стоят наряду с крупнейшими торговыми центрами Руси и, очевидно, были важным пунктом торговых связей не только Новгорода, но и всей Древней Руси. При лингвистическом анализе текста, проведенном А. А. Зализняком, в грамоте не зафиксировано никаких признаков древненовгородского диалекта (*Зализняк*, 2004. С. 297), которые характерны для раннего времени. Следовательно, автор грамоты не был новгородцем, но имел торговые контакты с новгородским купцом Милятой. Вопрос о том, почему Луки имели такое значение в торговле, ни у издателей,

[1] МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, РФ; e-mail: ear42@list.ru.

© Рыбина Е. А. , 2025

[2] Город расположен на обоих берегах р. Ловать в ее верхнем течении.

[3] Фофудья — вид драгоценной ткани (см.: *Срезневский*, 1989. Т. 3, стб. 1357).

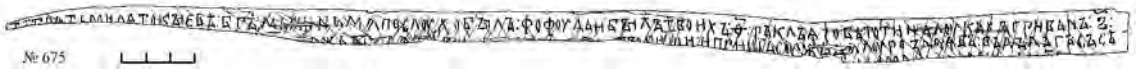

Рис. 1. Берестяная грамота № 675 (1140–1180 гг.)

Рис. 2. Грамота № 1005 (1125–1150 гг.)

ни у комментаторов этой грамоты не возникал (*Янин, Зализняк*, 1993. С. 62, 63; *Рыбина*, 2014. С. 91, 93).

Вторая грамота с упоминанием Лук была найдена в 2010 г. на Троицком раскопе (усадьба «Ж») в комплексе грамот первой половины XII в. (всего 11 экз.), авторами и адресатами которых были купцы-складники (*Рыбина и др*., 2020. С. 52, 56). Основным автором этих грамот был Лука, из семи писем которого пять были адресованы отцу, два написаны с компаньонами Сновиду. Лука, судя по содержанию всех его писем, постоянно находился в разъездах и сообщал своим адресатам, как идут дела, какие товары куплены, давал указания, что делать с товаром, какие финансовые расчеты необходимо произвести и т. д.

Город Луки упоминается в грамоте № 1005 (1125–1150 гг.), адресованной Лукой отцу (рис. 2). Перевод: «От Луки поклон отцу. Вот вино из Лук повезли двое. А стеклянных бокалов 30. А мы (двое) сами сидим в Луках». На обороте: «[А по] Косогору (то есть за перевоз по Косогору) просят по пятнадцати кун от берковца — мы (двое) изумились! А жителей волока (?)...» (*Янин и др*., 2015. С. 105). Лука сообщает отцу, что он с компаньоном находится в Луках, откуда два других купца повезли в Новгород вино и стеклянные сосуды. Однако вряд ли в Луках производили вино и изготавливали стеклянную посуду[4], здесь речь идет о товарах явно южного происхождения, которые поступали из Киева или Византии. Лука со своим партнером, отправив товар в Новгород, остались в Луках, вероятно, в ожидании новой партии товаров. На обороте из-за утрат не все восстанавливается надежно, но ясно, что речь идет о сборе мыта, ставка которого в 15 кун от берковца поразила Луку и его компаньона (*изумилася есве*).

Грамота № 1005 является первым, пока единственным, но бесспорным свидетельством того, что в домонгольский период Луки были важным торговым пунктом на отрезке пути «из варяг в греки», связывавшем Новгород с южнорусскими землями и Византией. Оказывается, в Луках осуществлялся таможенный сбор, здесь концентрировались товары, поступавшие по Днепру с юга, отсюда новгородские купцы вывозили их в Новгород и, вероятно, здесь встречались с купцами из других городов, то есть Луки в XII в. были важнейшим торговым пунктом на пути «из варяг в греки».

Еще два письма Луки по своему содержанию могут быть косвенным образом связаны с Луками, хотя сам город в них не упоминается.

[4] Замечу, что на усадьбе «Ж» в слое первой половины XII в. в большом количестве найдены обломки стеклянных сосудов, не исключено, что как раз тех, о которых сообщает Лука в своем письме отцу.

Рис. 3. Грамота № 1012 (1118–1125 гг.)

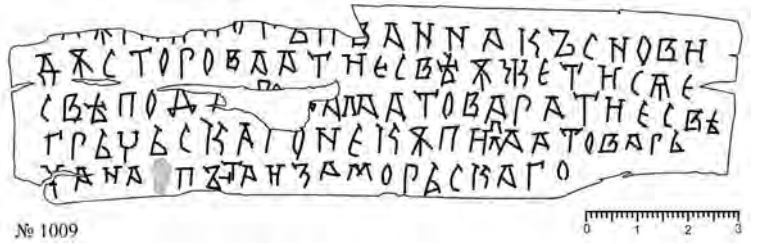

Рис. 4. Грамота № 1009 (1125–1150 гг.)

Грамота № 1012 (1118–1125 гг.) относится к числу самых ранних писем Луки, она адресована отцу с припиской Сновиду (рис. 3). Перевод: «[От Луки (?)] поклон отцу. У меня все в порядке. А товар... А сам коплю ногаты — выгрузку...». На обороте он добавляет записку Сновиду: «К Сновиду, а сам-то я жду гречника» (*Янин и др.*, 2015. С. 111). Этот термин, известный до сих пор только из трех статей Ипатьевской летописи (1167, 1168, 1170) (ПСРЛ, 1998. Стб. 526, 528, 541), трактуется как купец, ведущий торговлю с Византией (СРЯ XI–XVII вв., 1977. С. 132). Лука, который отправил в Новгород товар с сопроводительным письмом отцу, очевидно, остался на месте в ожидании прихода *гречников*. Не будет преувеличением считать, что ожидал он греческих купцов в Луках, коль скоро в следующем по дате письме (грамота № 1005) дважды пишет, что находится в этом городе.

Грамота № 1009 (1125–1150 гг.) адресована Лукой и его компаньоном Иваном Сновиду (рис. 4). Перевод: «От Луки и Ивана к Сновиду. У нас (двоих) все в порядке. Мы уже [свое] подраспродали, а греческого товара не купили. Так что приищи заморского товарца» (*Янин и др.*, 2015. С. 109). Термины *греческий* и *заморский*, определяющие происхождение товара, впервые встречены в грамотах. Несомненно, что греческий товар поступал в Новгород из Византии по днепровскому пути, заморский — из Западной Европы. Хотя местонахождение Луки и Ивана в грамоте не указано, вероятно, это были Луки, откуда, как стало известно из грамоты № 1005, они уже отправили в Новгород южные товары и оставались в Луках в ожидании нового греческого товара. Не исключено, что один из авторов грамоты № 1009 Иван и был тем самым, не названным по имени, компаньоном Луки из грамоты № 1005.

Рассмотренные три грамоты Луки связаны общим содержанием (торговля южными товарами) и, очевидно, единым местом действия, то есть все три грамоты были посланы в Новгород из Лук. Логично предположить, что в XII в. в Луках было подворье, где останавливались новгородские купцы и где они вели торговлю и ожидали прибытия *гречников* с южными товарами.

* * *

В исторической литературе летописный город Луки однозначно отождествляется с современным городом Великие Луки, который известен под этим именем только с 1406 г. из Псковской летописи (ПСРЛ, 2003. С. 28). До этого Луки неоднократно упоминаются

в Новгородской первой летописи, начиная с 1166 г., без слова *Великие* (НПЛ, 1950. С. 32, 40, 43–45, 52). Вместе с тем исследователи неоднократно отмечали, что предшественником Великих Лук был так называемый Городок на Ловати. Речь идет о городище X–XII вв., расположенном на высоком правом берегу Ловати вблизи современной д. Городище в урочище «Городок», находящемся в 4 км от Великих Лук.

Какое же поселение называлось Луками в первой половине XII в. и упоминается в берестяной грамоте № 1005, датировка которой по крайней мере на 20 лет опережает летописную дату? Ответ на этот вопрос, очевидно, могут дать результаты археологических исследований, которые периодически велись на обоих поселениях на протяжении нескольких десятилетий.

Археология Великих Лук

История археологического исследования Великих Лук до 1992 г. включительно подробно рассмотрена на основе отчетов полевых исследований, геологического бурения и подъемного материала в монографии А. В. Юрасова (*Юрасов*, 1996. С. 27–32). Ниже на основе его данных будут кратко изложены результаты археологических работ в Великих Луках. В 50–70-е гг. XX в. в этом городе работали археологические экспедиции Института археологии (руководители Я. В. Станкевич и Л. В. Алексеев) и Эрмитажа (руководитель М. А. Миролюбов). Раскопки проводились в разных районах средневековой части города, прежде всего на территории крепости, а также на посаде и в слободах.

Археологическое исследование Великих Лук было начато в 1955 г. Я. В. Станкевич, которая осмотрела выходы культурного слоя в районе крепости и собрала фрагменты керамики, датированной не ранее XIII–XIV вв. Кроме того, в тот же год исследовательница заложила шурф площадью 30 кв. м на посаде (о-в Дятлинка), где были собраны фрагменты керамики рубежа XII–XIII вв.

Первые раскопки на территории крепости были проведены в 1965–1966 гг. Л. В. Алексеевым, заложившим здесь несколько шурфов и траншею. По наблюдениям автора раскопок, культурный слой мощностью 0,6–0,8 м был значительно нарушен фундаментами XVII–XX вв., а собранная коллекция керамики датировалась временем не ранее XIII в. В единственном шурфе на о-ве Дятлинка Л. В. Алексеев обнаружил лишь потревоженные слои XVII–XIX вв.

В 1976–1979 гг. раскопки в Великих Луках продолжил М. А. Миролюбов, заложивший в общей сложности 20 шурфов в крепости. В одном из них был обнаружен потревоженный культурный слой, в 13 шурфах культурный слой не выявлен, на остальных шести работа была приостановлена из-за появления грунтовых вод. Более успешными были работы М. А. Миролюбова на о-ве Дятлинка, где в четырех шурфах в нижних слоях были обнаружены фрагменты керамики XV в. Кроме того, исследователь вел раскопки посада на правом берегу Ловати. Здесь был зафиксирован темный культурный слой с хорошо сохранившимися остатками деревянных построек и находками XIV–XV вв.

В 1992 г., как сообщает А. В. Юрасов, в Великих Луках осуществлялась работа по созданию охранных зон, в связи с чем для определения границ культурного слоя были проведены геологическое бурение, сбор подъемного материала и осмотр выходов культурного слоя. В результате были выявлены новые участки с культурным слоем на обоих берегах Ловати. Подъемный материал на одних участках датировался XIII–XVIII вв., на других — XV–XVII вв. (*Юрасов*, 1996. С. 31).

Спустя почти два десятилетия археологическое исследование Великих Лук продолжилось в 2010 г. в связи с установкой в правобережной части (площадь Ленина) памятного знака в честь присвоения городу звания «Город воинской славы». Площадь раскопа составила около 300 кв. м по контуру строительного котлована (*Степанов*, 2012). В ходе работ было зафиксировано пять ярусов застройки, из которых нижний относится к рубежу

XV–XVI вв. Коллекция находок из 166 предметов датируется в основном временем не ранее XV в. Однако при зачистке материка был обнаружен бронзовый пластинчатый браслет XII–XIII вв. и около 20 фрагментов керамики, датированной автором суммарно XI–XIV вв. (*Там же*. С. 10).

Последние раскопки в Великих Луках были осуществлены в 2012 г., когда сотрудники Археологического центра Псковской области проводили архитектурно-археологические исследования в крепости, целью которых было выявление и сохранение остатков Воскресенского собора XVII в. и характеристика культурного слоя на этой территории (*Михайлов, Салмина,* 2013. С. 43–47). В раскопе площадью 40 кв. м были обнаружены фундамент и часть апсиды храма, а также 20 погребений XVII в., что подтверждается монетами этого времени. Нижележащие слои были повреждены при устройстве кладбища. Однако в слое «древнего почвенного горизонта», как отмечают авторы раскопок, было обнаружено донце прозрачного стеклянного сосуда желтого цвета, которое по аналогии с новгородскими находками датируется второй половиной XII — серединой XIII в. (*Там же*. С. 46).

Таким образом, материалы проведенного к настоящему времени археологического исследования Великих Лук не содержат надежных свидетельств о существовании на территории города поселения XI–XII вв. Датировка единичных находок раннего времени не выходит за рамки рубежа XII–XIII вв. Что касается нескольких обломков керамики, суммарно датированных XI–XIV вв., то необходимо вновь провести их типохронологический анализ и разработать четкие критерии для их датировки.

Возможным свидетельством существования поселения в XI–XIII вв. на территории нынешних Великих Лук можно считать, по мнению Ю. М. Лесмана, случайную находку двупластинчатой шейной гривны с крестопрорезными бубенчиками-привесками и наличие культурного слоя мощностью 3,3 м в северной части правобережья города (*Лесман*, 1988. С. 74). Гривны подобного типа датируются временем не позже XII в. (*Хвощинская*, 2004. С. 63). Однако ни место, ни обстоятельства находки гривны неизвестны, поэтому она не может служить аргументом при решении вопроса о первоначальном местоположении летописных Лук.

Городок на Ловати

Городище на высоком правом берегу Ловати в урочище «Городок» получило в научной литературе название Городок на Ловати. Первые систематические раскопки этого памятника провела в 1954–1956 гг. Я. В. Станкевич (*Станкевич*, 1959. С. 79–83), в результате чего Городище было раскопано почти полностью[5]. В 70-е гг. XX в. раскопки на Городище и прилегающем к нему селище продолжила В. М. Горюнова, которая подготовила исчерпывающую публикацию совокупных материалов раскопок Городища и селища, включая исследования Я. В. Станкевич (*Горюнова*, 2016).

Исследовательница выделила два этапа в истории Городища и примыкающего к нему селища: 1) X — начало XI в.; 2) вторая половина XI — XII в. Автор отметила, что Городок на Ловати возник и существовал в X–XI вв. вне племенной территории на границе ареалов длинных курганов и сопок. Его главной задачей был военно-административный контроль над водным (путь «из варяг в греки») и сухопутным торговыми путями (*Горюнова*, 1991. С. 50, 51; *Горюнова*, 2016. С. 47). После пожара начала XI в. жизнь в Городке возобновляется только в середине этого столетия, при этом кардинально меняются застройка, хозяйственный уклад поселения, материальная культура. Эти изменения характеризуют Городок на Ловати второй половины XI — первой половины XIII в. как усадебный комплекс высокого ранга, о чем свидетельствуют и находки, в числе которых писало, стеклянные

[5] К сожалению, Я. В. Станкевич не успела подготовить полноценную публикацию материалов раскопок.

браслет и перстень, позолоченное трехбусинное височное кольцо, инкрустированные железные предметы, шпора, амфорная тара, гончарная посуда из нескольких центров (*Горюнова*, 2016. С. 62).

Рассмотренные археологические материалы Великих Лук и Городка на Ловати, на мой взгляд, убедительно свидетельствуют о том, что Городок на Ловати и был в XII в. тем самым городом Луки, который на протяжении второй половины столетия неоднократно упоминается в летописи и зафиксирован в берестяных грамотах первой половины XII в. Кроме того, косвенным подтверждением этому служит название города — Луки, которое, очевидно, связано с местоположением Городища буквально на излучине (луке) Ловати. Дополнительным аргументом может быть топоним урочища «Городок», рядом с которым и расположено Городище.

В связи с этим выводом представляется необходимым заново проанализировать археологический материал раскопок Городка на Ловати с точки зрения интерпретации функций этого поселения и существования на Городище в XII в. подворья новгородских купцов, а возможно, не только новгородских.

Горюнова, 1991 — *Горюнова В. М.* Начальная история древних Лук (X — начало XI в.) // Материалы по археологии Новгородской земли. 1990. М.: Черметинформация, 1991. С. 38–67.

Горюнова, 2016 — *Горюнова В. М.* Городок на Ловати X–XII вв. (к проблеме становления города Северной Руси). СПб.: Дмитрий Буланин, 2016. 328 с.

Зализняк, 2004 — *Зализняк А. А.* Древненовгородский диалект. М.: Языки славянской культуры, 2004. 872 с.

Лесман, 1988 — *Лесман Ю. М.* Торопец и Луки (сравнение исторических судеб) // АИППЗ: Тез. докл. науч.-практ. конф. Псков: б. и., 1988. С. 71–75.

Михайлов, Салмина, 2013 — *Михайлов А. В., Салмина Е. В.* Архитектурно-археологические исследования на территории Великолукской крепости осенью 2012 г. // Великолукский вестник. Краеведческий альманах. Великие Луки, 2013. № 3. С. 43–47.

НПЛ, 1950 — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 651 с.

ПСРЛ, 1998 — Полное собрание русских летописей. М.: Языки русской культуры, 1998. Т. 2: Ипатьевская летопись. 938 стб., 605 с.

ПСРЛ, 2003 — Полное собрание русских летописей. М.: Языки русской культуры, 2003. Т. V: Псковские летописи. Вып. I. Тексты. 148 с.

Рыбина, 2014 — *Рыбина Е. А.* Древнерусские города в новгородских берестяных грамотах // Міста давньої Русі: Збірка наукових праць памяти А. В. Кузи. Київ: Стародавній світ, 2014. С. 89–95.

Рыбина и др., 2020 — *Рыбина Е. А., Сингх В. К., Покровская Л. В., Степанов А. М., Тянина Е. А.* Усадьба «Ж» в Людином конце средневекового Новгорода (опыт комплексного исследования) // Новгородский исторический сборник. Великий Новгород: Изд-во НовГУ, 2020. № 19 (29). С. 44–65.

Срезневский, 1989 — *Срезневский И. И.* Словарь древнерусского языка. Репринтное издание. М.: Книга, 1989. Т. 3, ч. 2: Т–Я. Стб. 911-1684, 1-272, 16, [5] с.

СРЯ XI–XVII вв., 1977 — Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 1977. Вып. 4. 403 с.

Станкевич, 1959 — *Станкевич Я. В.* Предварительные итоги исследований 1956 г. в Великолукской области // КСИИМК. М.: Изд-во АН СССР, 1959. Вып. 77. С. 75–83.

Степанов, 2012 — *Степанов С. В.* Итоги археологических работ 2010 г. на площади Ленина // Великолукский вестник. Краеведческий альманах. Великие Луки, 2012. № 2. С. 5–12.

Хвощинская, 2004 — *Хвощинская Н. В.* Финны на западе Новгородской земли (по материалам могильника Залахтовье). СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. 428 с.

Юрасов, 1996 — *Юрасов А. В.* Великие Луки XIII–XVII вв. Историческая топография средневекового города. Псков: Центр «Возрождение», 1996. 102 с.

Янин, Зализняк, 1993 — *Янин В. Л., Зализняк А. А.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984–1989 гг.). М.: Наука, 1993. 351 с.

Янин и др., 2015 — *Янин В. Л., Зализняк А. А., Гиппиус А. А.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 2001–2014 гг.). М.: Языки славянской культуры, 2015. Т. XII. 286 с.

The city of Luki in Novgorod birch bark letters

E. A. Rybina

Keywords: birch bark letters, Luki town, trade relations, archaeological research

The article examines two interrelated topics. The first part analyzes Novgorod birch bark letters mentioning the city of Luki. Based on the contents of letter No. 1005 (first half of the 12th century), it is established that Luki was a transit point in the pre-Mongol period, where Novgorod merchants awaited southern goods from Byzantium and Kyiv and sent them to Novgorod. The second part, based on archaeological materials, discusses the location of the chronicled city of Luki in the 12th century.

Е. Ю. Кононович, М. И. Бажин[1]

Курганно-жальничные могильники Ижорского плато. Переход от курганов к жальникам на территории Северо-Запада Новгородской земли на примере могильника Именицы[2]

Аннотация. *В статье рассматриваются результаты работ по изучению погребального комплекса XII–XV вв. у д. Именицы. Курганно-жальничный могильник известен с XIX в., в его границы до работ 2021–2023 гг. входили курганные насыпи и курганы-жальники. В результате археологических разведок и раскопок выявлен наиболее поздний участок некрополя, представленный грунтовыми захоронениями с каменными выкладками и участок с курганно-жальничными захоронениями.*

Ключевые слова: *курганно-жальничный могильник, Ижорское плато, грунтовые захоронения с каменными обкладками, Средневековье.*

Исследование курганно-жальничных могильников Ижорского плато ведется на протяжении 150 лет. За этот период археологическими методами было изучено более 130 погребальных памятников. Общее количество выявленных здесь памятников превышает 250 объектов, и процесс их обнаружения продолжается в настоящее время (рис. 1).

С 1970 г. начались широкомасштабные археологические исследования на территории Ленинградской области. Основное внимание было уделено изучению Ижорской возвышенности как территориальной основы водской земли. Е. А. Рябинин исследовал девять могильников, расположенных в центральной части плато (рис. 1). Ученый предложил эволюцию погребального обряда от курганов к грунтовым захоронениям с каменными выкладками и ввел понятие «курган-жальник» как промежуточную форму между курганами и грунтовыми захоронениями (*Рябинин*, 2001. С. 19).

В 2021–2023 гг. Областной экспедицией Центра спасательной археологии ИИМК РАН был обследован курганно-жальничный могильник Именицы. В ходе работ были выявлены участки с грунтовыми захоронениями, сопровождавшимися каменными поверхностными выкладками, а также участки с курганами-жальниками (*Кононович*, 2021; 2022).

Курганно-жальничный могильник Именицы расположен у восточной окраины д. Именицы Кингисеппского района Ленинградской области, на небольшой камовой возвышенности (рис. 1). Впервые он был исследован в 1875 г. Л. К. Ивановским, однако документация о проведенных работах не сохранилась (*Спицын*, 1896). Среди найденных сопроводительных изделий были отмечены: витой браслет с обрубленными концами, топор, наконечник копья, железная коленчатая цепочка, нож, подковообразная фибула из перекрученной проволоки четырехгранного сечения с квадратными головками (*Там же*. С. 96).

[1] Кононович Е. Ю., Бажин М. И. — Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, РФ; e-mail: kononovichekaterina@gmail.com, bazhinmaxim7@gmail.com.

© Кононович Е. Ю., Бажин М. И., 2025

[2] Исследование проведено по теме государственного задания «Методы сохранения археологического наследия на основе применения современных цифровых технологий» (FMZF-2025-0012).

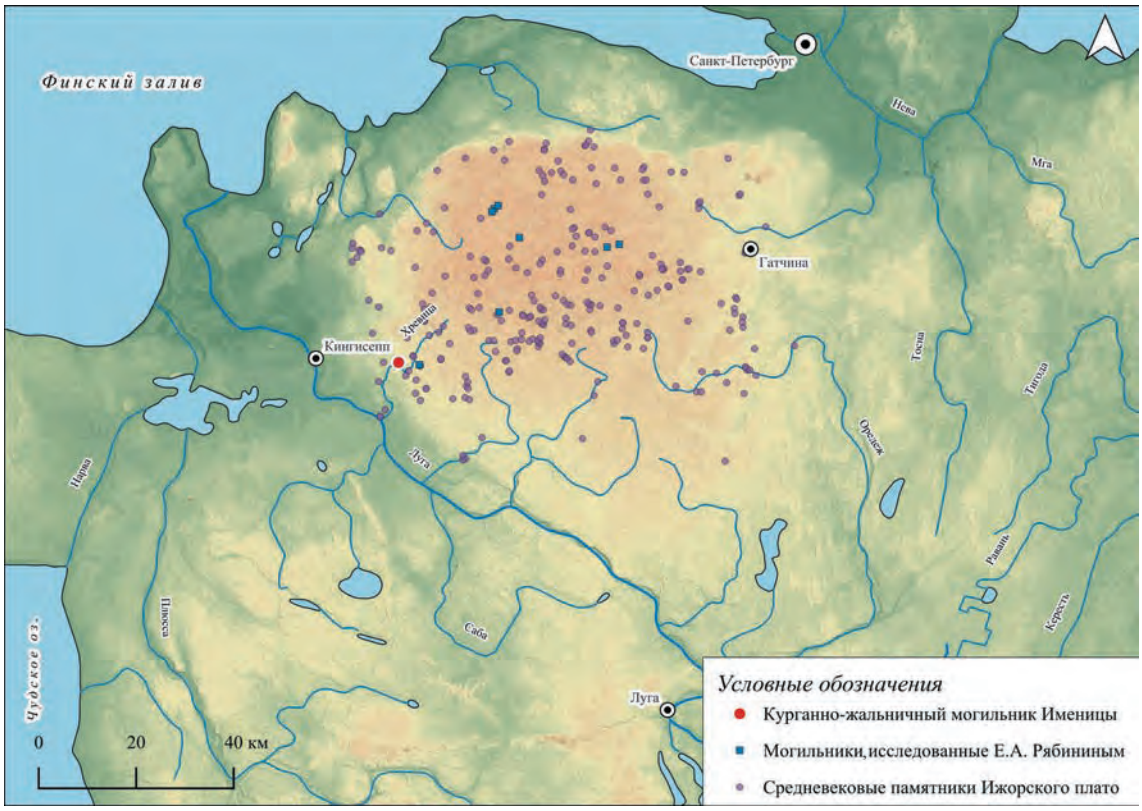

Рис. 1. Карта Ижорского плато на территории Ленинградской области

В 1927 г. разведочные работы на памятнике проводила палеоэтнологическая экспедиция Государственной академии истории материальной культуры (ГАИМК) под руководством Б. А. Коишевского и Л. Е. Генераловой (*Коишевский, Генералова,* 1927; 1931). На гребне моренного холма, покрытого орешником, исследователи отметили 12 курганных насыпей конической формы. В своем полевом дневнике Б. А. Коишевский записал: «Деревня Именицы Молосковицкой волости Кингисеппского уезда расположена на берегу небольшого ручья, впадающего в реку Хревицу, на склоне высокого холма, являющегося частью моренной гряды, протянувшейся здесь с севера на юг. Могильник, состоящий из 12 курганных насыпей, находится на гребне этого холма, поросшего орешником, сразу за гумнами деревни. Курганы имеют коническую форму, однако определить их точные размеры не удалось из-за густой растительности крапивы и кустарника. По словам местного старожила-крестьянина, около 50 лет назад петербургский фельдшер раскопал 12 курганов, тогда как меньшие насыпи в северной части могильника, вероятно, сохранились (этот участок оказался труднодоступным из-за плотной растительности). Девочка-школьница, косившая траву на „коломках“, рассказала, что в 1919 г. белые солдаты раскопали один курган, обнаружив в нем скелет и какие-то блестящие камушки; в кустах также находились маленькие каменные кресты, один из которых она показала нам» (*Коишевский, Генералова*, 1927).

В 1974 г. могильник был обследован отрядом археологической экспедиции Ленинградского отделения Института археологии АН СССР (ЛОИА) под руководством Е. А. Рябинина (*Рябинин*, 1974). По данным Департамента государственной охраны, сохранения и использования объектов культурного наследия правительства Ленинградской области, на памятнике в 1974 г. был зафиксирован 57 погребальный комплекс: 23 кургана высотой 0,3–1,7 м, диаметром 5,0–12,0 м, вокруг которых не прослежено ровиков и кольцевых обкладок валунами; 22 кургана и жальника высотой 0,3–2,0 м, диаметром 5,0–16,0 м с обкладкой по основанию кольцом из валунов; 12 жальников четырехугольной формы с оградками

из камней средней величины. Часть комплексов была на момент обследования повреждена ямами (старыми раскопками). Рядом с жальником найден каменный крест новгородского типа, согласно определению Е. А. Рябинина.

В 2015 г. Областной экспедицией отдела охранной археологии ИИМК РАН было проведено обследование памятника с целью уточнения его состояния, сохранности и составления топографического плана. В результате работ зафиксировано 40 курганных насыпей, у некоторых из них сохранилась каменная обкладка. Насыпи в основании преимущественно круглой формы, диаметром 2,70–9,33 м и высотой 0,15–1,03 м. В северо-западной части отмечены два жальничных захоронения с каменными оградками четырехугольной (подпрямоугольной) формы, размерами 2,5 × 1,8 м и 2,0 × 2,0 м, и несколько скоплений отдельно лежащих валунов.

В 2021 г. в рамках разведки, проведенной в окрестностях д. Именицы, был обнаружен участок жальничного поля, прилегающий к холму могильника с юго-восточной стороны (*Кононович*, 2021). Согласно сообщениям местных жителей, могильник и прилегающие территории часто подвергаются визитам кладоискателей. Местные жители именуют это место «шведскими могилами».

Территория могильника покрыта густыми зарослями лиственных деревьев и кустарника. С северо-восточной стороны расположены заброшенные хозяйственные постройки и грунтовая дорога, идущая вдоль края могильника; за дорогой простирается пашня. С юго-восточной границы прослежен ров антропогенного происхождения, восточнее которого продолжаются заросли кустарника без видимых на поверхности насыпей. Южная и юго-западная границы могильника проходят по подножию возвышенности, переходящей в равнинную местность, где ведется активная хозяйственная деятельность, включая огородничество. К огородам примыкают частные участки. Границы курганно-жальничного могильника четко определяются по визуальным признакам. Территория сильно замусорена, наблюдаются ямы с бытовыми отходами и множество троп. У юго-восточной границы холма локализованы три группы скоплений валунов среднего и крупного размеров. Часть камней поросла дерном, другие лежат на поверхности без признаков задернованности. По всей площади исследования на поверхности встречаются выходы известнякового плитняка, видны следы от ковша трактора и многочисленные пахотные борозды (рис. 2). Участок жальничного поля, выявленный в 2021 г., занимает равнинную местность у подножия холма и примыкает к могильнику с юго-востока и юга (рис. 2). Территория постепенно понижается в южном направлении в сторону русла р. Хревицы, высотные отметки дневной поверхности — 67,87–68,40 м по БС. Площадь выявленного жальничного поля составляет примерно 4000 кв. м.

Раскоп 1 был заложен на участке жальничного поля, локализованного разведками 2021 г., к югу от курганно-жальничного могильника Именицы. Раскоп 2 располагался в 20 м к северу от раскопа 1, на пологом склоне возвышенности (рис. 2).

Раскоп 1

Раскоп ориентирован параллельно подножию холма, углами — по сторонам света. На отметках 68,16–68,18 м по БС в северо-восточной, северо-западной и центральной частях раскопа был вскрыт верх каменных кладок надмогильных конструкций, стратиграфически залегавших в слое пахоты. В границах раскопа были расчищены две отдельные каменные кладки и система каменных оградок, частично разрушенная сельскохозяйственной деятельностью (рис. 3). Низ кладок покоился на контакте материковой поверхности (желтого суглинка) и остатков погребенной почвы (желто-коричневого суглинка) на отметках 67,60–67,98 м по БС. Отдельно расположенные надмогильные конструкции имели подовальную форму, состояли из булыжников крупных и средних размеров (от 40 до 10 см в разрезе), реже из известняка. Камни практически полностью заполняли контур кладки. Конструкции были расположены на расстоянии 0,31 м друг от друга. Система каменных

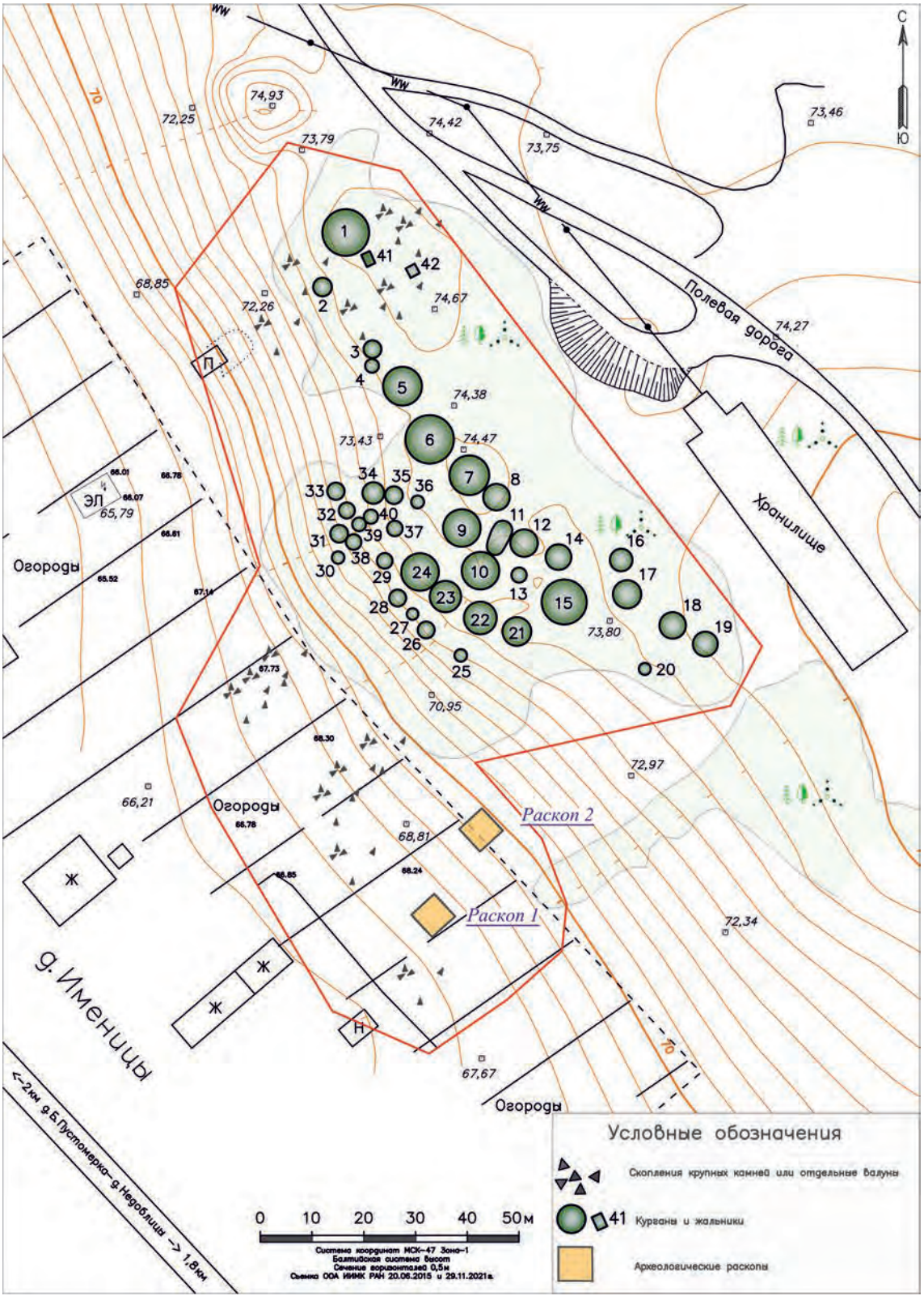

Рис. 2. Топографический план курганно-жальничного могильника Именицы

Рис. 3. План раскопа 1. Участок грунтовых захоронений с каменными выкладками

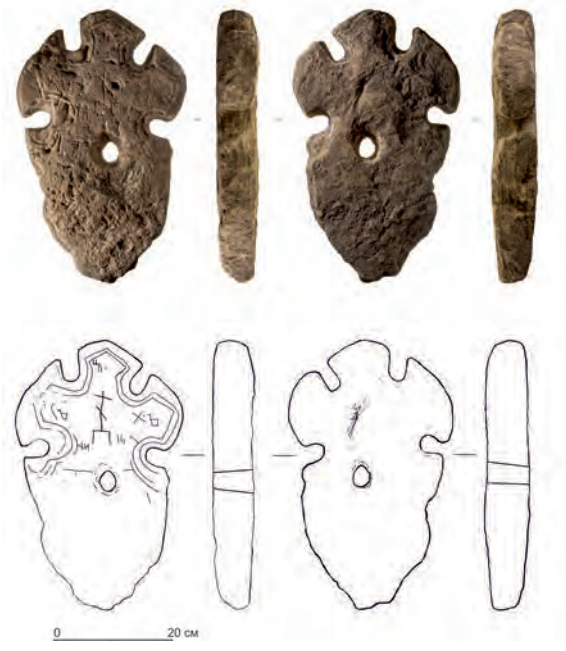

Рис. 4. Каменный крест «ижорского» типа

оградок состояла из семи секций подпрямоугольный формы, которые были сформированы рядами булыжников (реже известняка) повторяющих, вероятно, контуры могильных ям. В торцах оградок были уложены булыжники значительно больших размеров относительно остальных камней, формирующих кладку, в одном случае в торце оградки была установлена известняковая плита. Необходимо отметить, что выходы известняковых плит происходят непосредственно у могильника. Археологическая коллекция состоит из фрагментов керамических сосудов и железного кованого ножа, залегавшего у подножия каменной кладки погребения 6. В составе каменной оградки погребения 4 в торце был расчищен каменный резной крест «ижорского типа», выполненный из местного известнякового плитняка (рис. 4). Крест залегал в заваленном положении с диагональным уклоном, его верх зафиксирован на отметке 67,86, низ — 67,97 м по БС.

В результате зачистки было выявлено 10 четко определимых контуров могильных ям, впущенных с уровня погребенной почвы. Пятна темно-коричневого, практически черного, оттенка хорошо читались в слое желтого суглинка. При зачистке верха могильных ям был зафиксирован развал сосуда над пятном погребения 4. В процессе расчистки между погребениями 7 и 10 в общем пятне были зафиксированы два детских захоронения, залегавших выше остальных захоронений, фактически на уровне каменных кладок. Пятна могил уходили во все четыре стенки раскопа. Ямы для погребений выкапывались до уровня залегания крупных плит известняка, в среднем 0,40–0,60 м от уровня погребенной почвы. Покойного укладывали на плиту, в торцевых частях ямы (в ногах или у головы) могли быть установлены фрагменты известнякового плитняка. Всего исследовано 10 индивидуальных захоронений. Могилы расположены рядами, два из которых были исследованы. Четкие контуры могильных ям определялись только с уровня материковой поверхности. Глубина могил, форма которых варьируется

от прямоугольной до овальной, составляла от 0,30 до 0,60 м, ширина — от 0,40 до 0,80 м, длина — от 1,1 до 2,0 м (без учета погребений младенцев 8 и 9). Самым показательным является погребение 5. Усопшего захоронили в гробовище, размеры которого определяются по древесному тлену. Глубина ямы от каменной кладки до дна составляет около 0,30 м, при том что камни для нее были выбраны не столь крупные, как в соседних погребениях, — они имели уплощенный вид и были уложены на небольшую насыпь. Остальные исследованные захоронения, судя по всему, были совершены без гроба, а погребаемых помещали в яму, углубленную до уровня залегания в материке крупных известняковых плит, на которые и укладывали покойных. Глубина могильных ям в таких случаях достигала 0,60 м (погребение 10). Детские погребения не выражены стратиграфически, они залегали выше остальных и были размещены между мужскими захоронениями 10 и 7. Погребения размещены достаточно плотно, но не перекрывают друг друга, расстояние между могильными ямами в ряду не превышает 0,65 м, а между рядами — 0,35 м.

Ориентировка умерших во всех 10 случаях — головой на юго-запад, что характерно для жальничных погребений древнерусского времени. Поза погребенных установлена для семи взрослых индивидов. Положение тел следующее: лежа на спине, руки сильно согнуты в локтях и покоятся на поясе или на животе — четыре индивида; одна рука вытянута вдоль туловища, другая согнута в локте и покоится на поясе — два индивида; руки скрещены на груди — один индивид (погребение 5). Е. А. Рябинин отмечает, что в жальничных погребениях водской земли, по результатам его исследований, не зафиксировано ни одного случая использования деревянной конструкции (*Рябинин*, 2001. С. 40). Однако погребение 5 было совершено с помещением умершего в деревянный гроб, что подтверждается характером остатков древесного тлена, а также залеганием кованых гвоздей, четко маркирующих торцы гробовища, в области головы и ног скелета. Захороненная в гробу женщина в возрасте 25–35 лет имела ювелирный убор; аналогичные изделия датируются XIV–XV вв., хотя мода на такие украшения могла существовать и в более поздний период.

Найденный в ходе раскопок археологический материал делится на две категории: хозяйственно-бытовой инвентарь (керамические сосуды, изделия из железа) и женский убор (украшения из медного сплава). В составе каменной кладки погребения 4 обнаружен резной каменный крест.

Керамические сосуды

Всего 133 фрагмента, около 20 сосудов.

Все сосуды принадлежат к развитым гончарным формам. Глина относительно хорошо отмучена, с большим процентом примеси дресвы, зерна которой мелкие и средние (хорошо определимы визуально). В составе теста некоторых фрагментов прослеживается примесь слюды. Обжиг однослойный, глина серожгущегося и красножгущегося качества. Оттенок внешней и внутренней поверхностей сосудов, не имеющих следов нагара, — терракотовый. На некоторых сосудах по внешней поверхности прослеживаются нагар и следы от нагара, в таких случаях оттенок внешней поверхности — темно-коричневый, внутренней, от венчика до плечиков, — темно-коричневый, к донной части — терракотовый. У некоторых фрагментов на изломе определяется черная прослойка. Сосуды в основном небольшие, типологически относимые к горшкам, диаметр венчика — от 12 до 18 см, с преобладанием диапазона от 14 до 16 см. Высота сосудов определима не во всех случаях и реконструируется в пределах 11–13 см. Профиль сосудов S-образный, очертания плавные, шейка невысокая с наклоном, переход в плечо округлой формы, в одном случае плечо имело валик. Опираясь на хронологическую шкалу керамики Новгорода и Ижорского плато, можно датировать описанные выше находки периодом XIII–XV вв. (*Смирнова*, 1956; *Рябинин*, 2001) (рис. 5).

Необходимо отметить, что вся обнаруженная керамика располагалась в заполнении каменных кладок или у их основания, в одном случае развал сосуда был расчищен внутри

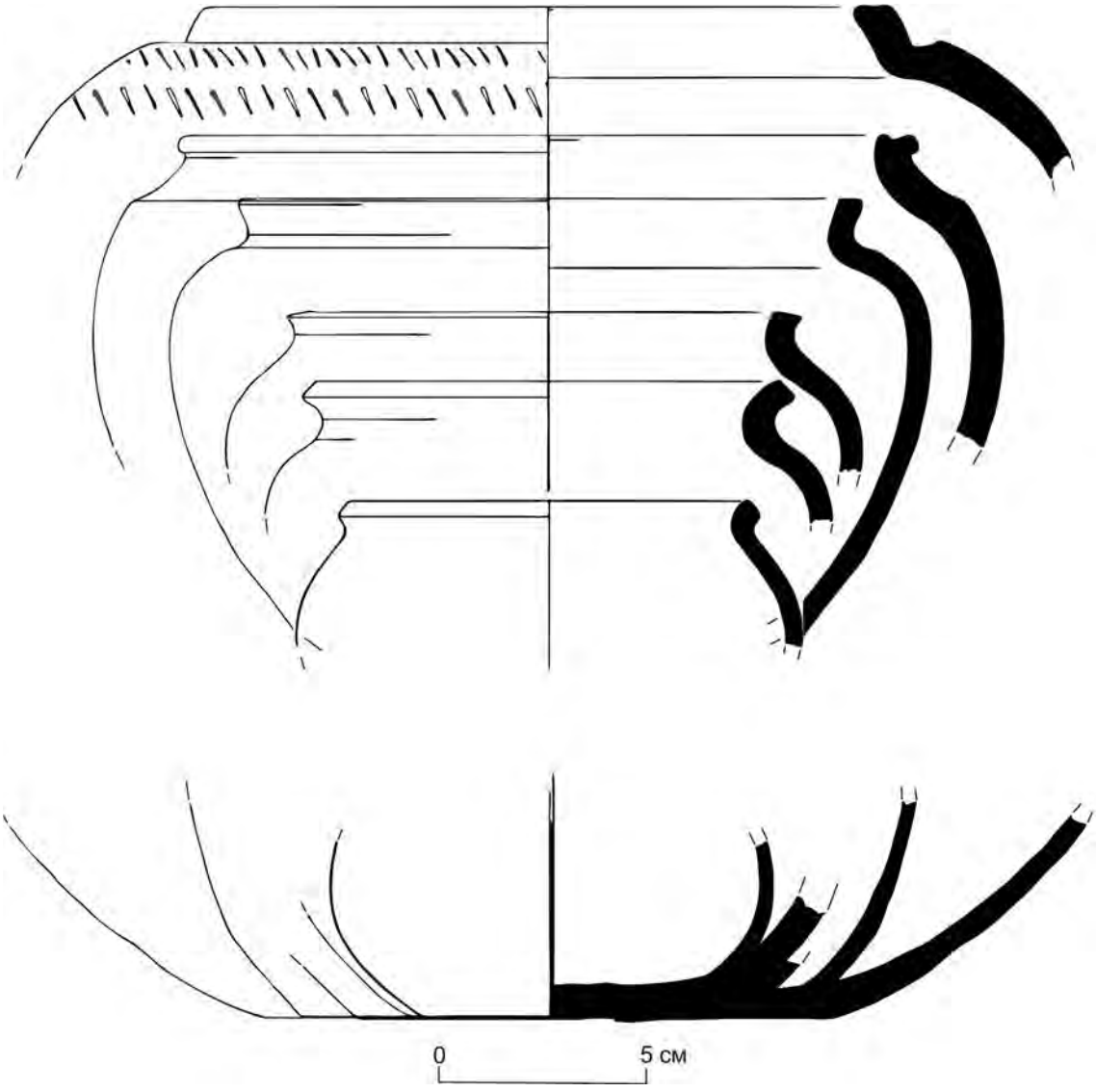

Рис. 5. Сводная таблица форм керамических сосудов раскопа 1

кладки на поверхности пятна могильной ямы (погребение 3). Значительная зона разброса фрагментов от одного сосуда свидетельствует о его положении на поверхности кладок или рядом с ними. Впоследствии, при сельскохозяйственных работах, сосуды были разбиты и распространены вместе с грунтом по всей распахиваемой поверхности.

Женский убор

Из 10 исследованных погребений два сопровождались наборами украшений, выполненных из медных сплавов (рис. 6). Результат анализа металла показал, что основной состав изделий — это латунно-медно-цинковый сплав[3]. Данные приведены в таблице.

Парные серьги в виде знака вопроса залегали в районе висков погребенных женщин. Восточные по своему происхождению, серьги в виде знака вопроса появляются в Новгороде после 1313 г. (*Седова,* 1981. С. 15). Данный тип был широко распространен на территории

[3] Приносим благодарность ст. науч. сотруднику Гос. Эрмитажа С. В. Хаврину за результаты рентгено-флуоресцентного анализа (спектрометр ArtTAX, Brüker).

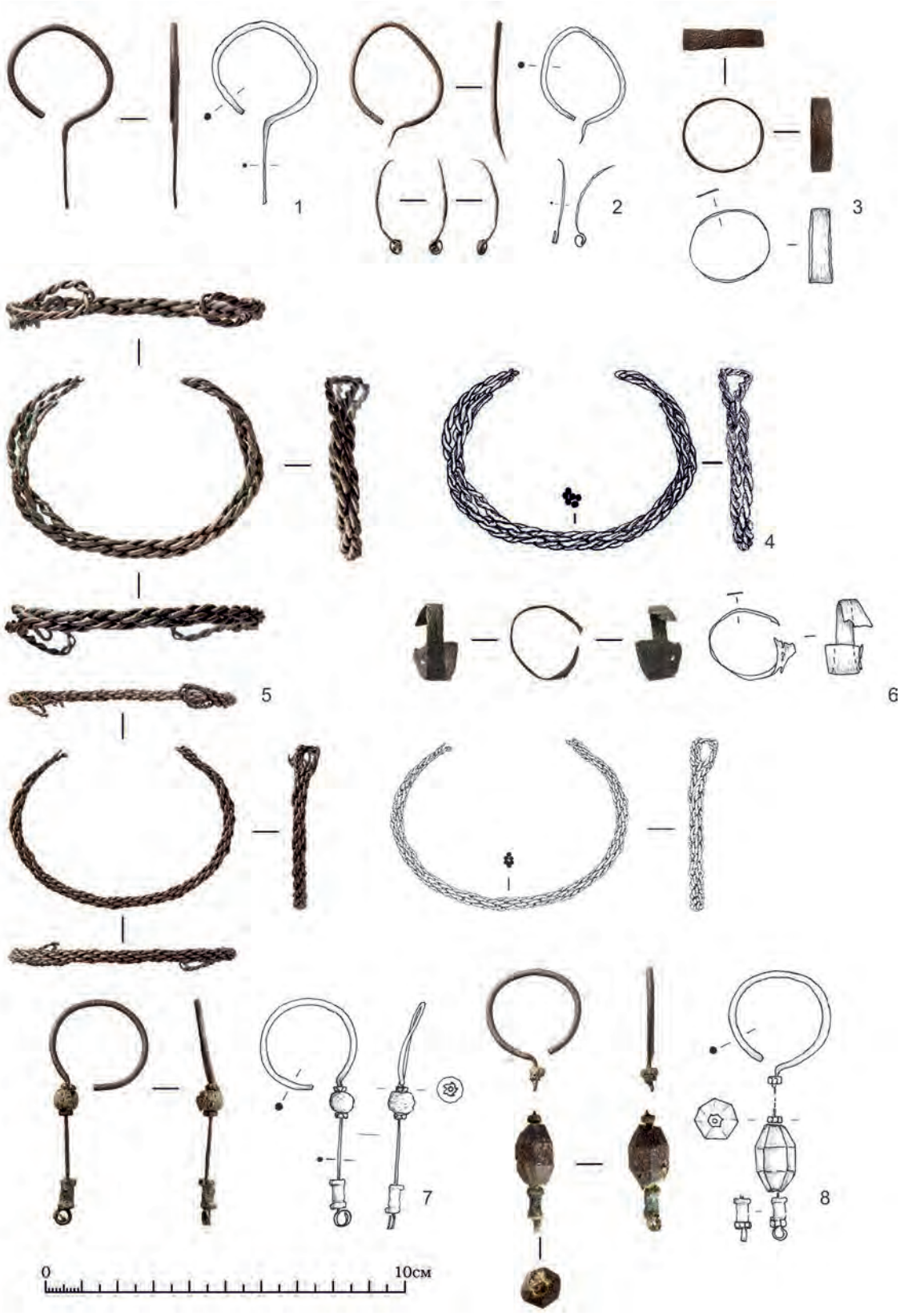

Рис. 6. Ювелирный убор погребений 4 и 5 раскопа 1: *1, 2, 7, 8* — серьги в виде знака вопроса; *3, 6* — перстни; *4, 5* — браслеты (*1–4* — погребение 4; *5–8* — погребение 5). *1–7* — цветной металл; *8* — цветной металл, стекло

Таблица. Результаты рентгенофлуоресцентного анализа (спектрометр ArtTAX, Brüker) металлических изделий могильника Именицы

№	Предмет		Cu	As	Sn	Pb	Sb	Ag	Fe	Zn	Прочие
Раскоп 1, погребение 4											
118	Браслет		Осн.	–	–	<0,5	–	–	<0,4	8–9	–
119	Серьга левая		Осн.	Сл.	<0,7	<0,6	–	–	<0,4	6–8	–
120	Серьга правая		Осн.	–	–	<0,3	–	–	<0,3	9–11	–
121	Кольцо		Осн.	–	~1	~1	–	Сл.	<0,7	9–11	–
Раскоп 1, погребение 5											
122	Серьга правая	Проволока	Осн.	–	–	~1	–	Сл.	<0,3	3–4	–
		Шайба 1	Осн.	–	–	~1	–	–	Сл.	2–4	–
		Шайба 2	Осн.	–	–	~1	–	Сл.	<0,3	2–4	–
		Втулка	2–4	–	50–70	30–45	–	–	Сл.	0,5–3,0	–
		Шарик	0,5–2,0	–	10–46	50–86	–	–	Сл.	Сл.	–
123	Серьга левая	Проволока	Осн.	–	–	<0,7	–	–	<0,3	3–4	Ni
		Втулка	3–9	–	70–90	6–14	–	–	–	1–3	Bi = 3–5 %
		Бусина	Стекло								–
124	Кольцо		Осн.	Сл.	~1	~1	–	Сл.	<0,9	4–6	Ni
125	Браслет		Осн.	–	–	<0,5	–	–	<0,2	7–9	–
Раскоп 2, погребение 2											
5	Височное кольцо	Проволока	Осн.	–	2–3	<0,8	–	<0,2	<0,6	7–9	–
		Втулка	Осн.	–	4–6	7–8	–	<0,4	<0,6	10–12	–
		Пластина	Осн.	Сл.	4–6	<0,9	–	<0,3	<0,9	6–8	–
6	Височное кольцо		Осн.	Сл.	1,0–1,5	<1	Сл.	<0,3	<0,7	9–11	–
7	Фибула		Осн.	Сл.	2–3	<0,4	–	<0,3	~1	4–5	–
8	Браслет витой		Осн.	Сл.	1–2	<0,9	–	<0,3	<0,6	9–11	–
9	Браслет пластинчатый		Осн.	<0,3	1–2	<0,5	–	<0,4	<1	9–11	–
10	Перстень		Осн.	–	<0,6	<0,3	–	Сл.	<0,8	11–13	–
11	Пронизь		4–5	–	–	2–4	–	>92	–	<0,3	–

Древнерусского государства и встречается в погребальных комплексах как славянского, так и финно-угорского населения (*Рябинин,* 2001. С. 56). Е. А. Рябинин отмечает, что серьги в виде знака вопроса встречаются преимущественно в зоне распространения жальничных кладбищ (*Рябинин,* 1980. С. 76). Пара серег из погребения 5 выполнена из круглой в сечении проволоки (дрота) с нанизанными стеклянными бусинами и металлической фурнитурой, фиксирующей их, сохранность — удовлетворительная, украшения имеют одинаковый диаметр кольца (2,6 см). Длину целого изделия не определить, оба экземпляра фрагментарны, однако она составляет не менее 8,9 см. При изготовлении сережек использовано, как минимум, по две стеклянные бусины разной формы на одно украшение. У основания дуги при помощи металлических плоских шайбообразных бусин укреплена округлая бусина свинцово-оловянного сплава, ниже спускается проволочный стержень длиной 3 см с закрученным в два оборота концом. Над ним находится сильно спекшаяся металлическая цилиндрическая пронизка, также размещенная между шайбами-бусинами. У второго экземпляра (левой серьги) не сохранилась длинная часть из проволоки, но сохранилась часть, очевидно, крепившаяся к закрученному кончику проволоки — многогранная стеклянная бусина. Исходя из химического анализа состава изделий, бусина несет следы марганца и железа на поверхности. Аналогичные бусины в составе серег в виде знака вопроса известны по материалам Новгорода. Серьги погребения 4 сохранились фрагментарно, они имели такие же размеры, как и украшения из погребения 5 и были выполнены в той же технике. Браслеты изготовлены из сложенной втрое перевитой проволоки — такой тип имел

широкое распространение на территории Древнерусского государства. Диаметр изделий, имеющих подовальную форму, составляет 7,2 и 6,2 см. Их концы оформлены в виде петель с одной стороны и перевитых концов проволоки — с другой. Оба браслета располагались на запястьях правых рук. Согласно новгородской шкале, данный вид датируется 40-80 гг. XIV в. (*Седова*, 1981. С. 97). Е. А. Рябинин отмечает, что подобные сложновитые украшения происходят исключительно из жальничных могил (*Рябинин,* 2001. С. 72). Перстни были надеты на пальцы правых рук. Перстень погребения 5 — литой пластинчатый широкосерединный замкнутый, его наружная сторона широкая и плавно сужается к внутренней, более узкой. Часть широкой стороны утрачена. Внешняя поверхность изделия сильно стерта, и не представляется возможным определить наличие или отсутствие орнамента. Второй литой перстень из погребения 4 относится к типу узкопластинчатых замкнутых. Лента изделия шириной 5 мм равна по всей длине. Перстень не орнаментирован, или орнамент не сохранился. М. В. Седова отмечает, что украшения данного типа из раскопок Новгорода образуют компактную хронологическую группу и датируются серединой XIV — XV в. (*Седова,* 1981. С. 131).

Каменный крест «ижорского» типа с четырьмя просверленными отверстиями и не сохранившимися перемычками найден в составе каменной кладки погребения 4. Он был установлен в голове умершего, в торцевой части кладки, лицевой стороной на юго-запад. На кресте изображение шестиконечного голгофского креста, над которым помещена надпись «ЦРЪС…», слева от него «[І]СЪ», справа «ХЪ», внизу «НИ» и «КА». Надписи и изображения процарапаны. Размеры креста 44,5 × 26,0 × 6,5 см. Изделие выполнено из местного известняка, на нижней части имеет естественное отверстие. В. Б. Панченко локализовала на территории Ижорского плато около 40 пунктов с крестами данного типа (*Панченко,* 2009). Как отмечает исследователь, изделия «ижорского» типа отличаются от других техникой изготовления и специфическим оформлением. Размеры таких крестов от 0,3 до 3,0 м, время бытования XIII–XVI вв. (*Там же*).

Раскоп 2

Раскоп 2 был заложен в 20 м на север от раскопа 1, и если раскоп 1 был заложен на ровной местности с целью выявить участки самых поздних захоронений в составе погребального комплекса, то раскоп 2 был заложен на склоне холма, посередине между его самой высокой точкой, где концентрировались курганы, и жальничным полем. Целью было выявить промежуточные варианты захоронений, названные Е. А. Рябининым «курганами-жальниками». В результате работ был изучен участок разрушенного грунтового погребения с каменной обкладкой и курган-жальник с несохранившейся насыпью. Вероятно, ранее участок склона был частью рощи и в послевоенное время начал осваиваться под сельскохозяйственные нужды, о чем свидетельствует выровненная поверхность, освобожденная от растительности (высотные отметки 69–71 м по БС). Каких-либо насыпей или их признаков на поверхности не читалось. На отметках 69,30–70,20 м по БС был зафиксирован верх каменной кладки погребения 1 (рис. 7). Выявленная конструкция представляла собой каменную кольцевидную обкладку диаметром около 2,5 м, по внешнему радиусу которой были уложены булыжники более крупного размера, по внутреннему — более мелкого. Внутри данной каменной конструкции были зафиксированы остатки земляной насыпи. В центральной части кургана-жальника с некоторым смещением на восток была расчищена каменная выкладка из крупных булыжников по внешнему контуру и более мелких внутри. Данная локальная конструкция маркировала место могильной ямы и обозначала ее границы. Так как восточная часть внешнего каменного кольца была нарушена (на данном месте хорошо прослеживалась серия ям, впущенных не с уровня современной дневной поверхности, а перекрытых пахотной почвой, что свидетельствует о покушении на погребение в период, когда каменные кладки и насыпь хорошо читались на поверхности),

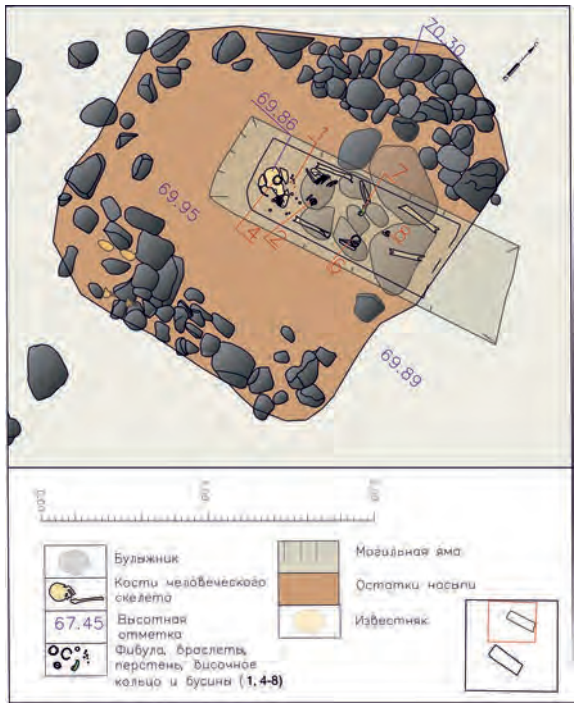

Рис. 7. План раскопа 2.
Участок кургана-жальника

определить расстояние от погребения до каменной обкладки затруднительно, тем более что само захоронение с восточной стороны также было перебито грабительской ямой. У основания кладки в пространстве между ней и могильной ямой было обнаружено пять фрагментов сероглиняных сосудов, вероятно, находившихся в теле насыпи. Могильная яма прямоугольной формы со скругленными углами, плоским дном и отвесными стенками ориентирована по направлению запад–восток с небольшим отклонением на юг, ее глубина составляла 0,36 м. Погребение принадлежало женщине, возраст которой не был определен. Ориентировка костяка головой на запад, поза — лежа на спине, руки сложены на животе. Покойную сопровождал богатый ювелирный убор, включающий простую подковообразную фибулу, два браслета, два височных кольца, перстень и ожерелье из каменных и стеклянных бусин с металлической пронизкой (рис. 8).

В районе правого виска под черепом было расчищено ромбощитковое височное кольцо с четырьмя расширениями. Плохая сохранность изделия не позволяет четко проследить орнамент, однако он был выполнен точечным нанесением в центральной части щитков, возможно в форме розетки. При расчистке черепа в районе левого виска был обнаружен фрагмент стержня дугообразной формы, круглого в сечении, с шайбой, а также фрагмент полой бусины. Вероятно, это фрагменты многобусинного височного кольца. В районе черепа и шейных позвонков было обнаружено 52 бусины и одна пронизка из цветного металла в форме скрученной пластины. Ожерелье состояло из 36 стеклянных зонных кольцевидных бусин, семи полихромных бусин округлой формы глухого коричневого стекла, четырех многогранных бусин из горного хрусталя, одной стеклянной бочонковидной бусины темно-синего цвета, одной бочонковидной ребристой кашинной бирюзовой бусины, полихромной бусины уплощенно-округлой формы темного глухого стекла с волнистым декором голубого цвета и одной зонной бусины синего стекла. В районе грудных позвонков была расчищена подковообразная фибула небольшого размера, овально-выпуклая в сечении, головки которой оформлены в виде прямоугольных площадок. По дуге изделия в средней зоне прослеживаются следы орнамента в виде насечек, имитирующих витье. Подобные фибулы неоднократно встречены в курганах и курганах-жальниках Ижорского плато (*Рябинин,* 2001. С. 66). На правой руке покойной был надет витой браслет, датируемый по новгородской шкале первой четвертью XIII — серединой XIV в. (*Седова*, 1981. С. 97; *Лесман*, 1990. С. 41), на левой — пластинчатый широкосерединный браслет со слегка сужающимися концами, орнаментированный угловатой плетенкой, поверхность вне которой заполнена штампованным орнаментом. Украшения с подобным декором, как отмечает Е. А. Рябинин, встречаются преимущественно в курганах-жальниках (*Рябинин*, 2001. С. 71). Согласно хронологии М. Ю. Лесмана, подобные изделия датируются 1177–1396 гг. (*Лесман*, 1990. С. 38). В области таза костяка был расчищен фрагмент древесного тлена, на котором располагался спиральный витой перстень с остатками фаланги пальца. Согласно новгородским материалам, спиральные перстни бытуют до XIII в.

Рис. 8. Ювелирный убор погребения 1 раскопа 2: *1* — бусы; *2* — подковообразная фибула; *3*, *4* — височные кольца; *5* — пронизка; *6*, *7*. — браслеты; *8* — перстень.
1 — стекло, камень, керамика; *2* — цветной металл

(*Седова,* 1981. С. 122). Подобное украшение было обнаружено в кургане 147 Ново-Сиверского могильника Л. И. Ивановским (*Спицын*, 1896. С. 104).

Выявленные украшения женского убора имеют широкое распространение и традиционно связываются с материальной культурой древнерусского населения. Среди исследованных погребений только женские имели инвентарь, данную особенность для жальничных могил финального периода функционирования курганно-жальничных могильников отмечает и Е. А. Рябинин (*Рябинин*, 2001. С. 91). Каменный крест «ижорского» типа также является характерной составляющей жальничных могил (например, при раскопках жальничного поля у д. Плещевицы Е. А. Рябининым было обнаружено восемь крестов, залегавших среди каменных кладок, подобно кресту, обнаруженному в Именицах).

Выводы

Курганно-жальничный могильник Именицы относится к погребальным памятникам водской земли Великого Новгорода и определяется как сельское средневековое кладбище, по своим признакам характерное для территории Ижорского плато (возвышенные места для обустройства некрополя, каменные выкладки с использованием известняковых плит, переход от курганных насыпей к грунтовым захоронениям с надмогильными каменными выкладками). Специфика погребальных комплексов Ижорского плато заключается в их достаточно продолжительном функционировании (XI–XVII вв.) и в постепенной смене характера погребального обряда от курганов к курганам-жальникам и от захоронений с насыпями к грунтовым захоронениям в ямах (жальникам). Однако не все курганно-жальничные могильники изучены в полной мере. Большинство погребальных памятников известно по захоронениям с различимыми на поверхности элементами (курганами, каменными выкладками). В то же время, как демонстрируют исследования в Именицах, зачастую на средневековых могильниках Ижорского плато, наряду с курганами и курганами-жальниками, присутствуют и грунтовые захоронения с каменными выкладками, не читающимися на поверхности. Этот тип захоронений является позднейшим этапом развития средневековой погребальной традиции населения данного региона. Функционирование этих кладбищ, скорее всего, прекратилось в конце XVI — начале XVII в., когда произошло изменение состава населения водской земли Великого Новгорода.

Коишевский, Генералова, 1927 — *Коишевский Б. А., Генералова Л. Е.* Отчет по археологической рекогносцировке в Ленинградской губ. По маршруту Войсковицы — Веймарн сотрудников экспедиции по палеоэтнологическому обследованию Ленинградской губернии в 1927 году // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2 (ГАИМК). 1927 г. Д. 105. 53 л.

Коишевский, Генералова, 1931 — *Коишевский Б. А., Генералова Л. Е.* Материалы по учету археологических памятников (выписки из дневников, рисунки и чертежи) в дд. Имяницы, Малли, Мануйлово, Федоровка Кингисеппского р-на — обследования Б. Коишевского и Л. Генераловой в 1927 г. // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2 (ГАИМК). 1931 г. Д. 68. 46 л.

Кононович, 2021 — *Кононович Е. Ю.* Отчет о проведении археологических разведок в Кингисеппском районе Ленинградской области в 2021 г. // НОА ИА РАН. 2021 г. Ф-1. Р-1. № 73110. 86 л.

Кононович, 2022 — *Кононович Е. Ю.* Отчет о проведении археологических раскопок на территории объекта культурного наследия «Курганно-жальничный могильник. 53 насыпи» на окраине д. Именицы в Кингисеппском районе Ленинградской области в 2022 г. // НОА ИА РАН. 2022 г. Ф-1. Р-1. № 80447. 204 л.

Лесман, 1990 - *Лесман М. Ю.* Хронология ювелирных изделий Новгорода (X–XIV вв.) // Материалы по археологии Новгорода 1988. Новгород: НМЗ, 1990. С. 29-98.

Панченко, 2009 — *Панченко В. Б.* Каменные кресты Ижорского плато (каталог) // Stratum plus. Культурная антропология и археология. 2009. № 5: Русское время. С. 420–438.

Рябинин, 1974 — *Рябинин Е. А.* Археологическое обследование западных районов Ленинградской области // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. 1974 г. Д. 114: Отчет о полевых исследованиях Четвертого отряда Староладожской археологической экспедиции ЛОИА АН СССР в 1974 г. Л., 1975. Ч. II. 19 л.

Рябинин, 1980 — *Рябинин Е. А.* Исследования 1975 г. на Ижорской возвышенности // КСИА. 1980. № 160: Средневековые древности Восточной Европы. С. 76–82.

Рябинин, 2001 — *Рябинин Е. А.* Водская земля Великого Новгорода. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. 259 с.

Седова, 1981 — *Седова М. В.* Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.: Наука, 1981. 195 с.

Смирнова, 1956 — *Смирнова Г. П.* Опыт классификации керамики древнего Новгорода (по материалам раскопок 1951–1954 гг.) // Труды Новгородской археологической экспедиции. М.: Изд-во АН СССР, 1956 (МИА; № 55). Т. 1. С. 228–248.

Спицын, 1896 — *Спицын А. А.* Курганы С.-Петербургской губернии в раскопках Л. К. Ивановского. СПб.: Тип. Гл. упр. уделов, 1896 (МАР; № 20). 123 с.

Burial mounds and zhalniki of the Izhora Plateau. The transition from burial mounds to zhalniki in the northwestern Novgorod region: the example of the Imenitsa burial ground

E. Yu. Kononovich, M. I. Bazhin

Keywords: burial mound-and-zhalnichny ground, Izhora plateau, ground burials with stone facings, Middle Ages

This article examines the results of studies of a 12th–15th century burial complex near the village of Imenitsy. The burial mound-and-sawn burial ground has been known since the 19th century; prior to the excavations carried out in 2021–2023, its boundaries included burial mounds and mound-and-sawn burials. Archaeological surveys and excavations revealed the latest section of the necropolis, consisting of ground burials with stone liners, and a section with burial mound-and-sawn burials.

И. В. Исланова[1]

Эволюция культурных традиций в восточной области культуры псковских длинных курганов по керамическим материалам из погребальных объектов[2]

Аннотация. *В статье на основании анализа погребальной керамики предлагается версия этнокультурных изменений, происходивших на территории восточной области культуры псковских длинных курганов с конца V по VIII в.*

Ключевые слова: *культура псковских длинных курганов, лепная керамика, раннее Средневековье, культурные процессы.*

Евгений Николаевич Носов в своих работах неоднократно обращался к проблематике культуры псковских длинных курганов (КПДК), вопросам ее происхождения, этнокультурной составляющей. И сейчас относительно древностей курганов с кремацией лесной зоны остается больше вопросов, чем ответов.

Материалы из небольшого, но довольно хорошо исследованного региона в восточной области КПДК (рис. 1) позволяют детально рассмотреть культурную принадлежность керамики из погребальных объектов. Сведения, полученные при раскопках курганных могильников, неоднократно публиковались (например: *Мальм, Фехнер,* 1969; *Исланова,* 2006. С. 26–75; 2023. С. 57–93).

Проводимый анализ артефактов основывается на периодизации культуры, предложенной Е. Р. Михайловой (*Михайлова,* 2014. С. 203–220) и опирающейся на погребальный инвентарь с узкими датами: I период — формирование КПДК (поздний V в. — вторая четверть / середина VI в.; II период — развитая КПДК (середина VI в. — рубеж VIII/IX вв.; III период — финальный этап существования КПДК (IX — начало XI в.). При рассмотрении форм лепной керамики также используется относительно простая первоначальная типологическая схема Н. В. Лопатина (*Лопатин, Фурасьев,* 2007. Рис. 11).

Есть основания предполагать, что в южной части восточной области КПДК население состояло не только из появившихся новых жителей, но и из не покинувших территорию потомков местного населения (*Исланова*, 2023. С. 151, 152). Вплоть до наших дней сохранились здесь гидронимы, чуждые славянскому языку. Помимо наименования крупной водной артерии, р. Мсты, это относится и к небольшим водоемам: рекам Шегре, Шлине, Пуйге, озерам Пудоро, Тишидра, Тубосс, Коломинец и др. (*Попов,* 1981. С. 44, 45, 67, 68; *Агеева*, 2004. С. 197, 198, 221, 226).

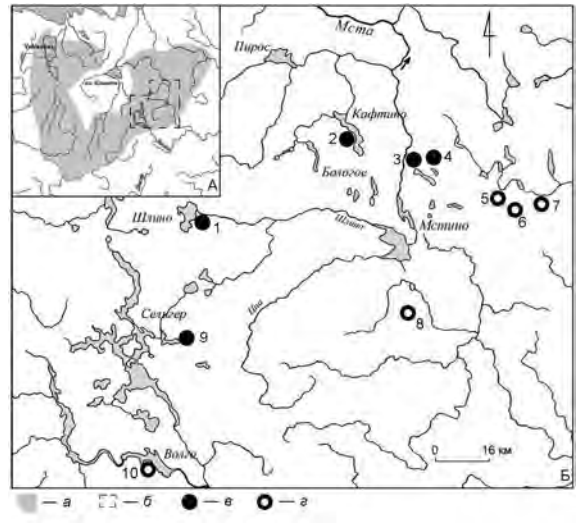
Следует особо остановиться и на местных традициях, известных в археологическом материале и, прежде всего, в лепной керамике, которая изготавливалась и употреблялась тем же населением. До возникновения КПДК на этой территории находились поселения

[1] Институт археологии РАН, Москва, РФ; e-mail: ivisl@mail.ru.

© Исланова И. В., 2025

[2] Работа проведена в рамках выполнения плановой темы НИР ИА РАН «Панорама историко-культурных процессов на территории Восточной Европы в римское время и эпоху Великого переселения народов по археологическим данным (I–VII вв.)» (НИОКТР № 122011200267-0).

Рис. 1. Курганные могильники КПДК с керамикой I и II периодов:
А — месторасположение (*а* — ареал КПДК, *б* — рассматриваемая территория); *Б* — памятники (*в* — курганные могильники I периода, *г* — курганные могильники II периода):
1 — Яблонька 3; *2* — Подол; *3* — Млёвский Бор 1 (Гарусово 1); *4* — Пуйга 1; *5* — Овсище 1; *6* — Богатково 2; *7* — Шихино; *8* — Чамка (Иваньково); *9* — Гринино 2; *10* — Девичье 4

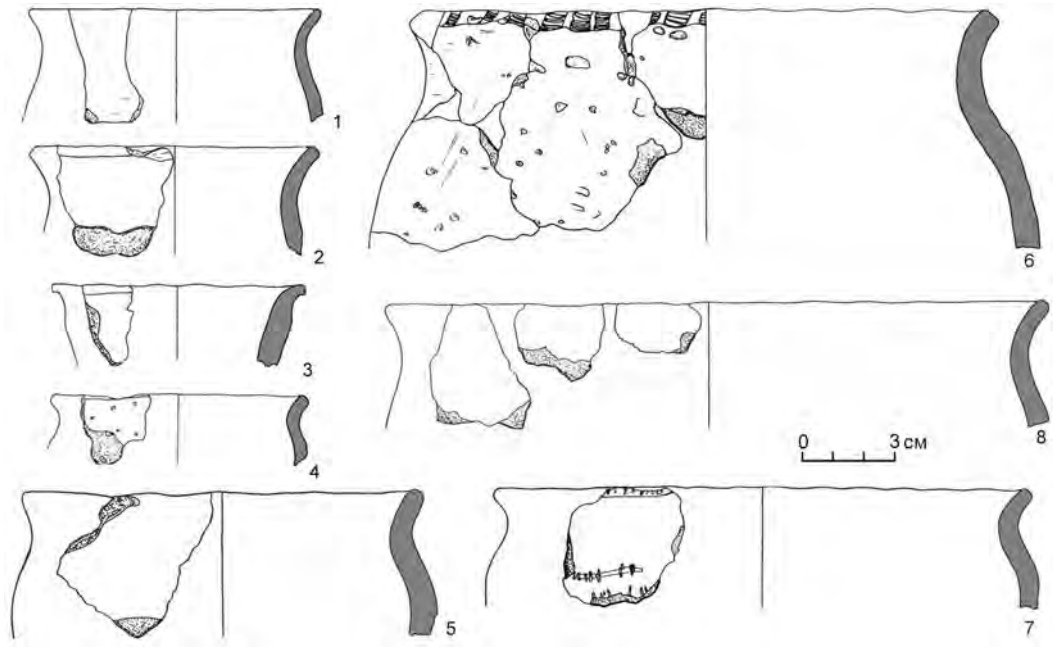

Рис. 2. Позднедьяковская лепная керамика городища Варварина Гора (*Буров*, 2003. Рис. 27, *31, 41, 42)*

локального варианта позднедьяковской культуры типа Варварина Гора, названные по реперному хорошо изученному городищу на р. Шлине (*Исланова,* 2017). Наиболее распространенной формой лепных сосудов здесь были хорошо профилированные изделия S-видной формы. Причем наибольшее расширение тулова горшков приходилось на не только среднюю часть (*Буров,* 2003. Рис. 28–31), но иногда и верхнюю (рис. 2, *2, 4–7*). Посуда в основном была орнаментирована по краю венчика (рис. 2, *6, 7*), однако известны фрагменты сосудов, не имевших орнамента (рис. 2, *1–5, 8*).

Для обоснованных наблюдений за изменением керамических традиций в КПДК двух первых периодов следует рассмотреть материалы, связанные с консервативным элементом культуры — погребальным обрядом. Наиболее объективное мнение можно составить при анализе набора керамики и инвентаря из одного и того же погребения, так называемого закрытого комплекса. Подобных случаев немного, поэтому, учитывая определенное допущение, также проведено сопоставление сосудов из одного и того же кургана или могильника.

Рис. 3. Курганный могильник Яблонька 3, курган 2. Керамика (1, 2) и «крапчатая» бусина (3)

Рис. 4. Могильник Подол, курган и грунтовое погребение. Керамика (*2–4*) и фрагмент костяного гребня (*1*)

I период

Курганный могильник Яблонька 3, курган 2. В погребении, где найдены три «крапчатые» бусины (рис. 3, *3*) — хронологические индикаторы I периода (*Михайлова,* 2014. С. 203), находилась урна с выраженным ребром, которую можно отнести к типу Р1б (рис. 3, *2*). В этом же кургане обнаружены фрагменты сосуда, близкого по форме типу 9 (рис. 3, *1*).

Могильник Подол на оз. Кафтино, курган и грунтовое погребение. Из погребения 3 кургана происходит гребень с горбатой спинкой (рис. 4, *1*) — хронологический индикатор I периода (*Михайлова,* 2014. С. 203). В насыпи кургана, частично поврежденной поздними перекопами, найдены фрагменты сосуда типа 8 (рис. 4, *2*), предположительно связанного с «погребальным комплексом» (*Черных и др.,* 1998. С. 405, рис. 6, *3*). Грунтовое захоронение за пределами кургана находилось в урне, по форме близкой типу 8 (рис. 4, *4*). Рядом с урной обнаружен венчик сосуда, фрагменты которого также были зафиксированы в насыпи кургана. Судя по сохранившимся обломкам, этот сосуд можно отнести к типу 4а (рис. 4, *3*). Следует отметить, что схожую форму имеет горшок из поселения Узмень (*Лопатин, Фурасьев,* 2007. Рис. 17, *11*).

Могильник Гринино 2, курган 2. К I периоду, предположительно, можно отнести погребение 2 (*Олейников,* 2013. С. 483, 492, рис. 14; 15, *5, 6*), откуда происходят фрагменты бляшек-обоймиц группы 1, по Е. Р. Михайловой (*Михайлова,* 2014. С. 69), и крупная урна типа 7[3] (рис. 5, *2*).

Могильник Млёвский Бор 1 (Гарусово 1). При раскопках курганов 1 и 2 кроме кремированных костей были найдены рифленые В-образные пряжки: одна — из цветного, другая — из черного металлов (*Исланова*, 2023. Рис. XXVI, *4, 5*). Такие пряжки — хронологические индикаторы I периода (*Михайлова,* 2014. С. 203, 204). Однако форма керамических сосудов из раскопок М. В. Фехнер 1968 г. остается неизвестной. О керамике этого могильника пока

[3] Опубликованная дата 860 ± 70 лет н. э. по материалу из погребения 2 вызывает очень большие сомнения, так как погребение 4, расположенное поблизости, имеет дату 670 ± 125 лет н. э. (*Олейников*, 2013. С. 492).

Рис. 5. Лепная керамика из погребений: *1* — урна из курганного могильника Млёвский Бор 1 (Гарусово 1); *2* — урна из курганного могильника Гринино 2, курган 2, погребение 2

можно судить только по фотографии дореволюционной экспозиции Тверского музея (*Исланова, Пичугина,* 2021. С. 163, 170, рис. 11). Запечатленная на старом снимке крупная погребальная урна из раскопок курганов П. А. Путятиным в 1883 г. близка по размеру и форме сосуду из кургана 2 могильника Гринино 2. Видимо, ее можно отнести к типу 7 или 8 (рис. 5, *1*).

Вся рассмотренная керамика происходит из ранних погребений КПДК. Их объединяет то, что на этой территории нет аналогичной керамики среди посуды предшествующих ей по времени древностей позднедьяковской культуры. Вполне допустимо, что сосуды типов 4а, 7, 8, 9, Р1б были изготовлены новым населением, появившимся на Волго-Балтийском водоразделе. Такую керамику можно отнести к традиции киевской культурно-исторической общности (в широком понимании). Она известна в древностях Средне-, Верхнеднепровского и Верхнедвинского вариантов киевской культуры, в том числе на колочинских памятниках и памятниках типа Узмень (*Лопатин, Фурасьев,* 2007. С. 104, 105).

Наибольший интерес для выяснения проходивших в восточной области КПДК в конце V — середине VI в. этнокультурных процессов представляют керамические материалы из могильника Пуйга 1[4].

Могильник Пуйга 1, курганы 20 и 10. Из кургана 20, где в погребении была найдена железная рифленая В-образная пряжка, известна форма одной крупной урны (рис. 6, *1, 2*). Урна близка типу 7, но имеет немного модифицированный, скругленный, край венчика, нехарактерный для керамики вариантов киевской культуры. В кургане 10 находилась керамика, видимо, относящаяся к разным культурным традициям. Здесь обнаружены две урны, каждая из которых была накрыта сверху сосудом (*Фехнер,* 1968. Л. 4). Форма сосудов одной пары, судя по верхней части, — это своеобразное развитие (модификация) типа 8: плечо сосудов здесь не длинное, а пологое короткое (рис. 6, *4, 5*). Урна второй пары — это крупный сосуд типа 7 (рис. 6, *3*), который представляет керамику нового для этой территории населения. Накрывавший урну деформированный сосуд имеет иную форму и, судя по резко отогнутой наружу длинной шейке, близок «местной» керамике.

Таким образом, в закрытом погребальном комплексе в захоронении кургана 10 «встретилась» керамика разных культурных традиций. Подобные обнаруженные артефакты позволяют предварительно говорить о происходивших в КПДК на протяжении I периода или на заключительном его этапе тесных контактах местного и нового населения.

II период

Вещевой погребальный инвентарь и керамика II периода хорошо представлены в курганном могильнике Шихино (*Исланова,* 2006. С. 95–101, 107–116; *Михайлова*, 2014. С. 209–213). Здесь нет крупных слабопрофилированных сосудов I периода, но имеются уже модифицированные формы керамики. В могильниках II периода также есть керамика иных форм, в том числе имеющая традиции еще одной культурной группы населения

[4] Пользуюсь случаем выразить признательность Н. В. Лопатину, предоставившему возможность использовать в статье сделанные им фото и прорисовки керамики из могильника Пуйга 1.

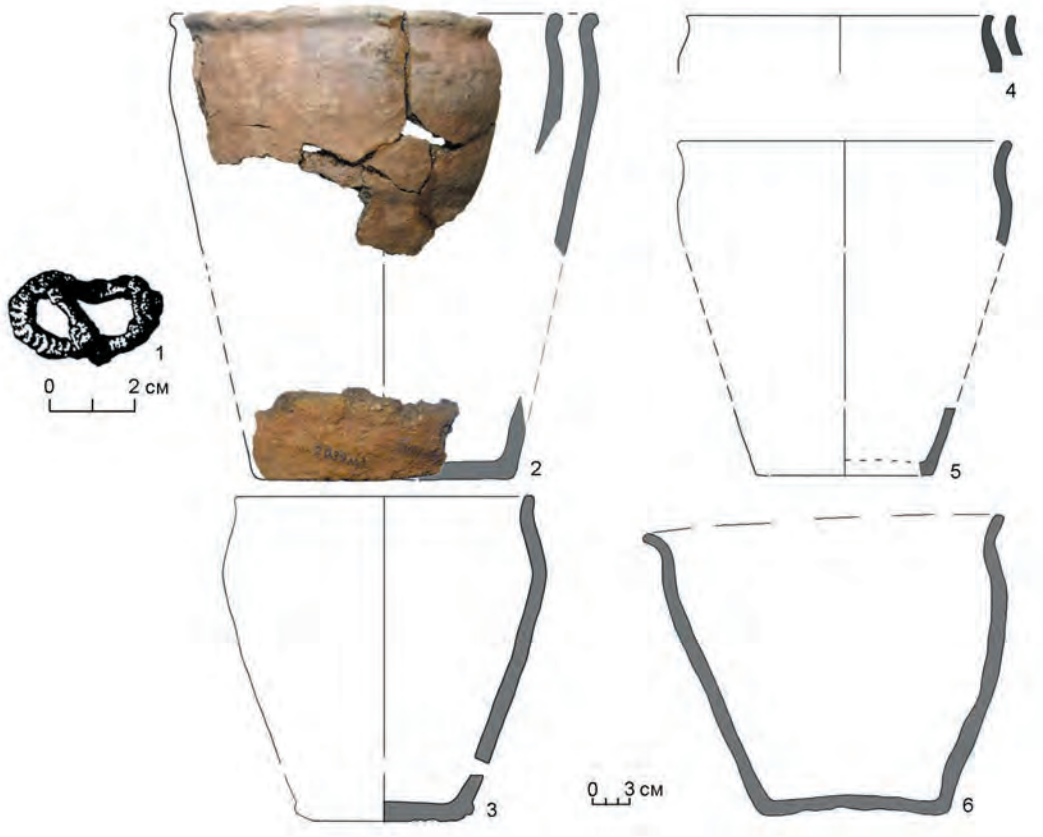

Рис. 6. Курганный могильник Пуйга 1: *1* — железная пряжка из погребения кургана 20; *2* — урна из кургана 20; *3–6* — керамика из кургана 10

Рис. 7. Урны из погребений II периода могильников КПДК: *1* — курганный могильник Чамка (Иваньково), курган 19; *2* — курганный могильник Девичье 4, курган 1; *3* — курганный могильник Шихино, курган 13; *4* — курганный могильник Шихино, курган 15

(Мстинско-Моложской). Анализ этой керамики — тема отдельной публикации. В курганах 6, 13, 15 найдены урны типов 10 и 11, форма верхней части которых близка предшествующей местной керамике (рис. 7, *3, 4*). Таким образом, при некотором изменении характера керамики (отсутствуют горшки с наибольшим расширением в средней части тулов и нет орнамента или отсутствуют горшки с наибольшим расширением в средней части тулова и орнаментированные сосуды) фиксируется ситуация, когда потомки носителей позднедьяковской культуры или уже смешанное население «продолжают» местные керамические традиции.

Сосуды типов 10 и 11 хорошо представлены и в других могильниках, где отсутствует узко датируемый погребальный инвентарь, например: Овсище 1, курган 11; Богатково 2,

курган 1 (*Исланова,* 2006. Рис. 85, *7*; 89, *3, 4*); Чамка (Иваньково), курган 19; Девичье 4, курган 1 (рис. 7, *1, 2*).

На основании анализа рассмотренной погребальной керамики в I период КПДК фиксируются минимум две разные культурные традиции: 1) традиция, связанная с новым населением, появившимся на Волго-Балтийском водоразделе в конце V — начале VI в. н. э., видимо, из Верхнего Подвинья или Поднепровья; 2) традиция местного населения, которое не покинуло данную территорию. В керамических материалах из памятников II периода сохраняются и модифицируются как привнесенные, так и местные традиции в керамических формах типов 10 и 11.

Опираясь на наблюдения, сделанные на имеющемся небольшом количестве источников, можно предположить, что в прослеженных изменениях традиций изготовления и форм керамики могли отразиться и более глубинные этнокультурные процессы, связанные с формированием и эволюцией древностей КПДК восточной области.

Агеева, 2004 — *Агеева Р. А.* Гидронимия русского Северо-Запада как источник культурно-исторической информации. 2-е изд. / Отв. ред. Н. И. Толстой. М.: Эдиториал УРСС, 2004. 256 с.

Буров, 2003 — *Буров В. А.* Городище Варварина Гора. Поселение I–V и XI–XIV веков на юге Новгородской земли. М.: Наука, 2003. 470 с.

Исланова, 2006 — *Исланова И. В.* Верхнее Помостье в раннем средневековье. М.: Тверской государственный университет, 2006. 286 с.

Исланова, 2017 — *Исланова И. В.* Позднедьяковские памятники типа Варварина Гора // РА. 2017. № 2. С. 118–129.

Исланова, 2023 — *Исланова И. В.* Культурно-исторические процессы II–VIII вв. н. э. в бассейнах Верхней Волги и Верхней Мсты. М.: ИА РАН, 2023 (Раннеславянский мир; Вып. 22). 440 с.

Исланова, Пичугина, 2021 — *Исланова И. В., Пичугина А. Н.* Курганные могильники Млёвский Бор (по материалам 80-х гг. XIX в. — 70-х гг. XX в.) // ТАС. Вып. 12 / Отв. ред. И. Н. Черных. Тверь: Триада, 2021. С. 162–175.

Лопатин, Фурасьев, 2007 — *Лопатин Н. В., Фурасьев А. Г.* Северные рубежи славянского мира в III–V веках н. э. М.: ИА РАН, 2007 (Раннеславянский мир; Вып. 8). 251 с.

Мальм, Фехнер, 1969 — *Мальм В. А., Фехнер М. В.* Об этническом составе населения Верхнего Поволжья во 2-й половине I тысячелетия н. э. // Экспедиции Государственного Исторического музея. Доклады на сессии Ученого совета ГИМ (5–7 февраля 1969 г.) / Ред. В. П. Левашова. М.: б. и., 1969. С. 159–192.

Михайлова, 2014 — *Михайлова Е. Р.* Вещевой комплекс культуры псковских длинных курганов. Типология и хронология. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishimg, 2014. 427 с.

Олейников, 2013 — *Олейников О. М.* Курганная группа Гринино 2 (Тверская область Осташковский район) // ТАС. Вып. 9 / Отв. ред. И. Н. Черных. Тверь: Триада, 2013. С. 482–496.

Попов, 1981 — *Попов А. И.* Следы времен минувших. Л.: Наука, 1981. 206 с.

Фехнер, 1968 — *Фехнер М. В.* Отчет о раскопках на территории Калининской области в 1968 г. // НОА ИА РАН. Р-1. № 3735. 19 л.

Черных и др., 1998 — *Черных И. Н., Малыгин П. Д., Томашевич Т. В.* Исследования памятников культуры длинных курганов в Тверской области (погребальный комплекс Подол I на оз. Кафтино) // ТАС. Вып. 3 / Отв. ред. И. Н. Черных. Тверь: Тверская обл. тип., 1998. С. 394–408.

Evolution of cultural traditions in the eastern region of the Pskov Long Barrow culture based on ceramic materials from burial objects

I. V. Islanova

Keywords: Pskov Long Barrow culture, hand-made ceramics, early Middle Ages, cultural processes

The article, based on the analysis of burial ceramics, proposes a version of the ethnocultural changes that took place in the territory of the eastern region of the Pskov Long Barrow culture from the end of the 5th to the 8th century.

Е. Р. Михайлова[1]

«Пустые» насыпи культуры псковских длинных курганов: потенциал источника[2]

Аннотация. *В статье анализируются сведения о так называемых пустых насыпях культуры псковских длинных курганов. Положение «пустых» курганов в планиграфической структуре могильников, очевидное типологическое и структурное сходство с соседними насыпями позволяют согласиться с истолкованием Е. Н. Носова «пустых» насыпей как курганов-«платформ», заранее подготовленных для совершения захоронений. «Пустые» насыпи являются органической составной частью погребальной обрядности носителей культуры псковских длинных курганов и чаще всего представляют собой полусферические насыпи двух основных типов — небольшие уплощенные и сравнительно крупные, высотой 1 м и более. Аналогичные по размерам и структуре насыпи с погребениями чаще всего содержат одно захоронение, впущенное в уже готовую насыпь, то есть в момент возведения такие курганы были «пустыми».*

Ключевые слова: *культура псковских длинных курганов, погребальная обрядность.*

Погребальная обрядность носителей культуры псковских длинных курганов (КПДК) с точки зрения археолога представляет собой сложный комплекс отдельных элементов: формы и высоты насыпи; места погребения во внутренней структуре кургана; наличия или отсутствия в погребении угля и золы, вещей, урны; и т. п. Правила совстречаемости этих элементов и их значение современному исследователю в основном непонятны, но можно выделить устойчивые сочетания элементов и попытаться проследить их место в древней обрядности. Надежные реконструкции смысла выделенных устойчивых сочетаний сейчас вряд ли возможны.

Одним из регулярно отмечаемых при раскопках типов курганов являются так называемые пустые насыпи. В активной дискуссии о происхождении погребальной обрядности представителей КПДК, развернувшейся в 1980-е гг., Е. Н. Носов предложил толковать «пустые» курганы как подготовленные для совершения захоронений курганы-«платформы», в которых по каким-то причинам погребения отсутствовали, и следовательно, наличие «пустых» насыпей в могильниках КПДК — закономерное явление (*Носов*, 1984. С. 17). Позднейшие исследования подтвердили плодотворность этой идеи.

Количество «пустых» среди насыпей КПДК действительно значительно, в большинстве регионов оно превышает 20 % (табл. 1), и этот факт нуждается в осмыслении. Важно заметить, что высокий процент пустых насыпей не означает, что в соответствующем регионе изучено мало погребений — погребения в КПДК размещены в курганах разных типов неравномерно (*Михайлова*, 2009).

Какую же информацию можно извлечь из «пустых» насыпей? В ходе современных исследований — образцы грунта и погребенных почв, угли и прочие материалы для естественнонаучных исследований. При уверенной локализации насыпи на плане могильника —

[1] Институт истории СПбГУ, Санкт-Петербург, РФ; e-mail: e.mikhailova@spbu.ru.

© Михайлова Е. Р., 2025

[2] Работа выполнена в рамках проекта СПбГУ «Культурно-исторические процессы на Северо-Западе Восточной Европы в начале средневековья по археологическим данным» (Pure ID 107271130).

Таблица 1. Доля «пустых» (без погребений) насыпей в различных регионах КПДК

Регион	Всего раскопано, ед.	Из них «пустые», ед. (доля, %)
Восточная Эстония	76	15 (20,0)
Восточное Причудье	77	7 (9,0)
Бассейн р. Великой	31	12 (39,0)
Бассейн р. Плюссы	50	12 (24,0)
Бассейн р. Луги	38	13 (34,0)
Бассейн р. Западной Двины	30	14 (47,0)
Бассейн р. Ловати	56	30 (54,0)
Бассейн р. Мсты	151	36 (24,0)
Бассейн р. Мологи	16	2 (12,5)
Верхневолжье	7	–

сведения о месте «пустых» курганов в общей топографической схеме, в процессе планиграфического развития памятника и, при тесном расположении курганов, — о стратиграфическом соотношении с соседними насыпями. Кроме того, результаты раскопок любой насыпи дают сведения о погребальной обрядности (начиная с самого факта наличия таких насыпей), структуре и стратиграфии насыпи.

В таблицу 2 сведены данные о тех «пустых» насыпях, которые были раскопаны по современной методике, полностью, и насчет которых мы можем быть уверены, что кремации не пропущены и не остались в нераскопанной части насыпи.

Удлиненные и длинные насыпи среди «пустых» единичны. Подавляющее большинство учтенных в таблице 2 объектов представляют собой округлые в плане насыпи, сооруженные в один этап. Среди них наиболее многочисленны насыпи двух вариантов: диаметром 5–8 м при высоте 0,5–0,8 м и диаметром 7–12 м при высоте 1 м и более (рис. 1). Отметим, что среди ранее выделенных разновидностей первоначальных насыпей КПДК присутствуют оба варианта (подробнее см.: *Михайлова*, 2009). Такие одноэтапные округлые в плане насыпи могли в дальнейшем реконструироваться и достраиваться, а могли сохранить свою первоначальную структуру и, как видим, в каких-то случаях и вовсе остаться без погребения.

Количество полностью исследованных могильников КПДК невелико, и не в каждом из раскопанных присутствуют «пустые» насыпи, однако можно утверждать, что в структуре могильников они занимают вполне определенное место.

Так, в могильнике Берёзно I (подробно опубликован: *Михайлова*, 2010а) круглые в плане «пустые» насыпи сосредоточены на северо-западном краю курганной группы (12, 16, 19, 21), с ними непосредственно соседствуют круглые же в плане насыпи, в основном содержавшие одно или два погребения, впущенных в вершину заранее возведенной насыпи (курган 11 был сооружен в два этапа, на каждом из которых захоронения впускались в готовую насыпь). Все насыпи северо-западной части могильника примерно одинаковы по диаметру и высоте. Еще одна «пустая» насыпь (8) расположена на юго-восточном краю могильника и входит в цепочку с однотипными полусферическими курганами 13 и 17: каждый из них был возведен в два этапа, погребения впускались в готовую насыпь. Небольшой «пустой» курган 9 располагался на границе двух ядер могильника, отмеченных валообразными курганами. По своим

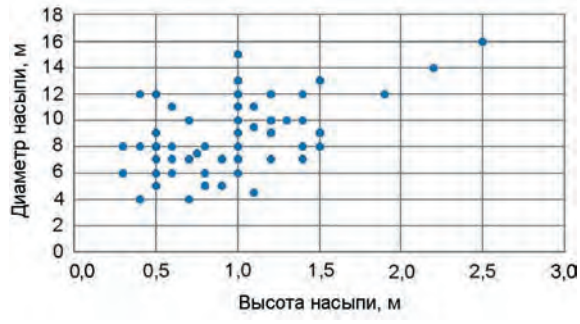

Рис. 1. Размеры и пропорции сооруженных в один этап полусферических «пустых» насыпей КПДК

Таблица 2. Основные параметры «пустых» насыпей КПДК

Курган	Форма	Этапов сооружения	Высота, м	Диаметр или размеры, м	Регион	Источник сведений
Безьва I, к. 1	Удлиненная	1	0,50	5,0–6,0 × 12,0	Восточное Причудье	*Чернягин*, 1940. Л. 37
Безьва I, к. 2	Круглая	1	1,00	10,0	— „ —	*Там же*. Л. 37
Березино, к. 6	Круглая	1	0,60	6,0–7,0	Бассейн р. Мсты	*Фехнер*, 1967. Л. 15–16
Березино, к. 6а	Круглая	1	0,75	7,5	— „ —	*Там же*
Березино, к. 22	Круглая	1	1,10	9,0–9,5	— „ —	*Там же*
Берёзно I, к. 5	Комбинированная	4	0,60–1,00	5,0–8,0 × × 14,0–22,0	Бассейн р. Плюссы	*Михайлова*, 2010а. С. 31–34
Берёзно I, к. 8	Круглая	1	1,00	11,0	— „ —	*Там же*. С. 16
Берёзно I, к. 9	Круглая	1	0,70	7,0	— „ —	*Там же*. С. 23–24
Берёзно I, к. 13	Круглая	2	1,60	13,0	— „ —	*Там же*. С. 14–16
Берёзно I, к. 16	Круглая	1	1,50	13,0	— „ —	*Там же*. С. 42–43
Берёзно I, к. 21	Круглая	1	0,60	11,0	— „ —	*Там же*. С. 10
Варшавский шлюз I, к. 2	Длинная	1?	0,60	9,0 × 18,0	Бассейн р. Мологи	*Башенькин*, 2002. С. 81
Городня, к. 15	Круглая	1	1,90	12,0	Восточное Причудье	*Чернягин*, 1940. Л. 32
Дорохи I, к. 2	Круглая	1	1,00	6,0	Бассейн р. Ловати	*Штыхаў*, 1992. С. 127
Дорохи I, к. 3	Круглая	1	1,20	9,5 × 10,5	— „ —	*Там же*. С. 127
Дорохи I, к. 8	Круглая	1	1,00	7,0	— „ —	*Там же*. С. 129
Дорохи III, к. 1	Круглая	1	0,80	5,0	— „ —	*Там же*
Дорохи III, к. 4	Круглая	1	1,40	10,0	— „ —	*Там же*
Дорохи IV, к. 3	Круглая	1	1,40	12,0	— „ —	*Там же*. С. 130
Дорохи IV, к. 4	Круглая	1	0,60	6,0	— „ —	*Там же*
Дорохи VI, к. 1	Круглая	1	0,90	5,0	— „ —	*Там же*
Дорохи, одиночный курган	Круглая	1	1,20	7,0	— „ —	*Там же*. С. 129
Жабино, к. 7	Круглая	1	0,80	6,0	— „ —	*Станкевич*, 1960. С. 266
Жеребятино, к. 4	Круглая	1	2,50	16,0	Восточное Причудье	*Лопатин, Попов*, 2016. С. 335
Засобье II, к. 7	Круглая	2	1,30	10,0	Бассейн р. Луги	*Михайлова*, 2010б. С. 98
Засобье II, к. 8	Круглая	2	0,70	10,0	— „ —	*Там же*. С. 98
Засобье II, к. 9	Круглая	2	0,30	8,0	— „ —	*Там же*. С. 93
Засобье II, к. 10	Круглая	2	0,30	6,0	— „ —	*Там же*
Засторонье III, к. 5	Круглая	3	1,20	9,0	Бассейн р. Плюссы	*Соболев*, 2010. С. 64–66
Казихи, к. 10	Длинная	?	0,90	9,0 × 21,0	Бассейн р. Великой	*Седов*, 1969. С. 93
Казихи, к. 16	Длинная	?	1,20–1,30	8,0 × 31,0	— „ —	*Там же*
Каменка, к. 1	Круглая	1	0,40	8,0	Бассейн р. Мсты	*Конецкий*, 1978. Л. 10
Кончанское I, к. 1	Круглая	1	0,50	8,0	— „ —	*Зимина*, 2011. С. 142, 143
Кончанское I, к. 4	Круглая	1	1,00	12,0–13,0	— „ —	*Там же*. С. 144
Кончанское I, к. 5	Круглая	1	1,00	12,0–13,0	— „ —	*Там же*. С. 144, 145
Которск VIII, к. 1	Круглая	1	1,20	11,0–12,0	Бассейн р. Плюссы	Полевые материалы С. Л. Кузьмина (Архив лаборатории археологии им. Г. С. Лебедева, СПбГУ)

Таблица 2, продолжение

Курган	Форма	Этапов сооружения	Высота, м	Диаметр или размеры, м	Регион	Источник сведений
Которск XII, к. 9	Круглая	1	1,20	12,0	— „ —	*Михайлова*, 2015. С. 113, 114
Курея II, к. 1	Круглая	1	1,00	9,0	— „ —	*Царькова*, 1973. С. 44
Курея II, к. 3	Круглая	1	1,50	9,0	— „ —	*Там же*. С. 44
Кяэпа I, к. 13	Круглая	1	0,50	7,0	Восточная Эстония	*Аун*, 1992. С. 92
Лаоссина II, к. 1	Круглая	1	1,10	11,0	— „ —	*Там же*. С. 96
Лаоссина II, к. 10	Круглая	1	0,30	8,0	— „ —	*Там же*
Линдора I, к. 12	Длинная	1?	0,70	8,0 × 18,0	— „ —	*Там же*. С. 107
Лятохи, к. 3	Круглая	1	1,20	9,0	Бассейн р. Зап. Двины	*Штыхаў*, 1992. С. 113
Лятохи, к. 5	Длинная	2	1,50	8,0 × 18,0	— „ —	*Там же*
Михайловское, к. 4	Круглая	1	1,50	9,0	— „ —	*Станкевич*, 1960. С. 253
Млевский Бор I, к. 25	Квадратная	1	0,50	6,0 × 6,0	Бассейн р. Мсты	*Фехнер*, 1969. С. 66
Нестерович, к. 22	Круглая	2	1,20	9,0	— „ —	*Конецкий*, 1991. С. 91, 92
Плесо I, к. 7	Круглая	2	1,00	13,0	— „ —	*Орлов*, 1971. Л. 9
Повалишин, к. 5	Круглая	1	1,00	7,0	Бассейн р. Западной Двины	*Штыхаў*, 1992. С. 111
Повалишин, к. 6	Круглая	1	1,40	7,0	— „ —	*Там же*
Полибино, к. 5	Круглая	1	0,90	7,0	Бассейн р. Ловати	*Станкевич*, 1962. С. 32
Потерпелицы I, к. 7	Круглая	1	0,30	6,0	Бассейн р. Мсты	*Орлов*, 1972. Л. 6
Пуйга, к. 22	Прямоугольная	1	0,80	8,0 × 9,6	— „ —	*Фехнер*, 1969. С. 66
Пыльгасте I, к. 3	Круглая	1	0,50	9,0	Восточная Эстония	*Аун*, 1992. С. 90
Ристипалу, курган	Круглая	1?	2,20	14,0	— „ —	*Там же*. С. 94
Рыжаков хутор, к. 27	Прямоугольная	1	0,60	6,5 × 8,5	Бассейн р. Мсты	*Фехнер*, 1969. С. 66
Рысна-Сааре I, к. 4	Длинная	1?	0,50	9,0 × 18,0	Восточная Эстония	*Аун*, 1992. С. 99
Совий Бор, к. 1	Круглая	1	0,80	8,0	Восточное Причудье	*Чернягин*, 1940. Л. 17
Совий Бор, к. 5	Круглая	1	1,00	8,0	— „ —	*Тараканова*, 1951. С. 154
Старое Село, к. 3	Круглая	1	1,40	8,0	Бассейн р. Западной Двины	*Штыхаў*, 1992. С. 114
Субовщина, к. 8	Круглая	1	0,80	5,0	— „ —	*Шадыра*, 2006. С. 104
Съезжее, к. 8	Круглая	1	0,40	12,0	Бассейн р. Мсты	*Носов, Плохов*, 2016. С. 350
Тагаметса, к. 3	Круглая	1	0,50–0,70	8,0	Восточная Эстония	*Аун*, 1992. С. 90
Угоринка, к. 1	Круглая	1	1,20	10,0	Бассейн р. Западной Двины	*Тараканова*, 1959. С. 121
Угоринка, к. 2	Круглая	1	0,90	7,0	— „ —	*Там же*. С. 122
Угоринка, к. 3	Круглая	1	0,70	4,0	— „ —	*Там же*
Угоринка, к. 4	Круглая	1	0,50	5,0	— „ —	*Там же*
Угоринка, к. 37	Круглая	1	1,10	4,5	— „ —	*Там же*
Усть-Белая IV, к. 3	Округлая	2	0,50	11,0 × 13,0	Бассейн р. Мологи	*Башенькин*, 1989. Л. 39–41
Фалево, к. 5	Прямоугольная	1	0,60	7,5 × 9,5	Бассейн р. Мсты	*Фехнер*, 1966. Л. 2–3

Таблица 2, окончание

Курган	Форма	Этапов сооружения	Высота, м	Диаметр или размеры, м	Регион	Источник сведений
Фалево, к. 11	Квадратная	1	0,40	4,0 × 4,0	— „ —	*Там же*. Л. 3
Шихино, к. 20	Круглая	1	1,00	15,0	— „ —	*Фехнер*, 1959. С. 242
Шихино, к. 21	Квадратная	1	0,70	7,0 × 7,0	— „ —	*Фехнер*, 1966. С. 11, 12
Щепы, к. 10	Круглая	1	1,50	8,0	Бассейн р. Луги	*Михайлова*, 2022. С. 373, 374

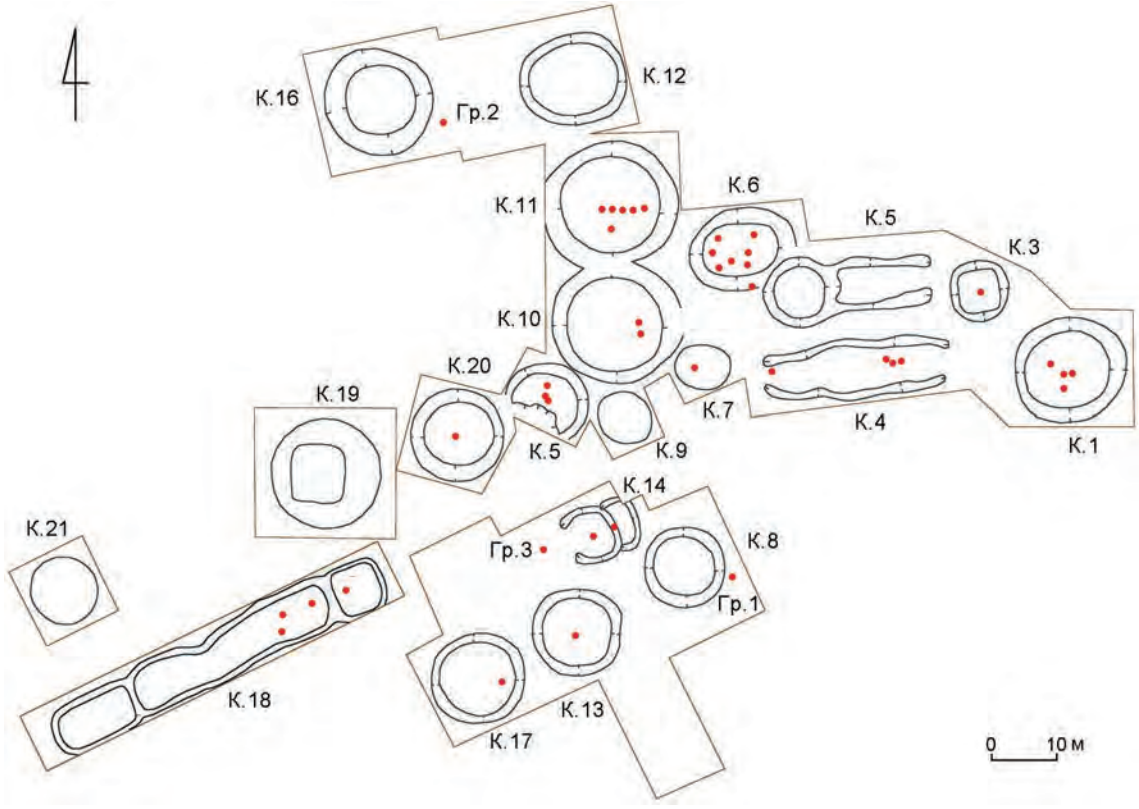

Рис. 2. Могильник Берёзно I. Планиграфическая схема
(для рис. 2 и 3: К. — курган, гр. — грунтовое погребение за пределами курганной насыпи, • — погребение)

параметрам, а также отсутствию кольцевого ровика он был очень похож на «пустой» же курган 21. Сходство «пустых» курганов с соседними полусферическими наблюдается не только в размерах насыпей и наличии исключительно впускных захоронений, но и в присутствии рядом с двумя «пустыми» курганами (8 и 16), с внешней стороны их ровиков, грунтовых захоронений. Аналогичные захоронения в материковых ямках были совершены рядом с первоначальной насыпью кургана 11 и только на втором этапе сооружения кургана оказались перекрыты полой его насыпи (рис. 2).

В составе могильника Берёзно I присутствует «пустой» курган комбинированной формы, что для культуры псковских длинных курганов редкость.

В могильнике Которск XII (*Михайлова*, 2015) исследован только один «пустой» курган. Он располагался в западной части могильника и был окружен аналогичными по размеру

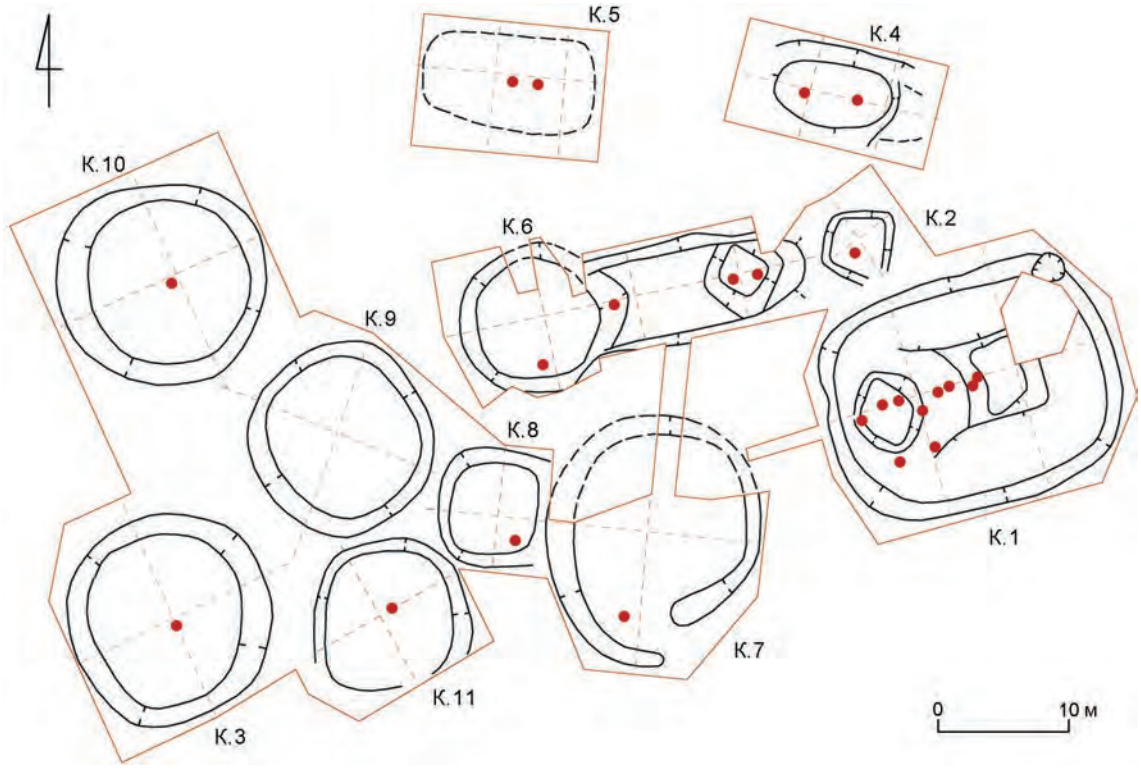

Рис. 3. Могильник Которск XII. Планиграфическая схема

полусферическими курганами, каждый из которых содержал единственное безынвентарное погребение, впущенное в вершину насыпи (рис. 3).

Сходную картину расположения «пустых» насыпей можно наблюдать и в других могильниках. В могильнике Лаоссина II «пустые» курганы 1 и 10 располагались на юго-западном краю могильника, в окружении похожих полусферических насыпей (*Аун*, 1992. Рис. 35). В могильнике Кончанское «пустые» курганы локализовались среди однотипных полусферических, между курганами располагались грунтовые захоронения (*Зимина*, 2011. Рис. 1). В могильнике Каменка «пустой» курган 1 размещался в северо-западной подгруппе, состоявшей из полусферических насыпей (в соседних раскопанных курганах все погребения однотипны: совершены в материковых ямках до сооружения насыпи) (*Конецкий*, 1978. Рис. 40).

Еще один вариант расположения «пустых» насыпей в могильнике — нахождение их в составе цепочек насыпей (он также отмечен в рассмотренном могильнике Берёзно I). Так, в могильнике Засобье II «пустые» курганы входили в цепочку из полусферических и удлиненных насыпей (*Михайлова*, 2010б. Рис. 1). В состав цепочек входили исследованные Н. Н. Чернягиным и С. А. Тараканової «пустые» насыпи в могильнике Совий Бор (Грядище) (*Чернягин*, 1940. Л. 18–19; *Тараканова*, 1951. С. 154). Могильник Жеребятино состоит всего из шести курганов, вытянутых цепочкой; «пустой» курган 4 расположен между полусферической и удлиненной насыпями (*Лопатин, Попов*, 2016. Рис. 3).

Исключительное положение занимал «пустой» курган в могильнике Усть-Белая IV: он был самым крупным в группе и располагался в ее центре, в окружении подквадратных и удлиненных насыпей (*Башенькин*, 1999. Рис. 12).

Даже исходя из этой небольшой выборки, можно утверждать, что для культуры псковских длинных курганов «пустые» насыпи не представляют некоей редкой аномалии, а, напротив, являются заметной составной частью могильников культуры длинных курганов и отражают одну из сторон ее обрядности. Наиболее часто «пустыми» оставались

полусферические курганы двух основных типов — небольшие уплощенные и сравнительно крупные, высотой 1 м и более. Аналогичные насыпи с погребениями чаще всего содержат одно захоронение, впущенное в уже готовую насыпь, то есть в момент возведения они также были «пустыми». Положение «пустых» курганов в планиграфической структуре могильников, очевидное типологическое и структурное сходство с соседними насыпями, позволяют согласиться с толкованием Е. Н. Носовым «пустых» насыпей как курганов-«платформ», заранее подготовленных для совершения захоронений.

Аун, 1992 — *Аун М.* Археологические памятники второй половины 1-го тысячелетия н. э. в Юго-Восточной Эстонии. Таллин: ОЛИОН, 1992. 200 с.

Башенькин, 1989 — *Башенькин А. Н.* Отчет о раскопках могильников Усть-Белая, Любахин в Чагодощенском районе, курганной группы Бабаево IV в Бабабевском районе, разведках в Бабаевском, Кадуйском, Чагодощенском и Устюженском районах Вологодской области в 1989 г. // Архив Музея археологии г. Череповца, б/н. 61 л.

Башенькин, 1999 — *Башенькин А. Н.* Археологические памятники Чагодощенского района. Каталог // Чагода: Историко-краеведческий альманах / Гл. ред. А. Н. Башенькин. Вологда: Ардвисура, 1999. С. 40–86.

Башенькин, 2002 — *Башенькин А. Н.* Исследование памятников I тысячелетия н. э. в бассейне Мологи // У истоков Новгородской земли. Любытинский археологический сборник. Вып. 1 / Ред. В. Я. Конецкий, А. Ю. Иванов. Любытино: б. и., 2002. С. 73–76.

Зимина, 2011 — *Зимина М. П.* Курганный могильник у с. Кончанское-Суворовское Новгородской области // РА. 2011. № 2. С. 142–148.

Конецкий, 1978 — *Конецкий В. Я.* Отчет об археологических работах Новгородского музея в 1978 г. // НОА ИА РАН. Ф. Р-1. № 7363. 1978 г. 42 л.

Конецкий, 1991 — *Конецкий В. Я.* Комплекс памятников у д. Нестеровичи (к вопросу о сложении локальных центров конца I — начала II тыс. н. э. в бассейне Мсты) // Материалы по археологии Новгородской земли. 1990 г. / Под ред. В. Л. Янина, Е. Н. Носова, П. Г. Гайдукова. М.: б. и., 1991. С. 89–116.

Лопатин, Попов, 2016 — *Лопатин Н. В., Попов С. Г.* Могильник Жеребятино // Раннесредневековые древности лесной зоны Восточной Европы (V–VII вв.) / Отв. ред. А. М. Обломский, И. В. Исланова. М.: ИА РАН, 2016. С. 333–348.

Михайлова, 2009 — *Михайлова Е. Р.* О деталях строения насыпей и структуры некрополей культуры псковских длинных курганов // Acta Archaeologica Albaruthenica. Минск: б. и., 2009. Vol. V. С. 75–88.

Михайлова, 2010а — *Михайлова Е. Р.* Полностью исследованный могильник культуры псковских длинных курганов Берёзно I // Исследования погребальных памятников на западе средневековой Новгородской земли / Отв. ред. Е. Р. Михайлова. СПб.: Нестор-История, 2010. С. 7–54.

Михайлова, 2010б — *Михайлова Е. Р.* Комплекс памятников в урочище Колода близ дер. Засобье (Лужский р-н Ленинградской области) // *Там же*. С. 81–108.

Михайлова, 2015 — *Михайлова Е. Р.* Могильник Которск XII: длинные курганы в древнерусскую эпоху // Города и веси средневековой Руси. Археология, история, культура. К 60-летию Н. А. Макарова: Сб. ст. / Отв. ред. П. Г. Гайдуков. М.: Древности Севера, 2015. С. 103–121.

Михайлова, 2022 — *Михайлова Е. Р.* Лужско-Оредежское междуречье — пограничный микрорегион культуры псковских длинных курганов // АИППЗ. М.: ИА РАН, 2022. Вып. 37. С. 365–386.

Носов, 1984 — *Носов Е. Н.* К вопросу о сложении погребального обряда длинных курганов // КСИА. 1984. Вып. 179: Славянская археология. С. 11–17.

Носов, Плохов, 2016 — *Носов Е. Н., Плохов А. В.* Поселение и могильник на озере Съезжее // Раннесредневековые древности лесной зоны Восточной Европы (V–VII вв.) / Отв. ред. А. М. Обломский, И. В. Исланова. М.: ИА РАН, 2016. С. 349–394.

Орлов, 1971 — *Орлов С. Н.* Отчет об археологических исследованиях на территории Новгородской области в сезон 1971 г. // НОА ИА РАН. Ф. Р-1. № 4517. 1971 г. 46 л.

Орлов, 1972 — *Орлов С. Н.* Отчет об археологических исследованиях на территории Новгородской области в сезон 1972 г. // НОА ИА РАН. Ф. Р-1. № 4861. 1972 г. 21 л.

Седов, 1969 — *Седов В. В.* Казихинские курганы на р. Великой // КСИА. 1969. Вып. 120: Средневековая археология. С. 91–96.

Соболев, 2010 — *Соболев В. Ю.* Комплекс памятников у дер. Засторонье (Сланцевский район Ленинградской области) // Исследования погребальных памятников на западе средневековой Новгородской земли / Отв. ред. Е. Р. Михайлова. СПб.: Нестор-История, 2010. С. 55–70.

Станкевич, 1960 — *Станкевич Я. В.* К истории населения Верхнего Подвинья в I и начале II тысячелетия н. э. // Древности северо-западных областей РСФСР в I тысячелетии н. э. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960 (МИА; № 76). С. 7–327.

Станкевич, 1962 — *Станкевич Я. В.* Курганы у деревни Полибино на реке Ловати // КСИИМК. 1962. Вып. 87. С. 31–35.

Тараканова, 1951 — *Тараканова С. А.* Псковские курганы с трупосожжением // КСИИМК. 1951. Вып. XXXVI. С. 141–154.

Тараканова, 1959 — *Тараканова С. А.* Себежские городища и курганы // Вопросы этнической истории народов Прибалтики по данным археологии, этнографии и антропологии / Ред. С. А. Тараканова, Л. Н. Терентьева. М.: Изд-во АН СССР, 1959 (Труды Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции; Т. 1). С. 111–127.

Фехнер, 1959 — *Фехнер М. В.* Шихинская курганная группа // СА. 1959. № 4. С. 239–242.

Фехнер, 1966 — *Фехнер М. В.* Отчет об археологических раскопках 1966 г. на территории Новгородской и Калининской областей // НОА ИА РАН. Ф. Р-1. № 3258. 1966 г. 22 л.

Фехнер, 1967 — *Фехнер М. В.* Отчет об археологических работах в Калининской области (вокруг г. Кимры) и в г. Костроме в 1967 г. // НОА ИА РАН. Ф. Р-1. № 3566. 18 л.

Фехнер, 1969 — *Фехнер М. В.* Исследование курганных могильников в Калининской области // Археологические открытия 1968 г. М.: Наука, 1969. С. 65–66.

Царькова, 1973 — *Царькова Л. А.* Исследование погребальных памятников на территории Псковской области // Археологические открытия 1972 г. М.: Наука, 1973. С. 44.

Чернягин, 1940 — *Чернягин Н. Н.* Отчет о раскопках курганов в Середкинском, Полновском и Гдовском районах Псковского округа в 1940 г. // НОА ИИМК РАН. Ф. 35. Д. 35. 1940 г. 66 л.

Шадыра, 2006 — *Шадыра В. І.* Беларускае Падзвінне (I тысячагоддзе н. э.). Мінск: Інстытут гісторыі НАН Беларусі, 2006. 150 с.

Штыхаў, 1992 — *Штыхаў Г. В.* Крывічы: Па матэрыялах раскопак курганоў у Паўночнай Беларусі. Мінск: Навука и тэхніка, 1992. 190 с.

"Empty" mounds of the Pskov Long Barrow culture: source potential

E. R. Mihaylova

Keywords: Pskov Long Barrow culture, burial rituals

The article analyzes information about the so-called empty mounds of the Pskov Long Barrow culture. The position of the "empty" mounds in the planigraphic structure of the cemeteries, the obvious typological and structural similarity with the neighboring mounds allow us to agree with the interpretation of E. N. Nosov of the "empty" mounds as mounds-"platforms" prepared in advance for burials. "Empty" mounds are an organic component of the burial rites of the bearers of the Pskov Long Barrow culture and most often represent hemispherical mounds of two main types — small flattened and comparatively large, 1 m or more in height. Mounds with burials of similar size and structure most often contain one burial, inserted into an already finished mound, that is, at the time of construction such mounds were "empty".

А. Л. Смирнов, М. В. Добровольская, Е. О. Челогаева, М. В. Бобровский[1]

Культурно-исторические процессы в истоках Волги и Западной Двины в I — начале II тыс. н. э.[2]

Аннотация. *Статья посвящена основным выводам, полученным на материалах междисциплинарных исследований памятников от раннего железного века до древнерусского времени в истоках рек Волги и Западной Двины. Особый акцент сделан на изменениях в структуре расселения в микрорегионе представителей различных культурных групп, отмеченных на очерченных территориях в I — начале II тыс. н. э.*

Ключевые слова: *городища, курганы, селища, КПДК, структура расселения, истоки Волги и Западной Двины.*

Формат диахронного исследования, включающий изучение памятников региона на протяжении времени бытования нескольких археологических культур, позволяет выявлять их своеобразие в историко-культурном развитии определенной территории.

Анализ региона в длительной перспективе его исторического развития характерен для исследовательского «почерка» Евгения Николаевича Носова ранних этапов его профессиональной деятельности. Так, тема дипломной работы Евгения Николаевича — «Древности I тыс. н. э. в бассейне Верхней Оки: к вопросу о мощинской культуре».

Исследования поселения рубежа I/II тыс. н. э. Приильменья и Поволховья, выполненные Е. Н. Носовым, выявили ландшафтную приуроченность сопочных памятников, позволили реконструировать основы сельского хозяйства и формы пашенного земледелия (пойменный и лесной перелог). Очевидно, что развиваемые в эти годы А. М. Микляевым подходы археологической географии (*Микляев,* 1984) способствовали выстраиванию методологи и исследований Евгения Николаевича. Эти достижения стали вехами в отечественной историографии и знакомы современным студентам.

Известным продолжением этих двух направлений можно считать микрорегиональные диахроннные исследования. На наш взгляд, продуктивен такой анализ и для микрорегиона, природные условия которого настолько своеобразны, что в значительной степени оказывают влияние на историю его развития.

Территория в истоках двух великих рек — Волги и Западной Двины (рис. 1) — и двух водоразделов (Волжско-Ильменского и Волжско-Западнодвинского) может рассматриваться как «барьерная», благодаря сложности своего рельефа, обилию болот, или же как «связующая», благодаря близкому соседству бассейнов больших речных систем балтийского и каспийского стоков. Мы предполагаем увидеть эти различия восприятия местных условий в разных культурно-исторических обстоятельствах I — начала II тыс. н. э., оценивая особенности расселения и некоторые маркеры хозяйственной деятельности.

[1] Смирнов А. Л., Добровольская М. В., Челогаева Е. О. — Институт археологии РАН, Москва, РФ; e-mail: ari1828@bk.ru, mk_pk@mail.ru, chelogaeva2000@mail.ru. Бобровский М. В. — Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН — обособленное подразделение ФИЦ ПНЦБИ РАН, Московская обл., г. Пущино, РФ; e-mail: maxim.bobrovsky@gmail.com.

© Смирнов А. Л., Добровольская М. В., Челогаева Е. О., Бобровский М. В., 2025

[2] Работа выполнена в рамках государственных заданий № НИОКТР 122011200264-9 и 122040500037-6.

Природные особенности микрорегиона

Специфика микрорегиона выражена в обилии малых водотоков разных речных бассейнов (рек: Волга, Западная Двина, Пола и Ловать) и принадлежности к области молодого моренного рельефа в пределах Валдайского оледенения с выраженными моренными грядами, которые чередуются с зандровыми равнинами. Высоты — 150–250 м над уровнем моря с максимальной высотой 275 м. В понижениях между моренными холмами расположено большое число озер и болот. Возможно, разнообразие ландшафтных локаций повлияло на пестроту вариаций заселения микрорегиона в различные периоды. Мозаика форм рельефа, вероятно, не способствовала созданию больших по площади поселенческих и производственных центров (городищ, селищ и т. д.), по сравнению с соседними микрорегионами.

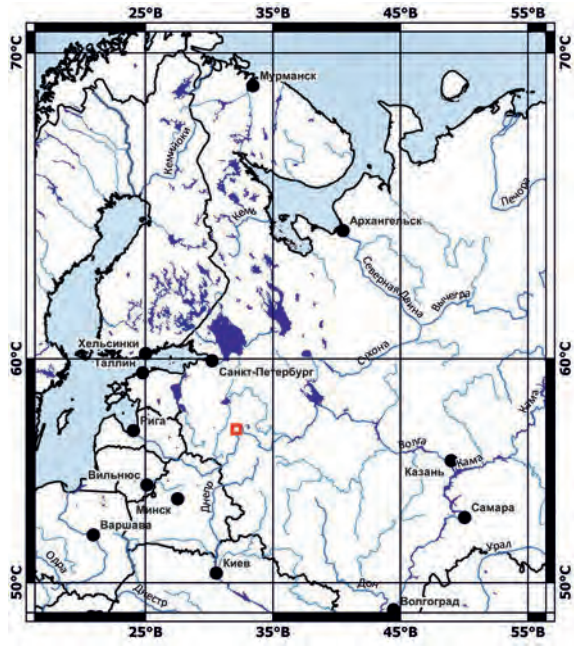

Рис. 1. Расположение региона исследований (отмечен красным квадратом)

В регионе долгое время происходило запустение деревень, особенно активное в конце XX — начале XXI в. Заброшенные сельхозугодья поросли березовым и сосновым лесом. В настоящее время высокая лесистость и малое число сохранившихся населенных пунктов (деревень) создают ложное впечатление исконно дикого «Оковского леса». Хотя по статистическим данным, фотографиям и историческим картам еще совсем недавно, в XIX в., территория была хорошо освоена сельским населением.

В целом сейчас в регионе в результате динамики антропогенной деятельности преобладают сосновые и еловые леса, с березами и осинами. В сосновых лесах встречается дуб черешчатый, обычно в виде подроста; в нижних ярусах еловых лесов встречается липа мелколистная. В северной части района отмечены даже вяз шершавый (нечасто), ясень обыкновенный (единично), что указывает на более слабое антропогенное воздействие на участках с сильно выраженным холмистым рельефом. В почвенном покрове на плакорах и склонах преобладают песчаные почвы — дерново-подзолы и дерново-подбуры; в сырых понижениях распространены торфяно-подзолы, торфяно-глеевые почвы, что также важно иметь в виду, реконструируя ресурсные возможности микрорегиона (*Bobrovsky et al.,* 2023).

Ранний железный век (РЖВ)

Исследования памятников Верхневолжья и верховьев Западной Двины на протяжении второй половины прошлого века составили представление о том, что обсуждаемый микрорегион — контактная область двух крупных культур, дьяковской и днепро-двинской (*Третьяков,* 1966; *Смирнов,* 1974; *Седов,* 1999; *Исланова,* 2023).

Археологические исследования в дореволюционный период и позднее в XX в. проводили преимущественно на крупных реках и озерах, практически не затронув области малых водоемов, что до недавнего времени создавало ложное представление о низкой плотности заселения внутренних территорий. Однако результаты исследований Рунского археологического отряда ИА РАН показывают полную освоенность микрорегиона, в том числе и территорий вдоль малых водотоков (*Смирнов и др.,* 2021а; 2021б). Работа с архивными материалами и результаты проведенных разведок позволили выявить на территории сеть

городищ со слоями РЖВ, часть из которых — впервые обнаруженные памятники (*Смирнов и др.,* 2021б; 2023а). Наши выводы основаны на материалах изучения городищ как основного типа памятников, представляющих горизонт РЖВ в истоках двух великих рек (*Исланова,* 2012; 2023).

Все городища расположены на локальных возвышенностях, большинство из которых представляют собой мысы моренных холмов. Форма городищ подтреугольная или овальная, для большинства из них характерны уступообразные склоны (эскарп) и наличие дополнительных рвов и валов. Для нескольких городищ ранее опубликованы топографические планы, результаты лазерной сьемки (LIDAR), фотографии и результаты археологических исследований (*Смирнов и др.,* 2023а).

В ходе археологических разведок на площадках были отобраны колонки образцов для определения характера сложения культурного слоя, оценки его мощности, а также для анализа различных свойств.

Мощность культурного слоя значительно варьировала как между городищами, так и внутри площадок, в основном составляя 40–70 см и достигая 155 см. Культурный слой на всех городищах представлен темноокрашенными слабо стратифицированными почвами. Согласно результатам проведенного исследования, темный цвет почв обусловлен высоким содержанием мелкодисперсного древесного угля (*Бобровский и др.,* 2022; *Смирнов и др.,* 2023а; *Bobrovsky et al.,* 2025). В целом, темноокрашенные почвы относят к палеоурбаноземам (*Зазовская,* 2013), антросолям (IUSS Working Group WRB, 2022), а более конкретно — к Archaeological Dark Earth (*Howard,* 2017).

Результаты радиоуглеродного анализа, проведенного на материале собранных углей из культурного слоя 12 городищ (рис. 2), продемонстрировали, что основной пик активности населения наблюдается в интервале со II в. до н. э. по II в. н. э. (*Bobrovsky et al.,* 2023; 2025). Судя по находкам керамики и некоторым атрибутивным предметам, городища можно отнести к раннедьяковской на раннем этапе и позднедьяковской или днепро-двинской культурам (*Смирнов и др.,* 2023а). Обнаруженные в ходе разведок находки, представленные преимущественно фрагментами керамики, реже — атрибутивными предметами, позволяют говорить о существовании горизонта раннедьяковской культуры для раннего этапа функционирования некоторых из городищ. Сложнее представить культурную атрибуцию городищам со слоями более поздних этапов по причине малой выразительности находок, характерных и для позднедьяковской, и для днепро-двинской культуры.

Результаты химических анализов и рентгенофлуоресцентного анализа образцов почв из городищ и фоновых почв выявили значительные различия в химическом составе грунтов на городищах. Методы многомерной статистики позволили выделить три группы городищ, различия в которых мы связываем с их функциями (*Bobrovsky et al.,* 2025).

Первая группа городищ (Заборовка-Лихуши, Глазово 1, 2, Москва 1, Михайловщина, Гора) наиболее многочисленная, характеризуется относительной бедностью химического состава культурного слоя и его сходством с фоновыми лесными почвами. По сравнению с фоновыми лесными почвами выше концентрации C, P, Mn, Zn и pH. В группе преобладают городища с наиболее светлой окраской культурного слоя, его минимальной или средней мощностью. Мы предполагаем, что эта группа объединяет городища, изменение свойств почв которых по сравнению с лесными почвами обусловлено поступлением бытовых отходов и продуктов горения древесины без значительного привноса экскрементов животных и результатов промышленной деятельности. Сложно определить какие-либо функции городищ, кроме поселенческой, вероятно, кратковременной.

Для городищ ***второй группы*** (Ветожетка, Нечай-Городок) характерны насыщенная, но не самая темная окраска культурного слоя, его средние мощности; высокое содержание C, S, очень высокие концентрации P и значительная уреазная активность. Все это позволяет предположить, что основным источником формирования культурного слоя был навоз и другие отходы, связанные с содержанием домашнего скота. Это дает основания

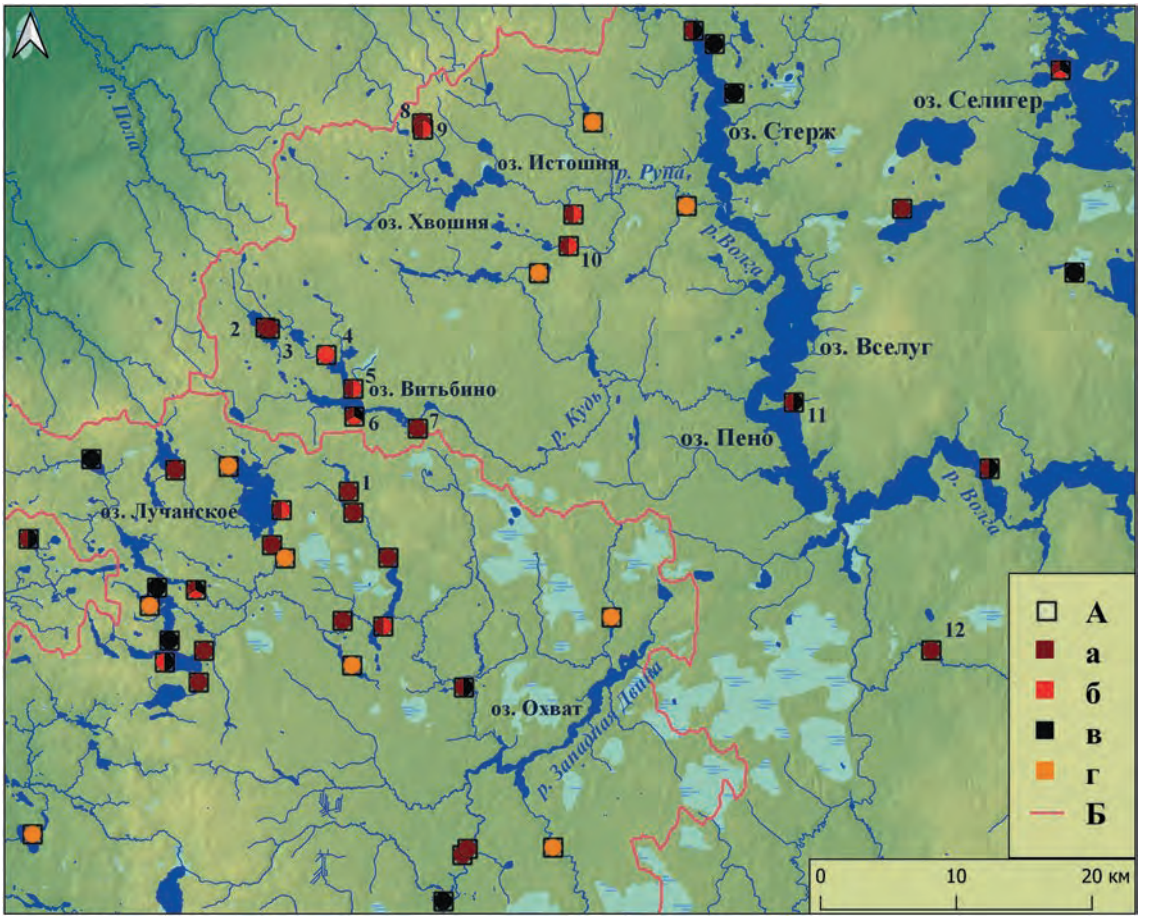

Рис. 2. Карта известных городищ в регионе: *А* — городища: *а* — раннего железного века; *б* — раннего Средневековья; *в* — древнерусского времени; *г* — городища с отсутствием хроноиндикаторов; *Б* — линия водоразделов; *1* — Москва 1; *2* — Глазово 1; *3* — Глазово 2; *4* — Гора; *5* — Михаловщина; *6* — Витьбино; *7* — Ворошилово; *8* — Верхмарево 1; *9* — Верхмарево 2; *10* — Заборовка-Лихуша; *11* — Нечай-Городок; *12* — Ветожетка

предполагать следы долговременного проживания или нахождения домашних животных на этих городищах.

Третья группа — городища со следами выплавки железа (Верхмарево 1, 2, Витьбино, Ворошилово). В культурном слое, имеющем очень темную (до черной) окраску, обычны обильные включения колотого камня, встречены шлаки и крицы. Здесь наблюдали самые высокие концентрации большинства элементов, в первую очередь металлов: Fe, Cu, Mn, Mg, Zn, Al, Co, а также C и N.

Факторами обогащения металлами, вероятно, была металлургия. Высокие концентрации C и P могут быть связаны с большими объемами древесных углей, получаемых в результате сжигания древесины при производстве металла. Формирование мощных культурных слоев могло быть в разной мере побочным продуктом этих процессов. Подобная картина известна для некоторых памятников днепро-двинской культуры с производственными комплексами, зафиксированными Б. С. Короткевичем (*Короткевич,* 1994). Основываясь на исследовании городища Анашкино и анализе материалов из других памятников, автор предположил возможность существования в регионе на рубеже эпох специализированных металлургических центров. Следы металлургии, а иногда и кузнечного производства, обнаружены на поселениях Стерж (Новинка), Никола-Рожок и Курово 1 (*Тараканова,* 1945; *Станкевич,* 1960; *Исланова,* 2012). Расцвет городищ этой группы можно связать

с проникновением в лесную зону технологии обработки черного металла, которое произошло предположительно во II в. до н. э. (*Егорейченко,* 2011; *Корякова и др.,* 2011).

Различия между группами городищ позволяют предположить, что они выполняли или сочетали различные функции и не могут рассматриваться как однородные поселенческие структуры. Для подтверждения этих выводов необходимы дальнейшие исследования.

Со II в. н. э. наблюдается значительное сокращение числа городищ в микрорегионе. Этот вывод согласуется с известной тенденцией кризиса, возникшего во всех «городищенских» культурах лесной зоны в первые века нашей эры (*Векслер, Гусаков,* 2017). Ко II в. н. э. практически прекращается жизнь на городищах днепро-двинской культуры (*Лопатин, Фурасьев,* 2007). В нашем микрорегионе существуют единичные городища, доживающие до IV в. н. э. (Курово, Ворошилово, Нечай-Городок) (*Короткевич,* 2004. С. 90; *Смирнов и др.,* 2023а).

С чем связано сокращение числа обитаемых городищ, мы не знаем. Возможно, произошло общее запустение территории или смена хозяйственной деятельности, выраженная в переходе с городищ на селища, но для решения этой проблемы у нас недостаточно данных. На сегодняшнем уровне знаний мы констатируем хиатус между памятниками РЖВ и раннего Средневековья.

Раннее Средневековье

Смена культурных традиций и появление нового типа памятников — курганов — в этом микрорегионе прослеживается в середине I тыс. н. э. Это связано с распространением новой культуры — культуры псковских длинных курганов (далее — КПДК). Принципиально иные основы распределения поселенческих и погребальных памятников указывают на базовые культурные различия с предшественниками. Однако были ли они обусловлены «победившим» культурным импульсом или появлением нового населения на территории, пока остается неизвестным.

Представленные выводы основаны преимущественно на материалах погребальных памятников, поскольку поселения пока очень слабо изучены (*Смирнов и др.,* 2021б; *Васильев и др.,* 2023. С. 38).

Согласно анализу структуры расположения могильников, можно констатировать равномерное освоение микрорегиона во второй половине I тыс. н. э. (рис. 3). Могильники КПДК представлены как одиночными курганами, так и небольшими курганными группами, характеризующимися рядом описанных И. В. Ислановой особенностей (*Исланова,* 2023. С. 60). Они выражены в наличии рядовой системы расположения насыпей внутри могильника, вытянутых вдоль береговой линии или по направлению моренной гряды, в отсутствии каменных конструкций под насыпью или по периметру кургана, в фиксирующемся сочетании разных по форме погребальных сооружений в рамках одной курганной группы (удлиненные, полусферические, подчетырехугольные, реже — сопковидные).

Примечательно сделанное наблюдение в микрорегионе о распределении в ландшафте разных по величине могильников. Кластеры больших курганных групп тяготеют к крупным водотокам Волги и Западной Двины. Напротив, группы, состоящие только из нескольких насыпей, фиксируются по берегам малых водотоков и озер, в отдалении от крупных артерий. Прослеженная система говорит о плотной освоенности микрорегиона в целом.

Источниковая база показывает отсутствие сопок и памятников культуры смоленских длинных курганов (КСДК) на очерченной территории. В курганных группах присутствуют высокие насыпи (в пределах 2–3 м), однако они всегда соседствуют с другими по форме курганами. Самые близкие памятники культуры сопок, которые известны на сегодняшний день, находятся в Ильменском бассейне на севере и западе. Есть небольшое скопление сопок и на юге, ниже по течению Западной Двины (*Еремеев, Дзюба,* 2010. Рис. 328). Именно там, в 10 км от Андреаполя, на селище в урочище Красный Ручей было найдено

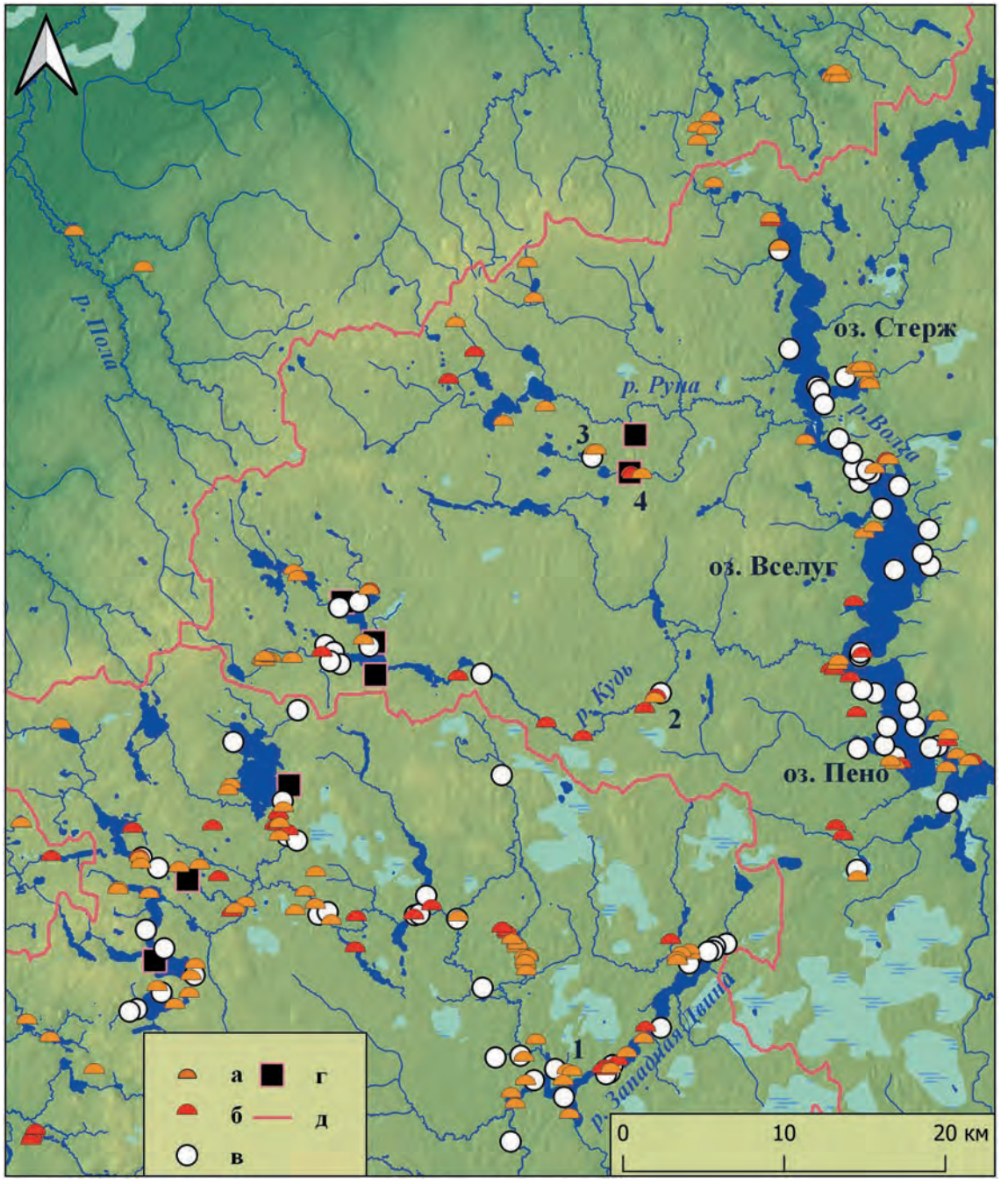

Рис. 3. Памятники раннего средневековья: *а* –курганные группы; *б* — отдельные курганы; *в* — селища; *г* — городища; *д* — линия водоразделов; *1* — селище Бобровец; *2* — комплекс Бервенец; *3* — могильник Заборовка 2; *4* — городище Заборовка-Лихуша

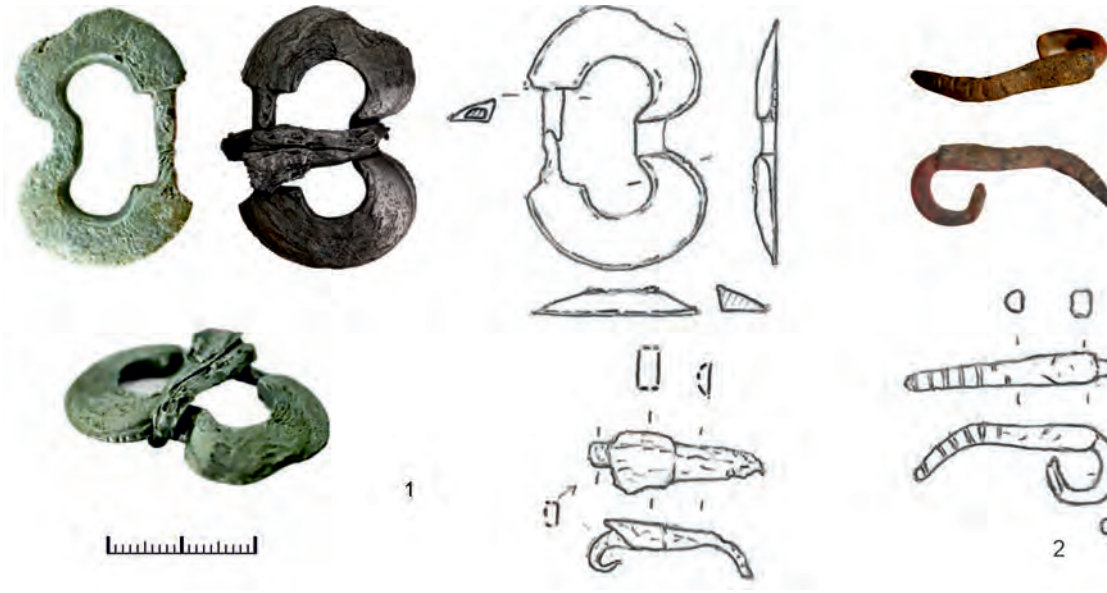

Рис. 4. Могильник Бервенец. Курган 1. Находки: *1* — В-образная пряжка; *2* — язычок пряжки из погребения 5. Железо. Рисунки И. О. Гавритухина

серповидное височное кольцо КСДК (*Носов, Плохов,* 1994; *Михайлова,* 2022). Тем интереснее проблема финала культуры в данном микрорегионе, требующая отдельных исследований.

Первые результаты изучения погребальных памятников КПДК на очерченной территории представлены по материалам проведенных раскопок кургана 1 и участка межкурганного пространства могильника Бервенец (*Смирнов и др.,* 2023б; *Добровольская и др.,* 2024б). В могильнике выявлено наличие двух хронологических горизонтов. Ранний горизонт представлен находками железной В-образной пряжки с имитацией рельефа по рамке и железным клювовидным язычком (рис. 4), а также АМС-датой из погребения 5, указывающей на третью четверть V в. Наличие второго, более позднего (IX в.), этапа функционирования могильника подтверждено серией АМС-дат дубового угля из урнового погребения 4 и из грунтового погребения 6, находящегося за линией ям окружающего насыпь рва (*Смирнов и др.,* 2023б; *Добровольская, Смирнов,* 2025).

Независимая информация об особенностях погребального обряда получена после проведения подробного изучения кремированных останков. Первый опыт работы с материалами погребений могильника Бервенец позволил выявить различия в формах обращения с останками человека и костями животных. Кремированные останки людей представлены крупными фрагментами, собранными с костра в урны или иные органические емкости. Описанная процедура не требовала промывки или очищения от углей. Кости животных вместе с углями сгребались в крупные скопления, совмещающие остатки костра и сожжений. Описаны значительные скопления костей животных в кургане и межкурганном пространстве, сожжение которых и депонирование отличались от процедуры сожжения умерших людей. Первые предварительные результаты указывают на наибольшую долю остатков содержания скелетов лошади (в том числе молодых особей). Однако также обнаружены фрагменты костей мелкого рогатого скота, предположительно встречаются кости свиньи, собаки, диких пушных зверей. В этом можно, в частности, видеть косвенное свидетельство хорошего уровня развития животноводства, что также, по нашему мнению, должно стать отдельным направлением исследований (*Добровольская и др.,* 2022; *Добровольская и др.,* 2024а; *Добровольская, Смирнов,* 2025).

Начало изучения селища Бервенец, входящего в единый комплекс памятников с одноименной курганной группой, отвечает проблеме сравнения хронологических диапазонов

функционирования могильника и селища. При исследовании материалов разведочного шурфа, размерами 3 × 4 м, была обнаружена синяя полиэдрическая бусина с резкими гранями (рис. 5, *1*). Согласно данным А. В. Мастыковой и А. В. Плохова, подобные бусы находились в употреблении населением КПДК в V–VI вв. (*Мастыкова, Плохов,* 2010. С. 344–348). Таким образом, синхронность поселенческого и погребального памятников комплекса Бервенец на нынешнем этапе исследования подтверждена, по крайней мере, для ранней фазы их функционирования.

Рис. 5. Находки раннего этапа КПДК в регионе: *1* — синяя полиэдрическая бусина с селища Бервенец; *2* — синяя полиэдрическая бусина с селища Бобровец

Примечательно, что аналогичная синяя полиэдрическая бусина найдена на селище Бобровец в Андреапольском районе, в истоках Западной Двины[3] (рис. 5, *2*). Эта находка дополнительно подтверждает вовлечение изучаемого микрорегиона в процессы трансформации культурного облика на Северо-Западе Восточной Европы еще на ранних этапах существования КПДК.

Важным маркером присутствия памятников длинных курганов на малых водотоках являются результаты исследований в окрестностях оз. Заборовское. В разрушающемся кургане 2 могильника Заборовка 2 был найден пластинчатый браслет с двумя ребрами по периметру, иллюстрирующий продолжение традиций и в развитый период существования КПДК — фаза II В, по Е. Р. Михайловой (*Михайлова,* 2014). Вероятно, синхронным этому могильнику является и верхний горизонт городища Заборовка-Лихуша, существовавшего еще с раннего железного века. Серия полученных АМС-дат продемонстрировала наличие пиков активности на городище и в VIII в. н. э. (*Смирнов и др.,* 2023а).

Таким образом, мы можем констатировать существование памятников на территории, по крайней мере, в диапазоне V–IX вв. н. э. Вопрос о формах перехода КПДК в древнерусскую культуру остается открытым.

Древнерусское время

В начале II тыс. в микрорегионе появляются новые типы погребальных памятников — крупные курганные могильники с трупоположением, в составе которых выделяются насыпи с каменной обкладкой и жальники (*Смирнов и др.,* 2021б; *Васильев и др.,* 2023. С. 45). Подобные традиции характерны для новгородского погребального обряда (*Пронин,* 1981; *Рябинин,* 2001. С. 20) и встречаются в западных и северо-восточных группах Верхневолжья (*Степанова,* 2015). В отличие от предшествующих периодов памятники древнерусского времени изучены стационарными раскопками гораздо лучше (городище Стерж и могильники Андроново, Курово, Хвошня, Малый Бохот, Новинки, Вселуг, Чурово) (рис. 6). На фоне хронологически трудно разделимых курганов раннего Средневековья они хорошо различимы и в ходе первичных разведок. Еще В. Н. Глазов в начале XX в. отмечал региональную особенность курганных групп — при отсутствии насыпей с камнями вероятность трупосожжения (*Глазов,* 1905). Ранний горизонт древнерусских памятников датируется XI в. (*Глазов,* 1905; *Станкевич,* 1960. С. 290, 294; *Жукова, Степанова,* 2010).

Раскопанные могильники не выявляют связей с предшествующими традициями, могильники с ингумациями не наследуют могильникам с трупосожжениями в одном комплексе. В то же время в одном могильнике могут соседствовать насыпи с каменной обкладкой

[3] Авторы выражают благодарность Валерию Линкевичу, директору Андреапольского районного краеведческого музея им. Э. Э. Шимкевича, за возможность работы с фондами.

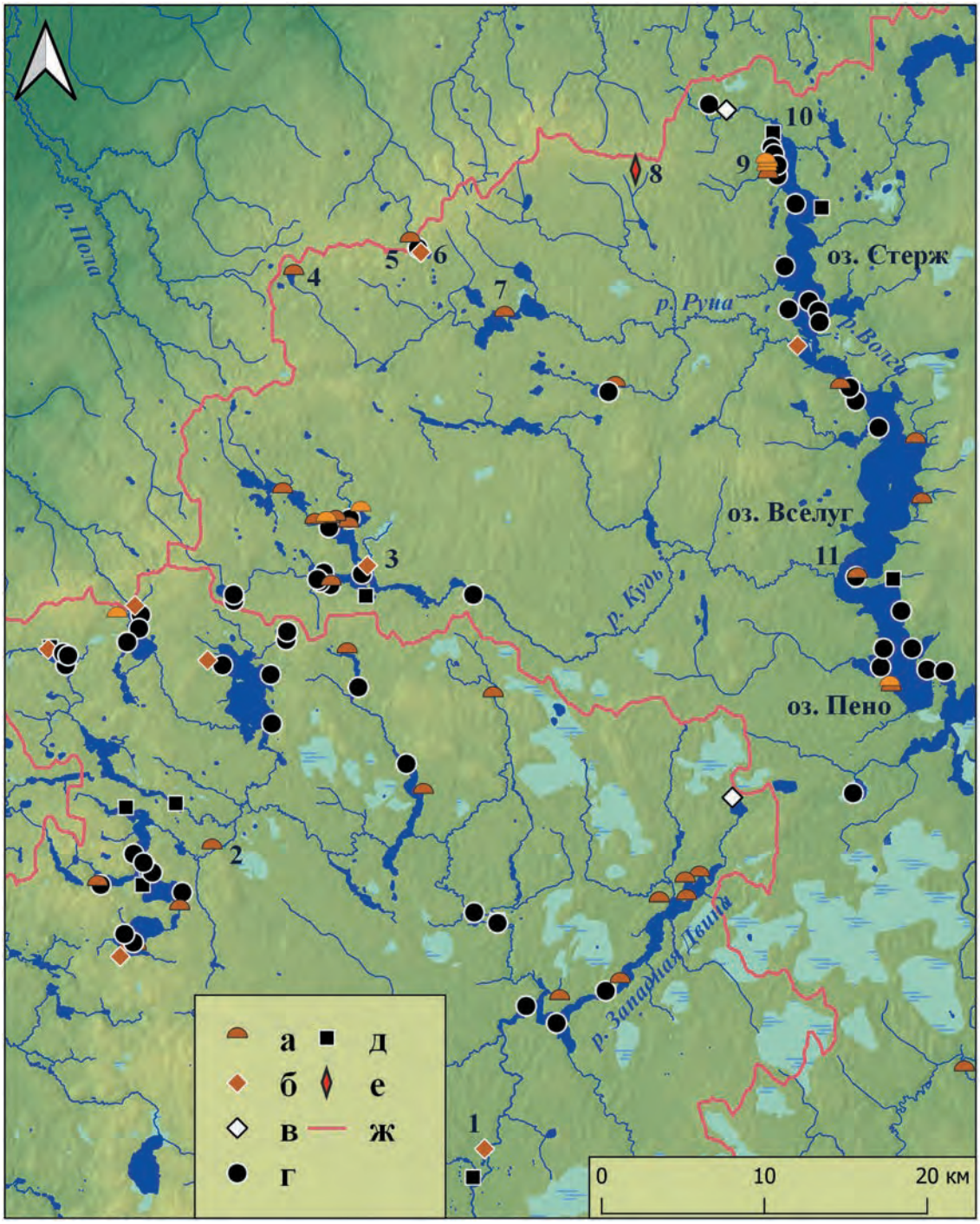

Рис. 6. Памятники древнерусского времени: *а* — курганные группы и отдельные курганы; *б* — курганно-жальничный могильник; в — жальничный могильник; *г* — селища; *д* — городища; *е* — камень-следовик; *ж* — линия водоразделов; *1* — курганно-жальничный могильник Курово; *2* — курганный могильник Андроново; *3* — Лопатицы (комплекс памятников близ деревни Михайловщина); *4* — курганный могильник Чурово; *5* — курганно-жальничный могильник Малый Бохот; *6* — селище Большой Бохот; *7* — курганный могильник Хвошня; *8* — камень-следовик (Верхневолжский камень); *9* — курганные могильники Новинка (Стерж); *11* — городище Стерж; *11* — курганный могильник Вселуг

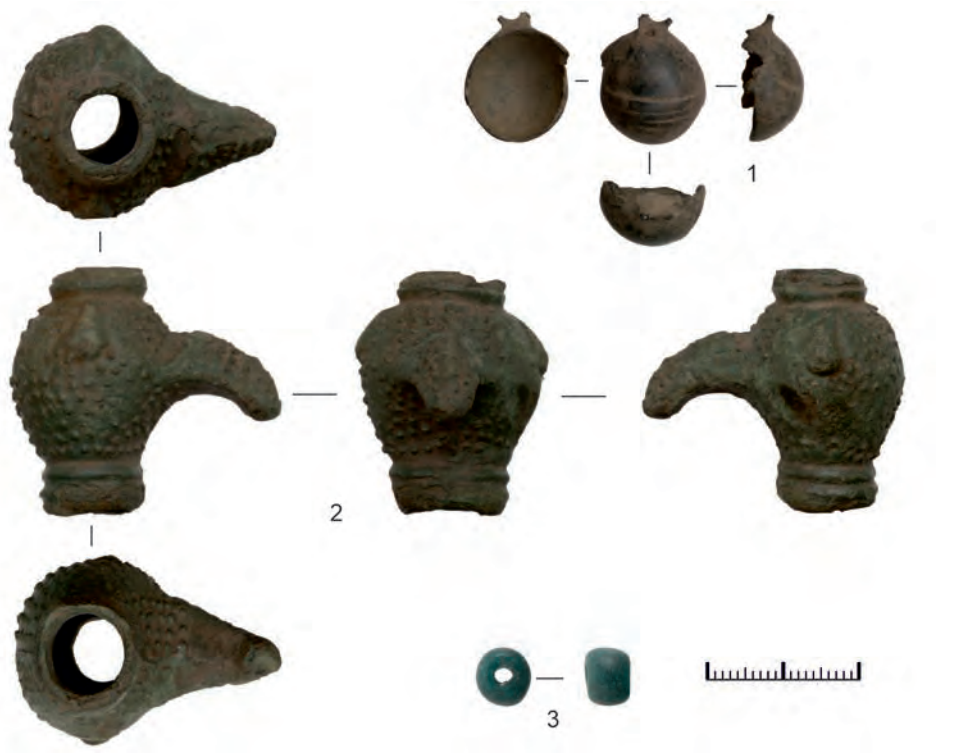

Рис. 7. Находки 2022 г. с селища Большой Бохот: *1* — фрагмент тулова шаровидной пуговицы медного сплава полой, бубенчикообразной (половина); *2* — затыльник плети с клювовидным выступом (бронза); *3* — бусина непрозрачного ультрамаринового стекла

и без, а рядом — одновременные жальники, они занимают одно пространство могильника (Курово, М. Бохот). Отметим и памятники Чурово и Новинки (Стерж), в которых по описанию А. А. Спицына встречены древности Люцинского типа (*Спицын*, 2022. С. 69). Возможно, мы видим освоение территории различным по этническому составу населением, но уже объединенным в единый пласт древнерусской культуры.

Исследования 2022 г. в районе деревни Большой Бохот, на берегу озера Алхимцево, дополняют картину распространения древнерусских поселений на водораздельных участках. Разведками удалось локализовать могильник, описанный В. Н. Глазовым (*Глазов,* 1905. С. 100–102), нам удалось зафиксировать сильно разрушенные курганы, обнаружить и исследовать новое селище — Большой Бохот. Потревоженные курганы в подавляющем большинстве имеют валунную обкладку в основании, а некоторые — панцирную кладку из крупных булыжников. Получена серия керамических материалов древнерусского времени. Из находок отдельно стоит выделить бронзовое орнитоморфное навершие плети (затыльник плети с клювовидным выступом) (рис. 7, *2*), тип III, по А. Н. Кирпичникову (*Кирпичников,* 1973. С. 71, 72) и группа II тип 2, по М. С. Осипенко (*Осипенко,* 2021). Подобные навершия относятся к снаряжению всадника домонгольского времени. Обнаружение этого предмета указывает на присутствие на селище представителей элит. Это наблюдение важно в контексте яркой исторической темы о формировании княжеского домена на южных рубежах новгородских земель (*Янин,* 1998).

В одну линию с перечисленными памятниками встанут и описанный нами ранее камень-следовик (*Васильев и др.,* 2023. С. 48–54; *Ильин*, 1947), а также погосты Стерж (*Тараканова,* 1945) и Лопастицы (*Янин,* 1957).

Практически по этим же пунктам немного позже, в XV в., пройдет граница Деревской пятины (*Фролов, Пиотух,* 2008), что свидетельствует о значительной исторической роли

этих территорий. Описанные нами древнерусские памятники наглядно иллюстрируют транспортный и пограничный характер расселения, обоснованный в свое время в работах Л. В. Алексеева и Е. Н. Носова (*Алексеев,* 1974; *Носов,* 1994).

Заключение

Изучение структуры расселения носителей различных культур I — начала II тыс. н. э. в истоках Волги и Западной Двины позволило выявить следующую динамику. В первые века нашей эры подавляющее большинство памятников представлено городищами позднедьяковской и днепро-двинской культур, значительная часть из которых может рассматриваться как мастерские черной металлургии. Густота расположения и малые размеры городищ, на которых присутствуют маркеры железоделательного производства, свидетельствуют о привлечении локальных болотных или озерных руд, которые обрабатывались на месте. Размеры и мощность «производственного» слоя городищ, вероятно, зависят от объема местного ресурса. Очевидно, что истоки Западной Двины оказываются в этом отношении более пригодными, чем верховья Волги. Предположительно это может служить объяснением заката железоделательной активности на большинстве городищ микрорегиона уже к концу II в. Далее в микрорегионе наблюдается депопуляция. Вероятно, с V в. начинается новый демографический подъем, маркируемый распространением памятников КПДК. Носители новых культурных традиций по-иному использовали местные ресурсы, существенно меньше уделяя внимания металлургии. Период КПДК представлен преимущественно погребальными памятниками, а эпоха раннего железного века — поселенческими, наши сопоставления имеют довольно зыбкие основания. Тем не менее можно констатировать, что гнезда памятников КПДК тяготеют не только к побережьям крупных верхневолжских озер, но и к мелким водотокам. И, наконец, памятники древнерусского времени в наибольшей степени привязаны к водораздельным и волоковым локациям, что, вероятно, отражает заинтересованность князей, в чьих владениях оказывались эти земли, в эффективном функционировании транспортной системы. Таким образом, в трех рассмотренных культурно-исторических этапах по-разному использовались ограниченные местные природные ресурсы и географические особенности.

Алексеев, 1974 — *Алексеев Л. В.* «Оковский лес» Повести временных лет // Культура средневековой Руси. Сб. ст., посв. 70-летию М. К. Каргера / Отв. ред. А. Н. Кирпичников, П. А. Раппопорт. Л.: Наука, 1974. С. 5–11.

Бобровский и др., 2022 — *Бобровский М. В., Куприянов Д. А., Смирнов А. Л., Ханина Л. Г., Добровольская М. В.* Динамика древесной растительности и антропогенная активность по данным анализа древесных углей из городищ раннего железного века и раннего средневековья на верхней Волге // Геоморфология. 2022. № 5. С. 7–24.

Васильев и др., 2023 — *Васильев В. Л., Добровольская М. В., Смирнов А. Л., Вихрова Н. Н.* Население водораздела Волги, Западной Двины и Полы в древности и средневековье (по данным топонимики, археологии, палеодемографии). Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2023. 200 с.

Векслер, Гусаков, 2017 — *Векслер А. Г., Гусаков М. Г.* К вопросу о поздней стадии дьяковской культуры // Археология евразийских степей. 2017. № 4. С. 257–286.

Глазов, 1905 — *Глазов В. Н.* Отчет В. Н. Глазова о поездке 1903 года на Верховья Волги и в Демянский уезд // Записки отделения русской и славянской археологии Императорского Русского археологического общества / Под ред. С. Ф. Платонова. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1905. Т. 7, вып. 1. С. 97–106.

Добровольская, Смирнов, 2025 — *Добровольская М. В., Смирнов А. Л.* Могильник Бервенец — памятник культуры псковских длинных курганов в истоках Волги и Западной Двины // Сб. ст. памяти А. М. Обломского / Отв. ред. И. О. Гавритухин. М.: ИА РАН, 2025 (Раннеславянский мир; Вып. 23). В печати.

Добровольская и др., 2022 — *Добровольская М. В., Смирнов А. Л., Пророкова Е. Н., Челогаева Е. О.* Кремация полной сохранности из урнового погребения раннесредневекового кургана могильника Бервенец // КСИА. 2022. Вып. 266. С. 321–334.

Добровольская и др., 2024а — *Добровольская М. В., Данилевская В. И., Смирнов А. Л., Куприянов Д. А., Челогаева Е. О.* Кремации в межкурганном пространстве могильника культуры псковских длинных курганов Бервенец // Бюллетень всероссийского семинара «Методические аспекты изучения древних и средневековых кремаций»: Материалы 9-го заседания / Отв. ред. М. В. Добровольская. М.: ИА РАН, 2024. С. 27–32.

Добровольская и др., 2024б — *Добровольская М. В., Смирнов А. Л., Бобровский М. В., Челогаева Е. О., Куприянов Д. А., Тиунов А. В.* Памятники культуры псковских длинных курганов в истоках Волги и Западной Двины // От ранних славян до Руси: Тез. докл. науч. конф. к 100-летию со дня рождения В. В. Седова (Москва, 20–22 ноября 2024 г.) / Отв. ред. Н. В. Лопатин, В. Е. Родинкова. М.: ИА РАН, 2024. С. 35–39.

Егорейченко, 2011 — *Егорейченко А. А.* О времени перехода от эпохи бронзы к железному веку в лесной полосе Восточной Европы // Переход от эпохи бронзы к эпохе железа в Северной Евразии. Материалы круглого стола 23–24 июня 2011 г. / Отв. ред. В. А. Алёкшин. СПб.: ИИМК РАН; Гос. Эрмитаж, 2011. С. 74–80.

Еремеев, Дзюба, 2010 — *Еремеев И. И., Дзюба О. Ф.* Очерки исторической географии лесной части Пути из варяг в греки. Археологические и палеогеографические исследования между Западной Двиной и озером Ильмень. СПб.: Нестор-История, 2010. 667 с.

Жукова, Степанова, 2010 — *Жукова Е. Н., Степанова Ю. В.* Древнерусские погребальные памятники Верхневолжья: история изучения: Каталог исследованных памятников. Тверь: Научная книга, 2010. 364 с.

Зазовская, 2013 — *Зазовская Э. П.* Палеоурбаноземы раннесредневековых предгородских центров: генезис и устойчивость: Автореф. дис. .... канд. геогр. наук — 25.00.23 / Ин-т географии РАН. М.: б. и., 2013. 22 с.

Ильин, 1947 — *Ильин С. Н.* Новый эпиграфический памятник XII века в верховьях Волги // КСИИМК. 1947. Вып. 17. С. 179–181.

Исланова, 2012 — *Исланова И. В.* Древности в верховьях Волги (ранний железный век и раннее средневековье) / Отв. ред. А. М. Обломский. М.: ИА РАН, 2012 (Раннеславянский мир; Вып. 14). 218 с.

Исланова, 2023 — *Исланова И. В.* Культурно-историческое процессы II–VI вв. н. э. в бассейнах Верхней Волги и Верхней Мсты / Отв. ред. Н. А. Макаров. М.: ИА РАН, 2023 (Раннеславянский мир; Вып. 22). 440 с.

Кирпичников, 1973 — *Кирпичников А. Н.* Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. / Под общ. ред. акад. Б. А. Рыбакова. Л.: Наука, 1973 (САИ; Е1-36б). 112 с.

Короткевич, 1994 — *Короткевич Б. С.* Черная металлургия раннего железного века в верховьях Западной Двины и Ловати // Петербургский археологический вестник. 1994. № 9. С. 120–129.

Короткевич, 2004 — *Короткевич Б. С.* Ранний железный век в верховьях Западной Двины и Ловати: Дис. … канд. ист. наук — 07.00.06 / Ин-т истории материальной культуры РАН. СПб.: б. и., 2004. 211 с.

Корякова и др., 2011 — *Корякова Л. Н., Кузьминых С. В., Бельтикова Г. В.* Переход к использованию железа в Северной Евразии // Переход от эпохи бронзы к эпохе железа в Северной Евразии (Материалы круглого стола 23–24 июня 2011 г.) / Отв. ред. В. А. Алекшин. СПб.: ИИМК РАН; Гос. Эрмитаж, 2011. С. 10–16.

Лопатин, Фурасьев, 2007 — *Лопатин Н. В., Фурасьев А. Г.* Северные рубежи раннеславянского мира в III–V вв. н. э. М.: ИА РАН, 2007 (Раннеславянский мир; Вып. 8). 252 с.

Мастыкова, Плохов, 2010 — *Мастыкова А. В., Плохов А. В.* Датировка и происхождение стеклянных бус из могильника у оз. Съезжее // Диалог культур и народов средневековой Европы: К 60-летию со дня рождения Е. Н. Носова / Ред. А. Е. Мусин, Н. В. Хвощинская. СПб.: Дмитрий Буланин, 2010. С. 337–357.

Микляев, 1984 — *Микляев А. М.* Археологическая география: предмет, задача, метод // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. 1984. Вып. 25. С. 127–130.

Михайлова, 2014 — *Михайлова Е. Р.* Вещевой комплекс культуры псковских длинных курганов. Типология и хронология. Saarbrücken: Lap Lambert Academic Publishing, 2014. 427 с.

Михайлова, 2022 — *Михайлова Е. Р.* «Смоленские» находки на Северо-Западе Русской равнины: к изучению формирования древнерусской культуры // Археология Владимиро-Суздальской земли: Материалы научного семинара. М.: ИА РАН, 2022. Вып. 12 / Отв. ред. Н. А. Макаров. С. 66–79.

Носов, 1994 — *Носов Е. Н.* Новгородская волость Буйцы (Историко-археологический комментарий) // Вспомогательные исторические дисциплины. 1994. Т. 25. С. 41–56.

Носов, Плохов, 1994 — *Носов Е. Н., Плохов А. В.* Археологические исследования в Андреапольском районе Тверской области // Тверской археологический сборник. Тверь: ТГОМЗ, 1994. Вып. 1 / Отв. ред. И. Н. Черных. С. 145–151.

Осипенко, 2021 — *Осипенко М. С.* Тыльники плети с клювовидным выступом XI—XIII вв. (по материалам Национального музея истории Украины) // Археология. 2021. № 1. С. 54–71.

Пронин, 1981 — *Пронин Г. Н.* Сопки, курганы, жальники (к вопросу о преемственности) // КСИА. 1981. Вып. 166: Средневековые древности. С. 11–16.

Рябинин, 2001 — *Рябинин Е. А.* Водская земля Великого Новгорода (результаты археологических исследований 1971–1991 гг.). СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. 259 с.

Седов, 1999 — *Седов В. В.* Древнерусская народность: Историко-археологическое исследование. М.: Языки русской культуры, 1999. 316 с.

Смирнов и др., 2021а — *Смирнов А. Л., Добровольская М. В., Меньшиков М. Ю.* Археологические разведки в Пеновском районе Тверской области в 2018–2019 гг. // Археологические открытия. 2019 г. / Отв. ред. Н. В. Лопатин. М.: ИА РАН, 2021. С. 83–87.

Смирнов и др., 2021б — *Смирнов А. Л., Меньшиков М. Ю., Бобровский М. В., Куприянов Д. А., Клещенко Е. А., Тиунов А. В., Добровольская М. В.* Расселение и исторические ландшафты на западе Валдая в раннем железном веке и Средневековье // РА. 2021. № 3. С. 80–96.

Смирнов и др., 2023а — *Смирнов А. Л., Добровольская М. В., Куприянов Д. А., Ханина Л. Г., Челогаева Е. О., Бобровский М. В.* Культурный слой городищ железного века и раннего средневековья в истоках Волги и Западной Двины (Руна-Заборовка, Заборовка-Лихуша, Ворошилово, археологический комплекс Верхмарево) // Археология Евразийских степей. 2023. № 3. С. 198–223.

Смирнов и др., 2023б — *Смирнов А. Л., Угулава Н. Д., Челогаева Е. О., Добровольская М. В.* Урновые захоронения кургана 1 могильника Бервенец культуры псковских длинных курганов // АИППЗ. М.; Псков: ИА РАН, 2023. Вып. 38. С. 223–238.

Смирнов, 1974 — *Смирнов К. А.* Дьяковская культура: Материальная культура городищ междуречья Оки и Волги // Дьяковская культура / Отв. ред. Ю. А. Краснов. М.: Наука, 1974. С. 7–89.

Спицын, 2022 — *Спицын А. А.* Археологический очерк Тверской губернии / сост., вступит. ст. Е. Н. Жуковой, Ю. В. Степановой. Тверь: Тверской гос. ун-т, 2022. 134 с.

Станкевич, 1960 — *Станкевич Я. В.* К истории населения Верхнего Подвинья в I и начале II тысячелетия н. э. // Древности Северо-Западных областей РСФСР в I тысячелетии н. э. / Отв. ред. М. А. Тиханова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960 (МИА; № 76). С. 7–327.

Степанова, 2015 — *Степанова Ю. В.* Планиграфия древнерусских могильников Верхневолжья X–XIII вв.: особенности организации сакрального пространства // Вестник Тверского государственного университета. 2015. № 4. С. 37–53.

Тараканова, 1945 — *Тараканова С. А.* Археологические разведки в новгородских пятинах // КСИИМК. 1945. Вып. 11. С. 73–78.

Третьяков, 1966 — *Третьяков П. Н.* Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.; Л.: Наука, 1966. 308 с.

Фролов, Пиотух, 2008 — *Фролов А. А., Пиотух Н. В.* Исторический атлас Деревской пятины Новгородской земли (по писцовым книгам 1495–1496 годов). М.; СПб.: Альянс-Архео, 2008. Т. 1–3.

Янин, 1957 — *Янин В. Л.* К вопросу о дате Лопастицкого креста // КСИИМК. 1957. Вып. 68. С. 31–34.

Янин, 1998 — *Янин В. Л.* Новгород и Литва. Пограничные ситуации XIII–XV веков. М.: МГУ, 1998. 216 с.

Bobrovsky et al., 2023 — *Bobrovsky M. V., Kupriyanov D. A., Smirnov A. L., Khanina L. G., Dobrovolskaya M. V., Tiunov A. V.* Dynamics of Diversity of Woody Species Taxa under Human Impact in the Upper Volga Region (NW Russia) According to Pedoanthracological Data // Diversity. 2023. Vol. 15. P. 403.

Bobrovsky et al., 2025 — *Bobrovsky M., Smirnov A., Khanina L., Kupriyanov D., Danilevskaya V., Potapova A., Dobrovolskaya M.* Functional patterns of Early Iron Age hillforts on the upper Volga River according to multi-element signatures of archaeological Dark Earth // Catena. 2025. Vol. 249. P. 108–703.

Howard, 2017 — *Howard J.* Anthropogenic soils. Cham: Springer International, 2017. 231 p.

IUSS Working Group WRB, 2022 — IUSS Working Group WRB. World Reference Base for Soil Resources. International soil classification system for naming soils and creating legends for soil maps. 4th ed. Vienna: International Union of Soil Sciences (IUSS), 2022.

Cultural and historical processes at the sources of the Volga and Western Dvina in the 1st — early 2nd millennia AD

A. L. Smirnov, M. V. Dobrovolskaya, E. O. Chelogaeva, M. V. Bobrovsky

Keywords: hillforts, burial mounds, settlements, KPDK, settlement structure, sources of the Volga and Western Dvina

This article presents the main findings of interdisciplinary research on sites dating from the Early Iron Age to the Old Russian period at the sources of the Volga and Western Dvina rivers. Particular emphasis is placed on changes in the settlement patterns of representatives of various cultural groups found in the microregion in the 1st to early 2nd millennia AD.

Т. С. Бубенько[1]

Витебское Подвинье в III–VIII вв. н. э.

Аннотация. *Миграционные процессы первой половины I тыс. н. э. внесли существенные коррективы в культурную принадлежность жителей Витебского Подвинья. На смену днепровинским племенам пришло население, в материальной культуре которого доминировал праславянский компонент. Сформировавшийся здесь вариант киевской культуры послужил подосновой для раннеславянских общностей третьей четверти I тыс. н. э.*

Ключевые слова: *Витебское Подвинье, миграции, киевская культура, Великое переселение народов, банцеровско-тушемлинская общность, селища, домостроительство, вещевые комплексы, кривичи.*

Витебское Подвинье географически локализуется в бассейне среднего течения Западной Двины на участке между реками Ловатью, Усвячей, Касплей на востоке и Оболью, Уллой, Усвейкой на западе, то есть занимает северо-восточную и частично восточную часть современной Витебской области.

Благоприятные климатические условия, сложившиеся в изучаемом регионе в I–III вв. н. э., способствовали освобождению от воды значительной территории в зоне Лучосской и Суражской озерно-ледниковых низменностей, что открыло южным племенам проход в ранее труднодоступные места правого берега Западной Двины, где имелись плодородные аллювиальные почвы, пригодные для занятий земледелием и животноводством.

Новые земли привлекли в Витебское Подвинье не только родственные балтские племена культуры поздней штрихованной керамики, но и позднезарубинецкое население. Поселения носителей культуры поздней штрихованной керамики встречаются повсеместно, как в левобережной части исследуемого региона, так и на правобережье по рекам Усысе (правому притоку Оболи) и Овсянке: Казиново, Городок, Кули, Борки (*Бубенько,* 2021. С. 46). На присутствие в регионе носителей зарубинецких культурных традиций косвенно указывают находки керамики милоградского типа[2] (в Новом Селе, Бороникаx, Витебске, Загорцах) (рис. 1, *19–21*), подковообразных и воинской фибул (в Загорцах, Новом Селе) (рис. 1, *10, 13*), умбоновидной подвески и клада височных колец (в Бороникаx) (*Поболь,* 1983. С. 134) (рис. 1, *18*).

Вслед за носителями культур поздней штрихованной керамики и поздней зарубинецкой во второй четверти I тыс. н. э. в Витебское Подвинье начинают проникать отдельные группы носителей верхнеднепровского варианта киевской культуры (тип Абидня),

[1] Витебский государственный университет им. П. М. Машерова, Витебск, Республика Беларусь; e–mail: tanya.bubenko@mail.ru.

© Бубенько Т. С., 2025

[2] К милоградскому типу горшков беларусские археологи относят обломки верхних частей сосудов с венчиками воронкообразной формы, у которых вертикально поставленные или отогнутые шейка и венчик загнуты внутрь. По внешнему виду они похожи на керамику милоградского облика, однако имеют более вытянутое (яйцевидное) тулово и плоское донце. Встречаются на поселениях последней четверти I тыс. до н. э. — I в. н. э. в Центральной и Южной Беларуси, изредка в Беларусском Подвинье. По мнению исследователей, керамика милоградского типа появилась в результате контактов с южными соседями.

Рис. 1. Витебское Подвинье. Предметы зарубинецкого и киевского круга древностей: *1, 2* — винтообразные бусы (Новое Село, Городок); *3* — височное кольцо (Зароново); *4* — лунница пельтовидная (Зароново); *5* — очковидная подвеска (Новое Село); *6* — коническая подвеска (Загорцы); *7, 8* — монеты (Кордон); *9* — бляшка поясная (Загорцы); *10, 13, 14* — фибулы (Новое Село); *11, 12* — пряжки (Старое Село, Зароново); *15, 17* — предметы с выемчатыми эмалями (Черная Лоза) (Славяне…, 2016. Кн. 2. С. 423, фото 37, *1, 2*); *16* — фибула-брошь (Лукомль); *18* — височное кольцо из клада (Бороники); *19–21* — керамика (Новое Село, Бороники). Масштаб: *а* — для *1–15*; *б* — для *16–21*

вторжение которых следует рассматривать как первую волну праславянской экспансии к северу, на земли ближайших соседей. Свидетельством проникновения южных групп населения служат находки керамики с насечками по краю венчика (рис. 2, *5, 6, 12, 13*), фрагменты чернолощеной посуды, вещи с эмалями (рис. 1, *15–17*), подвязная фибула (рис. 1, *14*), стеклянные бусы (рис. 1, *1, 2*), бытовые предметы и т. д. (Славяне…, 2016. Кн. 1. С. 181–185, 191–193, рис. 4; Кн. 2. С. 267, 269). В археологическом комплексе Кордон найдены римские монеты: динарий Марка Аврелия (164 г.) и дидрахма Веспасиана и Тита (69–79 гг. н. э.) (Славяне…, 2016. Кн. 2. С. 325, 337) (рис. 1, *7, 8*).

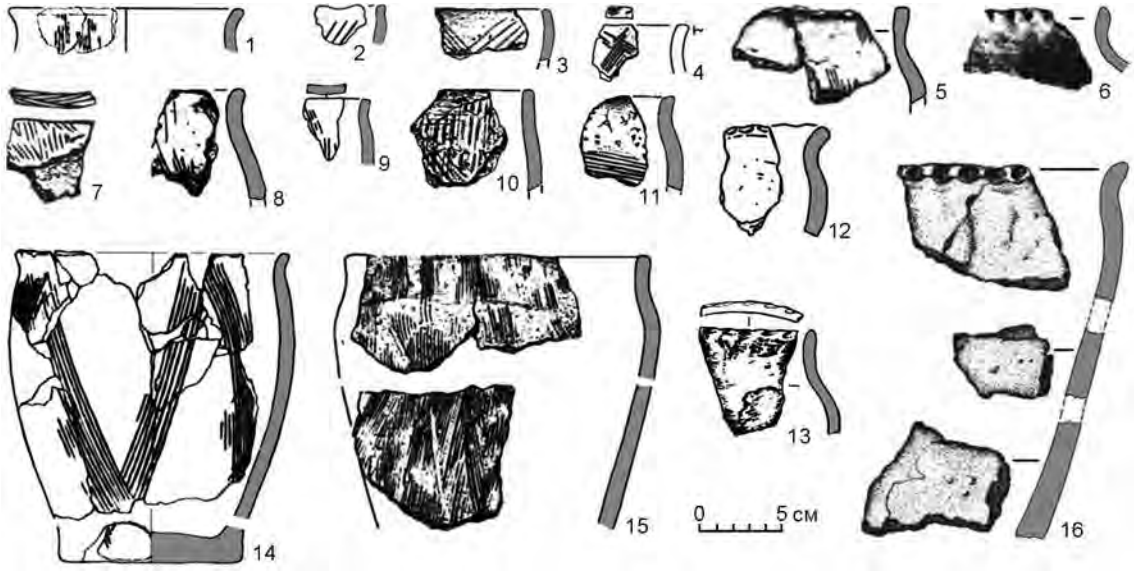

Рис. 2. Витебское Подвинье. Керамика второй четверти — середины I тыс. н. э.: *1* — селище Абузерье; *2* — городище Бороники; *3, 10, 11* — городище Вышедки; *4* — городище Бураково; *5, 15* — селище Городок; *6* — городище Лялевщина — Жеребцы; *7, 8* — селище Черная Лоза; *9* — городище Замошье; *12, 16* — селище Витебск; *13* — селище Кордон; *14* — городище Новое Село

Первоначально пришлое население занимает частично опустевшие к этому времени городища днепро-двинцев, чуть позднее на пологих склонах холмов, террасах и у подножья городищ обустраиваются неукрепленные поселки. Процесс расселения вторгшихся в Витебское Подвинье разных в этническом отношении групп мирным назвать нельзя. Напластования позднего этапа днепро-двинской культуры на всех исследованных поселениях (в Загорцах, Бураково, Новом Селе, Замошье, Старом Селе, Бороникаx) перекрыты зольно-угольным слоем.

Однако интенсивное заселение изучаемого региона праславянским населением киевской культуры следует относить к концу III — IV в. н. э. Визитной карточкой культуры является керамика с расчесами, которая зафиксирована на 26 памятниках Витебского Подвинья (рис. 3). В основном это подъемный материал и артефакты, полученные в результате разведочной шурфовки объектов. На поселениях, исследованных широкими площадями, доля керамики с расчесами весьма значительна: селище Луговое — Городок — 23,9 %, селище Черная Лоза — 15 %, городища Вышедки — 6,3 %, Замошье — 4,2 %, Новое Село — 1,5 %, Загорцы — 1,5 % (*Левко,* 2003. С. 166; Славяне…, 2016. Кн. 2. С. 259, табл. 1; *Шадыра,* 2005. С. 74, табл. 1)[3] (рис. 2, *1–4, 7–11, 14, 15*).

Концентрация праславянских памятников отмечена в двух районах Витебского Подвинья. На левобережье Западной Двины, южнее линии Черная Лоза — Лукомль — Старые Лавки — Бельняки, что совпадает с северной границей территории собственно племен носителей культуры штрихованной керамики. Второй район компактного расселения южных групп населения локализован в пределах Городокской и Витебской возвышенностей. Вне очерченных ареалов известны лишь единичные селища, все они тяготеют к высоким коренным берегам рек (Кордон, Крыжи, Старое Село, Витебск).

Приток в регион разноплеменных групп населения привел к изменениям в культурной принадлежности его обитателей, что прослеживается по составу, формообразующим признакам и орнаментации керамической посуды, появлению серии вещей, нехарактерных для днепро-двинцев. Судя по составу вещевых комплексов, во второй четверти I тыс. н. э.

[3] Выражаю признательность П. Н. Подгурскому за любезно предоставленную информацию и рисунки керамики из раскопок городищ Замошье и Новое Село Сенненского района Витебской области.

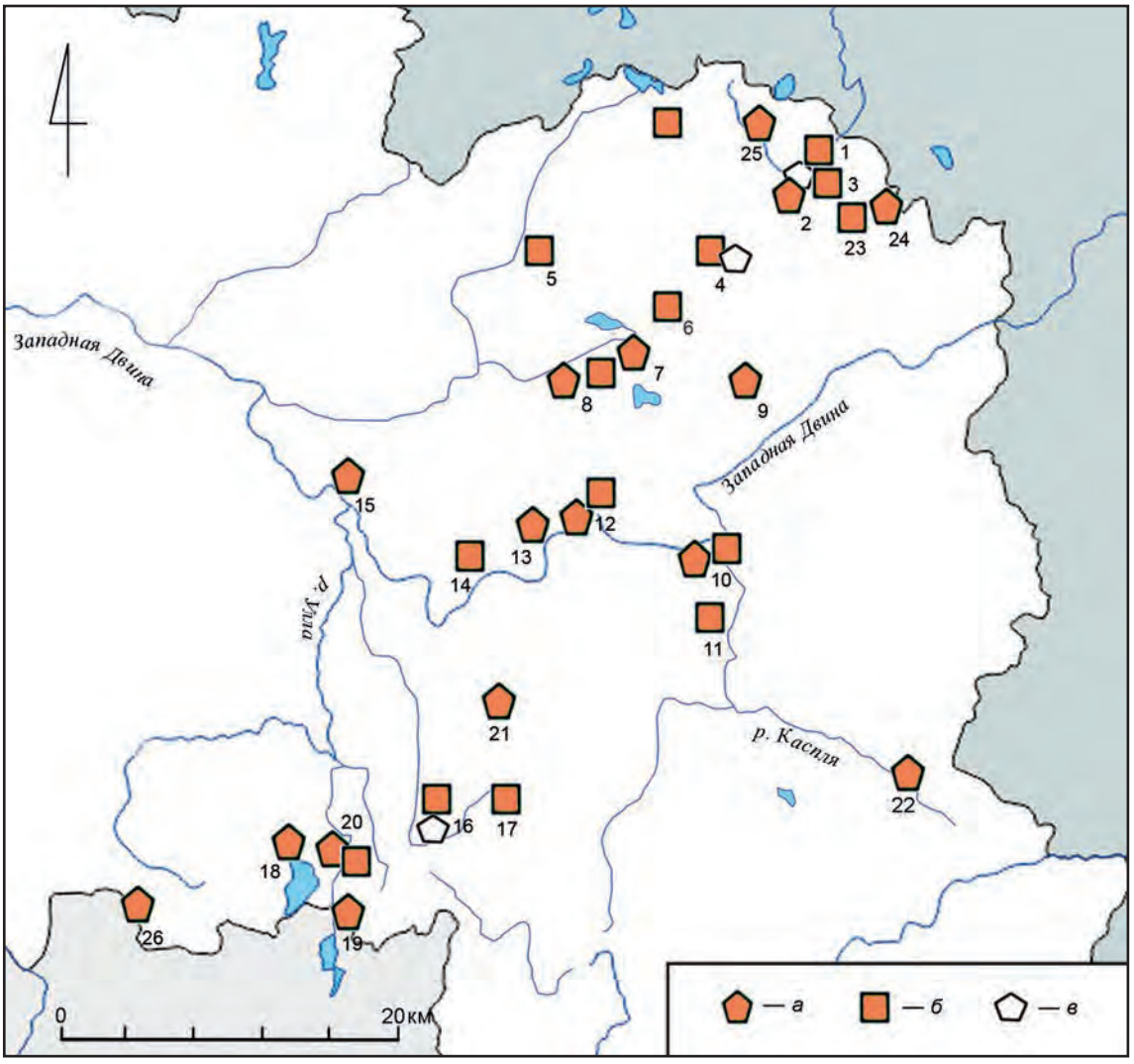

Рис. 3. Витебское Подвинье. Поселения с находками раннеславянской керамики «с расчесами»: *1* — Лялевщина — Жеребцы; *2* — Межа; *3* — Загорцы; *4* — Вышедки; *5* — Кисели — Пристань; *6* — Новый Болецк — Бураково; *7* — Городок; *8* — Казиново; *9* — Хоботы; *10* — Витебск; *11* — Витебск — Бороники; *12* — Старое Село; *13* — Уволоки — Крыжи; *14* — Синяково; *15* — Кордон; *16* — Новое Село; *17* — Замошье; *18* — Слободка; *19* — Старые Лавки; *20* — Лукомль; *21* — Хизова — Андруки; *22* — Бабиновичи; *23* — Куково; *24* — Борки; *25* — Дорохи; *26* — Черная Лоза (*а* — городище, *б* — селище, *в* — не изучалось)

в правобережной части Витебского Подвинья продолжают существовать днепро-двинские городища, жители которых ведут довольно замкнутый образ жизни (Карловка, Жеребцы, Мяклово) либо осуществляют незначительные контакты с пришлым населением (Загорцы, Старое Село, Бороники). Для южной части изучаемого региона, являющейся контактной зоной культуры поздней штрихованной керамики и днепро-двинской, характерны поселения смешанного типа (Новое Село, Старые Лавки, Лукомль). Возрастает количество поселений и с довольно высоким удельным весом керамических традиций киевской культуры (Черная Лоза, Городок, Вышедки, Замошье). Селище Зароново — пока единственный известный памятник киевской культуры, где не прослеживаются контакты с днепро-двинским окружением.

На неоднородность состава населения Витебского Подвинья указывает и многообразие домостроительных приемов этого периода:

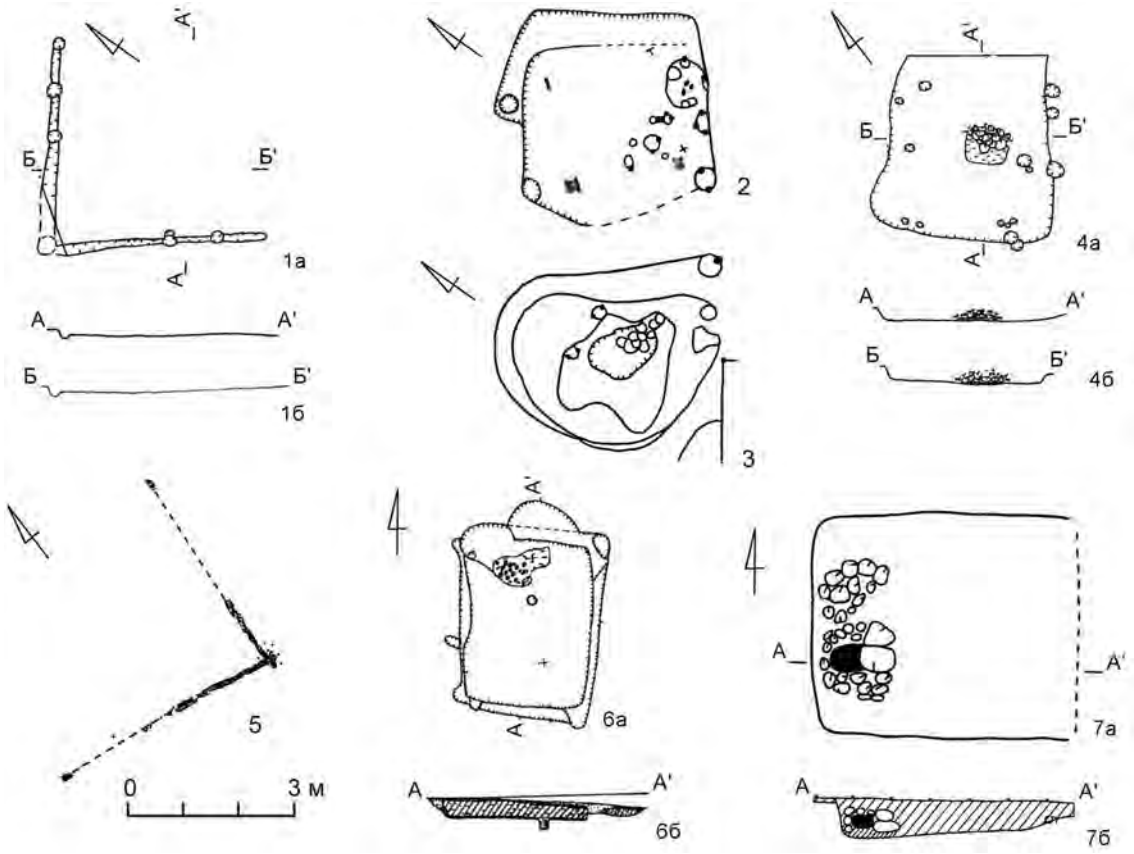

Рис. 4. Витебское Подвинье. Домостроительные приемы второй — третьей четверти I тыс. н. э.: *1а,1б* — наземная срубно-столбовая конструкция стен (план и разрезы); *2* — столбовая конструкция стен и нивелировочная врезка в склон; *3* — срубная с котлованом и очагом внутри; *4а, 4б* — срубная с углубленным в грунт нижним венцом (план и разрезы); *5* — срубная наземная; *6а, 6б* — полуземлянка срубной конструкции с центральным столбом (план и разрезы); *7а, 7б* — полуземлянка срубной конструкции без опорного столба (план и разрезы). *1, 4* — Старое Село; *2, 3, 6* — Зароново; *5* — Новое Село; *7* — Лужесно

1) постройки, впущенные в грунт на глубину 0,2–0,4 м, со столбовой конструкцией стен (Зароново, Бураково) (рис. 4, *2*);

2) наземные жилища со срубно-столбовой конструкцией стен и центральным местоположением очага (Старое Село) (рис. 4, *1а, 1б*) (Славяне…, 2016. Кн. 2. С. 302, рис. 3);

3) наземные либо углубленные на один-два венца постройки со срубной конструкцией стен (Новое Село, Замошье, Загорцы, Бураково, Бороники) (рис. 4, *4а, 4б, 5*);

4) срубная наземная постройка, внутри которой имелся корытообразный котлован глубиною 0,5 м с очагом и подочажной ямой (Зароново) (рис. 4, *3*);

5) жилище срубной конструкции с углубленной в материк до 0,5 м нижней частью и центральным столбом (селище Зароново) (рис. 4, *6а, 6б*).

В культурном слое поселений встречены вещи южного и центральноевропейского происхождения и их дериваты, наглядно иллюстрирующие направление миграционных потоков второй четверти — середины I тыс. н. э. Проушной боевой топор из Старого Села (типа 6, по Малонайтису) был распространен в Литве с конца III в., а его верхняя дата не выходит за пределы V в. (*Malonaitis,* 2002. S. 169, abb. 2, *6*). Маленькие круглые и овальные пряжки с утолщенной передней рамкой и хоботовидным язычком встречены в черняховских древностях последней четверти IV — первой половины V в. (*Гороховский,* 1988. С. 45) (рис. 1, *11, 12*). Появление В-образных рифленых пряжек в Восточной Европе

Рис. 5. Витебское Подвинье. Вещевой комплекс середины — третьей четверти 1 тыс. н. э.: *1* — шейная гривна (фрагмент) (Старое Село); *2, 7* — браслеты с расширенными концами (Старое Село, Зароново); *3* — височное кольцо (Старое Село); *4, 6, 11* — трубочки-пронизи (Новое Село, Загорцы); *5* — спиралька-пронизь (Замошье); *8* — бусина полиэдрическая (Зароново); *9* — подвеска трапециевидная (Загорцы); *10* — заклепка с многолепестковой розеткой (Загорцы); *12, 13, 19* — пряжки В-образные (Зароново); *14, 15* — бритвы (Старое Село); *16, 17* — шпоры (Зароново); *18* — боевой топор (Зароново)

исследователи относят к концу IV — второй половине VI / VII в. (*Михайлова,* 2011. С. 530) (рис. 5, *19*). Шпоры с коротким пирамидальным шипом и загнутыми наружу уплощенными крючками могли попасть в Витебское Подвинье с группами мигрирующего постзарубинецкого населения и относиться к периоду C_3 (второй трети IV в. н. э.) (*Казанский,* 1997. С. 265) (рис. 5, *16*). Бритвы с изогнутым лезвием и прямым черенком в позднеримское время широко представлены в памятниках пшеворской и киевской культур, в прибалтийских древностях их датируют III–IV вв. н. э. (Няверишке, Ябара Е) (*Егорейченко,* 2006. С. 84; *Шмидехельм,* 1955. С. 92, рис. 26, *7*) (рис. 5, *14*).

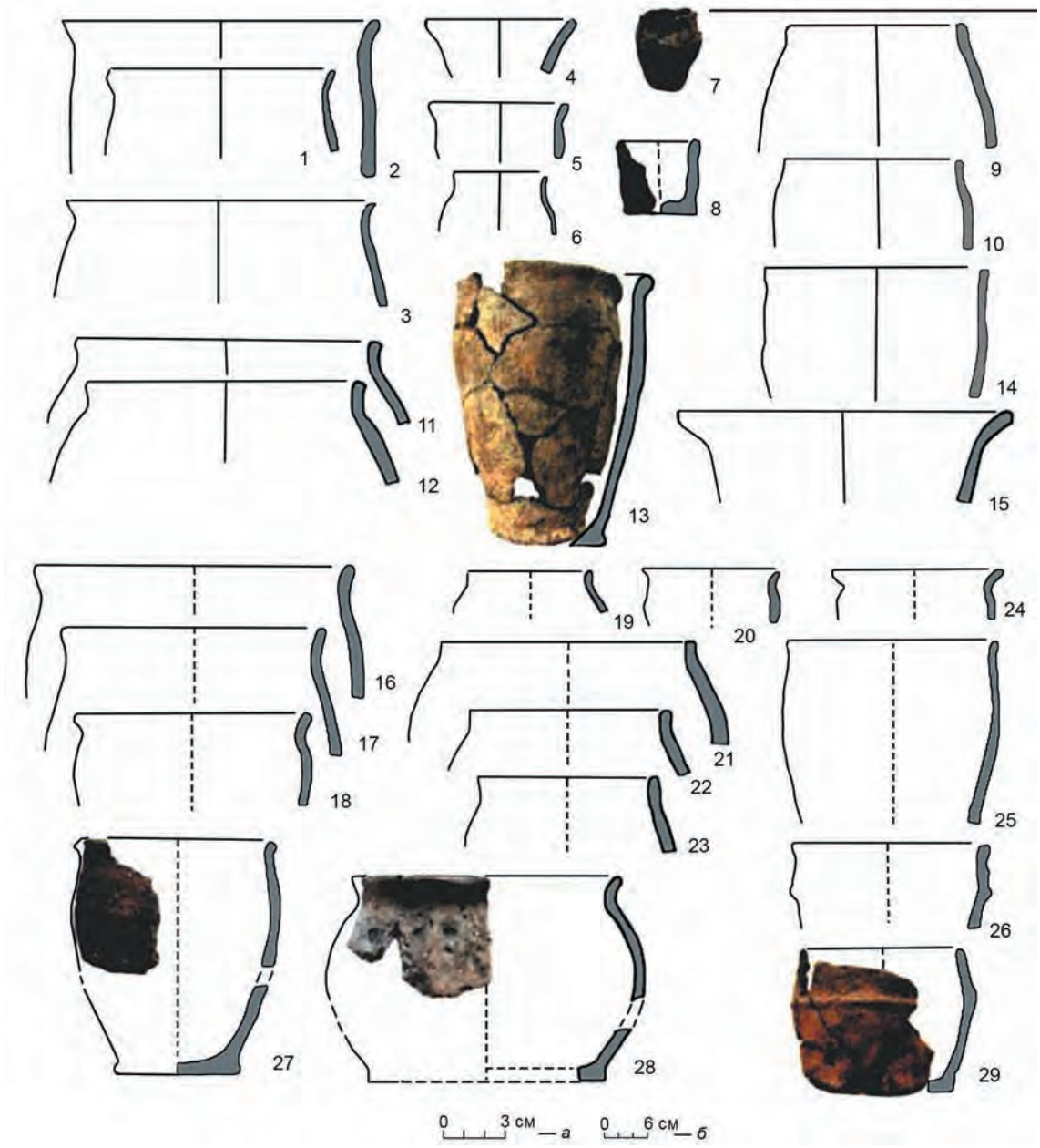

Рис. 6. Витебское Подвинье. Керамический комплекс селища Зароново:
1–15 — нижний стратиграфический горизонт (IV–V вв.); *16–29* — верхний стратиграфический горизонт (V–VII вв.). Масштаб: *а* — для *1–15*; *б* — для *16–29*

Таким образом, в результате как минимум двух волн миграций праславянских групп населения из южных областей в северные регионы к IV–V вв. в Витебском Подвинье формируется круг древностей типа Заозерье — Узмень — Городок, который российскими учеными предложено рассматривать как самостоятельный западнодвинский вариант киевской культуры (*Лопатин, Фурасьев,* 2007. С. 105). Именно этот пласт древностей сменил культуры раннего железного века (днепро-двинскую и штрихованной керамики) и послужил базой для развития культур середины — третьей четверти I тыс. н. э.

В этом контексте особо следует остановиться на селище Зароново, которое является своего рода мостиком от культур второй четверти к древностям второй половины I тыс. н. э.

Хронологические рамки существования селища Зароново — конец IV — VI в. Несмотря на то что сосудов с расчесами в раскопах не встречено, керамический комплекс нижнего слоя по морфологическим признакам близок к позднему этапу верхнеднепровского и деснинскому вариантам киевской культуры (рис. 6, *1–15*). Это подтверждается присутствием вещей центральноевропейского происхождения и их дериватов, которые могли попасть в регион из Поднепровья (рис. 1, *3, 4, 12*; 5, *19*).

В верхнем горизонте поселения преобладают артефакты, характерные для V–VI вв., либо те, временные рамки которых не выходят за эти пределы (рис. 5, *7, 8, 12, 13, 16, 17*). Керамический комплекс включает формы, характерные как для банцеровско-тушемлинской общности, так и для колочинской культуры (рис. 6, *16–29*).

Для периода середины — третьей четверти I тыс. н. э. характерно общее сокращение числа городищ и переход к жизни на селищах, которые становятся основным типом поселений. На сегодня в Витебском Подвинье известно более трех десятков неукрепленных поселений банцеровско-тушемлинской общности и культуры ранних (псковских) длинных курганов (рис. 7). Городища используются исключительно в качестве убежищ. Отметим лишь, что количество линий обороны и высота земляных укреплений в них имели тенденцию к увеличению (до 3–5 м).

Претерпевают изменения и домостроительные традиции населения. Многообразие строительных приемов, характерное для второй четверти I тыс. н. э., постепенно уступает место срубной технике возведения построек, которая в третьей четверти становится господствующей. Нижние части срубных построек исследованы на городищах Загорцы, Старое Село, Новое Село, Камень, Замошье. На городищах возводились квадратные в плане жилища площадью от 11 до 20 кв. м, в которых сохраняется центральное местоположение очага (Старое Село, Замошье) (рис. 4, *4а, 4б*). Каменные очаги по-прежнему сохраняют примитивную форму и устроены непосредственно на земляном полу или на тонкой глиняной подушке (Загорцы, Старое Село) (*Ляўданскі, Палікарповіч,* 1936. С. 222; Славяне…, 2016. Кн. 2. С. 302).

От селищенских жилищ сохранились котлованы под углубленные в грунт нижние части построек либо развалы очагов и куски глиняной обмазки стен в местах локализации наземных сооружений. Размеры наземных жилищ варьируются от 3,08 × 3,60 м до 3,6 × 5,4 м. Впущенные в материк на глубину 0,5–1,0 м постройки представлены квадратными или близкими к квадратным срубами размерами 3,0–4,0 × 5,0–5,5 м. Стены складывались из относительно тонких бревен и для лучшей теплоизоляции промазывались глиной.

Отопительные устройства в жилищах (Зароново, Лужесно, Илово) располагались возле одной из стен: ближней или дальней от входа. В основном это открытые очаги, изредка печи-каменки (Лужесно, Зароново). Судя по размерам подочажных ям, сооружения были небольшими (Зароново), иногда они устанавливались непосредственно на земляной пол.

Полностью исследованные жилые постройки середины — третьей четверти I тыс. н. э. отражают две традиции в домостроительстве Витебского Подвинья: местную, представленную *наземными* строениями срубной, реже архаичной столбовой конструкции, иногда с впущенным в грунт нижним венцом (селища Зароново, Старое Село), и южную, в которой были широко распространены постройки с углубленной в котлован нижней частью (селища Зароново, Лужесно, Старое Село) (рис. 4, *6а, 6б, 7а, 7б*).

Жилище на селище Зароново оставлено переселенцами из Поднепровья. Это углубленная в материк постройка размерами 3,75 × 2,80 м, в которую вел устроенный снаружи вход в виде округлой ступеньки или пологой ниши-пандуса (рис. 4, *6а, 6б*). Стены имели срубную конструкцию, нижний венец был впущен в материк. Справа от входа зафиксирован развал очага размерами 0,8–1,0 × 0,8 м с подочажной ямой, в которой, собственно, и лежала основная часть камней. В жилище имелся деревянный пол, на что указывает мощный (до 5 см) слой угля. Перекрытие крыши поддерживали столбы: центральный диаметром 0,2 м и опорные по углам котлована, установленные без дополнительного вкапывания.

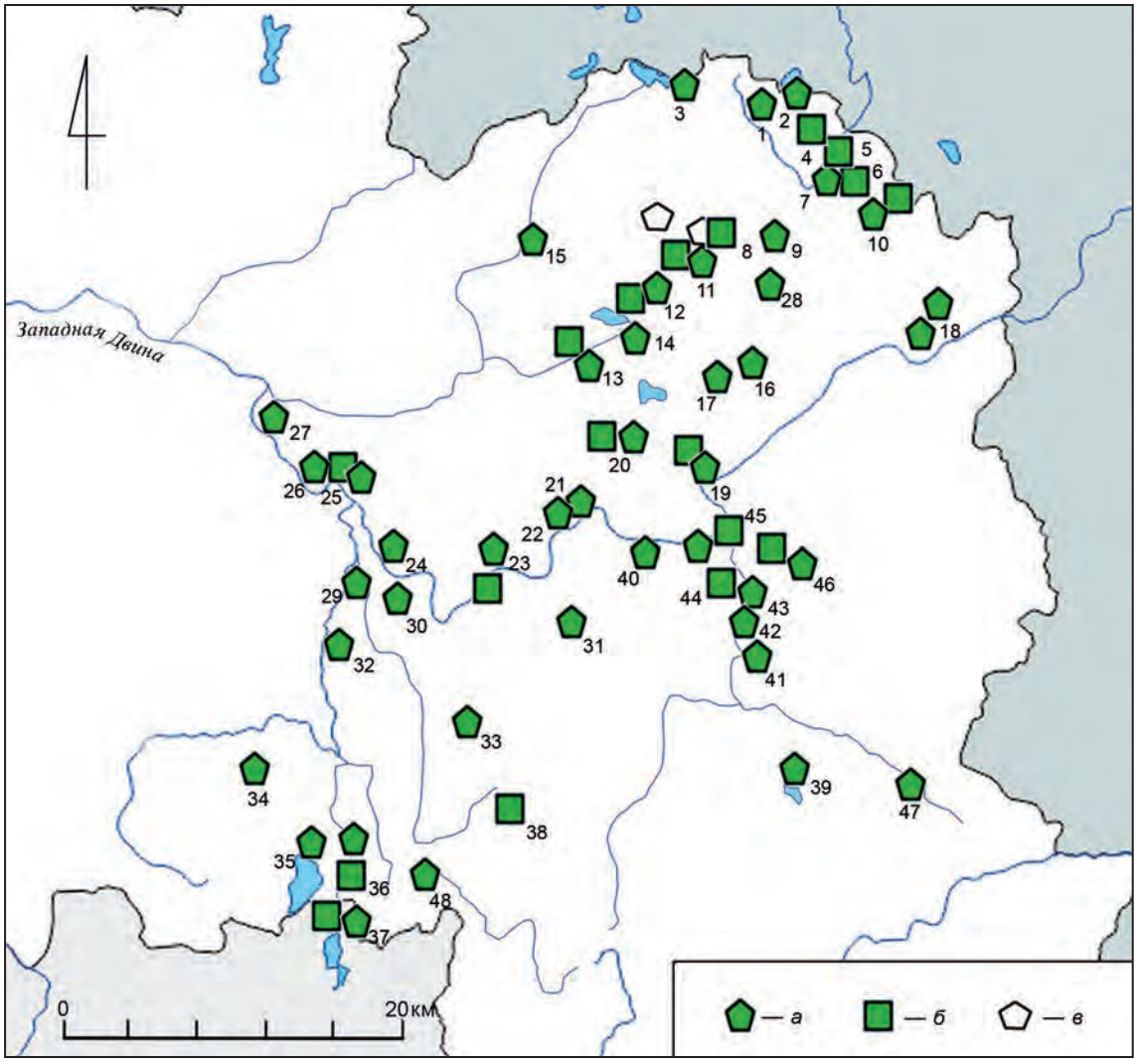

Рис. 7. Витебское Подвинье. Карта поселений второй половины I тыс. н. э.: *1* — Бибино; *2* — Дорохи; *3* — Жуково; *4* — Лялевщина — Карловка; *5* — Лялевщина — Жеребцы; *6* — Степановичи — Загорцы; *7* — Межа; *8* — Вышедки; *9* — Двухполье; *10* — Борки; *11* — Бескатово; *12* — Новый Болецк — Бураково; *13* — Казиново; *14* — Городок; *15* — Кисели — Пристань; *16* — Хоботы; *17* — Кули; *18* — Казаково; *19* — Лужесно; *20* — Зароново; *21* — Старое Село; *22* — Уволоки — Крыжи; *23* — Бокишево; *24* — Надежино; *25* — Кордон; *26* — Илово; *27* — Филиповка; *28* — Селезни — Мямли; *29* — Стрижев; *30* — Ворохобки; *31* — Дубрава; *32* — Подрезы; *33* — Хизова — Андруки; *34* — Кострица; *35* — Слободка; *36* — Лукомль; *37* — Старые Лавки; *38* — Замошье; *39* — Серокоротня; *40* — Каныши; *41* — Кузменцы; *42* — Мяклово; *43* — Селюты — Шапуры; *44* — Витебск — Бороники; *45* — Витебск; *46* — Жолнерово; *47* — Бабиновичи; *48* — Бельняки
(*а* — селище, *б* —городище, *в* — неисследованные селища)

Строение, по-видимому, было покрыто дранкой либо жердями, поверх которых насыпали слой песка толщиной до 0,2 м (Славяне…, 2016. Кн. 2. С. 279–281, рис. 5; 6).

Полуземлянка на селище Лужесно размерами 4,0 × 5,0 м имела срубную конструкцию стен и была углублена в материк на 0,5–1,0 м. У дальней от входа стены, недалеко от угла, находилась печь-каменка. Ее развал размерами 1,5 × 1,5 м сохранился на высоту 0,6 м (рис. 4, *7а, 7б*). Несмотря на разрушенный свод, устье печи не пострадало, размеры внутреннего пространства невелики — 0,2 × 0,2 м. Отопительное сооружение возведено

непосредственно на земляном полу жилища. В постройке отсутствует центральный столб, поддерживающий конструкции крыши, которая, по наблюдениям автора раскопок, опиралась не на котлован, а на наземную часть стен. Углубленное в землю жилище на селище Лужесно оставлено населением банцеровско-тушемлинской общности (*Штыхаў,* 2003. С. 260, мал. 7).

Конструктивные изменения повлекли за собой смену планировочной структуры жилых помещений и совершенствование отопительных устройств. На смену открытым очагам приходят печи-каменки, которые занимают место у стены, в некоторых случаях рядом с входом. Исследованные печи-каменки, судя по основанию, имели форму круга диаметром 1,0–1,5 м, размеры устья не превышали 0,2 × 0,2 м (*Там же*. Мал. 7). Под основание могла быть подведена подушка из глины и культурного слоя (Зароново), однако чаще всего поды в печах-каменках отсутствуют (Лужесно, Старое Село, Зароново).

Конструктивные особенности исследованных построек, соотношение печь — передний угол — вход позволяют предположить, что под влиянием пришлого населения в Витебском Подвинье начинает оформляться тип внутренней планировки жилища с печью в ближайшем от входа углу, впоследствии известный как белорусский тип планировки (*Спегальский,* 1972. С. 63).

Вещевые комплексы, полученные в ходе исследования поселений, представлены довольно скудно. Кроме керамики изредка встречаются железные шпоры, верхнюю дату существования которых можно довести до VII в. (*Перхавко,* 1978. С. 122) (рис. 5, *16, 17*). Хронологические рамки бытования браслетов с утолщенными концами укладываются в VI–VII вв. (*Михайлова,* 2011. С. 533–536, 543) (рис. 5, *2, 7*). Полиэдрические бусы из синего стекла известны практически во всех культурах Восточной Европы в IV–VII вв. н. э. На сопредельных с Витебским Подвиньем памятниках культуры псковских длинных курганов исследователи называют более раннюю дату: вторая половина IV — первая половина VI в. (*Мастыкова, Плохов,* 2010. С. 348) (рис. 5, *8*). Формы сосудов настолько универсальны, что могут быть отнесены как к банцеровско-тушемлинской общности, так и к культуре ранних длинных курганов, ряд форм имеет черты сходства с колочинской керамикой.

На наш взгляд, следует согласиться с выдвинутой российскими археологами гипотезой, что древности круга Узмень — Заозерье — Городок послужили единой подосновой для банцеровско-тушемлинской общности и для культуры ранних длинных курганов (*Лопатин, Фурасьев,* 2007. С.105).

Наличие на правобережной части Витебского Подвинья курганных могильников VI–VIII вв. Дорохи, Бескатово, Лятохи, Старое Село, Хоботы позволяет включить исследуемый регион в зону распространения ранних длинных курганов, которые интерпретируются как погребения балто-славянского населения (*Штыхаў,* 1992. С. 95).

В конце VIII в., по мнению ряда ученых, на смену банцеровско-тушемлинской общности приходит новое население, оставившее после себя смоленско-полоцкие длинные курганы. Материальная культура этих племен кардинально отличается от древностей третьей четверти I тыс., так как была связана с балтскими древностями и распространилась в Поднепровье и Подвинье в уже сложившемся виде (*Шмидт,* 2006. С. 113, 118; *Шадыра*, 2006. С. 120). Новое население исследователи отождествляют с ранними кривичами.

В отличие от Смоленского Поднепровья, где Е. А. Шмидт отмечает насильственную смену населения на рубеже VIII–IX вв., на исследованных поселениях в Витебском Подвинье подобной картины мы не наблюдаем (селища Старое Село, Городок, Витебск). Между культурой длинных курганов VI–VIII вв. и погребальными памятниками IX–XI вв., которые признаны славянскими, прослеживается преемственность в погребальной обрядности, к тому же они сосуществуют в одних могильниках. Вышеизложенное указывает на то, что подоснову культуры кривичей следует искать в местных культурах третьей четверти I тыс. н. э. Г. В. Штыхов на примере курганных могильников возле д. Дорохи в окрестностях

озера Сенница выделил три стадии развития культуры длинных курганов: третья четверть I тыс. н. э., последняя четверть I тыс. и XI–XII вв. (*Штыхаў,* 1992. С. 105). Просуществовав до XI–XII вв., культура входит составной частью в культуру Древней Руси.

Бубенько, 2021 — *Бубенько Т. С.* Предварительные итоги изучения поселений I тыс. до н. э. — первой половины I тыс. н. э. в Витебском Подвинье // Ученые записки УО «ВГУ им. П. М. Машерова»: Сб. науч. трудов / Гл. ред. В. В. Богатырёва. Витебск: Витебский ГУ им. П. М. Машерова, 2021. Т. 34. С. 42–49.

Гороховский, 1988 — *Гороховский Е. Л.* Хронология черняховских могильников Лесостепной Украины // Труды V Междунар. конгр. археологов-славистов. Т. 4. Секция 1: Древние славяне. Киев: Наукова думка, 1988. С. 34–46.

Егорейченко, 2006 — *Егорейченко А. А.* Культуры штрихованной керамики. Минск: Беларусский ГУ, 2006. 207 с.

Казанский, 1997 — *Казанский М. М.* Оружие киевской культуры // Памятники старины: концепции, открытия, версии. Памяти В. Д. Белецкого, 1919–1997. Т. 1. СПб.; Псков: Невельская типография, 1997. С. 262–269.

Левко, 2003 — *Левко О. Н.* Археологическое исследование селища у оз. Луговое на территории г. п. Городок Витебской обл. // Материалы по археологии Беларуси. 2003. Минск: Арти-Фекс, 2003. Вып. 8: Ранние славяне Белорусского Поднепровья и Подвинья (к 80-летию Л. Д. Поболя). С. 164–181.

Лопатин, Фурасьев, 2007 — *Лопатин Н. В., Фурасьев А. Г.* Северные рубежи раннеславянского мира в III—V вв. н. э. М.: ИА РАН, 2007 (Раннеславянский мир; Вып. 8). 252 с.

Ляўданскі, Палікарповіч, 1936 — *Ляўданскі А. Н., Палікарповіч К. М.* Археалагічныя доследы ў БССР у 1933–1934 гг. // Запіскі Беларускай Акадэміі навук. Менск: Беларуская акадэмія навук, 1936. Кн. 5. С. 211–223.

Мастыкова, Плохов, 2010 — *Мастыкова А. В., Плохов А. В.* Датировка и происхождение стеклянных бус из могильника у оз. Съезжее // Диалог культур и народов средневековой Европы. К 60-летию со дня рождения Е. Н. Носова / Ред. А. Е. Мусин, Н. В. Хвощинская. СПб.: Дмитрий Буланин, 2010. С. 337–357.

Михайлова, 2011 — *Михайлова Е. Р.* Хронология и периодизация вещевого комплекса культуры псковских длинных курганов // Петербургский апокриф. Послание от Марка / Ред. О. В. Шаров. Кишинев: ВАШ, 2011 (Библиотека Stratum). С. 527–555.

Перхавко, 1978 — *Перхавко В. Б.* Появление и распространение шпор на территории Восточной Европы // СА. 1978. № 3. С. 113–126.

Поболь, 1983 — *Поболь Л. Д.* Археологические памятники Белоруссии: Железный век. Минск: Наука и техника, 1983. 456 с.

Славяне…, 2016 — Славяне на территории Беларуси в догосударственный период: к 90-летию со дня рождения Л. Д. Поболя. В 2 кн. / Науч. ред. О. Н. Левко, В. Г. Белевец. Минск: Беларуская навука, 2016. Кн. 1. — 506 с. Кн. 2. — 440 с.

Спегальский, 1972 — *Спегальский Ю. П.* Жилища северо-западной Руси IX–XIII вв. Л.: Наука, 1972. 275 с.

Шадыра, 2005 — *Шадыра В. І.* Гарадзішча Вышадкі Гарадоцкага раёна // Гістарычна-археалагічны зборнік / Гал. рэд. А. Калечыц. Мінск: Інстытут гісторыі НАН Беларусі, 2005. Вып. 20. С. 73–78.

Шадыра, 2006 — *Шадыра В. І.* Беларускае Падзвінне (I тысячагоддзе н. э.) / Навук. рэд. Г. В. Штыхаў. Мінск: Інстытут гісторіі НАН Беларусі, 2006. 150 с.

Шмидехельм, 1955 — *Шмидехельм М. Х.* Археологические памятники периода разложения родового строя на северо-востоке Эстонии. Таллин: Эстонское гос. изд-во, 1955. 289 с.

Шмидт, 2006 — *Шмидт Е. А.* Особенности этнокультурного развития племен Смоленского Поднепровья и смежных территорий в III–X веках н. э. // Гістарычна-археалагічны зборнік / Гал. рэд. А. Калечыц. Мінск: Інстытут гісторыі НАН Беларусі, 2006. Вып. 22. С. 113–120.

Штыхаў, 1992 — *Штыхаў Г. В.* Крывічы: па матэрыялах раскопак курганоў у Паўночнай Беларусі. Мінск: Навука и тэхніка, 1992. 191 с.

Штыхаў, 2003 — *Штыхаў Г. В.* Лужаснянскі археалагічны комплекс каля Вітебска // Материалы по археологии Беларуси. 2003. Минск: Арти-Фекс, 2003. Вып. 8: Ранние славяне Белорусского Поднепровья и Подвинья (к 80-летию Л. Д. Поболя). С. 258–277.

Malonaitis, 2002 — *Malonaitis A.* Schmaläxte mit Nacken in Litauen // Archaeologia Baltica. 2002. Vol. 5. P. 163–183.

The coast of the Dvina River near Vitebsk in the 3rd–8th centuries AD

T. S. Buben'ko

Keywords: the coast of the Dvina River near Vitebsk, migrations, Kyivan culture, the Great Migration of Peoples, the Bancerov-Tushemlya community, settlements, house-building, clothing complexes, Krivichi

Migration processes in the first half of the first millennium AD significantly altered the cultural affiliation of the inhabitants of the the coast of the Dvina River near Vitebsk. The Dnieper tribes were replaced by a population whose material culture was dominated by the Proto-Slavic component. The variant of the Kievan culture that developed here served as the basis for the early Slavic communities of the third quarter of the first millennium AD.

***М. В. Климов*[1]**

Черствяды. К вопросу о возможности локализации одного из княжеских дворов в округе Полоцка

Аннотация. *Статья посвящена вопросу возможности локализации ранее неизвестного княжеского двора в округе Полоцка около южной оконечности оз. Черствятское, в 32 км на юг от г. Полоцка. Предположение о существовании здесь княжеского двора было выдвинуто В. А. Ворониным. Для проверки указанной версии в 2019–2020, 2023 гг. автором статьи были проведены раскопки в указанном микрорегионе на поселении Черствяды-3, основные результаты которых изложены в статье. На основе результатов исследований было доказано существование на мысовой части, образованной р. Выдрицей и оз. Черствятским, феодального двора конца XI — XII в., однако представленные результаты не указывают четко на какую-либо связь между памятником и полоцким княжеским домом.*

Ключевые слова: *XI–XII вв., Полоцк, Черствяды, феодальный двор, княжеские владения, следы построек, керамика, элитарная культура.*

О владениях князей в округе городов в период XI–XIII вв. известно не так и много. В основном речь идет о письменных источниках, в которых тот или иной существующий сейчас населенный пункт отождествляется с летописным упоминанием. И только археологические раскопки позволяют уточнить так ли это на самом деле.

Вынесенное в название понятие «княжеский двор» имеет определенно обобщающий смысл и подразумевает не просто княжеские земельные владения в округе города, а в первую очередь двор с особым статусом и функциями, который непосредственно управлялся княжеской администрацией[2]. Например, П. П. Толочко в одной из своих известных монографий указывал на наличие по письменным источникам вокруг Киева не менее 10 княжеских дворов (*Толочко*, 1989. С. 88). Конечно, выделить такие дворы как «княжеские» по археологическим критериям было значительно сложнее, чем в самом Киеве (*Іевлев и др.*, 2016. С. 71–85). Это в полной мере касается Полоцка и его округи. Обратимся непосредственно к анализу материалов.

В Полоцке и в ближней округе города до последнего времени предположительно можно было говорить о трех княжеских дворах, резиденциях, а именно: 1) Городище — первоначальный детинец Полоцка; 2) Верхний замок; 3) Бельчица. Раскопки, проведенные на Городище Д. В. Дуком в 2007 г., показали высокий в социальном отношении уровень материальной культуры и позволили исследователю сделать вывод о том, что на городище в IX–XIII вв. размещался княжеский двор, который, видимо, в течение XI–XIV вв. имел статус княжеской резиденции (*Дук*, 2009. С. 265; *Дук и др.*, 2012. С. 72).

Два других княжеских двора были связаны с Верхним замком и Бельчицей, на что в свое время указывал Г. В. Штыхов (*Штыхов*, 1975. С. 33). В XI в. Верхний замок Полоцка

[1] Институт истории НАН Беларуси, г. Минск, Республика Беларусь; e-mail: palatida@mail.ru.
© Климов М. В., 2025

[2] Здесь мы полностью исключаем рассмотрение юридического понятия «двор», «княжеский двор» как института власти или объекта наследственных или других юридических отношений, а концентрируемся на возможности связать археологические материалы с указанным понятием.

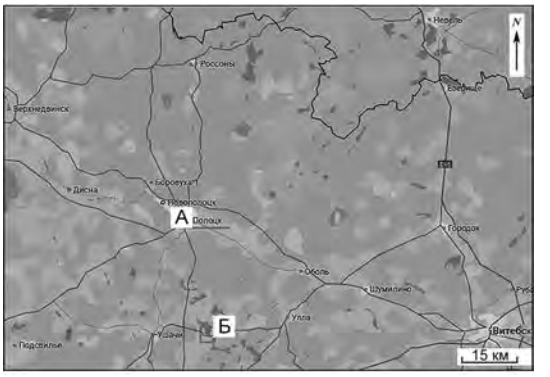

Рис. 1. Расположение Черствяд относительно Полоцка

выполнял функции детинца, и здесь же располагался княжеский двор, к которому, возможно, относился так называемый княжеский дворец, впервые исследованный П. А. Раппопортом (*Раппопорт, Шолохова*, 1981). Если согласиться с С. В. Тарасовым о постепенном переносе функций детинца на Верхний замок в течение третьей четверти XI в., то и основание княжеского двора на этой территории также необходимо датировать указанным временем (*Тарасаў*, 2001. С. 37). Об этих двух резиденциях ничего не говорится в источниках. Только Бельчицы упоминаются в летописи относительно событий, связанных с Ростиславом Глебовичем, который в 1159 г. бежал от горожан в Бельчицу (Ипатьевская летопись…, 2001. С. 495). Археологически определить, где была эта резиденция, а соответственно, и двор, пока не удалось. Можно согласиться с Д. В. Дуком, что это была явно не территория Борисоглебского монастыря (*Дук*, 2010. С. 33, 34; *Дук и др.,* 2012. С. 72). Бельчица сохраняет определенный юридический статус и в период позднего средневековья как «дворец замковый Бельчица», продолжая функции более раннего княжеского двора (Полоцкая ревизия…, 1905. С. 72).

Круг источников о княжеских дворах в Полоцке и его округе ограничен и хорошо известен, так что ожидать появления новых сведений не приходится, однако вопрос нахождения в древности военно-административного аппарата в иных местах был впервые поднят историками, а позже получил развитие в работах автора.

Изучая вопрос о землевладении вокруг Полоцка в позднесредневековый период белорусский историк В. А. Воронин отметил, что в конце XIV в. при замене Витовтом удельных князей на назначаемых им воевод все земельные владения бывших князей переходили в управление воевод, что было логичным и имело универсальный характер (*Варонін*, 2012. С. 118). И среди этих всех владений в документах XV–XVI вв. выделяется «воеводский двор в Черствятах». Во-первых, обращает на себя внимание удаленность указанного двора от Полоцка. Напрямую от Полоцка (рис. 1, *А*) до д. Черствяды Ушачского района (рис. 1, *Б*) расстояние 32–33 км. Во-вторых, в документах подчеркивается значимость указанного двора, так как в 1500 г. там гостил великий князь литовский Александр (*Варонін*, 2013. С. 72). В «Полоцкой ревизии 1552 г.», как и в других документах, подчеркивается особая хозяйственная роль двора не только в обеспечении продуктами питания воеводы и его администрации, но и в организации охоты. При этом в XVI в. указанный хозяйственный комплекс включал несколько дворов, связанных между собой (Полоцкая ревизия…, 1905. С. 63–66). Исходя из вышесказанного его можно рассматривать в качестве «загородной резиденции» в период позднего Средневековья. Но в ответе на вопросы, являлось ли это место таковым в раннесредневековый период и где конкретно располагался княжеский двор, обратимся к данным археологии.

Еще во время археологических разведок 2004 г. автором статьи на южной оконечности Черствятского озера было найдено четыре поселения, границами между которыми являлись дорога и р. Выдрица (*Клімаў*, 2004. С. 22–23, мал. 22). Подъемные материалы показали относительную синхронность поселений, с превалированием керамики XII в. Безусловно, попадалась и более ранняя, и более поздняя керамика. Эти открытия так и оставались не востребованными вплоть до 2019 г., когда возникла идея проверить версию В. А. Воронина и на основе археологических данных попробовать локализовать неизвестный княжеский двор в округе Полоцка, который, судя по сбору гончарной керамики, мог датироваться в пределах XI–XII вв.

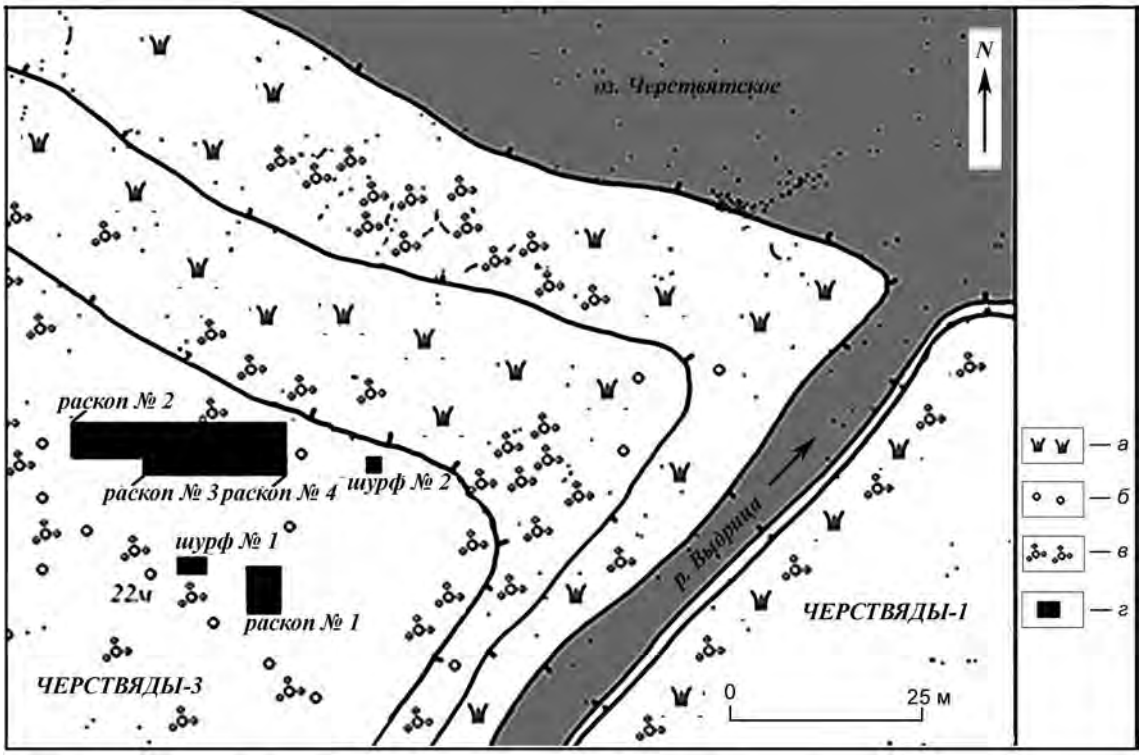

Рис. 2. План исследований в пределах поселения Черствяды-3. Условные обозначения:
а — низинный пойменный луг; *б* — деревья; *в* — кустарник;
г — исследованная площадь в пределах памятника

Место раскопок. Учитывая результаты разведок 2004 г., а также наилучшую сохранность культурных отложений в высокой мысовой части памятника, наиболее перспективными для поисков материальных остатков XI–XII вв. являлись участки поселений Черствяды-1 и Черствяды-3 (рис. 2)[3].

Археологические раскопки проводились на части поселения Черствяды-3 в течение трех полевых сезонов (2019–2020, 2023 гг.)[4]. Было заложено четыре небольших раскопа и два шурфа, общей площадью 180 кв. м (*Клімаў*, 2019а; 2020). Также проведено планшетное обследование территории памятника[5]. Частично материалы указанных работ были опубликованы в обобщающих статьях автора (*Клімаў*, 2022. С. 148–150; 2024а).-

При поиске княжеского двора перед исследователями стоял вопрос: какие археологические комплексы и находки являются индикаторами «княжеского статуса» поселения? Безусловно, речь должна была идти о поселении с высоким социальным уровнем материальной культуры по сравнению с рядовыми поселениями, с фрагментами амфор, дорогих украшений, возможно, оружия, отдельных артефактов или вислых печатей, связанных с представителями полоцкого княжеского дома[6]. В раскопе 1, а также шурфах 1 и 2 (рис. 2; 3) обнаружить подобные комплексы не удалось. В свою очередь материалы

[3] Возможность проведения раскопок поселения Черствяды-1 в настоящее время ограничена из-за юридического статуса земельного участка.

[4] Далее по тексту для уменьшения объема ссылок на отдельные страницы отчетов все объекты и раскопы будут дополнительно маркироваться исключительно годом археологических работ.

[5] Результаты указанного обследования были очень скромными (см. рис. 5, II) по причине распашки памятника до 2012 г. и искусственного изъятия артефактов «черными копателями».

[6] Здесь мы опустим дискурс о том, какие это должны были быть печати в равной степени, как и рассуждения о вещах с изображением трезубцев.

Рис. 3. Черствяды-3. Общий вид раскопа (*1*) и виды местоположения книжной застежки (*2*) и наконечника стрелы (*3*) в заполнении ямы 1 раскопа 1

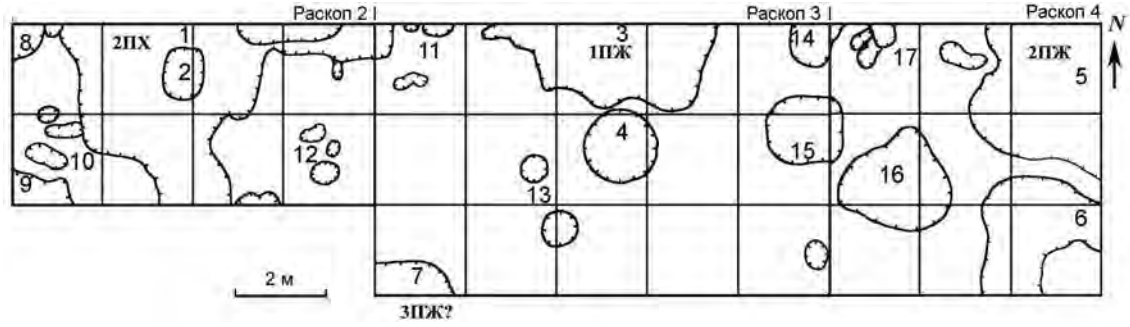

Рис. 4. Черствяды-3. Сводный план раскопов 2–4

раскопа 2, находящегося на части поселения Черствяды-3, примыкающей к южному берегу озера (рис. 2, *раскоп 2*; 4), показали, что застройка на поселении располагалась по периметру береговой линии, поэтому и последующие раскопы 3 и 4 были разбиты по одной линии с раскопом 2 (рис. 2; 4). С учетом полученных материалов дадим краткую характеристику хронологии поселения Черствяды-3, а затем рассмотрим изученные объекты.

На основе результатов археологического исследования было выделено пять основных периодов жизнедеятельности в пределах поселения:

1) развитие стоянки периода неолита — бронзового века[7];

2) грунтовый могильник, хронология которого связана с временным промежутком до конца XI в.[8];

3) следы поселения второй половины X — XI в.[9];

4) поселение, двор конца XI — второй половины XII в.;

5) хозяйственная часть двора XVI–XVII вв.[10]

---

[7] Эти материалы были определены Макс. М. Чернявским и до настоящего времени не публиковались.

[8] Относительно могильника никаких временных маркеров нами получено не было, кроме факта нарушения одного из погребений комплексом XII в. Этот могильник имел восточную ориентировку погребенных и не связан непосредственно с заявленной темой, а поэтому подробно в данной публикации не анализируется.

[9] Отдельные закрытые комплексы указанного периода отсутствуют, однако некоторые находки и керамика говорят о более раннем процессе жизнедеятельности в пределах исследованной территории, не связанной с могильником, два погребения в котором были безынвентарными.

[10] В связи с тем что следы реально существующих построек и артефакты указанного периода носили минимальный характер (не фиксируются жилые комплексы, а только отдельные подсыпки или каменные выкладки) и не относятся к теме публикации, они упоминаются лишь попутно, без углубленного анализа.

В соответствии с нашей темой интерес представляет четвертый период жизнедеятельности поселения, который непосредственно маркировался отдельными закрытыми комплексами, объектами, среди них речь можно вести о следах **двух** построек хозяйственного назначения (рис. 3, *1*; 4, 2ПХ), **двух** жилых построек (рис. 4, *1ПЖ, 2ПЖ*) и об отдельной материковой яме, связанной, возможно, с третьей жилой постройкой (рис. 4, *3ПЖ*)[11].

Характеристика построек

Первая постройка хозяйственного назначения из раскопа 1 (2019 г.) уже нами публикавалась в одной из статей, поэтому здесь приведем ее краткую характеристику (*Клімаў,* 2022. С. 148, мал. 1, *А*). Общие контуры постройки не просматривались, но в ней находилась большая заглубленная хозяйственная яма размерами 1,8–2,1 × 3,4 м и глубиной 0,45–0,70 м (рис. 3, *1*). Следов печи или очага, концентрации глиняной обмазки над ямой не обнаружено. Укажем на одномоментное заполнение ямы — она была засыпана в первой половине XII в. Если не считать рыболовных снастей и фрагмента тигля (рис. 5, *I, 16*), в яму при засыпке попали книжная застежка (рис. 3, *2*; 5, *10*) и наконечник стрелы (рис. 3, *3*; 6, *20*). Показательна глубина залегания указанных находок, книжная застежка — в нижней части ямы (рис. 3, *1*), а наконечник стрелы — в верхней (рис. 3, *3*). Эта постройка предназначалась для хранения каких-то припасов.

Вторая постройка хозяйственного назначения вызывает большой интерес. Она частично вошла в раскоп 2 (2019 г.) и была представлена большой материковой ямой с «шеей» размерами 4,2 × 4,0 м (рис. 4, *2ПХ*). Над ямой и частично в ней был зафиксирован развал печи (рис. 7, *I, А*) с остатками деревянной камеры (опечка), к которой примыкала деревянная прямоугольная конструкция (рис. 7, *I, Б*). Слева от указанных конструкций зафиксирован развал камней (рис. 7, *I, В*), часть которых была сильно обожжена. Деревянная конструкция печи была сложена из бревен, обмазанных толстым слоем глины. Остатки этой обмазки представляли компактное скопление и фиксировали момент разрушения конструкции (рис. 7, *II*), которая в обожженном виде повторяла контуры бревен диаметром 14–15 см, примыкающих друг к другу (рис. 7, *II, 1, 2*)[12], со следами засечек, образовавших «шипы» (рис. 7, *II, 3, 4, 8, 9*). Особенностью постройки следует признать заглубление ее в материк до 0,40–0,45 м. В разрезе северной стенки прослеживается устье топочной камеры (рис. 4, *2ПХ, 1*; 7, *III, А*) и ее заглубление в материк в нижней части ямы (рис. 4, *2ПХ, 2*; 7, *III*).

Минимальное количество керамики, вместе с отсутствием оплавленных от высокотемпературного нагрева глиняных артефактов и шлаков от плавки металлов, исключает ее использование в качестве как керамического, так и металлургического горна. Версия относительно овина также не выдерживает критики, так как обмазка деревянной камеры глиной нецелесообразна в данном сооружении, как и нахождение источника огня в центральной заглубленной части, а не за пределами основного контура помещения, как обычно выглядят подобные сооружения (*Тропин*, 2017. С. 134–139, рис. 2 и 5). Не совсем ясна

[11] Ниже будут приводиться точные данные из археологических отчетов автора, указанных в списке литературы, поэтому во избежание чрезмерного количества сносок в большинстве случаев они будут опускаться и предполагаться по умолчанию. Для ориентации относительно времени проведения работ для отдельных объектов будет указываться год раскопок. Кроме того, следует иметь в виду, что количество планов и других иллюстративных материалов по раскопкам на памятнике Черствяды-3 в 2019–2020, 2023 гг. превышает 100 единиц, поэтому в данной статье, учитывая ее объем, они почти не помещены. Отчет об археологических работах 2023 г. в списке литературы по объективным причинам не приводится.

[12] В некоторых случаях фиксировались отпечатки бревен 18–20 см как исключение. На рисунке 7 публикации приводится только часть фрагментов.

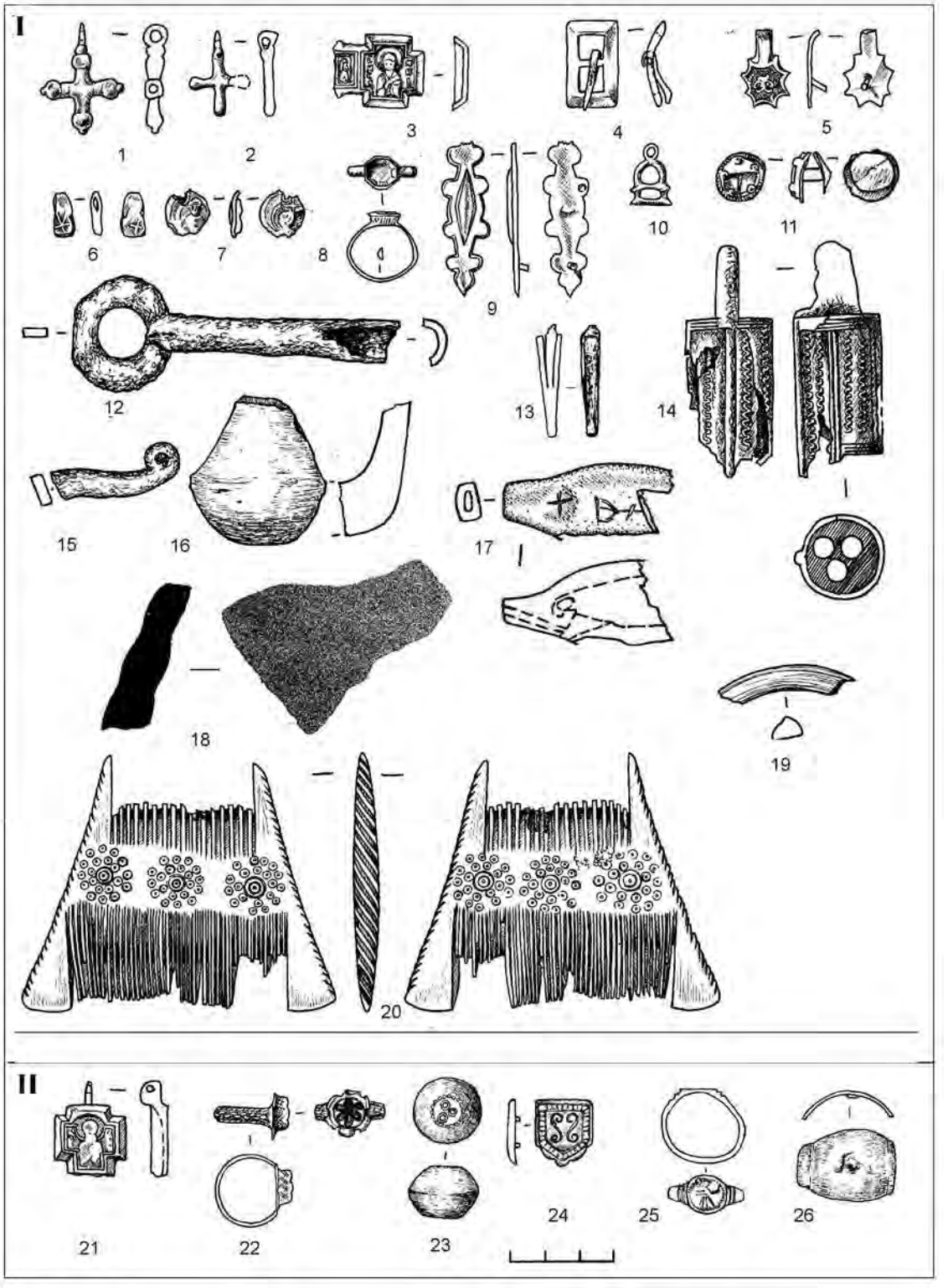

Рис. 5. Черствяды-3. Артефакты третьей группы (I) и отдельные находки, обнаруженные при планшетном обследовании памятника (II): *1–10, 21, 24–26* — цветной металл; *11* — цветной металл и белая эмаль; *23* — цветной металл и железо; *12–15* — железо; *16–18* — глина; *19* — стекло; *20* — кость; *22* — белый металл и стеклянная вставка

и груда камней, попавшая в западную часть постройки. Возможно, что сооружение было связано с копчением и сушкой мяса. Впервые постройки типа «коптилен» были выделены при раскопках Новгорода (*Засурцев*, 1959. С. 289, рис. 14, *3*). Однако рассмотренное нами сооружение значительно отличается от городской постройки, и груда камней рядом вызывает вопросы, на которые пока мы не можем дать ответ.

Первая постройка жилого назначения. Эта постройка частично вошла в пределы раскопа 3 (2020 г.) и уже была опубликована автором (*Клімаў*, 2024а. С. 150–153, мал. 2; 3). Ее локализация прежде всего хорошо прослеживается по остаткам двух печей (рис. 4, *1ПЖ, 3, 4*). Показательна разница между указанными печами. Одна из них (рис. 4, *1ПЖ, 3*) была сделана с использованием камня и глины, другая — исключительно из глины (рис. 4, *1ПЖ, 4*). В данном случае речь может идти о перестройках одной и той же постройки, что потверждается и хронологически — глинобитная печь по характеру гончарной керамики имеет более раннюю относительную дату, чем другая. Постройка существовала и перестраивалась в пределах первой половины XII в.

Особый интерес представляют обнаруженные под развалом глинобитной печи костяной гребень (рис. 5, *I, 20*) и альчик (рис. 6, *30*). Заметим, что гребень имел очень богатую солярную орнаментацию, относился к типу «Е» по классификации Б. А. Колчина или к типу А-б-1 по классификации О. В. Медведевой и датируется второй половиной XI — XIII в. (*Колчин,*1982. С. 164, рис. 5; *Мядзведзева*, 2013. С. 52, рис. 36, *1*).

Вторая постройка жилого назначения. Локализация указанной постройки (рис. 4, *2ПЖ*) связана с исследованием остатков печи в раскопе 4 (2023 г.), в которой превалировали камни в большей степени, чем обожженная глина. Присутствие в границах комплекса различных фрагментов керамики и отсутствие шлаков подчеркивают жилой, а не хозяйственный характер постройки. Постройка датируется также в пределах первой половины XII в., но прекратила свое существование ближе к середине XII в.

О **третьей постройке жилого назначения** в раскопе 4 (2020 г.) можем говорить с долей вероятности (рис. 4, *3ПЖ*), на основе анализа заполнения одной из ям с керамикой и фрагментами глиняной обмазки. По фрагментам гончарной керамики эта постройка прекратила функционирование также ближе к середине XII в.

Отметим, что часть ям на исследованной нами площади сложно связать с определенными постройками из-за отсутствия в их заполнении четко выраженных хронологических индикаторов (рис. 4, *8–17*). Укажем только, например, что ямы в западной части раскопа 2 (рис. 4, *8, 9*), возможно, относились к устройству фундаментов постройки XVI–XVII вв., а ряд широких ям имели глубину не более 0,2 м и выступали в качестве открытых плохо датируемых комплексов (рис. 4, *6, 15, 16*). Скопления еще одной группы небольших ям[13] также сложно конкретно соотнести с какой-либо постройкой.

Кроме построек, как мы отмечали, интерес представляет характер *материальной культуры поселения Черствяды-3*. Соответствует ли состав находок социальному уровню быта феодального, возможно, княжеского двора? С этой целью условно все артефакты были разделены на три группы: первая группа фрагментов керамических горшков; вторая группа универсальная (рис. 8), в нее были включены вещи, характерные как для феодальных усадеб, так и для рядовых сельских поселений (рис. 6); третья группа — артефакты престижной сферы (рис. 5), характеризующие элитарный уровень материальной культуры, не свойственный рядовым сельским поселениям.

К **первой группе артефактов** следует отнести фрагмент лепного горшка[14] и большое количество фрагментов гончарной керамической посуды, прежде всего горшков. Хронологически можем говорить о существовании трех условных подгрупп керамики.

[13] С целью уменьшения нагрузки чертежа эти объекты на рис. 4 пронумерованы совокупно.

[14] Фрагменты горшка были найдены под остатками глинобитной печи раскопа 3 и являются, скорее всего, детской копией гончарной посуды.

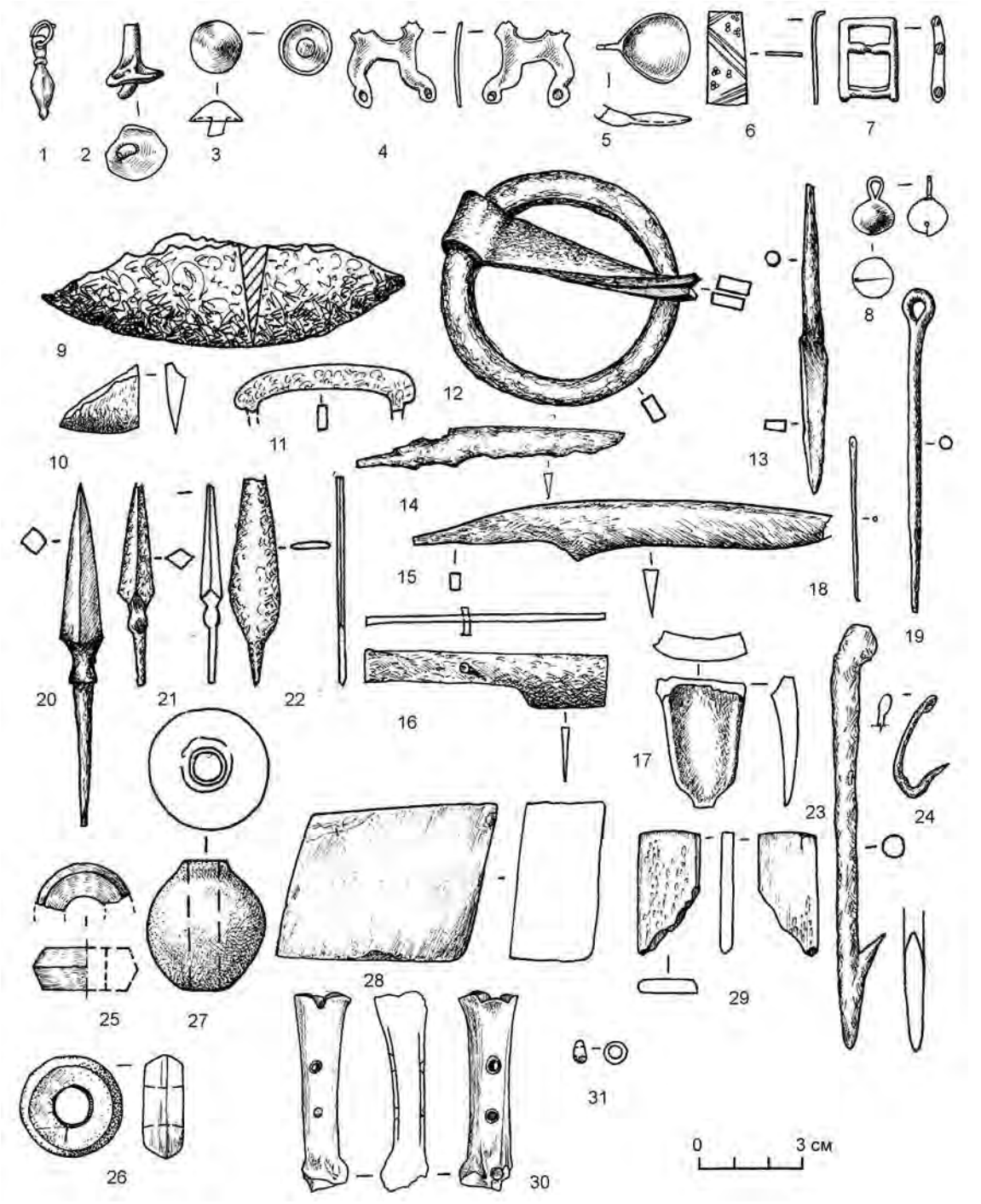

Рис. 6. Черствяды-3. Артефакты второй группы: *1–8* — цветной металл; *9–24* — железо; *25, 26* — глина; *27* — пирофиллитовый сланец; *28, 29* — камень; *30* — кость; *31* — стекло

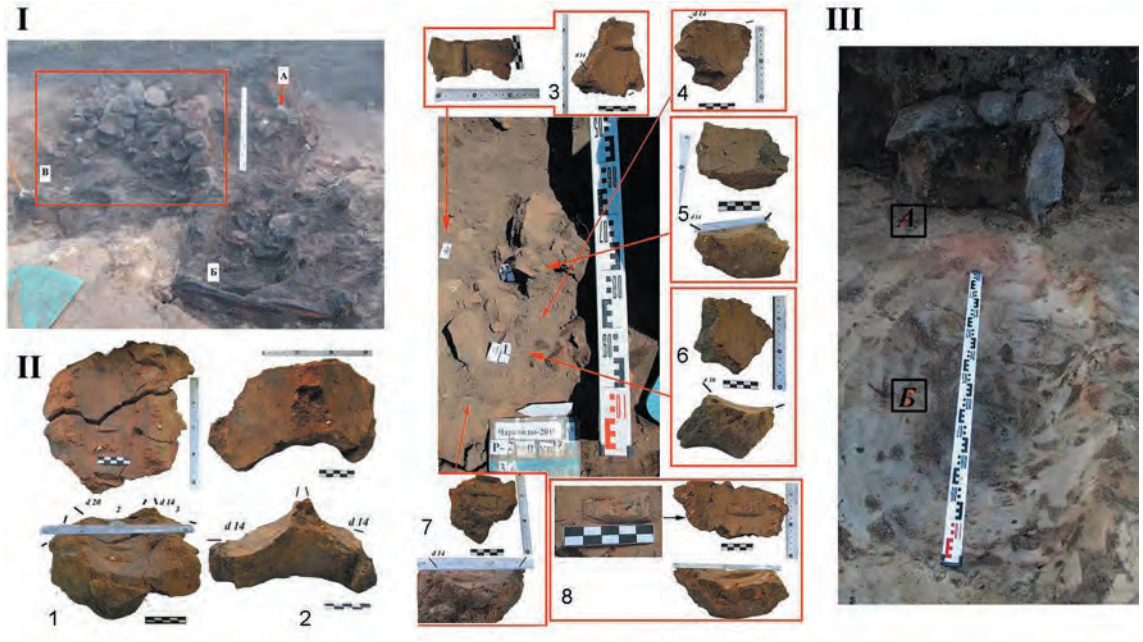

Рис. 7. Общий вид части второй хозяйственной постройки (I). Фрагменты глиняной обмазки (II). Вид устья печи и нижней части топочной камеры со второй хозяйственной постройки (III)

Первая погруппа включала часть лепного горшка (рис. 8, *I, 1*) и различные типы венчиков гончарных сосудов (рис. 8, *I, 2–32*), основной период бытования которых определялся XI — началом XII в.[15]

Вторая подгруппа состояла исключительно из венчиков с развитой профилировкой, с хорошо оформленным выгибом внутрь (рис. 8, *II*).

В третью подгруппу включены фрагменты горшков XV–XVII вв. (рис. 8, *III*).

Разнообразие типов первой подгруппы свидетельствует об активном периоде жизнедеятельности в данной части поселения в XI — первой половине XII в. Это подтверждается тем, что большинство фрагментов указанной керамики происходило из закрытых комплексов. В этой связи интересно отметить однотипность ряда верхних частей горшков, полученных при исследовании Черствяды-3 (рис. 8, *I, 18–21, 27–29*), и сосудов из закрытых комплексов феодальной усадьбы I памятника Лучно-1 (*Клімаў*, 2019б. С. 48, мал. 182, *Г, 4–7*; 191, *Г, 5–9*; 192, *Г, 3–10*; 194, *Г, 10–14*). И несмотря на то что феодальная усадьба I памятника Лучно-1 датируется второй половиной XI в., указанные типы керамики вполне могли существовать в начале XII в.

Показательна и синхронность типов керамики второй подгруппы (рис. 8, *II*) между памятниками. Здесь следует указать на то, что несмотря на наличие керамики второй подгруппы, на Черствядах-3 почти не встречено стеклянных браслетов. Судя по материалам комплексов феодальных усадеб II-А и II-Б на Лучно-1, данный факт являлся важным хронологическим индикатором (*Там же*. С. 240).

Вторая группа артефактов состояла из вещей как широкого хронологического диапазона, так и универсальных, не привязанных к узкой социальной группе, среди них укажем на следующие: фрагменты украшений из цветного металла (рис. 6, *1–8*)[16]; обломки

[15] Учитывая, что подробный хронологический анализ отдельных типов керамики не является основным предметом исследования, мы опускаем многие аналогии и ссылки на литературу. Классической работой по указанному периоду может служить, например, работа коллектива авторов по Смоленску (*Кренке и др.*, 2020. С. 38–40, рис. 10).

[16] В данной публикации не ставился вопрос о характеристике каждого отдельного артефакта.

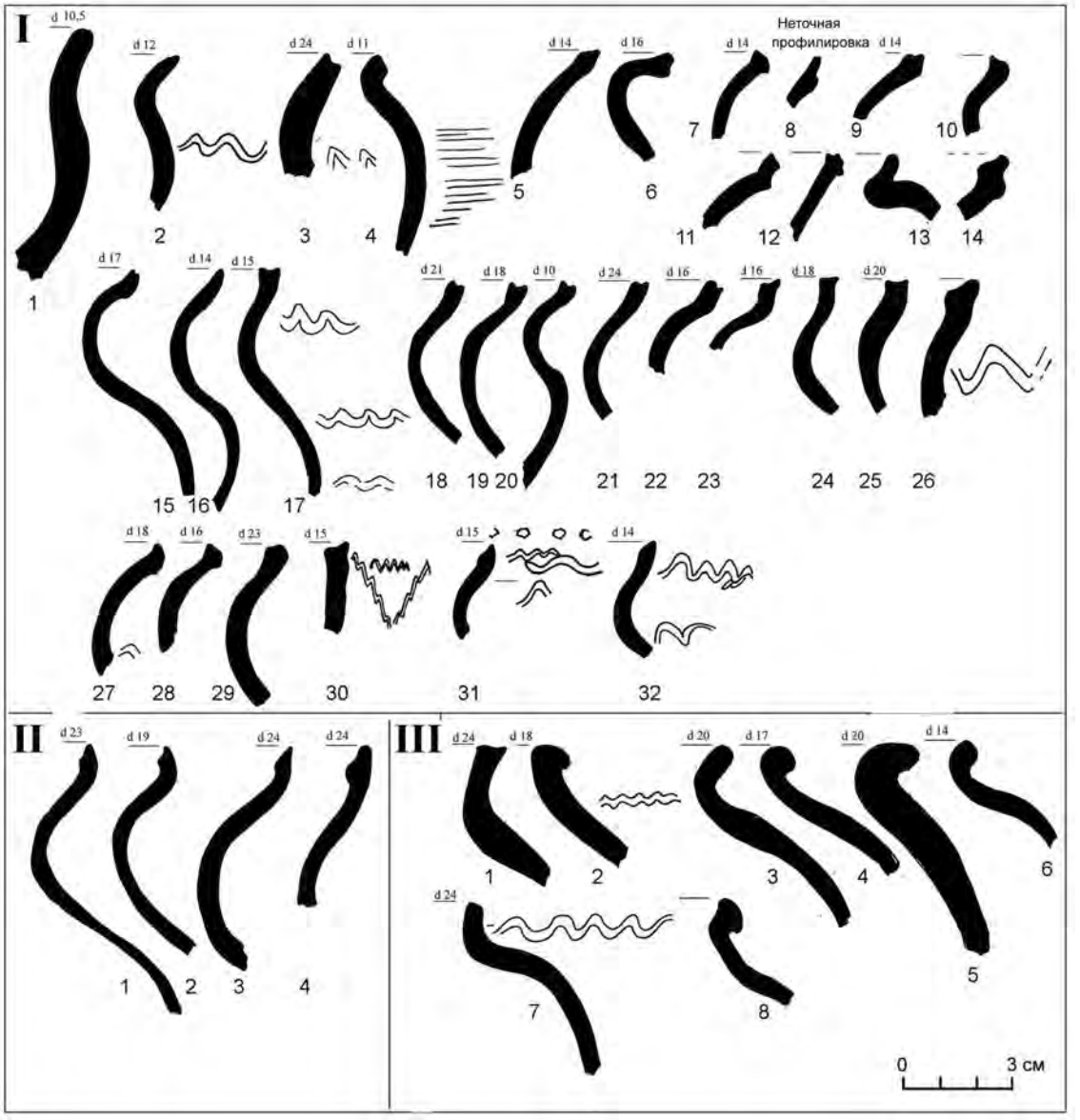

Рис. 8. Черствяды-3. Сводная таблица фрагмента лепного горшка из раскопа 2 (I, *1*) и основных типов гончарной керамической посуды по хронологическим подгруппам I (*2–32*), II (*1–4*), III (*1–8*)

железных топоров (рис. 6, *9*, *10*); часть железной пряжки (рис. 6, *11*); кольцо от дверной фурнитуры (рис. 6, *12*); шило (рис. 6, *13*); ножи (рис. 6, *14–16*)[17]; часть сошника (рис. 6, *17*); иголка (рис. 6, *18*); проколка (рис. 6, *19*); наконечники стрел (рис. 6, *20–22*); часть остей (рис. 6, *23*); рыболовный крючок (рис. 6, *24*); пряслица (рис. 6, *25*, *26*); грузило для сетей (рис. 6, *27*); точильные бруски (рис. 6, *28*, *29*); альчик (рис. 6, *30*); стеклянная синяя бусина (рис. 6, *31*); щитковый перстень (рис. 5, *II, 25*); торцевая накладка для рукоятей ножей (рис. 5, *II, 26*).

Третья группа — артефакты престижной сферы, которые в той или иной мере могут характеризовать высокий социальный уровень материальной культуры. Среди указанных

[17] Из-за объема статьи здесь представлены наиболее типичные фрагменты ножей 4-го и 5-го периодов жизнедеятельности. То же касается таких массовых находок как рыболовные крючки, точильные бруски.

вещей отметим следующие: крестики-тельники (рис. 5, *I, 1*, *2*); фрагменты креста-энколпиона (рис. 5, *I, 1, 2, II, 21*); пряжка для шпоры (рис. 5, *I, 4*); обоймица (рис. 5, *I, 5*); свинцовые пломбы (рис. 5, *I, 6, 7*); кольца со вставками (рис. 5, *I, 8, II, 22*); декоративная накладка (рис. 5, *I, 9*); книжная застежка (рис. 5, *I, 10*); накладка с белой эмалью (рис. 5, *I, 11*); часть ключа (рис. 5, *I, 12*); пружина для замка (рис. 5, *I, 13*); замок (рис. 5, *I, 14*); фрагмент дужки шпоры (рис. 5, *I, 15*); обломок тигля (рис. 5, *I, 16*); часть свистульки с изображением голгофского креста[18] (рис. 5, *I, 17*); фрагменты амфор[19] (рис. 5, *I, 18*); фрагмент черного стеклянного браслета (рис. 5, *I, 19*); костяной двусторонний гребень (рис. 5, *I, 20*); гирька-разновес (рис. 5, *II, 23*); поясная накладка (рис. 5, *II, 24*).

Безусловно, что перечень всех находок третьей группы не отражает тот хронологический срез, который нам показывает керамика частично первой и второй подгрупп. Последние две найдены вне контекста комплексов (рис. 5, *II, 23, 24*) и не могут свидетельствовать в пользу высокого статуса поселения в конце XI — первой половине XII в. К сожалению, у ряда артефактов третьей группы (рис. 5, *I, 1, 2, 4–9, 11, 15, 17, 19, II, 23*) нет узкой привязки относительно рассматриваемого сюжета, а например, фрагменты креста-энколпиона такой формы (рис. 5, *I, 3, II, 21*) среди реликвариев XI–XIII вв. неизвестны, а встречаются позже (*Корзухина, Пескова*, 2003). Только книжная застежка (рис. 5, *I, 10*) и фрагмент тигля (рис. 5, *I, 16*) *из* засыпного слоя ямы 1 раскопа 1 и костяной гребень (рис. 5, *I, 20*) из закрытого комплекса в раскопе 2 могут быть соотнесены с высоким статусом поселения. Прокаленный в пожаре замок, близкий к типу «Б», был найден хотя и не в закрытом комплексе, а на предматерике, также выступает в роли непосредственного «имущественного индикатора» в пределах поселения Черствяды-3.

Несмотря на отдельные находки элитарного характера, непосредственных свидетельств того, что на поселении Черствяды-3 находился княжеский двор XII в., нами не обнаружено. К таким неоспоримым свидетельствам относятся вислые свинцовые печати, которые в данном случае отсутствовали. Однако следует признать, что при раскопках в восточной части Верхнего замка г. Полоцка (раскоп 5), где располагался детинец и была зафиксирована активная хозяйственная деятельность во второй половине XI — XIV в., также не было найдено ни одного фрагмента вислой печати[20] (*Клімаў*, 2024б. С. 185). Таким образом, можно сделать вывод, что центр феодальной усадьбы, которую можно было бы связать с загородными владениями полоцких князей на исследованном нами участке поселения Черствяды-3 не идентифицирован. Возможно, расширение площади поиска и проведение раскопок в пределах поселения Черствяды-1 и в отдаленной от берега озера части поселения Черствяды-3 (рис. 1, *Б*) позволят получить более конкретный ответ на поставленный вопрос.

Выводы

1. В пределах памятника Черствяды-3 до основания феодального двора, как указывалось выше, находился грунтовый могильник и, возможно, поселение, которое предварительно в широких рамках может быть датировано XI в., об этом, прежде всего, говорят некоторые украшения (рис. 6, *1*), а также ряд венчиков гончарных горшков (рис. 8, *I, 2, 4, 8, 9*). Среди

[18] Определение было сделано И. Л. Калечиц (ведущий научный сотрудник Центра истории науки и архивного дела Института истории НАН Беларуси, исследовательница граффити Спасо-Евфросиньевского монастыря в г. Полоцке), за что приносим ей благодарность.

[19] Всего было найдено семь мелких фрагментов амфор, приводим изображение самого большого фрагмента.

[20] В отличие от раскопов 2–4 на Верхнем замке г. Полоцка на восточном раскопе 5 постоянно использовался металлодетектор, что значительно повышало возможности обнаружения вислых печатей.

указанных венчиков горшков обращает на себя внимание плохо сохранившийся белоглиняный образец (рис. 8, *I, 8*). Белоглиняная гончарная керамика совсем не свойственна для местного керамического производства в XI–XIII вв. К сожалению, закрытые комплексы с сопутствующими материалами в пределы раскопок не попали. Можно предположить, что грунтовый могильник существовал ранее поселения XI в., при этом обращает на себя внимание исключительно восточная ориентировка погребенных.

2. Исследованная часть поселения Черствяды-3 рассматривается нами как часть феодального двора конца XI — второй половины XII в., планировка которого непосредственно была вписана в мысовую часть берега Черствятского озера. Учитывая наличие двух построек хозяйственного назначения на небольшой площади, необходимо говорить, в первую очередь, об экономической функции двора, а не об административной. Необычная форма сооружения, обнаруженного в раскопе 2, которое по рабочей версии близко к коптильне, красноречиво на это указывает.

Так как часть площади поселений Черствяды-3 и Черствяды-1 пока остается недоступной для изучения, мы можем с оговорками утверждать, что данный двор являлся частью владений нобилитета. Показательны в этом плане некоторые необычные находки, например, застежка для книги, церковная пластика, свистулька с изображением голгофского креста. Как показывает ряд памятников, в том числе комплекс феодальных усадеб Лучно-1, именно мелкая церковная пластика в сельской среде в XI–XII вв. свидетельствовала о присутствии в данном месте феодальной верхушки, выступавшей катализатором христианизации. Отметим, что в яме 1 раскопа 1 книжная застежка была найдена на глубине ямы ниже на 51–52 см от верхнего края заполнения (рис. 3, *1, 2*), что в свою очередь указывает на то, что выпадение такой находки в культурный пласт при засыпании ямы следует датировать не позднее середины XII в., а значит, нахождение книги за 31–32 км от Полоцка в этот период следует рассматривать как очень важный аргумент в пользу высокого статуса двора.

3. Время появления двора предварительно можно связывать с периодом конца XI — начала XII в. и относить к процессу выделения земельных владений в княжеский, не родовой, а феодальный домен, в узком понимании этого слова. Хронологическая синхронность указанного процесса подтверждается и возникновением феодальной усадьбы I комплекса Лучно-1, и затуханием жизнедеятельности на таких поселениях, как Кордон и им же подобным. Эти княжеские владения были раскиданы по периферии дальней округи Полоцка, которая соотносилась с Полоцким княжеством XII в. Учитывая местоположение, бонитет земель и существенные лесные и водные ресурсы, Черствяды и выделились среди остальных владений в отдельный княжеский двор, который, скорее всего, в разные временные промежутки был привязан к различным участкам южной оконечности Черствятского озера.

4. Анализ вещевого и прежде всего керамического материала говорит нам о следующем. В комплексах со следами пожара конца XI — середины XII в. в пределах поселения Черствяды-3 явно просматриваются два подпериода, разграничение между которыми возможно гипотетически связать с событиями 1128/1129 г. и высылкой представителей полоцкого княжеского дома в Византию (Ипатьевская летопись…, 2001. С. 294). Предполагаем, что после этих событий первая хозяйственная постройка, исследованная в раскопе 1, была засыпана.

Завершение второго подпериода и пожар в пределах поселения можно вполне связать с событиями 1159 г., когда Ростислав Глебович «…много зла створи волости Полотьскои, воюя и скоты и челядью…» (*Там же*. С. 495). К этому времени можем отнести уничтожение второй хозяйственной постройки (раскоп 2), а также второй и третьей жилых построек. Не исключено, что наконечники стрел (рис. 6, *20–22*) имели отношение к одному из эпизодов военного противостояния.

После указанного выше пожара продолжительное время примыкающая к озеру часть поселения Черствяды-3 как жилая зона не использовалась. Об этом говорит отсутствие

закрытых комплексов с материалами XIII–XIV вв.; возможно, они остаются неизвестными из-за малой площади раскопок (см. хронологию фрагментов креста-энколпиона). Есть основания полагать, что с XV в. данная территория использовалась только в качестве хозяйственной части двора, поэтому присутствие керамики третьей подгруппы и некоторых поздних по времени бытования артефактов видится закономерным.

Варонін, 2012 — *Варонін В. А.* Замкі Полацкай зямлі напярэдадні Лівонскай вайны // Полацк у гісторыі і культуры Еўропы: Матэрыялы Міжнар. навук. канф. (Полацк, 22–23 мая 2012 г.). Мінск: Беларуская навука, 2012 г. С. 114–122.

Варонін, 2013 — *Варонін В. А.* Чарсцвяды: ад двара княскага да двара гаспадарскага Варонін // Гісторыя і археалогія Полацка і Полацкай зямлі: Матэрыялы VI Міжнароднай навуковай канферэнцыі (1–3 лістапада 2012 г.): У 2 ч. Полацк: НПГКМЗ, 2013. Ч. 1. С. 68–74.

Дук, 2009 — *Дук Д. У.* Археалагічныя раскопкі на старажытным полацкім гарадзішчы ў 2007 г. // Гісторыя і археалогія Полацка і Полацкай зямлі: Матэрыялы V Міжнароднай навуковай канферэнцыі (24–25 кастрычніка 2017 г.). Полацк: НПГКМЗ, 2009. С. 255–278.

Дук, 2010 — *Дук Д. У.* Полацк і палачане (IX–XVIII стст.). Наваполацк: ПДУ, 2010. 180 с.

Дук и др., 2012 — *Дук Д. У., Левко О. Н., Штыхов Г. В.* Полоцк — политический, социально-экономический и сакральный центр земли в XI–XIII вв. // Полоцк: Полоцк и Полоцкое княжество (земля) в IX–XIII вв., летопись древних слоев, Полоцк и его округа в XIV–XVIII вв., ремесло, денежное обращение и торговые связи Полоцка в средневековье (по данным археологии, нумизматики и письменных источников), культура и просвещение в средневековом Полоцке. Минск: Беларуская навука, 2012. С. 66–80.

Засурцев, 1959 — *Засурцев П. И.* Постройки древнего Новгорода (Предварительная характеристика по результатам Неревского раскопа 1951–1955 гг.) // Труды Новгородской археологической экспедиции. М.: Изд-во АН СССР, 1959 (МИА; № 65). Т. II. С. 262–298.

Ипатьевская летопись…, 2001 — Ипатьевская летопись // Полное собрание русских летописей. 2-е изд. М.: Языки словенской культуры, 2001. Т. 2. 648 с.

Іевлев и др., 2016 — *Іевлев М. М., Козловский А. О., Крижановський В. О.* Садиба другої половини XI — початку XIII ст. на місці «західного палацу» у «місті Володимера» в Киеві // Археологія і давня історія України. 2016. Вип. 4 (21). С. 71–87.

Клімаў, 2004 — *Клімаў М. В.* Справаздача пра археалагічныя даследаванні на тэрыторыі Віцебскай вобласці ў 2004 г. // ЦНА НАН Беларусі. Фонд археалогічнай навуковай дакументацыі. Воп. 1. Спр. № 2191. 118 с.

Клімаў, 2019а — *Клімаў М. В.* Справаздача пра археалагічныя даследы на помніках Віцебскай вобласці ў 2019 г. // ЦНА НАН Беларусі. Фонд археалогічнай навуковай дакументацыі. Воп. 1. Спр. № 3735. 229 с.

Клімаў, 2019б — *Клімаў М. В.* Археалагічны комплекс Лучна-1 у акрузе Полацка (XI–XVI стст.). Мінск: Беларуская навука, 2019. 567 с.: іл.

Клімаў, 2020 — *Клімаў М. В.* Справаздача пра археалагічныя даследы на тэрыторыі Расонскага і Ушацкага раенаў Віцебскай вобласці ў 2020 г. // ЦНА НАН Беларусі. Фонд археалогічнай навуковай дакументацыі. Воп. 1. Спр. № 3867. 210 с.

Клімаў, 2022 — *Клімаў М. В.* Даследы паселішчаў Полацкага Падзвіння ў 2019 г. // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. 2022. Вып. 32. С. 148–153.

Клімаў, 2024а — *Клімаў М. В.* Археалагічныя даследаванні паселішчаў мікрарэгіена Чарсцвяды ў 2020 г. // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. 2024. Вып. 34. С. 149–160.

Клімаў, 2024б — *Клімаў М. В.* Асноўныя этапы і папярэднія вынікі археалагічных даследаванняў ва ўсходняй частцы Верхняга замка Полацка ў 2021–2022 гадах // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. 2024. Вып. 34. С. 174–186.

*Колчин,*1982 — *Колчин Б. А.* Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник: 50 лет раскопок Новгорода / Под ред. Б. А. Колчина, В. Л. Янина. М.: Наука, 1982. С. 156–177.

Корзухина, Пескова, 2003 — *Корзухина Г. Ф., Пескова А. А.* Древнерусские энколпионы. Кресты-реликварии XI–XIII вв. СПб.: Петерсбургское Востоковедение, 2003. 432 с.

Кренке и др., 2020 — *Кренке Н. А., Ершов И. Н., Раева В. А., Войцик А. А., Лавриков М. В.* Керамика VIII–XI вв. Из древнейшего слоя на Соборной горе Смоленска // Смоленская керамика VIII–XIX вв. Новые материалы и старые коллекции / Автор-сост. Н. А. Кренке. Смоленск: Свиток, 2020. С. 30–48.

Мядзведзева, 2013 — *Мядзведзева В. У.* Касцярэзная вытворчасць Полацкай зямлі IX–XIII стст. Мінск: Беларуская навука, 2013. 236 с.: іл.

Полоцкая ревизия…, 1905 — Полоцкая ревизия 1552 г. / Под ред. И. М. Лаппо. М.: Университетская типография, 1905. 236 с.

Раппопорт, Шолохова, 1981 — *Раппопорт П. А., Шолохова Е. В.* Дворец в Полоцке // КСИА. 1981. Вып. 164. С. 91–99.

Тарасаў, 2001 — *Тарасаў С. В.* Полацк IX–XVII стст.: Гісторыя і тапаграфія. Мінск: Беларуская навука, 2001. 183 с.: іл.

Толочко, 1989 — *Толочко П. П.* Древнерусский феодальный город. Киев: Наукова думка, 1989. 254 с.

Тропин, 2017 — *Тропин Н. А.* Хозяйственные постройки с каменными печами второй половины XIV — первой половины XV века из округи Ельца (к вопросу об овинах) // Археология Подмосковья: Материалы науч. семинара. 2017. Вып. 13. С. 132–140.

Штыхов, 1975 — *Штыхов Г. В.* Древний Полоцк. Минск: Наука и техника, 1975. 135 с.: ил.

Cherstvyady. On the Possibility of Localizing One of the Princely Courts in the Polotsk District

M. V. Klimov

Keywords: 11th–12th centuries, Polotsk, Cherstvyady, feudal court, princely estates, traces of buildings, ceramics, elite culture

The article is devoted to the issue of the possibility of localizing a previously unknown princely court in the Polotsk district near the southern end of Lake Chersvyatskoye, 32 km south of Polotsk. The assumption about the existence of a princely court here was put forward by V. A. Voronin. To test this version, in 2019–2020 and 2023, the author of the article conducted excavations in the specified microregion at the Chersvyady-3 settlement, the main results of which are presented in the article. Based on the research results, the existence of a feudal court of the late 11th–12th centuries on the cape formed by the Vydritsa River and Lake Chersvyatskoye was proven; however, the presented results do not clearly indicate any connection between the monument and the Polotsk princely house.

К. А. Михайлов, А. Ю. Кононович, А. А. Морозов[1]

Реконструкция застройки малого древнерусского города (по материалам Большого Шепетовского городища)[2]

Аннотация. *Статья посвящена реконструкции планировки малого древнерусского города на основе пространственного распределения находок-маркеров, связанных с домовым строительством. Такими находками стали железные строительно-крепежные детали (скобы, петли-пробои, замочные петли). Распределение находок на плане городища позволило выделить как зоны городской застройки, так и отдельные городские усадьбы в западной и южной частях окольного города.*

Ключевые слова: *Древняя Русь, Большое Шепетовское городище, распределение находок, реконструкция усадебной застройки, строительно-крепежные детали.*

Древнерусское городище у села Городище Шепетовского района Хмельницкой области Украины было исследовано Галицко-Волынской экспедицией ЛОИА АН СССР под руководством М. К. Каргера в 1957–1964 гг. Городище расположено на невысоком мысу левого берега р. Гуски, образуемого ее излучиной. С напольной стороны мыс защищен трехрядной системой валов и рвов. Поселение состоит из детинца (около 0,6 га) и окольного города (площадью около 3 га). Детинец занимает северо-восточную часть городища и имеет общую линию внешних укреплений с окольным городом. Общая площадь укрепленной площадки составляла около 3,6 га. В юго-восточной и южной частях укреплений находились два проезда на территорию поселения. За пределами укреплений располагались обширные посады или пригородные села. По мнению М. К. Каргера и по классификации А. В. Кузы памятник относится к числу «малых» древнерусских городов с размерами укрепленной площадки от 2,5 до 5,0 га (*Куза*, 1989. С. 91). Время его существования ограничено второй половиной XII — серединой XIII в.

Большое Шепетовское городище (или город «Изяславль») принадлежит к числу немногих древнерусских городских памятников, которые были полностью исследованы в границах своих укреплений. На его территории обнаружено около 600 различных объектов и комплексов, среди которых остатки построек, деревянные конструкции укреплений, санитарные захоронения, глинобитные печи и отдельные скелетированные остатки, а также тысячи индивидуальных находок.

Этому известному памятнику древнерусской археологии и обнаруженным на нем находкам посвящены десятки статей и монографических публикаций (*Пескова*, 2020). Исследователями неоднократно предпринимались попытки реконструировать пространственную планировку городища (*Пескова*, 2009). Несмотря на огромное число выразительных

[1] Михайлов К. А. — Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург: e-mail: mikhailov_kirill@mail.ru. Кононович А. Ю., Морозов А. А. — Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург: e-mail: Kononovich.a.u@gmail.com, makhnovec1888@yandex.ru.

© Михайлов К. А., Кононович А. Ю., Морозов А. А., 2025

[2] Михайловым К. А. работа подготовлена по теме государственного задания «Северная Русь в евразийском археологическом контексте: этнокультурное разнообразие и общие закономерности исторического развития в свете становления научных знаний» (FMZF-2025-0011).

находок, многочисленную полевую и научную информацию, до сих пор не решены вопросы, связанные с внутренней топографией памятника и характером его застройки. Трудности в их изучении обусловлены как особенностями самого культурного слоя городища, характером документации 1957–1964 гг., так и мало структурированной массой разновременных находок, сплошным ковром покрывавшей всю поверхность памятника.

Сложность реконструкции застройки является общей для большинства древнерусских поселений с сухим культурным слоем, имеющим небольшую мощность (*Федорина*, 2023. С. 121). Особенности сухого слоя и распределение в нем разновременных находок сближают Большое Шепетовское городище скорее с сельскими памятниками, чем с многослойными городскими поселениями типа Новгорода, Пскова или Смоленска. В аналогичной ситуации с памятниками Суздальского Ополья А. Н. Федорина отмечает: «Сухой культурный слой памятников, его многолетняя распашка и постоянная турбация приводят к тому, что деревянные конструкции жилых и хозяйственных сооружений практически не сохраняются; лишь часть построек имела углубленные части, не подвергающиеся разрушению, поэтому прямые возможности для реконструкции застройки весьма ограничены. В этой ситуации источником для таких реконструкций становятся данные о пространственном распределении находок и керамики, данные геофизических изысканий, материалы раскопок, вскрывших отдельные сооружения» (*Там же*. С. 121).

Неоднократные попытки выделить на Большом Шепетовском городище домовые и усадебные комплексы при помощи нанесения на сводный план памятника многочисленных категорий предметов, характеризующих хозяйственную и повседневную деятельность городского населения, либо артефактов, связанных с обиходом воинской элиты, долгое время оставались безуспешными. Пространственная модель раскопов оказывалась заполненной сплошными массивами находок, в которых почти невозможно было вычленить плотные зоны концентрации тех или иных категорий, чтобы связать их с определенными домовыми или усадебными комплексами (*Михайлов*, 2023. С. 258–263, рис. 12–14).

На современном этапе исследований мы исходили из нескольких наблюдений: во-первых, горизонтальное перемещение крупных находок из разрушенных и археологизированных построек никогда не бывает значительным; во-вторых, определенные категории бытовых и хозяйственных предметов должны обязательно соотносится с остатками построек усадебных комплексов. Исходя из этих предположений, в качестве маркера средневековых усадеб нами была выделена категория крепежно-строительных деталей из железа: скобы ленточные, петли-пробои, замочные петли. Эта многочисленная категория находок, без сомнения, была связана со строительством и функционированием отдельных построек и после их разрушения не могла быть перенесена на значительное расстояние.

Прежде всего мы обратились к полевой документации экспедиции М. К. Каргера. На сводном плане памятника (1957–1964) были отмечены те объекты, которые получилось идентифицировать по чертежам, фотографиям и полевой описи. Таким образом, например, удалось выявить более 100 открытых печей[3]. Но при тщательном анализе выяснилось, что комплексы с печами относятся к разным хронологическим эпохам и не могут быть использованы для реконструкции застройки XIII в. Следует упомянуть, что сами исследователи городища в полевой описи только в десяти случаях атрибутировали комплексы с печами в качестве «жилища».

Учитывая отрывочность имеющихся сведений, мы обратились к коллекции находок, насчитывающей по полевым описям более 70 000 предметов[4]. Среди них были отобраны только те категории, которые косвенно или напрямую могут быть связаны с жилыми или хозяйственными постройками[5].

[3] Работа проведена А. А. Песковой.

[4] В Гос. Эрмитаж поступило более 30 000 находок, в том числе 7000 — из металла. Количество указано с учетом керамического материала, не вошедшего в основную коллекцию.

[5] Была проанализирована выборка из 282 находок.

Рис. 1. Большое Шепетовское городище. Крепежно-строительные детали: *1–3* — скобы ленточные; *4, 7, 9, 11* — замочные петли; *5, 6, 8, 10* — петли-пробои (фото А. Ю. Кононович)

В первую очередь к числу находок-маркеров построек нами была отнесена строительно-крепежная фурнитура.

Скобы ленточные — 73 экз. (рис. 1, *1–3*). Изготовлены из узких и уплощенных в сечении железных пластин П-образной формы, концы сужаются, образуя форму клина. Размеры варьируются от 4,8 × 4,0 × 0,5 см до 12,0 × 7,2 × 0,7 см. Скобы являлись универсальным крепежным элементом. Такой тип крепежа в Средневековье известен повсеместно и дошел до настоящего времени практически без изменений. Так, например, подобные изделия происходят из раскопок Новгорода Великого (Неревский, Ильинский, Нутный, Кировский, Михайловский раскопы) и датируются второй половиной XI — XV в. Однако основной пик распространения приходится на XIII–XIV вв. (*Дубровин*, 2000. С. 94, 95). Скобы обнаружены и на селищах северной периферии Древней Руси — в большом количестве они зафиксированы в Мининском археологическом комплексе в районе Кубенского озера (Минино I, II, VI) и датируются XII–XIII вв. (*Захаров*, 2008. С. 34). Аналогичные типы крепежа использовались в Западной Европе, к примеру, подобные скобы были найдены при исследовании Средневекового Йорка (*Ottaway*, 1992. P. 619–621).

Петли-пробои — 112 экз. (рис. 1, *5, 6, 8, 10*). Представляют собой вытянутый и согнутый в петлю железный стержень с заостренными концами. Такие изделия применялись в качестве крепежа запорных механизмов и ручек. Выделяют два типа — пробои с раздельными и сварными концами (*Захаров,* 2004. С. 208). На Болшом Шепетовском городище присутствуют оба типа, примерно равные по количеству нанесенных на план находок (96 экз.). Размеры предметов фиксируются в следующих диапазонах: длина — 3,0–12,0 см, внешний диаметр петли — 1,7–3,2 см. Малые пробои, как правило, имеют концы, загнутые в одну или в две противоположные стороны; массивные же пробои имеют прямые концы. Это свидетельствует о том, что малые пробои забивались в небольшие доски (в ларцах, сундуках), большие — в бревна или брус (дверная фурнитура). Подобные предметы можно встретить на подавляющем большинстве поселенческих памятниках Восточной Европы.

Замочные петли — 97 экз. (рис. 1, *4, 7, 9, 11*). Плоские в сечении удлиненные узкие пластины с прорезями на обоих концах предназначались для запирания дверей и сундуков на навесные замки. Один конец замочной петли продевался в петлю пробоя, который своей заостренной частью прибивался к дверному полотну, другой конец замочной петли, с прорезью, продевался в петлю второго пробоя, прибитого к дверному косяку, и в эту петлю продевалась дужка замка. Большое количество дверных или замочных петель, нанесенных на план городища, сохранились с крепежным пробоем с прямыми концами (21 из 36 экз.), остальные — без пробоя. Одна замочная петля дошла до нашего времени с навесным замком (типа В) на одном конце и пробоем на другом. Длина петель — в пределах 15–19 см, внешний диаметр отверстий-прорезей — 2,5–4,0 см. Замочные накладки — петли известны по материалам раскопок Белоозера (*Захаров,* 2004. С. 208), Новгорода (*Гайдуков,* 1992. С. 94) и других поселенческих памятников Восточной Европы.

Следующим шагом стал поиск закономерностей в распределении выделенных категорий находок на сводном плане Большого Шепетовского городища. На план были нанесены координаты перечисленных категорий находок. Скоплений отдельных категорий выявлено не было, однако отмечены случаи, когда весь набор встречался в одном или двух соседних квадратах. Далее на обозначенной условной площади (4 кв. м вокруг этих квадратов[6]) были проанализированы сопутствующее находки, которые числились по описи как найденные в жилище. После этого мы расширили изучаемый набор и определили стандартное сочетание находок для предполагаемых жилых построек. В большинстве случаев в него входили нутряные замки или ключи от них; пара из дверной накладки и пробоя с петлей; миниатюрные навесные замки; скобы; гвозди; фрагменты амфор; целые керамические сосуды; фрагменты стеклянных браслетов; пряслица; предметы внутреннего убранства (индивидуальные находки, например фрагмент канделябра) и детали сундуков или ларцов.

На сводный план памятника к уже имеющимся точкам были добавлены все выявленные в коллекции находки нутряных замков и ключей, деталей сундуков, миниатюрных навесных замочков и целых керамических сосудов (рис. 2)[7]. В обзорной публикации, посвященной различным запирающим конструкциям и сундучным деталям, найденным на Шепетовском городище, также отмечается, что подобные находки были использованы для выявления жилищно-хозяйственных комплексов на памятнике (*Овсянников*, *Пескова*, 1982. С. 98). Вследствие этого на территории, называемой М. К. Каргером посадом, были выявлены пространственные скопления с разной плотностью распределения находок средней площадью 40 × 20 м.

Всего удалось установить семь (№ 1–7) крупных пятен или скоплений находок площадью от 700 до 5400 кв. м (табл., рис. 3). Внутри этих пятен выделяются менее крупные пятна с большей концентрацией находок площадью от 200 до 707 кв. м (табл.). Таким образом можно предположить, что плотность распределения крепежно-строительных де-

[6] Средняя площадь помещения по данным Новгородской усадебной застройки.

[7] Замки навесные малой формы — 58 экз.; замки нутряные и их детали — 35 экз.; сосуды керамические целые — 131 экз.; детали сундуков — 95 экз.

Рис. 2. Большое Шепетовское городище. Замки и детали от сундуков из предполагаемых жилищно-хозяйственных комплексов: *1–6* — детали нутряных замков; *7–10* — навесные замки небольших размеров; *11–15* — детали ларцов или сундуков (фото А. Ю. Кононович)

талей и сопутствующих им находок может обозначить условные границы не отдельных построек, но городских кварталов и усадеб (рис. 3). Распределение находок на памятнике демонстрирует, что застройка была довольно плотной, а площадь городских усадеб или дворов была меньше, чем площадь новгородских усадеб. Картирование находок указывает на разную плотность застройки посада и детинца. Посад был плотнее заполнен жилыми и хозяйственными строениями, особенно в западной и южной частях. Центральная часть посада (на территории центрального холма) выделяется на плане отсутствием крепежно-строительных деталей, что может указывать на отсутствие построек.

Рис. 3. План Большого Шепетовского городища с пятнами условных границ усадебной застройки (*А*) (рисунок А. А. Морозова)

Таблица. Площадь скоплений находок, связанных с постройками

№ пятна	Площадь, кв. м	№ пятна	Площадь, кв. м	№ пятна	Площадь, кв. м
1	700	4б	707	6	3825
1а	200	4в	1265	6а	300
2	1050	4г	600	6б	1000
2а	314	4д	1750	7	5400
3	1300	4е	2400	7а	1000
3а	660	5	2400	7б	1950
4	8800	5а	450	—	—
4а	3600	5б	177	—	—

На условном детинце также не замечено ни сочетания приведенного набора предметов, ни какого-либо скопления рассматриваемых категорий находок[8]. Возможно, эту территорию использовали для хозяйственных или ремесленных построек. Этот тезис можно проверить, указав на плане находки ремесленного инструментария, жерновов, сельскохозяйственных орудий, шлаков и других предметов, относящихся к производству.

По наблюдениям новгородских археологов, «основная единица микроструктуры города — усадьба — традиционно рассматривается как главный объект исследования средневекового древнерусского города. Материалы изучения городских усадеб становятся основой для социальных и имущественных характеристик, а затем одним из элементов комплексного источниковедческого анализа» (*Янин*, 1994. С. 11). Вслед за В. Л. Яниным и Б. А. Колчиным, А. В. Куза среди важнейших археологических признаков города называет

[8] Отсутствие строительно-крепежных деталей на плане детинца связано с тем, что находки фиксировались на всей площади раскопа, а не в границах квадратов.

дворово-усадебную застройку: «Усадьба-двор с ее жилыми и хозяйственными постройками… являлась первичной ячейкой, из совокупности которых складывался город» (*Куза*, 1989. С. 134). М. И. Петров отмечает, что в результате исследований новгородской застройки «…удалось выделить несколько классов усадеб, различающихся своими размерами. К первой группе относятся усадьбы площадью от 150 до 450 кв. м. Внутри нее выделяется три группы „малых" усадеб — 200±50 кв. м, 300±50 кв. м и 400±50 кв. м. График распределения размеров усадеб достаточно уверенно позволяет выделить два верхних класса „средних" и „больших" усадеб площадью соответственно 600–800 кв. м и свыше 800 кв. м. Следует отметить, что на протяжении X–XV вв. встречаются усадьбы всех размеров» (*Петров, Сорокин*, 1997. С. 57). Помимо усадеб признаком плотной городской застройки считается мощеный уличный проезд, который на Большом Шепетовском городище не выявлен. А. В. Куза отмечает, что «большинство малых городов» (с укрепленной площадью около 2,5 га), к котором он относил «Изяславль», имели уличную планировку, где улицы, «как правило, не шире 4 м» (*Куза*, 1989. С. 133).

Однако изучение усадебного комплекса Городища сопровождается определенными трудностями объективного характера. Они обусловлены как методикой раскопок, принятой в отечественной поселенческой археологии 1950-х гг., особенностями культурного слоя памятника и степенью сохранности полевой документации. Сложности реконструкции планиграфии памятника связаны как с невыявленными границами самих городских усадеб (частокольные канавки), так и с отсутствием зафиксированных границ большинства построек, кроме сгоревших оборонительных клетей и глинобитных печей; фиксацией на одном плане нескольких разновременных горизонтов построек, отсутствием следов уличного мощения и трасс самих улиц. На Большом Шепетовском Городище отсутствуют стандартные археологические маркеры для выделения построек и усадеб, и поэтому нужны специальные методы их локализации.

В нашем случае невозможно использовать методику А. В. Кузы, который предлагает высчитывать плотность населения городов по размерам средней городской усадьбы. Особо следует упомянуть, что часть окольного города Большого Шепетовского Городища никогда не была застроена жилыми постройками. Вероятно, центральная часть окольного города, или «посада» по М. К. Каргеру, была отведена под церковь и, возможно, под кладбище. Северная часть, вдоль русла реки, использовалась в качестве ремесленной зоны, где стояли печи кузнецов и литейщиков.

Пространственное распределение строительно-крепежных деталей по площади памятника позволяет предположить, что нам удалось выделить основные зоны расположения городских кварталов и дворов горожан. Размеры пятен распределения находок продемонстрировали, что большинство усадеб можно отнести к числу «малых», имеющих размеры от 100 до 450 кв. м. Они распределяются преимущественно по периметру стен окольного города с южного, западного и северного склонов центрального холма, на котором, предположительно, находился городской храм.

Безусловно, что в дальнейшем при более точной реконструкции пространственной организации площадки городища данные о распределении массовых категорий находок на территории памятника могут стать более информативными. Очевидно, что для детальной реконструкции городской застройки необходим анализ пространственного распределения на планах памятника других, более массовых, категорий находок, таких как гвозди (в коллекции более 1500), фрагменты стеклянных браслетов (более 10 000) и прежде всего керамики, что требует работы с программами по обработке большого массива данных.

Гайдуков, 1992 — *Гайдуков П. Г.* Славенский конец средневекового Новгорода: Нутный раскоп. М.: ИА РАН, 1992. 198 с.

Дубровин, 2000 — *Дубровин Г. Е.* Водный и сухопутный транспорт средневекового Новгорода X–XV вв.: по археологическим данным. М.: ИА РАН, 2000. 296 с.

Захаров, 2004 — *Захаров С. Д.* Древнерусский город Белоозеро. М.: Индрик, 2004. 592 с.

Захаров, 2008 — *Захаров С. Д.* Археология северорусской деревни X–XIII веков: средневековые поселения и могильники на Кубенском озере. В 3 т. / Под ред. С. Д. Захарова. Т. 2: Материальная культура и хронология. М.: Наука, 2008. 365 с.

Куза, 1989 — *Куза А. В.* Малые города Древней Руси. М.: Наука, 1989.168 с.

Михайлов, 2023 — *Михайлов К. А.* Археология катастрофы: реконструкция штурма и гибели древнерусского города XIII в. (по материалам исследований М. К. Каргера Большого Шепетовского городища) // АВ. 2023. Вып. 39. С. 243–266.

Овсянников, Пескова, 1982 — *Овсянников О. В., Пескова А. А.* Замки и ключи из раскопок Изяславля // КСИА. 1982. Вып. 171: Славяно-русская археология. С. 93–99.

Пескова, 2009 — *Пескова А. А.* Оборонительные сооружения древнего «Изяславля» // Архитектура и археология Древней Руси. Материалы науч. конф., посв. 100-летию со дня рождения М. К. Каргера (1903–1976). СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2009 (Труды Гос. Эрмитажа; Т. 46). С. 150–172.

Пескова, 2020 — *Пескова А. А.* Публикации, касающиеся материалов из раскопок Большого Шепетовского городища // Летописный «Изяславль»: Большое Шепетовское городище в свете археологии. Т. I: Материалы раскопок М. К. Каргера 1957–1964 годов в исследованиях 1960–1980 годов / Ред.-сост. А. А. Пескова. СПб.: Нестор-История, 2020 (Труды ИИМК РАН; Т. LV). С. 30–39.

Петров, Сорокин, 1997 — *Петров М. И., Сорокин А. Н.* О размерах усадеб древнего Новгорода. // ННЗИА. Новгород: НМЗ, 1997. Вып. 11. С. 54–63.

Федорина, 2023 — *Федорина А. Н.* Внутренняя структура сельских поселений по данным археологии и геофизики // Археология Суздальской земли. В 2 т. Т. 1: Расселение и культурный ландшафт / Отв. ред. Н. А. Макаров, сост. Н. Д. Угулава. М.; Вологда: Древности Севера, 2023. С. 121–154.

Янин, 1994 — *Янин В. Л.* Основные исторические итоги археологического изучения Новгорода // Новгородские археологические чтения. Новгород: Тип. «Новгород», 1994. С. 9–27.

Ottaway, 1992 — *Ottaway P.* The Archaeology of York. Vol. 17: The Small Finds. Fasc. 6: Anglo-Scandinavian Ironwork from 16–22 Coppergate. London: British Archaeology for York Archaeological Trust, 1992. P. 455–736.

The reconstruction of the layout of a small Old Russian town (based on Bolshoye Shepetovskoye Gorodishche)

K. A. Mikhailov, A. Yu. Kononovich, A. A. Morozov

Keywords: Old Rus, Bolshoye Shepetovskoye Gorodishche, distribution of finds, reconstruction of estate buildings, construction and fastening details

The article is devoted to the reconstruction of the layout of a small Old Russian town based on the spatial distribution of finds associated with house construction. These finds included iron construction and fastening elements (staples, hinges, lock hinges). The distribution of finds on the plan of the settlement made it possible to identify both urban development zones and individual urban estates in the western and southern parts of the outer city.

О. П. Доброва, А. С. Леонтьева[1]

Аланский компонент в древнерусской культуре (об одном типе рубленого бисера)

Аннотация. *Красно-розовый полупрозрачный бисер изготовлен из тянутой трубочки. Изучение этого типа бус позволило сделать вывод о его нехарактерности для древнерусских памятников. Датируется он серединой X — серединой XI в. и принадлежит к иному производственному центру, чем бисер, известный по материалам Старой Ладоги.*

Ключевые слова: *Змейский могильник, бусы, Средневековье, Древняя Русь, Гнёздово, Новгород, обмен, торговля.*

Змейский могильник является опорным памятником для изучения аланских древностей начала II тыс. н. э. (рис. 1). Среди позднеаланских катакомбных и некатакомбных могильников X–XIV вв., таких как Нижний Архыз, Рим-Гора 1, Кольцо-Гора 1, Мартан-Чу 1, Даргавс, Верхний Джулат и др., Змейский могильник является наиболее изученным. За период с 1953 по 2014 г. с небольшими перерывами было исследовано более 600 катакомб и 700 некатакомбных погребений, в которых аланы хоронили по своим традиционным погребальным обычаям, принятым до широкого распространения в их среде христианства и последующего принятия ислама. Змейский могильник — некрополь городища Татартуп (Верхний Джулат) — расположен на стыке степей и гор у подножия Кабардино-Сунженского хребта, в месте прохождения торговых путей. Здесь же, в районе Эльхотовских ворот, находятся и другие аланские памятники IV–IX вв., представленные поселениями, городищами, подкурганными и бескурганными катакомбными могильниками.

При систематизации коллекции Змейского могильника из раскопок М. А. Бакушева был выявлен довольно многочисленный тип бус — красно-розовый полупрозрачный бисер (*Доброва, Леонтьева*, 2020. С. 342). Среди известных и опубликованных памятников одного с ним хронологического периода аналогии ему на момент публикации найти не удалось. В то же время многочисленность бисера и его широкое распространение среди погребальных комплексов могильника побудило нас расширить поиск аналогий и разработать хронологию бисера.

Из раскопок М. А. Бакушева происходит коллекция бус, насчитывающая около 5000 экземпляров (*Доброва, Леонтьева*, 2020. С. 340). Бусы были зафиксированы в 78 катакомбах и 91 некатакомбном погребении. Авторами была проанализирована выборка из 3194 экземпляров бус, основная часть которых может быть датирована X–XIV вв. Еще на стадии сбора материала в музее наше внимание привлек полупрозрачный бисер, выделявшийся на фоне остальной коллекции многочисленностью и оттенками цвета стекла от красноватых до розовых (647 экз. (22 % от всех стеклянных бус выборки)). Из общего числа рубленого бисера, обнаруженного в могильнике, его доля составляла 53 %.

[1] Доброва О. П. — Центр палеоэтнологических исследований, Москва, РФ; e-mail: russa-dolya@mail.ru. Леонтьева А. С. — Археологические общество Кубани, Ростов-на-Дону, Ростовская обл., РФ; e-mail: i@anleotyeva.ru.

© Доброва О. П., Леонтьева А. С., 2025

Морфология

Бусы изготовлены из красно-розового полупрозрачного стекла (рис. 2). Размеры: диаметр — 2–7 мм, высота — 1–4 мм, диаметр канала — 1–2 мм. На части бус фиксируется процесс разрушения стекла, некоторые покрыты пленкой иризации. Как правило, одна сторона у бусин плоская, другая — выпуклая, с воронкообразным отверстием в центре. Бисер изготовлен из тянутой трубочки. При этом стоит отметить, что морфология этого типа отличается от широко известного «рубленого» бисера древнерусских памятников, прежде всего цветом стекла и формой канала.

Рис. 1. Местоположение Змейского могильника (*Бакушев, Леонтьева,* 2020. С. 5, рис. 1)

Количество и нахождение в могильнике

За последние годы помимо коллекции, полученной в ходе раскопок М. А. Бакушева, нами были обработаны коллекции бус из раскопок Р. Ф. Фидарова, Э. Ю. Шестопаловой, Н. И. Гиджрати. Бисер обнаружен в 57 катакомбах и шести индивидуальных погребениях в грунтовых ямах. По материалам раскопок М. А. Бакушева бисер встречается в погребениях различного половозрастного состава, но наиболее часто — в погребениях детей 1–7 лет от роду. Общая численность изученной нами коллекции бус Змейского могильника насчитывает 15 716 экземпляров, красно-розовый полупрозрачный бисер представлен в ней 2289 экз. (14,6 % от общего числа стеклянных бус). Среди известных авторам памятников такое количество красно-розового полупрозрачного бисера нигде не фиксировалось. В ожерельях такой бисер мог как сочетаться с другими типами бус, изготовленными из стекла, поделочных камней, янтаря, гагата, жемчуга, так и полностью составлять их. По материалам раскопок М. А. Бакушева наиболее часто красно-розовый полупрозрачный бисер сочетался с рубленым бисером различных цветов, лимонками с металлической фольгой, навитыми бусами, чаще всего — с бусами из черного непрозрачного стекла плохого качества (*Доброва, Леонтьева*, 2020. Рис. 11, *2*; 18, *2*). Проанализированная коллекция из раскопок М. А. Бакушева позволяет датировать этот тип бус X — серединой XI в., в погребениях более позднего времени он встречается редко.

«Рубленый» бисер Змейского могильника

Несмотря на увеличение выборки по бусам Змейского могильника, красно-розовый полупрозрачный бисер остается одним из наиболее часто встречаемых типов бисера. Коллекция «рубленого» бисера Змейского могильника своеобразна, при сравнении с древнерусскими памятниками обращает на себя внимание малочисленность бисера зеленого, желтого, синего стекла, в то время как бирюзовый и черный бисер представлен довольно широко. В коллекции фактически отсутствует так называемый классический бисер, или «горбушка» (табл.).

Аналогии

В настоящее время аналогии бисеру Змейского могильника обнаружены среди древнерусских памятников в единичных экземплярах. Так, в материалах селища в пойме Днепра

Рис. 2. Красно-розовый полупрозрачный бисер Змейского могильника

Таблица. Распределение «рубленого» бисера Змейского катакомбного могильника по цвету

Прозрачность / Цвет	Прозрачный	Полупрозрачный	Непрозрачный	Неопределимый	Итого
Красно-розовый	48	2596	–	–	2644
Бирюзовый	513	1132	190	22	1857
Черный	–	–	1113	13	1126
Зеленый	790	163	70	2	1025
Бесцветный	692	30	–	–	722
Желтый	399	67	206	4	676
Синий	424	128	–	–	552
Зеленовато-голубой	252	10	–	34	296
Голубой	130	59	5	36	230
Бурый	–	38	96	–	134
Лиловый	59	21	–	–	80
Печеночно-красный	–	–	13	–	13
Белый	–	1	5	–	6
Фиолетовый	2	2	–	–	4
Оранжевый	–	–	2	–	2
Белесый	1	–	–	–	1
Красно-оранжевый	–	1	–	–	1
Неопределимый	–	–	–	149	149
Итого	3310	4248	1700	260	9518

Гнёздовского археологического комплекса обнаружено пять бисерин, датируемых второй половиной X — началом XI в. (*Френкель*, 2007. С. 80, 108, 115, 116). Небольшая серия из трех бисерин выявлена нами среди материалов Троицкого (2 экз.) и Михайловского (1 экз.) раскопов Великого Новгорода[2]. Бисер Троицкого раскопа происходит из слоев рубежа X/XI — первой половины XI в. Бисер из Михайловского раскопа можно рассматривать как случайную находку, значительно пережившую время своего основного бытования, так как он был встречен в горизонте ярусов 7/8, который может быть датирован 1352–1369 гг.

Выводы

1. Красно-розовый полупрозрачный бисер нехарактерен для древнерусских памятников и чаще встречается на Кавказе.

2. По имеющимся на сегодняшний день данным этот тип бисера может быть датирован серединой X — серединой XI в.

3. Красно-розовый полупрозрачный бисер принадлежит иному производственному центру / мастерской, чем выделенные З. А. Львовой для Старой Ладоги (*Львова*, 1970. С. 96, 97). Основанием для такого утверждения служит цвет стекла, нехарактерный для бус

[2] НГОМЗ КП25295 инв. № 637; КП 43677 А197-204; КП 26517 А42-147. Благодарим В. К. Сингха за помощь в датировке бисера.

последней четверти I тыс. н. э., и специфическая форма канала, отличающая его от остального «рубленого» бисера.

4. Появление красно-розового полупрозрачного бисера на территории Древней Руси — это результат контактов и обмена населения, а не торговых операций.

Бакушев, Леонтьева, 2020 — *Бакушев М. А., Леонтьева А. С.* Змейский катакомбный могильник. Материалы раскопок 2013–2014 гг. Т. 2. М: ИА РАН, 2020. 447 с.

Доброва, Леонтьева, 2020 — *Доброва О. П., Леонтьева А. С.* Бусы Змейского катакомбного могильника из раскопок 2013–2014 гг. // Там же. Т. I. М: ИА РАН, 2020. С. 340–400.

Львова, 1970 — *Львова З. А.* Стеклянные бусы Старой Ладоги. Ч. 2 // Археологический сборник Гос. Эрмитажа. Л.: Аврора, 1970. Вып. 12: Средневековье, античность, эпоха бронзы. С. 89–111.

Френкель, 2007 — *Френкель Я. В.* Опыт датирования пойменной части Гнёздовского поселения на основании анализа стеклянных и каменных бус (по материалам раскопок 1999–2003 гг.) // Гнёздово. Результаты комплексных исследований памятника: Сб. науч. ст. / Отв. ред. В. В. Мурашева. М.: Альфарет, 2007. С. 78–117.

The Alanian component in ancient Russian culture (on one type of chopped beads)

O. P. Dobrova, A. S. Leontyeva

Keywords: Zmeysky burial ground, beads, Middle Ages, Ancient Rus', Gnezdovo, Novgorod, exchange, trade

When systematizing the Zmeyskoye burial ground bead collection, red-pink translucent beads emerged as one of the most numerous types. They are distinguished from Old Russian chopped beads by the shape of the channel and the color of the glass. In the materials of Old Russian monuments, this type of bead is represented by isolated specimens. This circumstance allows us to conclude that it arrived in Old Russian monuments as a result of direct contacts between the populations, and not through trade. The specific color of the glass and the shape of the channel allow us to conclude that this bead belongs to a different, third glassmaking center (the previous two were identified by Z. A. Lvova using materials from Staraya Ladoga). The co-occurrence of this type in the Zmeyskoye burial ground materials with beads made from drawn tubes, as well as its chronology in Old Russian monuments, allow us to date it to the mid-10th to mid-11th centuries.

***Н. В. Жилина*[1]**

Петельные головные подвески Севера. Происхождение формы и историко-культурный контекст[2]

Аннотация. *В финно-угорском уборе сформировалась основа для украшений треугольной формы, дополняемая петлями и подвесками, игравшая и служебную роль скрепления. В процессе конструктивного и декоративного развития петли соединились с треугольной основой, украшение приобрело расширяющуюся книзу форму, а петли — лопастную (Архангельский клад 1989 г.). Так петельные подвески отразили влияние облика славянских лопастных височных колец.*

Ключевые слова: *петельные, височные, головные кольца, конструктивное, декоративное развитие.*

В состав клада, найденного в 1989 г. под Архангельском, входит пара головных украшений с петлеобразным завершением внизу, точных аналогий которым пока не введено в научный оборот. Петельные височные кольца или головные украшения, по мнению исследователей, связаны с финно-угорским миром, преимущественно с его восточной частью. Архангельский клад дал самый западный пункт их распространения. Указываются аналогичные находки украшений с северных территорий XI–XII вв. (*Nosov et al.*, 1992. P. 7, fig. 8, *1, 2*; *Носов, Овсянников*, 1997. С. 150). Находку такого украшения в бассейне р. Ваги предположительно ассоциируют с древностями летописной Чуди Заволочской, подвергавшейся славянской колонизации, датируют XI — началом XII в. (*Назаренко и др.*, 1984. С. 203, 214; *Макаров*, 1993. С. 101). Находку на южном берегу Кольского полуострова, через Двинскую землю контактировавшего и с Приладожско-Белозерским, и с Прикамско-Поволжским финно-угорским миром, связывают с протосаамами (лопарями) и относят широко к периоду конца I — начала II тыс. н. э. (*Овсянников*, 1985. С. 86–88; *Овсянников, Рябинин*, 1989. С. 204–210; *Макаров*, 1993. С. 99).

Петельные украшения считали характерными для финно-угорского населения западнее Урала (*Архипов*, 1973. С. 20). Но выявилось и более восточное их распространение, петельный тип известен в Ликинском могильнике юдинской культуры Зауралья (Финно-угры и балты…, 1987. Табл. LXXI, *19*).

В финно-угорском уборе из украшений действительно есть близкие друг другу петельные формы, позволяющие увидеть типологическое единство, выделить данный тип украшений и наметить его эволюцию.

Источник формы височных или головных украшений петельного типа можно видеть в финно-угорском обильно-металлическом уборе. В состав различных финно-угорских шумящих украшений входила подтреугольная часть, сформированная из стержня, служившая конструктивной основой для соединения с функциональными и декоративными

[1] Институт археологии РАН, Москва, РФ; e-mail: nvzhilina@yandex.ru.

© Жилина Н. В., 2025

[2] Статья подготовлена в рамках выполнения темы НИР ИА РАН «Города в культурном пространстве Северной Евразии в средневековье» (НИОКТР 122011200266-3).

деталями: петлями для подвешивания цепочек и привесок. Украшения такой структуры размещались в разных частях костюма или убора, в том числе и в головной зоне. Они создавали единство декора и конструкции обильно-металлического финно-угорского убора (рис. 1, *1*). Треугольные звенья различной фактуры, добавляемые на разных участках, позволяли расширить украшение из цепочек книзу, основание треугольника расправляло подвесные цепочки (*Спицын*, 1902. Табл. VIII, *14*; XIV, *2, 12*; XXXII, *19*).

Во второй половине XI — начале XII в. у ряда финских народов есть головные украшения простой подтреугольной формы, называемые в литературе преимущественно серьгами, выполненные из бронзы или серебра. Треугольные детали могли выполнять в финском уборе и служебную роль — скрепляли его части и детали, таковы примеры из убора древних марийцев и коми-пермяков (рис. 1, *2–4*).

Оголенная треугольная часть служит удобной основой для усложнения конструкции украшения, изменения формы, получения дополнений, в том числе в связи с различными внешними влияниями. У удмуртов такие формы отражают общевосточно-европейские влияния с добавлением местной специфики (*Иванова*, 1999. С. 226). У марийцев образуется лунничная форма украшений (рис. 1, *5, 6*), у марийцев и удмуртов (поломская культура) фиксируются дополнения в виде миниатюрной бусинки (рис. 1, *6, 7*). Аналогичная форма фигурирует в атласе В. А. Спицына по материалам камского финно-угорского населения (*Спицын*, 1902. Табл. VII, *4*).

Общий облик украшения дополняют петли в количестве двух или трех внизу треугольной части, как бы вытянутые из самой треугольной фигуры. Такая форма изделий наблюдается также у марийцев (рис. 1, *9–11*) и коми-пермяков (ломоватовская и родановская культуры) (рис. 1, *12*). На Севере аналогичная находка представлена в Корбальском могильнике Архангельской области (рис. 1, *13*). Одно украшение найдено в женском захоронении в районе головы (могила 16) (*Назаренко и др.,* 1984. С. 203).

Такое изменение можно объяснить упрощением или рационализацией основы финно-угорской подвески, переходом к единому оформлению подтреугольной части и петель. По сути это изменение означает, что прекращается необходимость присоединения шумящих подвесок, убор начинает переход от обильно-металлической стадии к ювелирной[3]. Общая форма треугольной части при этом не нарушается. Некоторые варианты сохраняют более простые сужающиеся книзу подтреугольные петли (рис. 1, *9, 10, 12*), в других случаях из подтреугольных петель создается декоративная ритмичная гофрированная кайма внизу украшения, а петли расширяются книзу, приобретая форму лопасти (рис. 1, *11, 13*).

Новый шаг изменения в сторону декоративности состоит в том, что кайма из расширяющихся лопастных петель выходит за рамки строгого равнобедренного треугольника. Такие примеры есть в материале юдинской культуры Зауралья (рис. 1, *14*) и на Севере, в материале могильника Кузомень II на Терском берегу (рис. 1, *15*).

В инвентаре женского захоронения могильника Кузомень II использовано одно украшение с петлями, точная его функция в костюме или декоративном уборе не вполне понятна. В состав погребального инвентаря могилы 1 входили: фрагмент меха лося или оленя, одно петельное бронзовое головное кольцо (рис. 2, *1*)[4], подковообразная фибула со спиральными концами с правой стороны груди (рис. 2, *2*), ожерелье из стеклянных бусин и восьми круглых металлических подвесок (рис. 2, *3*), поясное железное кольцо с остатками тканого

[3] Обильно-металлическая стадия убора характеризуется многочисленностью, повторяемостью украшений шумящего характера, конструктивно связанных между собой, часть которых выполняет функцию скрепления тканевых деталей костюма. Ювелирная стадия убора характеризуется более рациональной и миниатюрной формой украшений, выполняемых по тонким ювелирным технологиям, связанным в основном стилистической общностью, декоративно дополняющих костюм (*Zhilina*, 2016).

[4] На рис. 5 и 7 использован шаблон лица финского типа, выполненный канд. ист. наук О. Б. Наумовой, ученым секретарем диссертационного совета ИЭА РАН.

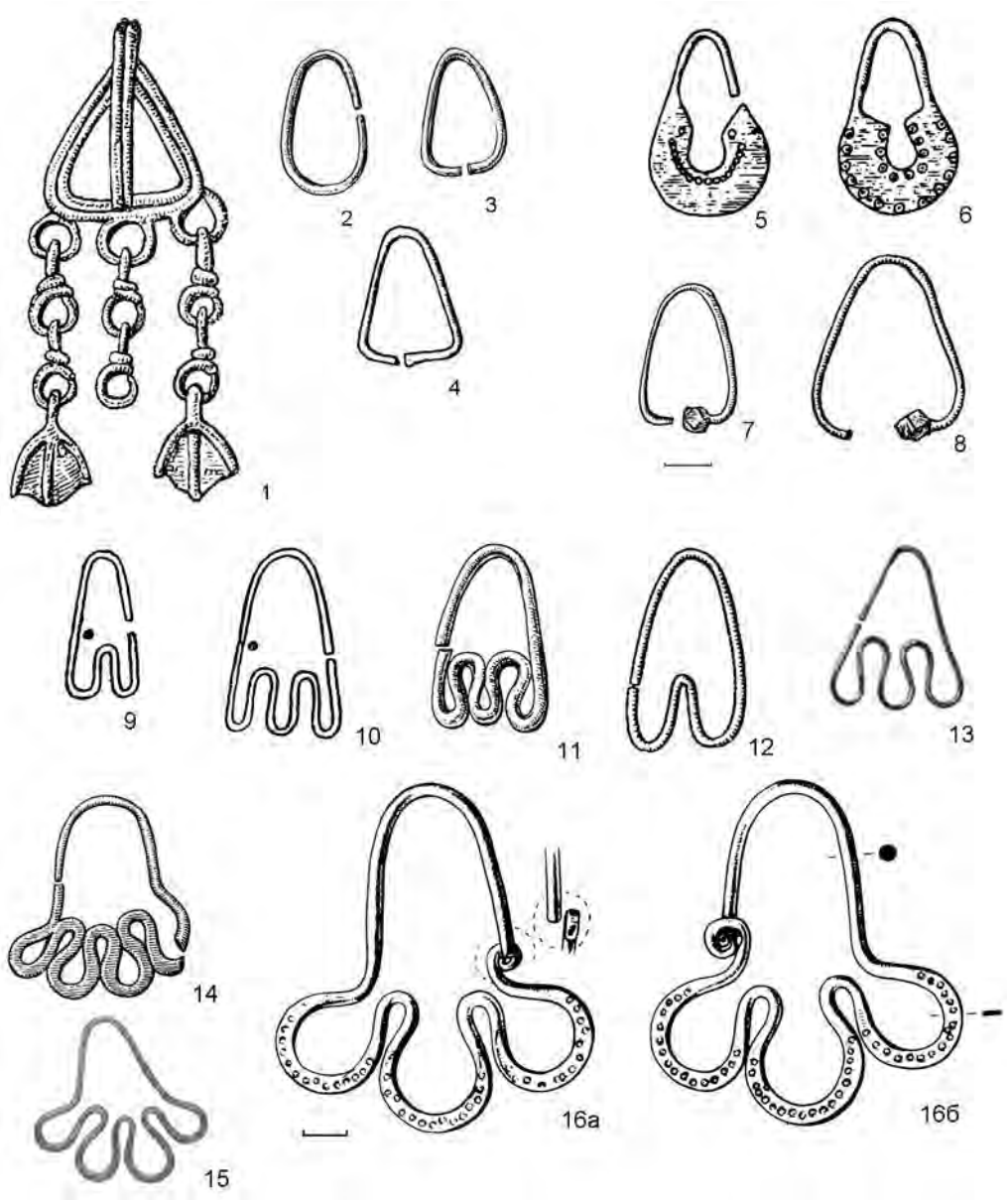

Рис. 1. *1–4* — подтреугольные подвески финского круга, Починковский, Дубовский и Юмский могильники, марийцы (Финно-угры и балты…, 1987. Табл. LIII, *10*; LI, *9, 10*; *Никитина*, 1999. Рис. 10, *13*). *5–8* — варианты дополнения треугольной основы украшений: *5, 6* — лунничные, марийцы (*Никитина*, 1999. Рис. 10, *11, 12*); *7, 8*— подтреугольные с многогранником, удмурты (поломская культура) и коми-пермяки (Горт-Кушетский могильник) (Финно-угры и балты…, 1987. Табл. LX, *4*; LXIV, *4*). *9–13* — украшения подтреугольной формы с петлями: *9, 10* — марийцы, «Черемисское кладбище» раскопок 1908 г. (Ветлужский р-он Нижегородской обл.) (*Архипов*, 1973. Рис. 17, *4, 5*); *11* — марийцы, Юмский могильник; *12* — коми-пермяки, Баяновский могильник (Финно-угры и балты…, 1987. Табл. LXIV, *5*; LXXI, *19*); *13* — Корбальский могильник, Архангельская обл. (*Назаренко и др.,* 1984. Рис. 5, *13*). *14–16* — украшения с петлями декоративной формы: *14* — юдинская культура, Ликинский могильник (Финно-угры и балты…, 1987. Табл. LXXI, *19*); *15* — могильник Кузомень II, Терский берег (*Овсянников*, 1985. Табл. 2, *1*); *16а, 16б* — Архангельский клад 1989 г. (*Nosov et al.,* 1992. Fig. 8, *1, 2*)

пояса (рис. 2, *4*); железный ножик; фрагменты подола с нашитыми металлическими спиральками на уровне коленных суставов (рис. 2, *5*); грубая шерстяная ткань платья с пришитой каймой с узором зелеными или красными нитками. Исследователями высказана версия, что бронзовое петельное кольцо использовалось для скрепления мехового головного убора (*Овсянников*, 1985. С. 84–87; *Овсянников, Рябинин*, 1989. С. 204–207). Можно предположительно реконструировать расположение деталей костюма и украшений по данному погребению (рис. 2).

Наиболее декоративно развитыми образцами итоговой петельной формы являются два кольца из состава Архангельского клада 1989 г. (рис. 1, *16а, 16б*). Они составляют парный двусторонний комплект, приспособлены к плоскостному прилеганию к правой и левой сторонам головного убора, орнаментированы пуансоном. Эти украшения являются пока и наиболее крупными из известных находок.

Архангельский клад относится к третьей хронологической группе кладов0 по Г. Ф. Корзухиной, зарытых в XI — на рубеже XI–XII вв. (*Корзухина*, 1954. С. 23–27; *Носов, Овсянников*, 1997. С. 146). В рамках выделенной группы его можно отнести к четвертой хронологической подгруппе с монетными накоплениями с X по начало XII в. (*Жилина*, 2014. С. 239, № 257). Комплекс расценивается как самый северный древнерусский клад, свидетельствующий об освоении русским населением Подвинья, земель Крайнего Северо-Востока и приполярных районов Западной Сибири (*Nosov et al.*, 1992; *Носов, Овсянников*, 1997. С. 155, 156).

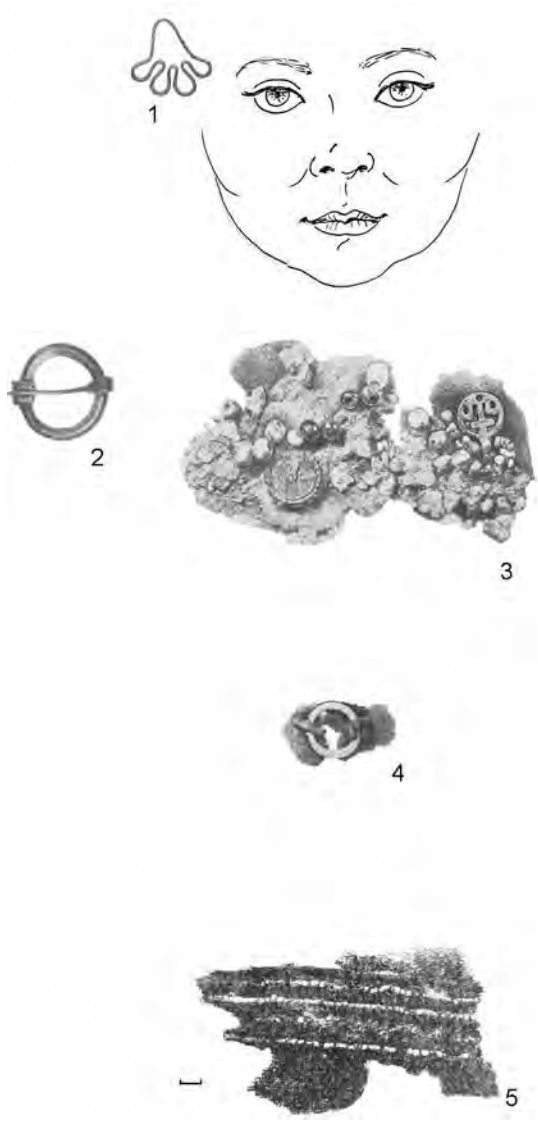

Рис. 2. Состав убора по материалам могильника Кузомень II, могила 1:
1 — петельное головное украшение;
2 — подковообразная фибула;
3 — ожерелье из подвесок и бусин;
4 — поясное кольцо с фрагментом ткани;
5 — фрагмент подола с нашитыми спиральками (*Овсянников*, 1985. Табл. 2, *1, 3, 4, 8*; *Овсянников, Рябинин*, 1989. Рис. 6)

Неоднородность клада по составу позволила исследователям выделить в нем группы: 1) связанную с древнерусской традицией (фрагмент височного семилучевого кольца, головная гроздевидная подвеска, лунница, витой[5] браслет, проволочный лом и фрагмент гривны); 2) связанную с северо-западными и северными территориями (крестообразная подвеска, плетеные цепочки с наконечниками, топоровидная подвеска). Петельные височные подвески определены как имеющие восточнофинское происхождение. Общее время изготовления подобных вещей обозначено как XI — начало XIII в., но, согласно данным нумизматики, сокрытие клада относится к концу — первой четверти XII в. (*Носов, Овсянников*, 1997. С. 155; *Ясински, Овсянников*, 1998. С. 62).

[5] В публикации клада 1992 г. браслет характеризуется как плетеный (*Nosov et al., 1992*. P. 5), в публикации 1997 г. — как витой (*Носов, Овсянников*, 1997. С. 148). Браслет является плетеным.

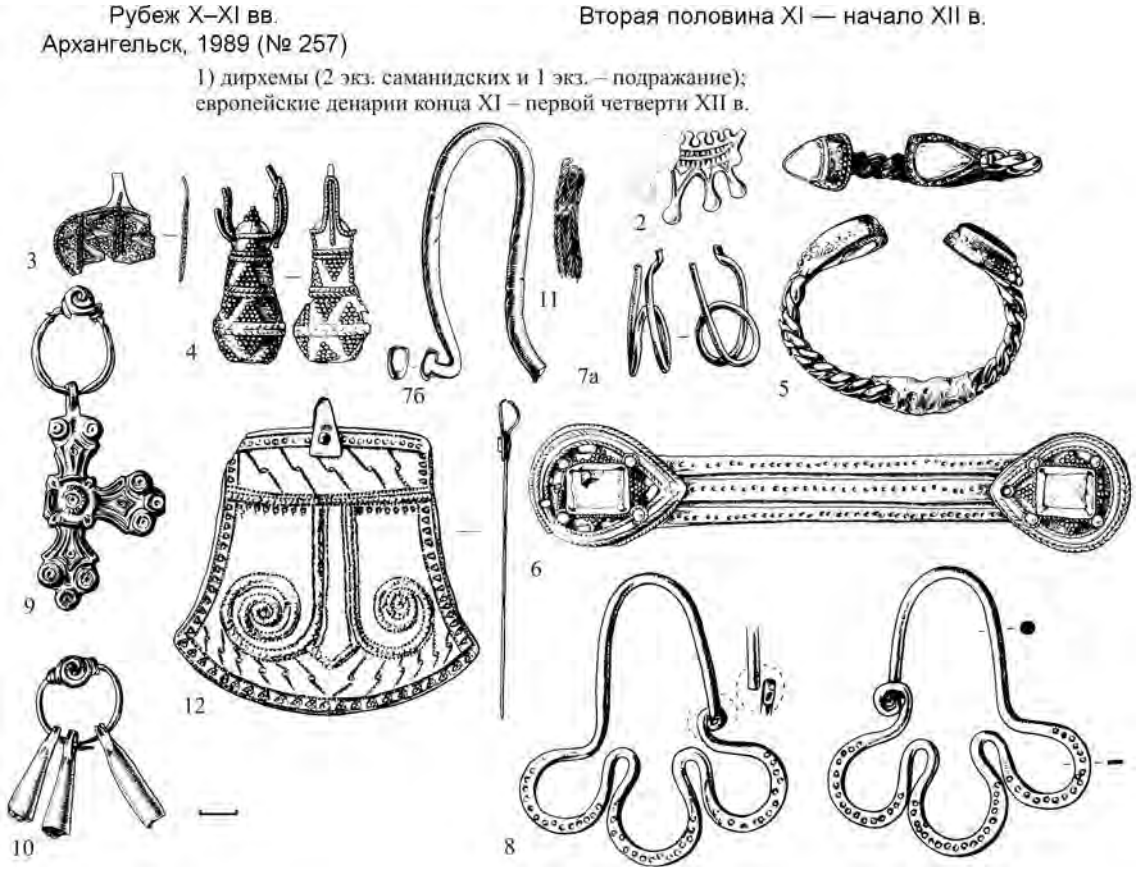

Рис. 3. Процесс формирования Архангельского клада 1989 г.: *1* — монетная часть клада; *2* — лучелопастное височное кольцо; *3* — лунница; *4* — гроздевидная наушница; *5* — браслет плетеный; *6* — браслет пластинчатый; *7а, 7б* — проволочный лом и фрагмент гривны; *8* — два петельных височных кольца; *9* — крест; *10* — подвесное кольцо с наконечниками цепей; *11* — плетеная цепь; *12* — топоровидная подвеска (*Жилина*, 2014. № 257)

На мой взгляд, вещевая часть формировалась с X по XII в. Датировка архангельских вариантов петельных украшений определяется мною по комплексу вещей клада с учетом распределения во времени нумизматических материалов. Я полагаю, что в периоды спадов монетных накоплений, отмечаемых Т. Нунненом, преимущественно откладывались вещи из драгоценного металла (*Noonan*, 1992. P. 243–247; *Жилина*, 2014. С. 7, 13).

Исходя из этой логики некоторые вещи могли отложиться в комплексе клада после середины X в., другие — после первой четверти XI в. Петельные подвески отнесены ко второму периоду накопления вещей — со второй четверти XI в. по начало XII в. Допустимо и накопление вещей в кладе во второй четверти XII в., некоторое время спустя после прекращения монетных накоплений (рис. 3).

Этнические компоненты клада я также вижу несколько иначе: североевропейский / прибалтийские финны — цепи и подвеска (рис. 3, *11, 12*); финно-угорский — гроздевидная наушница, лунница, кольца с петлевидным завершением (рис. 3, *3, 4, 8*); славяно-русский — лучелопастное кольцо, возможно, плетеный браслет, гривна (рис. 3, *2, 5, 7б*); финно-угорский / булгарский — пластинчатый браслет (рис. 3, *6*); общераспространенные предметы — проволочный лом, крест, подвесное кольцо (рис. 3, *7а, 9, 10*) (*Жилина*, 2024 (в данной статье дана подробная характеристика состава и процесса сложения Архангельского клада 1989 г.)).

Можно предложить гипотетическую реконструкцию убора из украшений по Архангельскому кладу. Это может вызвать возражения, поскольку клад является набором разнообразных по составу вещей, принадлежащих убору различных народов, вероятно, собранных как металлическое драгоценное сырье или ценность. Но, так или иначе, возможность собрать данные вещи в таком комплексе была на Севере Европы (булгарские вещи попадали в Новгород). На этой северной территории, в контактной зоне финского и славянского населения, происходило смешение традиций ношения украшений разных народов (рис. 4) (*Седова*, 1981).

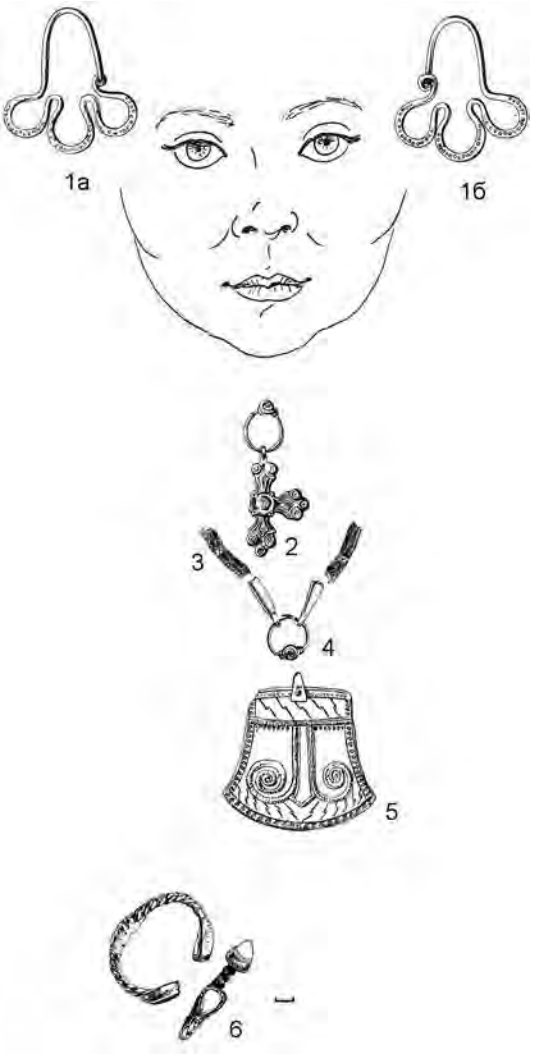

Рис. 4. Реконструкция гипотетического убора из украшений по Архангельскому кладу с совмещением традиций различных народов: *1а, 1б* — петельные головные подвески; *2* — крест; *3* — фрагменты цепи; *4* — подвесное кольцо; *5* — топоровидная подвеска; *6* — плетеный браслет (*Жилина*, 2014. № 257)

Итак, типологическое развитие украшения привело к тому, что общая форма укрупняется, расширяется книзу, петельные части, превратившиеся в лопасти, разводятся в стороны (рис. 1, *14–16*). Нетрудно заметить, что общая форма или контур становится при этом похожей по абрису на славянское лопастное или лучелопастное височное кольцо, и в Архангельском кладе есть подобный пример (рис. 3, *2*). Можно предположить, что лопастной вариант петлевидных подвесок отразил воздействие славянских лопастных височных колец, наблюдаемых местными финскими народами в процессе славянской колонизации.

Помимо логики общего типологического развития и сходства формы можно указать на другие подтверждения данной версии. Во-первых, у финно-угорских народов не наблюдается устойчивой традиции парного ношения ранних вариантов таких форм. Есть факты использования в женском уборе одного украшения: могильник Кузомень II (рис. 1, *15*), Корбальский могильник (рис. 1, *13*). По характеристике Т. Б. Никитиной, в марийском уборе подобные и другие типы головных украшений в женских погребениях в IX–XI вв. встречены по одному (*Никитина*, 1999). Кроме того, в целом петельная форма у финнов нигде не являлась преобладающей.

Во-вторых, можно указать на историческую аналогию сходного преобразования формы на основании внешнего иноземного прототипа: разработка типов славяно-русских звездообразных и затем лучевых головных украшений на базе византийских филигранных изделий, представляющая собой упрощение формы византийского филигранного оригинала (*Жилина*, 2022. Рис. 3). На мой взгляд, при формировании декоративно развитых вариантов петельных украшений с лопастными петлями происходит аналогичный процесс.

Таким образом, подтреугольную форму с петлями, сначала отделенными, а затем слитыми в единую конструкцию, дал именно финно-угорский убор. Элементарная первоначальная треугольная форма, удобная для крепления и плоского разведения подвесок,

использовалась как служебное соединительное звено для конструирования сложных форм украшений шумящего обильно-металлического убора финно-угров.

Впоследствии с облегчением убора форма развилась к самостоятельному типу петельного головного украшения, хотя и не ставшему наиболее характерным. Петельные подвески распространились и на Севере Европы.

Первоначально петли имели подтреугольную форму и не выходили за рамки равнобедренной треугольной основы, позже сформировалась декоративная кайма из расширяющихся петель лопастной формы, расширилась книзу и общая конфигурация украшения. Наиболее декоративно развитые итоговые варианты найдены в составе Архангельского клада 1989 г. Можно предположить, что декоративная лопастная форма петлевидных подвесок и способ их парного ношения в головном уборе отразили воздействие славянских лопастных и лучелопастных височных колец и традиции их ношения, наблюдаемых местными народами в процессе славянской колонизации.

Архипов, 1973 — *Архипов Г. А.* Марийцы IX–XI вв. К вопросу о происхождении народа. Йошкар-Ола: Марийское книжное изд-во, 1973. 199 с.

Жилина, 2014 — *Жилина Н. В.* Древнерусские клады. Классификация, хронология и стилистика украшений. М.: URSS, 2014. 391 с.

Жилина, 2022 — *Жилина Н. В.* Средневековые головные подвески славянских народов. Общая панорама параллелей и связей // Балканы, Подунавье и Восточная Европа в римское время и эпоху Средневековья: Материалы II российско-сербской археологической конференции «Славяне в мире Балкан и Восточной Европы: историко-археологическая панорама» (14–21 мая 2017 г. Москва) / Ред. О. Румянцева, С. Трифунович. М.: ИА РАН, 2022. С. 229–255.

Жилина, 2024 — *Жилина Н. В.* Архангельский клад 1989 г. в контексте древнерусских кладов. Фрагменты истории европейской средневековой культуры // Археология Севера: памятники, проблемы, гипотезы: Сб. докл. Общерос. науч. конф. (Соловки, 9–13 сентября 2024 года) / Отв. ред.-сост. А. Я. Мартынов, В. Я. Шумкин. Соловки; Архангельск: Лоция, 2024. С. 135–145.

Иванова, 1999 — *Иванова М. Г.* Удмурты // Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века / Отв. ред. М. Г. Иванова. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1999. С. 207–254.

Корзухина, 1954 — *Корзухина Г. Ф.* Русские клады IX–XIII вв. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. 156 с.

Макаров, 1993 — *Макаров Н. А.* Русский Север: таинственное средневековье. М.: ИА РАН, 1993. 192 с., 8 л. ил.

Назаренко и др., 1984 — *Назаренко В. А., Овсянников О. В., Рябинин Е. А.* Средневековые памятники Чуди Заволочской // СА. 1984. № 4. С. 197–216.

Никитина, 1999 — *Никитина Т. Б.* Мари // Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1999. С. 161–206.

Носов, Овсянников, 1997 — *Носов Е. Н., Овсянников О. В.* Архангельский клад 1989 г. // Славяне и финно-угры. Археология, история, культура: Доклады российско-финляндского симпозиума по вопросам археологии / Ред. А. Н. Кирпичников и др. СПб.: Дмитрий Буланин, 1997. С. 146–157.

Овсянников, 1985 — *Овсянников О. В.* Средневековый грунтовый могильник на Терском берегу // Новое в археологии Северо-Запада СССР / Отв. ред. В. М. Массон. Л.: Наука, 1985. С. 84–88.

Овсянников, Рябинин, 1989 — *Овсянников О. В., Рябинин Е. А.* Средневековые грунтовые могильники Терского берега // СА. 1989. № 2. С. 201–211.

Седова, 1981 — *Седова М. В.* Ювелирные изделия Древнего Новгорода (X–XV вв.). М.: Наука, 1981. 196 с.

Спицын, 1902 — *Спицын А. А.* Древности камской чуди по коллекции Теплоуховых. Атлас рисунков. СПб.: Тип. В. Безобразова и К°, 1902 (МАР; № 26). 150 с.

Финно-угры и балты…, 1987 — Финно-угры и балты в эпоху средневековья / Отв. ред. В. В. Седов. М.: Наука, 1987 (Археология СССР). 512 с.

Ясински, Овсянников, 1998 — *Ясински М. Э., Овсянников О. В.* Взгляд на европейскую Арктику. Архангельский Север: проблемы и источники. СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1998. Т. I. 464 с.

Noonan, 1992 — *Noonan T. S.* Fluctuations in Islamic Trade with Eastern Europe during the Viking Age // Harvard Ukrainian Studies. 1992. Vol. 16, N 3–4. P. 237–260.

Nosov et al., 1992 — *Nosov E. N., Ovsyannikov O. V., Potin V. M*. The Arkhangelsk Hoard // Fennoscandia Archaeologica. 1992. Vol. IX. P. 3–21.

Zhilina, 2016 — *Zhilina N.* Attire of adornments: the main historical stages: natural, heavy-metal, jewelry, the accessory // 22nd Annual Meeting of the EAA. 31st August — 4th September 2016. Vilnius: Saulius Jokuzys Publishing Printing House, 2016. P. 87.

Northern Loop Head Pendants. Origin of the Form and Historical and Cultural Context

N. V. Zhilina

Keywords: loop, temporal, head rings, constructive, decorative development

Finno-Ugric attire developed a triangular base for ornaments, complemented by loops and pendants, which also served as fasteners. As the design and decorative development progressed, the loops merged with the triangular base, the ornament acquired a shape that widened toward the bottom, and the loops acquired a lobed shape (Arkhangelsk hoard, 1989). Thus, looped pendants reflected the influence of Slavic lobed temple rings.

***М. Ю. Данков, Д. А. Проц*[1]**

Локация пути 1702 г. царя Петра от Белого моря в Ингрию и современные маршрутные исследования

Аннотация. *Исследование посвящено выяснению загадочных обстоятельств маршрута войсковой группы Петра I от берега Белого моря к Балтике осенью 1702 г. С этой целью в 1993 г. в Петрозаводске при поддержке Фонда культуры Республики Карелия и Русского географического общества был создан научно-исследовательский проект «Осударева дорога». Для датировки обнаруженных образцов «погребенной древесины» использовалась радиоуглеродная методика и оригинальная дендрохронологическая индикация. В результате сформировалось видение трассы сухопутного пути в 174 версты, преодоленного пятью батальонами лейб-гвардии Преображенского и Семеновского полков.*

Ключевые слова: *маршрут царя Петра в августе 1702 г. от Белого моря к Повенцу, ландшафтные исследования, локация рейда.*

Памяти друга

Стратегический рейд осенью 1702 г. войсковой группы Петра I с высшими сановниками и иностранными посланниками на водоразделе Белого и Балтийского морей изумляет современных исследователей парадоксами и недомолвками. О строительстве и преодолении «Осударевой дороги» существует внушительный комплекс историко-литературных сообщений, которые имеют скорее летописный и фольклорный смысл. В условиях дефицита эмпирических фактов большое значение имела ландшафтная фиксация волока. С целью анализа архивных, фольклорных, картографических материалов и проведения ландшафтных, а также археологических изысканий весной 1993 г. в Петрозаводске при поддержке Фонда культуры Республики Карелия и Русского географического общества был создан научно-исследовательский проект «Осударева дорога». По программе стали проводиться исследования уникального события и поиск следов памятника российской истории XVIII в. Велись поиски в отечественных и зарубежных архивах, структурировались неизвестные исторические факты о царской дороге к Балтике. С надеждой зафиксировать остатки многокилометровой трассы и выявить точные координаты маршрута Петра I в «Ынгрию», организовывались археологические экспедиции. Основные материалы об этом событии введены в научный оборот лишь в последние годы (*Данков*, 2008. С. 83–87; *Данков, Проц,* 2021; *Кротов,* 2007; 2011).

В ходе работ сформировался взгляд на месторасположение дороги от Вардегорского мыса в Онежском заливе Белого моря до Повенецкого рядка на «Онеге-озере» (РГАДА. Ф. 158. Оп. 1. 1702. Д. 109. Л. 2–2об.). Путь в 174 версты преодолели «всякого чину кроме начальных людей, с лишком… четыре тысячи человек» и пять батальонов лейб-гвардии Преображенского и Семеновского полков (*Новиков*, 1783. С. 105–111). В походе находились царевич Алексей Петрович, представители высшего российского дворянства Ф. А. Головин,

[1] Данков М. Ю. — независимый исследователь, г. Петрозаводск, Республика Карелия, РФ; e-mail: dankov@sampo.ru, mdankov@inbox.ru. Проц Д. А. — Национальный музей Республики Карелия, г. Петрозаводск, Республика Карелия, РФ; e-mail: protsdiana@yandex.ru.

© Данков М. Ю., Проц Д. А., 2025

А. Д. Меншиков, А. Б. Голицын, П. П. Шафиров, Г. И. Головкин, К. А. Нарышкин, В. В. Долгорукий, М. Г. Ромадоновский, Н. М. Зотов, Ф. Ф. Борятинский, В. Ф. Салтыков, И. И. Троекуров и многие другие. Своеобразие рейда заключалось в том, что царь взял с собой знатных дипломатов «резидента Польского» Ф. Э. фон Кениксека, посланника Генеральных штатов Г. Фан дер Гульста, австрийского дипломата О.-А. Плейера. Тайный путь также преодолели иностранные фавориты: французский генерал-инженер Ламбер де Герэн, голландский гравер А. Шхонебек, сын царского любимца швейцарец Анри Лефорт, денщик, затем адъютант государя француз Никита Вильбуа (Иностранные специалисты…, 2019. С. 158, 433).

Преодоленное расстояние различные источники оценивают с большим разбросом: в 120, 160, 174, 178, 185, 200, 225, 238 верст. В наши дни длина пути также остается спорным вопросом. Мы придерживаемся значения в 174 версты (160 + 14), включая начальный прогон от Вардегорского мыса до Нюхчи Волостной, равный 14 верстам. Во внимание принимается, что в петровской России обычно использовалось значение «коломенской» 700-саженной версты при длине сажени в 2,13 м (7 английских футов) (*Каменцева, Устюгов*, 1975. С. 237–239). Таким образом, общее расстояние, преодоленное армией и свитой, составило около 259 434 м. Еще в XIX в. эти расчеты подтвердил знаток царских инициатив архиепископ Олонецкий и Петрозаводский Игнатий, который «пред лицем Помазанника Господня» утверждал, что маршрут «некосительно уготовлялся… на 160-ти семисотных тогдашних верстах» (*Игнатий,* 1841. С. 7–10, 15). Современный историк П. А. Кротов, признавая, что протяженность «Осударевой дороги» от Нюхчи составляет 160 верст, все-таки настаивает, что петровскую версту следует приравнивать к 500 саженям (*Кротов,* 2011. С. 78–80).

Итак, путь пролегал через Ким- и Кам-ручьи, Алёнкину гору на Большую Святую гору и Гав-ручей. Затем войска двигались вдоль р. Нюхчи к Падуну, Собачьему ручью, Государеву клочу, урочищу Кунопочи и нижней горизонтали высоты 63,5 м, позже народом названной Щепотева гора, и далее к Патрикеевой Сюрьге. Перебравшись через р. Воронью (Илеменzу) и минуя гору Голец, имеющую высоту 263 м над уровнем Белого моря, на северо-западном окончании Ветряного пояса, войска форсировали р. Суму (Илозу) и, не заходя в старообрядческую д. Пулозеро, заброшенную в начале XX в., вышли к рекам Перьми, Кукше-Моксе и Неле. Немного спустя, минуя легендарное «Колосьозеро» (сейчас нежилое с. Коросозеро), армия вышла к селу «на Вожне Салме» (РГАДА. Ф. 158. Оп. 1. 1702. Д. 109. Л. 16–17об.). Вскоре оказалось востребованным мастерство Ламбера де Герэна, и батальоны по мосту из лодок, соединенных борт в борт, переправились через пролив оз. Выг-Боброво, ныне несуществующий, и на р. Верхний (Южный) Выг, устроили стоянку в урочище, названном Петровский Ям. Затем, лейб-гвардия пересекла ручьи Ладыга, Муром, Белый и Мянгорский и выдвинулась к оз. Телекино, р. Чарене (Черной), Волозеру, Маткозеру и Узким (Долгим) озерам. Далее по пожням р. Повенчанки армия вышла к Повенецкому рядку. Здесь царь на 86, по другим сведениям 105 судах (РГАДА. Ф. 9. Отд. 1. Д. 44. Л. 395, 396; Отд. 2. Д. 44. Л. 53, 336; Ф. 158. Оп. 1. 1702. Д. 109. Л. 16–17об., 22–23), подтянутых М. И. Щепотевым и И. К. Мухановым, начал амбаркадирование по Онежскому озеру и р. Свири к Нотебургу, где в октябре 1702 г. «победа преславная даровася» (Национальная библиотека Республики Карелия. Сектор редкой книги. № 45614р. Рукопись. «Соловецкий летописец». 1790 г. Л. 28об.). Государь захватил цитадель, переустроил шведский плацдарм и 16 мая 1703 г. в дельте Невы основал крепость Санкт-Питербурх (Журнал или…, 1770. Ч. 1. С. 69). С этого момента для России и Европы началась новая эпоха.

Впервые топография маршрута была описана в «Старинных записках, в Двинских церквах найденных», изданных в 1783 г. в Москве (*Новиков*, 1783. С. 106). Скорее всего, безымянный трактат составлен участником событий 1702 г. по указанию архиепископа Холмогорского и Важского Афанасия (*Панич*, 1989. С. 103; *Овсянников*, 1992. С. 15). Автор был прекрасно осведомлен о «секретной» миссии элитных войск, дорога «конским путем» пролегала «чрез Нюхоцкую волость… к Онеге озеру на Повенецкий погост». Армии пришлось передвигаться «лесами, мхами и болотами, расстоянием от Нюхоцкой пристани 160 верст,

где мосты деланы». Участвовали в той работе «крестьяне Соловецкого монастыря, Сумского острога, Кемского города», и весь работный люд был «с лошадьми, и лошади были под фурманами».

Документ указывает локацию с верстовыми индексами, фиксирует топонимы и картографические ориентиры. «От Нюхоцкой волости до Пулозера лесом и мхами 40 верст. От Пулозера Олонецкого уезда, Выгозерского погоста, до Вожмосальмы лесами и болотами 40 верст». Далее «чрез Вожмосальму… живой мост в длину 60 сажен» и до «Выги реки лесом же 15 верст». Еще одна переправа «через Выгу реку живой мост в длину 120 сажен». Текст «Двинских записок» также маркирует топографию южного участка «Осударевой дороги». Неизвестный автор сообщает: «От Выги реки до деревни Телеки, где были Алексеевские заводы, лесом же 25 верст», а «от Телеки до Повенца лесами ж и болотами 40 верст». Тут же «имеются 4 реки, чрез которые были деланы мосты на клетках». Позже, геолог А. А. Иностранцев признавал, что реки «северной части Повенецкого уезда» напоминают «своим видом знаменитую р. Миссисипи» (*Иностранцев*, 1877. С. 148). Таким образом, «до Повенца от Нюхоцкой волости чрез показанные места 160 верст, и вся дорога была мостовая» (*Новиков*, 1783. С. 104–106).

Второе свидетельство, дополняющее «Старинные записки», содержится в письме «бонбардира» Михаила Щепотева, устроителя маршрута. Реляция Петру, который «гостевал» в Архангельске, детализирует начальный этап движения к Повенецкому рядку. Исполнительный «услужник» в последних числах июля 1702 г. сообщал царю: «По Указу твоему послал я для чистки дорожной и тое дорогу делаю от Нюхоцкой волости до Ветренной горы 30 верст». Гвардеец с гордостью отмечал: «дорога вымощена», хотя «место было самое худое, государь». К тому же «тутошние жители» считают, «еще осталось такое же худое место верст 70». Как оказалось, сержант упоминал болото Пихкамох в междуречье Сумы и Нелы. Царский фаворит прояснил характер дороги от взморья до с. Нюхча: «А пристань я, сыскав, измерил, а от той пристани до Нюхоцкой волости до дороги 7 верст». М. Щепотев утверждал, что «кроме той пристани от дороги близко и лучше нет». К тому же «с берегу к морю место мягкое пловое, каменья никакого вблизости нет» (*Азанчеевский,* 1859. С. 38). Получается, что от Поморья до Онежского озера путь якобы пролегал через места «пловые», низкие, «через болота и мхи». Однако «Журнал Государя Петра I», редактированный царем, сообщает противоположное: «Оттоль» с моря войска двигались «сухим путем до деревни Повенца чрез пустые места и зело каменистые» (*Гизен,* 1787. С. 50). Это противоречие, видимо, уже никогда не удастся снять.

Третьим свидетельством о «карельском пути» 1702 г. является фольклорное предание, записанное в начале 1840-х гг. со слов нюхоцкого крестьянина Ф. Г. Поташева. Ценность этого источника в том, что в нем используется «народная» топонимика. Мол, «дорога…так и покатит вверх по реке подле берега верст на 14». Здесь «поворот называется, и курган… накладен с печь ростом, на самом кряжу да на бережку». Поморское предание, опубликованное в 1859 г., отмечает: «по дороге то по этой, одно место за примету, верстах в 16 отсюда, зовется гора Щепотина». Отсюда царь пошел «дальше к Пулозеру» (*Максимов,* 1859. С. 599, 604). Безусловно, имелся в виду Государев клоч и высота 63,5 м, названная народом Щепотева гора, — объекты, которые в 1983 г. были идентифицированы поисковой экспедицией «Осударева дорога». Дальнейший путь государя во многом дублирует известия Двинского летописца. «Пулозеро (40 верст от Нюхчи)» царь оставил «в стороне, вправе, и в деревню не заходил», но прибыл «в деревню Колосьозеро». Затем «перешел мостом чрез речку» и «верст тридцать шел диким… лесом… по мосту». Для нас было важно, что «в лесу… этом и доселева еще полосу, просеку такую сажени на три в ширину заприметишь», хоть «мосты и заросли травой шибко». Вскоре царь прибыл «в деревню Вожмосова» и «уж плыл по Выгозеру и по Выгу реке на деревню Телейкину». Действительно, пролив Выгозеро — оз. Боброво и р. Верхний (Южный) Выг, вблизи урочища Петровский Ям армия перешла по понтонному мосту, спроектированному де Герэном (*Гузевич и др.,* 2019. С. 361).

Позже по мнению Ф. Поташева, путь проходил «через речку Мурому да Мянгозерскую», откуда войска перемещались «по мосту, по болотам да по лесам, на сорок верст до Повенца» (*Максимов,* 1859. С. 604, 605).

Парадоксально, но источники начала XVIII в., к сожалению, о маршруте умалчивают. К таким изданиям относятся «Журнал, или Поденная записка Государя…» (Журнал или…, 1770), составленный кабинет-секретарем А. В. Макаровым; «Походный Журнал Петра Великого», иначе «Юрнал 1702 г.» (Походный журнал, 1853); «Журнал Государя Петра I…» барона Гизена (Генрих Гюйссен) (*Гизен,* 1787. С. 50); вариант «Гистории Свейской войны» (*Масловский*, 1891. С. 1, 5). Таинственный путь в «Ынгрию» не отмечен в трактате «Рассуждение…» участника похода барона П. П. Шафирова (*Шафиров,* 1717).

Иностранные дипломаты, преодолевшие путь к Повенцу, также не упоминают интересующие нас события, это относится к «Донесениям Соединенным Штатам Нидерланд» Фандер-Гульста (*Елагин*, 1866. С. 123) и депешам австрийского посланника О.-А. Плейера (*Плейер,* 1863. С. 565, 577, 587–589, 598. Перевод подготовлен в 1996 г. Т. А. Ягновой). Кстати, сам Петр и его приближенные почему-то тоже проигнорировали описание маршрута. Хотя в корреспонденции из «Города», как в XVIII в. часто маркировался Архангельск, от 5 августа 1702 г. графу Ф. М. Апраксину царь отметил: «Мы с обоими полками» вскоре пойдем «до Нюхты, и оттоль, переправяся сухим путем, на Онегу озеро (только 120 верст)», чтобы из «того озера… Свирью» добраться до Ладоги (ПиБ, 1889. С. 75–77). 28 августа Петр «с пристани, имянуемой Повенца», лишь дал знать польскому королю Августу II: «Мы ныне в походе близ неприятельской границы обретаемся» (*Там же*. С. 80). В этот же день глава Посольского приказа генерал-фельдмаршал Ф. А. Головин сообщил Ф. М. Апраксину: от «пристани Нюхчи, что близко Онежской губы» армия «сухим путем близко 200 верст» вышла «к Онежскому озеру» (РГАДА. Ф. 160. Оп. 1. 1702 г. Д. 27. Л. 1). Позже, 18 сентября 1702 г., Ф. А. Головин, первый кавалер ордена Св. Андрея Первозванного, отписал князю Г. Ф. Долгорукову: «войска Царского Величества никаких праздностей сего лета не делали, но в непристанных истинно трудех были» и совершили «счастливое начинание», прошли «непроходимыми местыми… и топеря обретаем в Ындрии» (ПиБ, 1889. С. 409). Но ни один участник рейда не дал описания топографии. Даже архимандрит Досифей, настоятель Соловецкого монастыря, повторил траекторию пути из «Двинских записок» (*Досифей*, 1847. С. 103, 104).

Еще большее смятение вызывает отсутствие в российских и шведских архивах оригинальных картографических листов маршрута. Однако нельзя не упомянуть «Карту Московии» (Carte de Moscovie dressee par Guillaume de L'Isle premier geographe du Roy, a Son Excellence Monseigneur Andre Artemonides de Matveeof, Ministre d'Etat de Sa Majeste Czarienne l'Empereur des Russes…) (рис. 1). На листе парижской печати 1706 г. «королевский географ» Г. Делиль двойной линией впервые решил отметить царскую дорогу. Вектор пути (Chemin du Czar) соединил Белое море (Bela more) и Онежское озеро (lac Onega), точнее «Нюхтченскую пристань» (Niuchtchenskaia Pristen ou le Czar aborda en 1702) и финальную точку Повенец (Povenza ou Povenas).

Упомянем также «снятую с весьма ветхого старинного оригинала» литографическую карту-схему, опубликованную в 1858 г. (Памятная книжка…, 1858. С. 98). Она содержит топонимы Пристань-Нюхотская волость — оз. Пулозеро — р. Сума — Хижозеро — с. Вожмосалми — оз. Телекинское — Волозеро — Масельга — оз. Долгое — г. Повенец. Скорее всего, происхождение карты связано с работами 1784 г., когда готовилось описание местности. Материалы до конца XIX в. находились в связке дела 1784, в Архиве Олонецкого губернского правления за № 215 (*Мегорский*, 1902. С. 3). К сожалению, сегодня местонахождение протографа неизвестно.

Приходится признать, что историко-архивных, картографических, эпистолярных, иконографических и фольклорных данных о локации трассы явно не хватает для ее точного определения. Поэтому сведения, полученные в ходе экспедиционных работ, должны были расширить представления о событиях Петровского времени. Тайна месторасположения

Рис. 1. Делиль Г. "Carte de Moscovie dressee par Guillaume…". Париж, 1706 г. Фрагмент

дороги впервые привлекла внимание научных сотрудников Карельского государственного краеведческого музея в 1964 г. (*Гринин,* 1964). В 1970-х гг. походы с целью обнаружить следы государева маршрута предпринял М. В. Пуссе, географ-исследователь из Северодвинска (*Пуссе,* 1991).

Однако системное изучение местности началось в 1993 г. после создания в Петрозаводске проекта «Осударева дорога». Специалисты сразу же столкнулись с проблемами, вызванными естественными причинами, такими как генерация леса, многочисленные таежные пожары и ветровалы, а также с активным антропогенным воздействием, которые значительно изменили исследуемую территорию и навредили ландшафтному памятнику. Еще в 1865 г. по предложению архангельского губернатора князя С. П. Гагарина был реализован проект прямого дорожного сообщения между с. Нюхча и г. Повенец. Строители прорубили просеку и значительную часть северного участка приспособили к зимнему проезду (Беседы о Севере…, 1867. С. 248). Это значит, что начальный фрагмент государевой трассы до р. Илозы, порой называемый аллеей, попал под крупномасштабные нивелировочные работы (ПСЗРИ, 1830. С. 34, 35).

Позже, в 1874–1879 гг., на деньги Олонецкого земства возвели почтовый тракт Повенец — Сумский Посад. Участок от Повенца до Коросозеро, включая Вожмосалми, Петровский Ям, Телекино, Морскую Масельгу, полностью совместился с маршрутом 1702 г. Но наибольшие утраты историко-ландшафтный объект получил в 1930-х гг. при строительстве Беломорско-Балтийского канала им. Сталина. Участок петровского пути от Онежского озера до Вожмосалми попал в зону затопления. Непоправимый урон памятнику нанесли сплошные и концентрированные рубки леса сначала заключенными ГУЛАГа, затем рабочими Сумпосадского, Валдайского и Надвоицкого леспромхозов.

Тем не менее исследования по проекту «Осударева дорога» принесли свои плоды. На уцелевшем северном участке дороги от Вардегоры до урочища Петровский Ям группа маршрутного поиска экспедиции в 1993–2003 гг. выявила четыре зоны, связанные с царским походом. Был обнаружен фрагмент «Староколежемского тракта», соединявшего с XVI в. селения Карельского берега на Белом море. Михайло Щепотев в 1702 г. воспользовался уже существовавшей дорогой до Большой Святой горы. Археологические работы под руководством канд. ист. наук П. Е. Сорокина (ИИМК РАН, СПб.) позволили

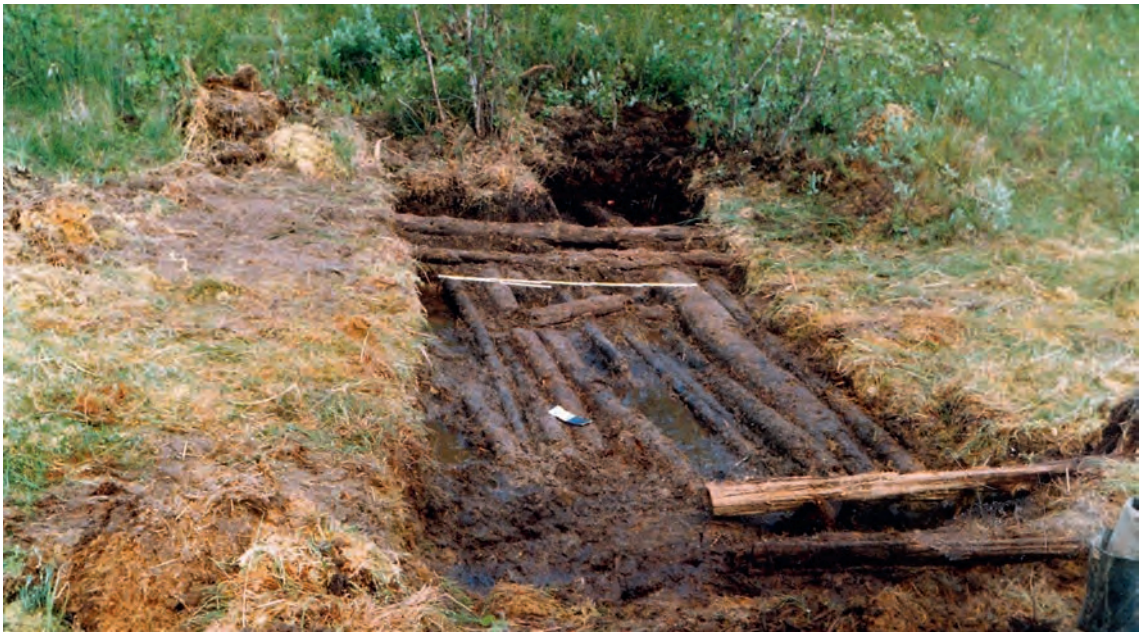

Рис. 2. Участок поперечной гати, Вардегорский мыс, фото М. Ю. Данкова. **НИЭ «Осударева** дорога», 1999 г.

зафиксировать исторический объект и подтвердить его вторичное использование (рис. 2). На окоеме болота под моховой подушкой толщиной 0,10–0,25 м археологи выявили гать шириной 5,25 м, которая выглядела настилом из молодых хвойных деревьев диаметром 10–20 см, не везде сплошным. Стволы были расположены перпендикулярно направлению движения и ориентированы в меридиональном направлении с магнитным азимутом в 340° (рис. 3). Любопытно, что ширина полотна увязывается с «Регламентом» царя Алексея Михайловича. Правительственный документ отмечал, что ширина государевых трактов не могла быть менее трех сажень (примерно 6,4 м). При этом таежные дороги оказались на сажень меньше, около 4 м (*Тихомиров, Епифанов*, 1961. С. 91–95). Гать поверх мощения имела с северной и южной сторон по две продольные лаги, а также бордюрные колья, вбитые по периметру для дополнительного крепления (*Сорокин,* 2016). Конструкция повторяет известное изображение мостовой дороги в Новгородской губернии с офорта Гетериса (*Брикнер,* 1882. С. 611) (рис. 4). Кстати, строители — «государевы сироты» Нижмозёрской волости — в челобитной от апреля 1703 г. в Соловецкий монастырь сообщали, что «мосты» они делали «поперешные», а «дорогу чистили и коренья высекали в ширину на три сажени и болши» (РГАДА. Ф. 1201. Оп. 2. Д. 1704. Л. 77). Обратим внимание, что путь не походил на «тряские и уродливые повенецкие дороги» по «избитым и старым мосткам» из «бревешек и палок» (*Максимов*, 1987. С. 434, 437). Здесь же, в приливной зоне, в 1999 г. с использованием металлодетектора был обнаружен кованый якорь-кошка.

Рис. 3. Сорокин П. Е. Чертеж фрагмента поперечной гати, Вардегорский мыс. НИЭ «Осударева дорога», 1999 г.

Рис. 4. Гравюра «Новгородская дорога». С офорта Гетериса. Конец XVII в.

Четырехгранное веретено длиной 70 см и массой до 2,5 кг сохранило две из пяти «лап» с «носками рога». Якорек имеет «пятку» и сбитую «шейму» для «рымного кольца». Подобные предметы отбивались в поморских кузнях и использовались на «разъезжих» монастырских карбасах. Они известны с новгородского времени, хотя находку логично соотнести с десантной операцией царя в августе 1702 г.

В 1993 г. на береговой террасе р. Нюхчи в 12 км от одноименного села участники проекта идентифицировали «расплывшийся» курган диаметром около 5 м и высотой до 0,5 м, называемый местными жителями Государев клоч. При инструментальном осмотре на природном холме выявлена искусственная подсыпка и неглубокий ровик по окружности. По преданию, записанному от Е. И. Титова, жителя с. Нюхча, «клоч» — это «место такое называется, двенадцать километров отсюдова», вот «Петр к реке самой приходил, знать к клочу, и обедал там у самой реки». Вот и получается «Петров клоч, большой, небольшой холм. Когда по болоту идешь, вот и встречаешь клоч», он «раньше Комиссарова плеса, кочка такая, знаем его», потому что «государь отдыхал там». Другой старожил села М. Г. Поташев подтвердил, что «Государев клоч, старики говорят», — это место, где «царь сидел и обедал», а сам «клоч есть кочка метра четыре вокруг» (*Данков,* 1993. Л. 7, 15). Еще в XIX в. поморы понятие «клоч» определяли как «болотную кочку» или «сырую, поросшую высоким частым ельником и вереском местность» (*Подвысоцкий*, 1885. С. 67, 160).

В 1995–1996 гг. нами выявлены новые фрагменты гатевых конструкций в междуречье Сумы, Кукши-Моксы, Нелы, на южном окоеме болота Пихкамох и в низинной зоне к северо-востоку от заброшенного с. Коросозеро. На заболоченных перемычках между лесными суходолами исследователи, принимая во внимание орографический фактор, отметили семь фрагментов гати с поперечным настилом (рис. 5). Обтесанные бревна находились под подушкой мха толщиной 5–10 см среди осоковых кочек (*Шелехов*, 1995). Конструкция на мощных слегах, слегка утопленная в сфагнум, походила на мостовую гать «Староколежемского тракта» у Вардегорского мыса. К сожалению, охранные археологические работы провести не удалось, но была осуществлена видео- и фотофиксация, а также отобраны образцы для дендрохронологического анализа.

На суходоле в старовозрастном лесу, у возвышенности с отметкой 134 м, исследователи выявили участок местности с признаками инженерно-строительных работ, который походил на своеобразное корыто шириной 6–8 м. По краям просеки росли сосны, которые имели совокупный возраст живой и мертвой древесины в пределах 300–320 лет. По лишайниковому и травянистому покровам биологи сделали вывод, что эксплуатация пути завершилась более 100 лет назад. На полотне не оказалось пней, а также молодых деревьев и кустарника. На одном из стволов неживой сосны возрастом не менее 320 лет, на стороне, обращенной к дороге, на высоте 1,5 м от горизонта земли, был зафиксирован тесаный знак «Х», напоминающий крест Св. апостола Андрея Первозванного (рис. 6, *1, 2*). В длину

Рис. 5. Участок гати на болоте у нежилого села Коросозеро, фото А. М. Шелехова. НИЭ «Осударева дорога», 1995 г.

Рис. 6. *1* — крест 6–7-й степени Шведской системы масонства; *2* — выбитый на сосне возрастом 320 лет Андреевский крест, район нежилого села Коросозеро, фото Г. Волкова, НИЭ «Осударева дорога», 1995 г.; *3* — нагрудный знак нижних чинов Преображенского полка, 1701 г.

впечатляющий надруб достигал 40 см при глубине теса до 5 см. Зарубка была произведена инструментом, имеющим рабочее лезвие 25–30 см. Отметим, что подобные знаки с Андреевским крестом являлись частью обмундирования нижних чинов Преображенского полка. Кстати, косой крест одновременно являлся масонским символом 6–7-й степени Шведской системы (*Миролюбова, Уханова*, 2013. С. 19). В этом смысле найденный знак можно увязать со стратегическим маршем преображенцев, которые преодолели путь к Балтике под стягом образца 1700 г. с герметическими масонскими символами (рис. 6, *3*).

К наиболее значимым результатам наземного поиска относятся объекты инженерного комплекса, выявленные в 1993 г. и изученные в 1994 г. в районе высоты 63,5 м в среднем течении Нюхчи. Исследователи идентифицировали место со «Щепотевой горой», названной народом в честь «бонбардира» М. И. Щепотева. До похода участники работ записали от жителя с. Нюхча М. Г. Поташева предание: мол, на «Щепотевой горе» царь «взял да снял моментально» с царского любимца «погоны», хотя «кто-то говорит, голову отрубил».

В действительности наказание М. Щепотева является легендой, верный сподвижник монарха был убит в 1706 г. под Выборгом.

Здесь, на суходоле и болоте, мы осуществили топографическую привязку, провели фото- и видеофиксацию и под руководством археолога ИИМК РАН П. Е. Сорокина заложили несколько шурфов. На нижней горизонтали высоты было зафиксировано полотно дороги шириной 6 м с инженерной подрезкой, образующей земляной уступ-террасу. Верхний край уступа высотой до 1 м строители укрепили панцирем из валунов, предотвращающим оползание стенки. Отсутствие культурного слоя свидетельствовало о разовом использовании участка. При этом на болоте к северо-востоку от «Щепотевой горы» удалось проследить сложную деревянную конструкцию гати (*Сорокин,* 2016). Секции размером 8,55 × 0,70 м находились на глубине 16–18 см, что соответствует накоплению сфагнума за 300 лет (*Елина,* 1981). Блок включал три продольных тесаных бревна диаметром около 16–22 см, которые были уложены на поперечные плахи с шагом до 2,5 м. В местах стыка бревна укреплялись специальными крепежными «клиновыми замками» (рис. 7). Обнаруженный тип продольной конструкции отличается от Вардегорского и Коросозерского участков. Однако напоминает деревянный помост 1714 г., возведенный Ф. М. Апраксиным в узкой части Гангутского полуострова, секции которого состояли из малоокоренных четырех сцепленных стволов, имели длину 6,8 м при диаметре бревен в пядь (18 см) «или малым больше и меньше» (*Кротов,* 1996. С. 30, 72).

К загадкам «Щепотевой горы» — наиболее колоритного памятника — следует отнести рукотворный каменный ряж, названный участниками работ «придорожным туром». В его центре находится крупный необтесанный валун размерами 0,70 × 0,50 × 1,15 м. Сооружение обложено пятью плоскими камнями, четыре из которых ориентированы в системе «розы ветров», а пятый маркирует направление движения. Похоже, каменный знак предназначался для путевой навигации (рис. 8, 1). Попытка выявить на поверхности монограмму или литеру не имела успеха. Однако существует текст легенды, записанной в 1960-х гг., с упоминанием некоего «Щепотева колодца» (*Гринин,* 1964. С. 119). К тому же в «Сказке» от 6 сентября 1702 г., составленной келарем Крестного Онежского монастыря Памвой, сообщалось, что, расчищая «новопостроенную» дорогу, поморы непременно какие-то «признаки ставили» (РГАДА. Ф. 1195. Оп. 4. Д. 2. Л. 38об.).

В 2003 г. к северу от урочища Петровский Ям был зафиксирован еще один «тур», аналогичный каменному столбу на «Щепотевой горе» (рис. 8, 2). Предназначение обнаруженных придорожных конструкций малопонятно. Возможно, валунные ряжи являются прообразом верстовых каменных столбов, частично введенных в России в 1764 г. Между тем в ходе натурного поиска на берегах р. Верхний Выг, в районе урочища Петровский Ям исследователи выявили и перенесли на топографические карты участки дороги, относящейся к государеву походу. Прежде всего, это просека, известная по письменным и картографическим материалам XIX в. В 3 км от урочища, в направлении сейчас нежилого с. Телекино, в низинной зоне под слоем мха толщиной 15 см вновь были обнаружены участки легендарной «мостовой настилки» (*Данков*, 2023).

На моренах правого берега р. Верхний Выг, в направлении затопленной д. Вожмосалми, исследователи натолкнулись на нивелированные участки полотна дороги шириной 5–6 м и откатанные массивные валуны, уложенные непрерывной стенкой (рис. 9). Камни «сплошного панциря» достигали размеров 1,5 × 0,2 × 1,5 м. При их инструментальной расчистке были обнаружены пять фрагментов фаянсовой посуды с кракелюрами, которые, безусловно, требуют атрибуции. Здесь же исследователи зафиксировали «канавы» и каменные кучи до 1 м в диаметре, которые были заметны в начале XX в. (*Пришвин,* 1982. С. 151).

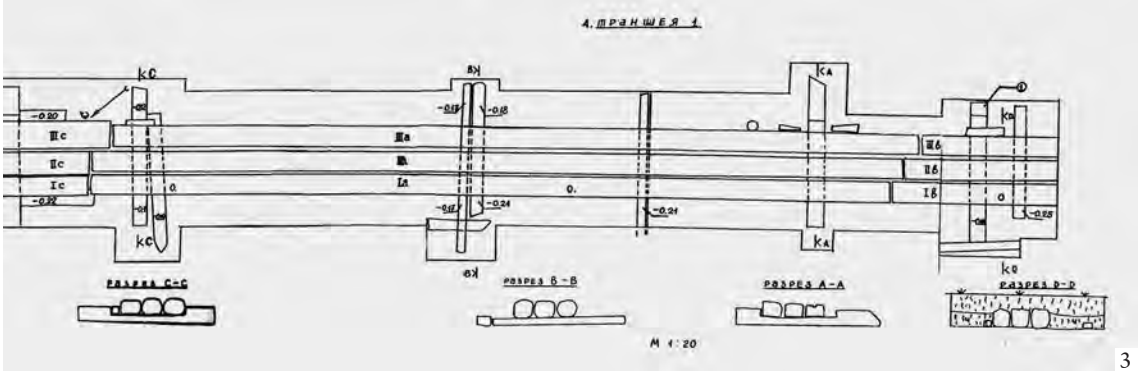
В ходе многолетней полевой работы по проекту «Осударева дорога» осуществлялся выборочный отбор исторической древесины и подъем фрагментов древесного угля для лабораторной датировки образцов. Научная экспертиза была проведена в 1995 г. в радиоуглеродной лаборатории ИИМК РАН научным сотрудником С. Г. Поповым. Используя

1

2

3

Рис. 7. Гать у Щепотевой горы: *1* — участок на болоте, фото М. Ю. Данкова; *2* — клин замка гати, фото М. Ю. Данкова; *3* — Сорокин П. Е., чертеж фрагмента продольной гати в среднем течении р. Нюхчи. НИЭ «Осударева дорога», 1994 г.

Рис. 8. «Придорожные туры»: *1* — на Щепотевой горе, 1993 г.; *2* — в районе нежилого села Петровский Ям, 2003 г., фото М. Ю. Данкова. НИЭ «Осударева дорога»

Рис. 9. Расчистка бордюра трассы. Петровский Ям, фото В. Голубева. НИЭ «Осударева дорога», 2003 г.

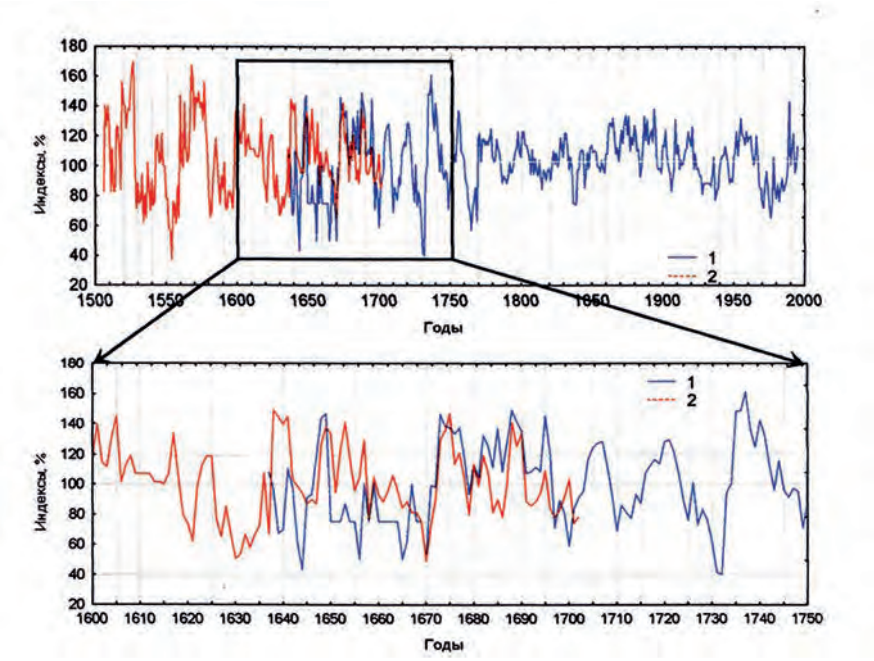

Рис. 10. Совмещение индексов стационарной (*1*) и «плавающей» (*2*) дендрохронологических шкал с образцов из бревен «Осударевой дороги». Автор С. П. Гриппа. 2003 г.

ряды Гронингенской калибровочной программы, исследования погребенной древесины, изъятой у высоты 63,5 м, позволили с наибольшей вероятностью отнести образец ЛЕ-4973 к календарному интервалу 1642–1710 гг., что соответствует рассматриваемому историческому событию (*Попов*, 1995. Л. 1–3).

Одновременно в историко-ландшафтных локациях отбирались образцы старовозрастных деревьев и ископаемой древесины. С этой целью в Петрозаводске в Лаборатории геоэкологии и геоинформатики Карельского государственного педагогического института в 1990 г. совместно с петербургским археологом А. А. Никоновой из «СпецПРОЕКТреставрации» был разработан оригинальной способ датировки погребенной древесины. Древесные диски и керны, высверленные «буравчиком Пресслера», позволили создать две дендрохронологические шкалы — «стационарную», по живым деревьям с максимальным возрастом 324 г., и «плавающую», по ископаемой древесине (рис. 10). Шкала с дендрохронологическими рядами с 1637 до 1999 г. подразумевала пересчет абсолютных значений радиального прироста древесины в цифровые индексы. На заключительном этапе математические значения двух шкал совмещались. Три образца бревен предполагаемой петровской дороги принадлежат деревьям, которые со значительной долей вероятности могли быть срублены в 1702 г. Коллекция образцов, полученных в 1995, 1996, 1999 и 2003 гг., составила 130 экземпляров, из них 105 были обработаны и включены в сводный каталог (*Гриппа*, 2003). Часть коллекции дендроспилов из районов «Осударевой дороги» руководитель этих работ канд. географ. наук С. П. Гриппа в 2022 г. передал в фонды Национального музея Республики Карелия.

Завершая исследование о государевом «мостовом» маршруте от берега Белого моря, согласимся, что совмещение разрозненных исторических сведений, включая архивные документы, данные топонимики и фольклора с археологическими и биолого-инструментальными работами создало уникальный прецедент. Научно-исследовательский проект «Осударева дорога» позволил комплексно решить задачи по дешифровке исторического события и определить локацию легендарной трассы 1702 г. Анализ позволил

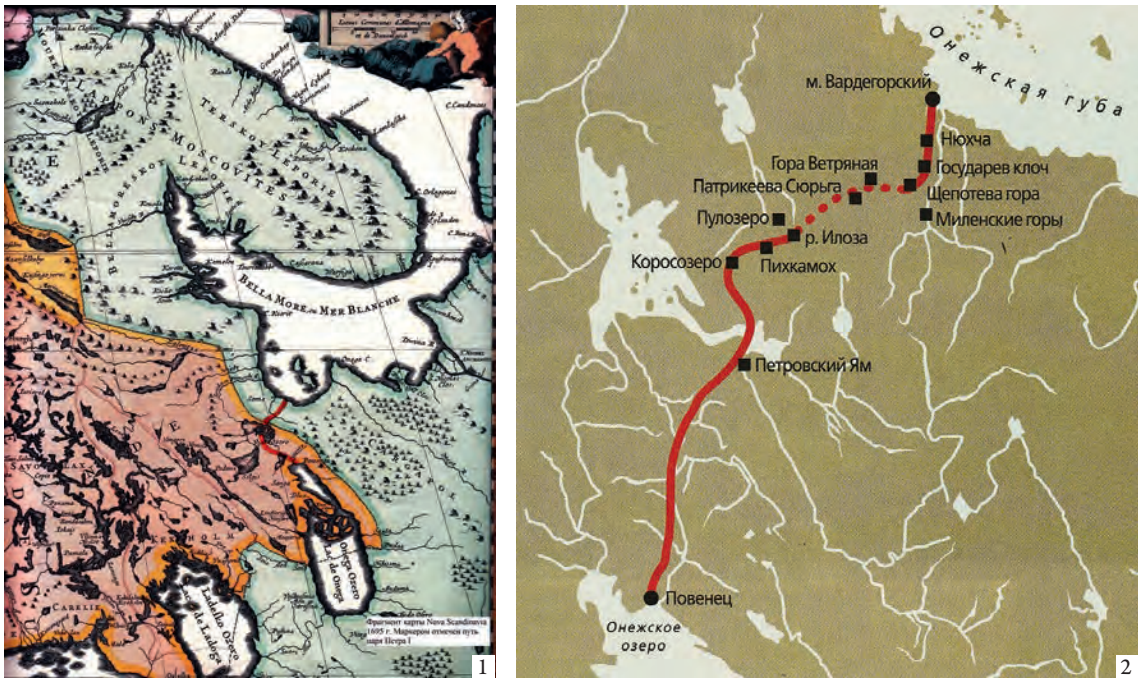

Рис. 11. *1* — фрагмент карты Nova Scandinavia 1695 г., маркером отмечен путь 1702 г. войсковой группы царя Петра I от Белого моря к Балтике;
2 — Серков Д. Карта-схема маршрута «Осударевой дороги», 2004 г.

реконструировать малоизученный и недостаточно известный, но значимый по геополитическим последствиям факт взлома «Свейского рубежа» и выхода в начале XVIII в. Российского государства к Балтике (рис. 11).

Азанчеевский, 1859 — *Азанчевский М. П.* История Преображенского полка. М.: Тип. Каткова и К°, 1859. [6], XXII, 232, 142 с., 1 л. карт.

Беседы о Севере…, 1867 — Беседы о Севере России в 3 отделении Императорского Вольного экономического общества. СПб.: Тип. Товарищества «Общественная польза», 1867. 459 с.

Брикнер, 1882 — *Брикнер А. Г.* История Петра Великого. Издание А. С. Суворина в шести частях. Т. 2, ч. IV–VI. СПб.: Изд-во А. С. Суворина, 1882. 378 с. (пагинация общая с Т. 1, с. 375–652).

Гизен, 1787 — *барон Гизен.* Журнал Государя Петра I с 1695 по 1709. Сочиненный бароном Гизеном. Половина первая // Собрание разных записок и сочинений, служащих к доставлению полного сведения о жизни и деяниях государя императора Петра Великаго. Изданное трудами и иждивением Федора Туманского. Т. 2, ч. 3. СПб.: Печатано с дозволения Указнаго, у Шнора. 1787. 493 с.

Гринин, 1964 — *Гринин Н. А.* Дневник экспедиции в Карельское поморье. 1964 г. 156 с. // Национальный музей Республики Карелия. Научный архив. Инв. № 1441, 91 М/Г 85.

Гриппа, 2003 — *Гриппа С. П.* Результаты дендрохронологических исследований района трассы «Осударева дорога». 20 л. // Рукописный архив науч.-иссл. проекта «Осударева дорога».

Данков, 1993 — *Данков М. Ю.* Дневник комплексной научно-спортивной экспедиции «Осударева дорога» (в форме аналитического отчета). 1993. 43 л. // Национальный музей Республики Карелия. Научный архив. Инв. № 5548.

Данков, 2008 — *Данков М. Ю.* Таинственный архив мегапроекта XVIII века (малоизвестные письма строителей «Осударевой дороги» 1702 года) // Петровское время в лицах — 2008: Материалы науч. конф. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2008 (Труды Гос. Эрмитажа; Т. XLIII). С. 83–87.

Данков, 2023 — *Данков М. Ю.* Экспедиция в Петровский Ям и музейная экспозиция «Два лика „Осударевой дороги“» // Петр I и Воронеж: Материалы Междунар. науч.-практ. конф., посв. 350-летию со дня рождения Петра I (Воронеж, 23 сентября 2022 г.). Воронеж: Алекс Принт, 2023 (Труды Воронежского областного краеведческого музея). С. 80–86.

Данков, Проц, 2021 — *Данков М. Ю., Проц Д. А.* Поход лейб-гвардии от Белого моря в «Ынгрию» 1702 г., петропавловские храмы «нового строя» на границе со Швецией и герметическая символика // Война и оружие. Новые исследования и материалы: Труды X Междунар. науч.-практ. конф. (15–17 мая 2021 г.). В 3 ч. / Науч. ред. С. В. Ефимов. Ч. I. СПб.: Изд-во ВИМАИВиВС, 2021. С. 428–448.

Досифей, 1847 — *Досифей.* Летописец Соловецкий на четыре столетия, от основания Соловецкого монастыря до настоящего времени, то есть с 1429 по 1847 год. 4-е изд. М.: Тип. скоропечатня В. Кирилова, 1847. 187 с.

Елагин, 1866 — *Елагин С. И.* Утверждение России на балтийском прибрежье // Морской сборник. СПб.: Тип. Морского министерства, 1866. № 1, неофиц. часть. С. 116–127.

Елина, 1981 — *Елина Г. А.* Принципы и методы реконструкции и картирования растительности голоцена. Л.: Наука, 1981. 159 с.

Журнал или…, 1770 — Журнал, или Поденная записка, блаженныя и вечнодостойныя памяти Государя Императора Петра Великого с 1698 года, даже до заключения Нейштатскаго мира. Напечатан с обретающихся в Кабинетной архиве списков, правленных собственною рукою Его Императорскаго Величества. Издано М. М. Щербатовым. В 2 ч. Ч. 1. СПб.: При Имп. Академии наук, 1770. 430 с.

Игнатий, 1841 — Воспоминание о Высочайших пришествиях Великого Государя Петра Первого, коими осчастливлен край, составляющий ныне Олонецкую губернию. Петрозаводск: Губ. тип., 1841. 52 с.

Иностранные специалисты…, 2019 — Иностранные специалисты в России в эпоху Петра Великого. Биографический словарь выходцев из Франции, Валлонии, франкоязычных Швейцарии и Савойи, 1682–1727 / Ред. В. С. Ржеуцкий, Д. Ю. Гузевич, при участии А. Мезен. М.: Ломоносовъ, 2019. 798 с.

Иностранцев, 1877 — *Иностранцев А. А.* Геологический очерк Повенецкого уезда Олонецкой губернии и его рудных месторождений. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1877. 779 с.

Каменцева, Устюгов, 1975 — *Каменцева Е. И., Устюгов Н. В.* Русская метрология. М.: Высшая школа, 1975. 328 с.

Кротов, 1996 — *Кротов П. А.* Гангутская баталия 1714 года. СПб.: Лики России, 1996. 247 с.

Кротов, 2007 — *Кротов П. А.* Новые материалы об Осударевой дороге 1702 г. (пролог основания Санкт-Петербурга) // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы VIII ежегодной Междунар. науч. конф. / Отв. ред. В. Н. Барышников. СПб.: Изд-во Русской Христианской гуманитарной академии, 2007. С. 288–303.

Кротов, 2011 — *Кротов П. А.* Осударева дорога 1702 года. Пролог основания Санкт-Петербурга. СПб.: Историческая иллюстрация, 2011. 309 с.

Максимов, 1859 — *Максимов С. В.* Год на Севере. Белое море и его прибрежья. Т. 1: Белое море. СПб.: Издание книгопродавца Д. Е. Кожанчикова, 1859. 638, [IV] с.

Максимов, 1987 — *Максимов С. В.* Куль хлеба. Л.: Лениздат, 1987. 654 с.

Масловский, 1891 — *Масловский Д. Ф.* Записки по истории Военного искусства в России. Вып. 1: 1683–1762 гг. СПб.: Тип. В. Безобразова и комп., 1891. 462 с.

Мегорский, 1902 — *Мегорский В. П.* Осударева дорога // Олонецкие губернские ведомости от 7 декабря. Петрозаводск: Губ. тип., 1902. № 142. С. 3.

Миролюбова, Уханова, 2013 — *Миролюбова Г. А., Уханова И. Н.* Премудрость Астреи. Памятники масонства XVIII — первой трети XIX века в собрании Эрмитажа. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2013. 35 с.

Новиков, 1783 — *Новиков Н. И.* О высочайших пришествиях великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича, всея Великия и Малыя и Белыя России самодержца, из царствующего града Москвы на Двину к Архангельскому городу, троекратно бывших… Иждивением Н. Новикова и компании. М.: Унив. тип.; у Н. Новикова, 1783. 111 с.

Овсянников, 1992 — *Овсянников О. В.* Средневековые города Архангельского Севера. Люди, события, даты. Архангельск: Северо-Западное книжное изд-во, 1992. 349 с.

Памятная книжка…, 1858 — Памятная книжка Олонецкой губернии на 1858 год. Год третий. Издание Редакции Олонецких губернских ведомосте. СПб., 1858. 258 с.

Панич, 1989 — *Панич Т. В.* «Описание трех путей из России в Швецию» Афанасия Холмогорского (к истории текста памятника) // Публицистика и исторические сочинения периода феодализма: Сб. науч. трудов / Отв. ред. Е. К. Ромодановская. Новосибирск: Наука, 1989. С. 96–110.

ПиБ, 1889 — Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. II: 1702–1703. СПб.: Гос. тип., 1889. XX, 594, 34 с.

Плейер, 1863 — Донесения Плейера цесарю // *Устрялов Н. Г.* История царствования Петра Великого. Т. IV, ч. II. СПб.: Тип. II отд. Собств. Е. И. В. канцелярии, 1863. С. 539–661 (на нем. яз.).

Подвысоцкий, 1885 — *Подвысоцкий А. О.* Словарь областного Архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб.: II Отд. Имп. Акад. наук, 1885. 198 с.

Попов, 1995 — *Попов С. Г.* Заключение о датировании образца по программе исследования «Осударевой дороги». 1995. 4 л. // Рукописный архив науч.-иссл. проекта «Осударева дорога».

Походный журнал*,* 1853 — Юрнал 1702 года // Походные и путевые журналы императора Петра I (1695 <…> 1708 годов). Изданные по современному списку / Под ред. и с примеч. А. Ф. Бычкова. СПб.: II Отд. Собств. Е. И. В. канцелярии, 1853. Б. н. с.

Пришвин, 1982 — *Пришвин М. М.* Выговская пустынь // Собрание сочинений. В 8 т. М.: Художественная литература, 1982. Т. I. С. 143–169.

ПСЗРИ, 1830 — Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. 1700–1712. Т. VII. СПб.: Тип. II Отд. Собств. Е. И. В. канцелярии, 1830. 933 с.

Пуссе, 1991 — *Пуссе М. В.* Следы «Осударевой дороги». Северодвинск: б. и., 1991. 117 с.

Сорокин, 2016 — *Сорокин П. Е.* Отчет о проведении археологических исследований в районе мыса Вардыгора на Белом море в 1999 году // Вестник Национального музея Республики Карелия. Вып. 7. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2016. С. 261–267.

Тихомиров, Епифанов, 1961 — *Тихомиров М. Н., Епифанов П. П.* Соборное уложение 1649 года. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1961. 444 с.

Шафиров, 1717 — *Шафиров П. П.* Разсуждение какие законные причины его царское величество Петр Первыи царь и повелитель всероссиискии и протчая, и протчая, и протчая: к начатию воины против короля Карола 12, шведского 1700 году имел… СПб., 1717. [2], 10, [2], 128 с.

Шелехов, 1995 — *Шелехов А. М.* Краткий отчет по результатам исследований района трассы «Осударева дорога». 1995. 3 л. // Рукописный архив науч.-иссл. проекта «Осударева дорога».

Location of Tsar Peter's 1702 route from the White Sea to Ingria and modern route studies

M. Yu. Dankov, D. A. Prots

Keywords: the route of Tsar Peter in August 1702 from the White Sea to Povents, landscape studies. location of the raid

The study is devoted to the elucidation of the mysterious circumstances of the route of Peter the Great's army group from the White Sea coast to the Baltic in the fall of 1702. For this purpose in 1993 in Petrozavodsk, with the support of the Culture Foundation of the Republic of Karelia and the Russian Geographical Society, a scientific research project "Osudareva Road" was created. Radiocarbon methodology and original dendrochronological indication were used to date the discovered samples of "buried wood". As a result, a view was formed on the location of the land route, a distance of 174 v., overcome by 5 battalions of the Life Guards of the Preobrazhensky and Semyonovsky regiments.

Список сокращений

АВ — Археологические вести

АИППЗ — Археология и история Пскова и Псковской земли

АН — Академия наук

БС — Балтийская система высот

ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры

ГИМ — Государственный Исторический музей

ГУ — государственный университет

ИА — Институт археологии

ИИМК — Институт истории материальной культуры

КПДК — культура псковских длинных курганов

КСИА — Краткие сообщения Института археологии

КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры

ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии

МАР — Материалы по археологии России

МИА — Материалы и исследования по археологии СССР

НА — научный архив

НАН — Национальная академия наук

НМЗ — Новгородский музей-заповедник

ННЗИА — Новгород и Новгородская земля. История и археология

НОА — Научно-отраслевой архив

НОЭ — Новгородская областная экспедиция

РА — Российская археология

РГАДА — Российский государственный архив древних актов

РЖВ — ранний железный век

РО — рукописный отдел

СА — Советская археология

САИ — Свод археологических источников

ТАС — Тверской археологический сборник

ФО — фотографический отдел

ЦНА — Центральный научный архив

Содержание

В. А. Лапшин. Е. Н. Носов — археолог и историк 5

К. А. Михайлов. Вклад Е. Н. Носова в европейскую традицию изучения эпохи викингов 11

М. В. Медведева, О. В. Григорьева. Документальное наследие Евгения Николаевича Носова в научном архиве ИИМК РАН 23

Н. В. Хвощинская. Мысовая часть Рюрикова городища в древнерусский период (к итогам исследований на северном берегу Сиверсова канала) 36

С. С. Зозуля, В. Н. Кузнецова. Находки предметов вооружения раннесредневекового времени на Рюриковом городище в 2023–2024 гг. 61

М. А. Раззак. Древности эпохи бронзы и раннего железного века в материалах Новгородской областной археологической экспедиции Е. Н. Носова 70

А. Е. Носов, В. Ю. Соболев. Инвентаризация археологических памятников в Боровичском районе Новгородской области 80

А. А. Кудрявцев, Е. М. Ушанков. Селище Ситка I под Новгородом: характеристика комплексов X в. 87

Е. А. Тянина, В. К. Сингх. Деревянные фигуры в виде руки с предметами из раскопок в Великом Новгороде 97

Е. А. Рыбина. Город Луки в новгородских берестяных грамотах 113

Е. Ю. Кононович, М. И. Бажин. Курганно-жальничные могильники Ижорского плато. Переход от курганов к жальникам на территории Северо-Запада Новгородской земли на примере могильника Именицы 120

И. В. Исланова. Эволюция культурных традиций в восточной области культуры псковских длинных курганов по керамическим материалам из погребальных объектов 134

Е. Р. Михайлова. «Пустые» насыпи культуры псковских длинных курганов: потенциал источника 140

А. Л. Смирнов, М. В. Добровольская, Е. О. Челогаева, М. В. Бобровский. Культурно-исторические процессы в истоках Волги и Западной Двины в I — начале II тыс. н. э. 148

Т. С. Бубенько. Витебское Подвинье в III–VIII вв. н. э. 162

М. В. Климов. Черствады. К вопросу о возможности локализации одного из княжеских дворов в округе Полоцка 174

К. А. Михайлов, А. Ю. Кононович, А. А. Морозов. Реконструкция застройки малого древнерусского города (по материалам Большого Шепетовского городища) 188

О. П. Доброва, А. С. Леонтьева. Аланский компонент в древнерусской культуре (об одном типе рубленого бисера) 196

Н. В. Жилина. Петельные головные подвески Севера. Происхождение формы и историко-культурный контекст 200

М. Ю. Данков, Д. А. Проц. Локация пути 1702 г. царя Петра от Белого моря в Ингрию и современные маршрутные исследования 208

Список сокращений 223

Научное издание

Северная Русь от древности к средневековью

Материалы Международной научной конференции
(29–31 октября 2024 г., Санкт-Петербург)

Редактор Т. С. Дорофеева
Корректор О. К. Чеботарева
Верстка Е. В. Новгородских

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт истории материальной культуры РАН; Дворцовая наб., 18, литер А,
Санкт-Петербург, 191181, Россия

Согласно Федеральному закону от 29.12.2010 № 436-ФЗ
«О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»,
книга предназначена «для детей старше 16 лет»

Подписано в печать 20.11.2025. Формат 60×84/8.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 26,04. Тираж 100 экз. Заказ 901.

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами

Отпечатано в типографии «Поликона» (ИП А. М. Коновалов)
190020, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, д. 134

ISBN 978-5-6052468-4-8

ISBN 978-5-6052468-4-8

